

Центр экономической
истории ИРИ РАН

Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Министерство культуры
Тамбовской области
ТОГБУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ РОССИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВЕКА

СБОРНИК СТАТЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ТАМБОВ
2024

Центр экономической истории ИРИ РАН
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»
Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение
«Государственный архив социально-политической
истории Тамбовской области»

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ РОССИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–XX века

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
памяти профессоров ТГТУ
С. А. Есикова и А. А. Слезина

Тамбов
Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»
2024

УДК 94(47) |18-19|
ББК ТЗ(2)74я43
О-28

Редакционная коллегия:

Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН;
Безгин Владимир Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и философия»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
Дорошина Марина Михайловна – кандидат исторических наук, Почётный архивист, директор ТОГБУ «Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области»;
Самохин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан Естественнонаучного и гуманитарного факультета;
Двухжилова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «История и философия»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

О-28 **Общество** и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века : сборник материалов Всерос. науч. конф. памяти профессоров ТГТУ С. А. Есикова и А. А. Слезина (15 мая 2024 г.) / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. Б. Безгина, канд. ист. наук, доц. И. В. Двухжиловой, канд. ист. наук, доц. К. В. Самохина. – Тамбов : Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2024. – 324 с. – 100 экз.

ISBN 978-5-8265-2782-5

Рассматривается широкий круг вопросов ювенальной и аграрной истории, сословного и местного самоуправления, государственной политики. Вниманию читателя представлены статьи учёных, соискателей и аспирантов из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Воронежа, Рязани, Ессентуков, Тамбова.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся историей.

УДК 94(47) |18-19|
ББК ТЗ(2)74я43

Материалы предоставлены в электронном виде и сохраняют авторскую редакцию

ISBN 978-5-8265-2782-5 © Авторы статей, 2024

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет» (ФГБОУ ВО «ТГТУ»), 2024

УДК 94 (47) |19|

В. Б. Безгин, д-р истор. наук, профессор
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКОГО СЕЛА В АГРАРНОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА*

Аннотация. Актуальность работы обусловлена ее междисциплинарным характером и значимостью полученных результатов. Изучена роль сельской молодежи в аграрных «беспорядках» 1905-1907 гг., «черном переделе» 1917 г., повстанческом движении периода гражданской войны.

Ключевые слова: поколение «революционного перелома», аграрные выступления, революционное движение, крестьянские дети и подростки, сельская молодежь, повстанчество.

V. B. Bezgin, Dr. History sciences, professor
Tambov State Technical University
(Tambov)

YOUTH OF THE RUSSIAN VILLAGE IN THE AGRARIAN MOVEMENT OF THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

Abstract: The relevance of the work is due to its interdisciplinary nature and the significance of the results obtained. The role of rural youth in the agrarian “unrest” of 1905-1907, the “black redistribution” of 1917, and the insurgent movement of the civil war period was studied.

Keywords: generation of “revolutionary turning point”, agrarian uprisings, revolutionary movement, peasant children and teenagers, rural youth, insurgency.

Изучение феномена поколения «революционного перелома» в контексте аграрной истории России является актуальной научной проблемой.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Тема, реализуемого проекта РНФ, выступает органическим продолжением и развитием творческого наследия крестьяноведческих работ С. А. Есикова и ювенальных исследований А. А. Слезина. Выяснение роли молодежного фактора в аграрном движении осуществлено на основе концепции Данилова-Шанина и поколенческого подхода, предложенного Ю. Левадой. Полученные в ходе работы результаты, свидетельствуют об эвристическом потенциале и исследовательской значимости данной проблемы. Исследование выполнено на основе архивных документов и материалах периодической печати. Цель работы заключается в изучении роли представителей поколения «революционного перелома» в важнейших событиях аграрного движения первой четверти XX в. С учетом возрастных особенностей изучаемой когорты и динамики аграрного движения такими «вехами» стали: беспорядки 1905–1907 гг., погромы барских усадеб в 1917 г. и крестьянское восстания 1920–1921 гг. Новизна исследования состоит в оригинальности предложенного подхода и введении в научный оборот ранее неиспользованных источников. В основе работы результаты и выводы, полученные в ходе реализации проекта РНФ, руководителем которого был профессор А. А. Слезин [12].

Первый этап, в котором изучаемое поколение проявило свое участие, стали аграрные «беспорядки» 1905–1907 гг. Участию в них детей влекло любопытство, а парни постарше действовали вполне осознанно [2, с. 74]. Как правило, решение о проведении погрома принимал сход, что придавало ему видимую «легитимность» и обеспечивало поголовное участие в нем в силу мирского приговора. Поводом к началу «беспорядков» могли служить провокационные слухи, либо призывы местных смутьянов или заезжих агитаторов. Крестьянский протест приобрел открытый характер. Помимо жителей села к погромам примкнули: учащиеся молодежь, деревенские парни, работавшие в городах по найму, а в ряде случаев и лица с криминальным прошлым. Этим объяснимо применение погромщиками, в том числе и подростками, вооруженного насилия. Другой приметой погромного движения стало пьянство его участников. Употребление алкоголя усиливало степень агрессии, и состояние опьянения воспринималось молодежью как необходимое условие смелости в действиях [2, с. 70–71].

На основе архивных материалов, состоящих из полицейских рапортов, следственных материалов и судебных приговоров выявлены факты присутствия детей и участие подростков в различных формах сельского протеста. Вовлеченность детей и подростков в аграрное движение проистекала из требований поголовного участия односельчан в действиях общины и

принятого в крестьянской среде отношения к «чужой» собственности [14, с. 75].

В годы революции 1905–1907 гг. представителям изучаемой когорты было не больше 15–17 лет и некоторые из них уже «вырвались» за пределы сельской околицы. Именно в городе деревенские парни знакомились с революционными идеями. Здесь они становились адептами различных леворадикальных организаций [7, с. 324–326]. Приобщение деревенской молодежи к радикальным идеям сопровождалось разрушением традиционных ценностей и формированию нового менталитета, кристаллизовавшегося в жизненном опыте когорты. Как активные участники революции 1905–1907 гг., молодые крестьяне занимались агитацией и распространением нелегальной литературы, что приводило к возникновению конфликта поколений в селе, придавая поведению деревенских подростков оригинальные черты поведения. Сельские парни, «инициированные» революцией, становились свободными от традиционных установок крестьянского социума [9, с. 735].

Мемуары участников событий [6], свидетельства политкаторжан крестьянского происхождения [8] позволили установить их мотивацию и дать характеристику содержанию революционных практик этой социально-демографической группы. Ее участникам был присущ низкий уровень образования, они часто переходили из одной революционной партии в другую [6, с. 413]. Под влияние революционной агитации они попадали в городе, во время учебы или работы [7, с. 319]. Этому способствовали тяжелые условия жизни подростков, а также общение с учителями-народниками и также романтика образа революционера [9, с. 734–735]. Однако для большинства сельских парней участие в революции было демонстрацией неудовлетворенности своим положением, протестом против несправедливости существующей власти [7, с. 326]. Новые идеи постепенно проникали в сознание деревенской молодежи, формируя у нее иные ментальные установки [11, с. 685].

Посредством нарративных источников был реконструирован социальный портрет солдат-фронтовиков исследуемой возрастной когорты. Изучение их жизненных траекторий дает основание утверждать, что полученный ими социальный опыт участия в мировой войне был мало применим в их дальнейшей жизни. Профессиональная подготовка фронтовиков (автомобильные войска, фельдшера и т.п.) не стала для большинства из них социальным лифтом. Значительная часть солдат, уроженцев села, после окончания империалистической войны вернулась к традиционному труду, хозяйствованию на земле. В гражданскую войну они оказались втянутыми в результате мобилизации 1919 г., а после ее окончания получили преференции как

красноармейцы. Для успеха в советской карьере требовалось не только членство в партии большевиков (коммунистов), но и обязательная служба в карательных или репрессивных органах коммунистической власти [12].

Следующим этапом участия поколения «революционного перелома» в аграрном движении стала «общинная» революция 1917 г. В борьбе с помещиком крестьяне использовали опыт «беспорядков» 1905–1907 гг. Наряду с «черным переделом» земли они активно прибегали к погрому барских усадеб. Участие в погромном движении солдат местных гарнизонов, дезертиров, скрывающихся в селах, воинов, находившихся в отпусках, сопровождалось насилием и применением оружия. Активную роль в борьбе с ненавистным помещиком играли и местные парни, мобилизованные в армию, но еще не отправленные на фронт. В ходе исследования раскрыто значение алкоголя в разорении и поджогах дворянских «гнезд». Его употребляли для храбрости перед разгромом барского имения, он выступал в качестве законного трофея в ходе разорения помещичьей усадьбы или винокуренного завода, и становился обязательным магарычом, который необходимо было коллективно «спить» после успешного окончания коллективного действия [4, с. 142].

Революция и последующая гражданская война стали еще одной вехой в оценке роли изучаемого поколения села на ход крестьянской революции 1902-1921 гг. Служебная карьера коммунистов, представителей данного поколения, изучена на основе их анкет, личных дел и учетных карточек. В ходе просопографического исследования выявлены происхождение, социальный статус, уровень образования, занимаемые должности и этапы карьеры представителей этой когорты. Определены факторы социальной мобильности и формы «революционной» карьеры молодых партийцев, выходцев из крестьянской среды. Раскрыты способы адаптации к условиям общественных потрясений и механизм действия «социального лифта» во время системного кризиса [1].

Изучение содержания прокламаций периода восстания 1920–1921 гг. позволило не только выяснить суть идейные установки противников, но и установить их авторов. Они также были из поколения «революционного перелома». Только цель вооруженной борьбы и желанную свободу они понимали по-своему. Сопоставление текстов коммунистических «агиток» и воззваний повстанцев дает возможность лучше понять как природу идейного противостояния, так и реакцию мирного населения на действиях акторов событий гражданской войны [3, с. 155-156].

Помимо изученного ранее социального облика тамбовских повстанцев дана социально-демографическая характеристика участников подавления крестьянского протеста. Об участии местных милиционеров в боевых действиях свидетельствуют данные о потерях в их рядах. Выявлены факты сокрытия «бандитов» и пособничества партизанам сотрудниками милиции. Большинство тамбовских милиционеров были рождены в 1890-е гг., следовательно, могут быть отнесены к поколению «революционного перелома». Социальный портрет противников в Тамбовском восстании был схож. Молодые мужчины 20–30 лет, по социальному происхождению крестьяне, как правило, грамотные, имевшие семьи, участники первой мировой войны. На этом сходство заканчивается, события 1917 г. и гражданская война развели их по «разные стороны баррикад», а социальные «лифты» предопределили им различные судьбы в жизненной драме [5, с. 498].

В качестве последствий аграрного движения проанализировано состояние физических кондиций интересующей нас возрастной когорты. На основе медицинской статистики выявлены факторы, влиявшие на состояние здоровья крестьян. Источники дают основание утверждать, что оно (т.е. здоровье) у большинства крестьян данного поколения в начале 1920-х гг. было неудовлетворительным. Также были установлены причины и последствия голода в Тамбовской губернии в 1924-1925 гг. Реконструированы жизненные практики, которые применял крестьянский социум с целью физического выживания в условиях голода. Дана характеристика взаимоотношений между односельчанами во время дефицита, а порой и отсутствия продовольствия. Изучен механизм и дана оценка действенности оказания помощи голодающим со стороны государства. Сделан вывод о росте оппозиционных настроений в среде крестьянской молодежи [10].

Дальнейшие исследовательские планы научного коллектива включают в себя: изучение вариантов развития демографических стратегий на примере одного крестьянского поколения; установление общего и особенного в формах крестьянского протеста первой трети XX века; воссоздание тренда от «моральной экономики» хлебоборода к «отчуждению от земли» советского колхозника.

Список литературы и источников

1. Безгин В. Б. Биография коммунистов «поколения революционного перелома» (на материалах фондов архивов Тамбовской области) // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 835–848.

2. Безгин В. Б. Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905-1907 гг. // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 3. С. 63–77.

3. Безгин В. Б. Прокламации Тамбовского восстания: тексты и люди // История: факты и символы. 2023. № 3(36). С. 148–158.
4. Безгин В. Б. Пьяные погромы в российской провинции 1917 года // Государственная власть и крестьянство в XIX – в первой четверти XXI века: сборник статей. Москва: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2024. С. 135–142.
5. Безгин В. Б., Парахин С. А. Участие тамбовской губернской милиции в борьбе с крестьянским повстанчеством. 1918–1922 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 491–500.
6. Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 402–417.
7. Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Между деревней и городом: радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 312–329.
8. Вязинкин А. Ю., Якимов, К. А. Российская деревня 1905–1907 гг. в исторической памяти поколения «революционного перелома». На материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 193–204.
9. Ипполитов В. А. Революция 1905–1907 гг. в воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 726–738.
10. Ипполитов В. А. Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии) // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 2. С. 46–63.
10. Сафонов Д. А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 673–688.
11. Сафонов Д. А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. № 1(38). С. 117–134.
12. Слезин А. А. Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века. Отчет о НИР № 22-18-00132. Российский научный фонд. 2022.
13. Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Russian villagers in revolutionary fire, 1902-1907: generation's factor // Bylye Gody. 2024: 19(1). Pp. 374–382.

В. Е. Бредихин, канд. истор. наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов);
К. А. Якимов, канд. истор. наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. СЛЕЗИНА (1964–2023):
ОЧЕРК ЮВЕНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

Аннотация: Представлена историографическая оценка научной деятельности профессора А. А. Слезина. Ее вклад в отечественную историческую науку заключается в глубокой и системной разработке ученым и коллективом его научной школы вопросов истории молодежного движения в СССР, осуществленной на основе общепризнанных методологических подходов, постановки новых исследовательских задач и впервые вводимой в научный оборот местной и центральной архивной базы.

Ключевые слова: историография, комсомол, молодежь, детское движение, политическая социализация.

V. E. Bredikhin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tambov State Technical University (Tambov);
K. A. Yakimov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tambov State Technical University (Tambov)

**THE SCIENTIFIC LEGACY OF A. A. SLEZIN (1964-2023):
AN ESSAY ON JUVENILE HISTORIOGRAPHY**

Abstract: The historiographical assessment of the scientific activity of professor A. A. Slezin is presented. Her contribution to the national historical science consists in the deep and systematic development by the scientist and the staff of his scientific school of the issues of the history of the youth movement in the USSR, carried out on the basis of generally recognized methodological approaches, setting new research tasks and for the first time being introduced into scientific circulation by the local and central archival base.

Keywords: historiography, Komsomol, youth, children's movement, political socialization.

Имя профессора Анатолия Анатольевича Слезина занимает видное место в современной отечественной ювенальной историографии. Без малого 35 лет А. А. Слезин отдал изучению проблем молодёжного движения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

в России в XX веке. Хронологический диапазон его научного наследия охватывает почти столетие: от скаутских организаций периода Первой мировой войны до различных форм молодёжных объединений эпохи «Перестройки». Предметно круг его исследовательских интересов был не менее широк, включая вопросы комсомольского организационного строительства и формирования массового молодёжного сознания; деятельности «лёгкой кавалерии»; рабселькоровского движения; участия комсомола в политике сплошной коллективизации; скаутского и пионерского движения и т.д. Магистральная исследовательская линия А. А. Слезина была, безусловно, связана с историей ВЛКСМ – преимущественно межвоенных десятилетий – социально-политическим аспектам деятельности которого были посвящены кандидатская и докторская диссертации учёного. К этому предмету изучения, не смотря на определённый сдвиг исследовательских целей в 2010–2020-е гг., А. А. Слезин обращался на протяжении всей своей научной биографии.

А. А. Слезин был одним из тех ювенальных историков, чья научная карьера началась в период «Перестройки» – время смены методологических ориентиров и переосмысления исторического опыта комсомола. Наряду с А. А. Галаганом, В. К. Криворученко, Б. А. Ручкиным, молодой тамбовский учёный приступил к разработке вопросов комсомольской истории с новых – деидеологизированных – позиций, избежав, однако, свойственной отечественной историографии и особенно публицистике 1990-х гг. тотальной критики советского прошлого. Историк был убежден, что «история комсомола не должна быть историей директивных решений и аппаратных инициатив», а оценку результатам комсомольской деятельности невозможно выставить без учета отзывов внекомсомольской социальной среды [34, с. 5]. По собственному признанию А. А. Слезина, ему был близок методологический принцип, сформулированный М. М. Мухамеджановым – «оценивать события и явления с общечеловеческих позиций, выявлять в деятельности комсомола гражданское содержание, интересы молодого поколения страны в целом» [56, с. 5]. В конце своей научной карьеры, в монографии «Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг.» (2017) историк также признал продуктивность при оценке исторического опыта комсомола методологической концепции воспитания жизнеспособных поколений, предложенной И. М. Ильинским – формирования у молодого поколения способности выживать и духовно развиваться в жестких и ухудшающихся условиях социальной и природной среды. Разделял он и подход известного советского философа А. А. Зиновьева, согласно

которому «научная оценка эпохи должна производиться не по совершенным в ней преступлениям, а по тому вкладу, который она внесла в социальный прогресс человечества» [100, с. 5].

В фокусе профессионального внимания А. А. Слезина, как ювенольного историка, на протяжении всей его научной карьеры стояла проблема влияния комсомола на массовое сознание советской молодежи. В 1990-е гг. – период подготовки кандидатской и докторской диссертации – ученый в целях ее решения обратился к изучению различных аспектов внутренней жизни ВЛКСМ, его отношений с правящей партией и альтернативными молодежными организациями в 1920-е гг.; подверг критическому анализу систему комсомольского политического просвещения и ряд направлений массовой работы союза – антирелигиозную пропаганду, кампанию по ликвидации неграмотности, участие в хлебозаготовках и сплошной коллективизации сельского хозяйства. При этом, в отличие от предшественников, А. А. Слезина интересовали не количественная сторона, а стиль массовой работы комсомола и ценностные ориентиры ее организаторов и исполнителей.

В своей кандидатской диссертации (1993), написанной на архивных материалах Центрально-Черноземных губерний, и опубликованной на ее основе монографии «В борьбе за нового человека. Комсомол 1920-х годов как институт политической социализации» (1998) А. А. Слезин представил новый взгляд на роль комсомола в политической системе советского общества периода нэпа, сделал ряд важных выводов. По мнению ученого, практика взаимодействия правящей партии и комсомола, несмотря на декларации о самостоятельном характере коммунистического союза молодежи, фактически превратила последний в партийное «министерство молодежи»; командно-бюрократический стиль внутрисоюзной работы и кастовая обособленность комсомольской номенклатуры развивали в комсомольцах не свободомыслие, инициативу и творчество, а слепое послушание, социальный инфантилизм и исполнительскую дисциплину; система комсомольского политического просвещения формировала не критический, а догматизированный тип мышления; а массовая работа в условиях широкого диапазона решаемых политических задач носила не системный, а кампанейский характер. Всеобъемлющий характер комсомольской деятельности и массовый тип организации, по мнению А. А. Слезина, формировались под влиянием борьбы правящей партии с угрозой образования альтернативных, несанкционированных государством, молодежных объединений. Критикуя фактическую ликвидацию партий в 1920-е гг. организационной

самостоятельности ВЛКСМ, ученый, тем не менее, считал продуктивным с точки зрения общественных и молодежных интересов принцип шефства партии над молодежью, положительно оценивал институт взаимного представительства [42, с. 14–17, 51–54, 81–83, 128–130, 168–180].

Свои взгляды на социализирующую роль комсомола эпохи нэпа ученый развил и дополнил в докторской диссертации (2000) и опубликованных на основе ее материалов двух монографиях (2002) [55, 56, 69]. В данных работах был рассмотрен широкий круг вопросов: взаимоотношения комсомола с правящей партией, государственными и альтернативными молодежными организациями; его участие в борьбе традиционными культурными нормами и политике сплошной коллективизации; система комсомольского политического просвещения; восприятие молодежью новой экономической политики. Автор приступил к углубленной разработке малоизученных проблем политического контроля, деятельности «легкой кавалерии» и атеистической пропаганды. Пристальное внимание к этим вопросам он демонстрировал и в последующие годы.

Рассматривая комсомол в качестве одного из важнейших институтов политической социализации эпохи нэпа и признавая за ним большой созидательный потенциал, А. А. Слезин поставил перед собой задачу выяснить причины нереализованных союзом возможностей [56, с. 6]. К ним исследователь относил огосударствление комсомола, превращение союза исключительно в инструмент партийной политики и партийных интересов, придание организации монопольного статуса в молодежном движении, а ее членам – социальных и политических привилегий. Это, по мнению ученого, укрепляло социальные позиции правящей партии, а значит и самого комсомола, и лишало организацию смысла бороться за авторитет среди молодежи. Другим следствием этатизации комсомола, по определению А. А. Слезина, стало формирование у его членов этатистской, гегемонистской и конфликтной политической культуры подданнического типа, подрывавшей авторитет организации в социальных группах с традиционным культурным укладом, прежде всего, в крестьянской среде. Вместе с тем, ученый не был склонен к абсолютизации негативных последствий огосударствления комсомола, усматривая в широкой политизации молодежных масс источник роста их социальной защищенности и образованности, а в целом – развития советской государственности. Он писал: «Беда не в том, что деятельность комсомола политизировалась. Беда, что в реальности прямое влияние молодежи на политический процесс было иллюзорным, а косвенное – больше негативным, чем созидательным» [56, с. 212–219].

В монографии «Молодежь и власть» (2002) А. А. Слезин одним из первых в отечественной науке проследил реализацию комсомолом функции политического контроля, которая проявлялась, по мнению историка, в борьбе с идеологическим инакомыслием (в условиях внутривнутрипартийной борьбы за власть в 1920-е гг.) его членов, выявлении политически неблагонадежных элементов в аппарате государственных учреждений, «лишенцев» и кулацких кандидатов в ходе избирательных кампаний в местные советы. В связи с этим, ученый обратился к малоизученному вопросу деятельности комсомольской «легкой кавалерии», впервые в постсоветской историографии рассмотрев ее на местной фактологической базе рубежа 1920–1930-х гг. Им был сделан вывод о расхождении декларативных и реальных целей этих комсомольских отрядов, осуществлявших деятельность по выявлению недостатков в работе государственного аппарата фактически в форме поиска политически неблагонадежных элементов среди советских служащих [56, с. 104–112].

Вновь к теме «легкой кавалерии» А. А. Слезин вернется в середине 2010-х гг., дополнив предметный анализ проблемой участия «кавалеристов» в политике сплошной коллективизации, а хронологический – первой половиной 1930-х гг. [40, 50–53, 85]. Вместе со своим учеником В. А. Ипполитовым он опубликует монографию (2022) о деятельности этих комсомольских отрядов, представив ее как поучительный и противоречивый опыт взаимодействия государства и общественных молодежных объединений в сфере социального контроля [84].

В своих последних работах он придет к выводу, что к середине 1930-х гг. «легкая кавалерия» воспринималась ее организаторами как школа воспитания «нового человека». По мнению ученого, опыт ее деятельности демонстрировал высокий созидательный потенциал движения, проявившийся не только в использовании новых форм борьбы с бюрократизмом и недисциплинированностью в аппарате государственных и общественных организаций, но и в совершенствовании социальных условий вертикальной мобильности молодежи, развитии в массовом сознании чувства социальной ответственности. При этом А. А. Слезин отмечал, что активное участие «кавалеристов» в административных чистках приводило к деформации моральных ценностей, укореняя в молодежном сознании образ внутреннего врага. Такая оценка «легкой кавалерии» соседствовала у историка с выводами о невозможности стратегического успеха ее деятельности в условиях бюрократической партийно-комсомольской регламентации сверху, эпизодического («кампанейского») характера проверок, отсутствия

материального поощрения участников «налетов» и низкого уровня их образовательной подготовки. Он признавал, что высокая активность отрядов «легкой кавалерии» наблюдалась лишь в комсомольских организациях крупных городских центров и вызывала противоречивую реакцию у населения [84, с. 190–194].

Много внимания в своих публикациях 2000–2010-х гг. А. А. Слезин уделил проблеме реализации комсомолом 1920-х гг. функции политического контроля, которую он рассмотрел под разными углами: через систему комсомольского политического просвещения, политику регулирования состава союза и его антирелигиозную деятельность [38, 60–62, 66, 67, 74, 87, 89–91]. Ряд статей на эту тему был написан совместно с его учеником А. Э. Скоропадом. К данной группе работ примыкает другая – посвященная антирелигиозной деятельности комсомола в 1920-е гг., которую историк понимал, как политический контроль от имени государства в духовной сфере. В ходе разработки темы А. А. Слезин обратился к анализу исторического опыта другой этатистской общественной организации – Союза безбожников (Союза воинствующих безбожников) – деятельность которого, по его мнению, в известной степени контролировалась ВЛКСМ [2, 30–33, 35, 37, 55, 68, 70, 72, 76].

Итогом размышлений ученого стали монографии «Миру крикнули громко...» (2002) и «За “новую веру”. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.)» (2009), а также ряд крупных публикаций в научной периодике [38, 55]. По его мнению, антирелигиозные комсомольские кампании 1920-х гг. («штурмы небес»), проводившиеся в силу общей малограмотности и радикализма их участников преимущественно методами насилия, не искореняли традиционное религиозное сознание крестьянства, в лучшем случае заменяя его «новой верой», в основе которой лежали коммунистические идеалы и гуманистический культ человека труда, в худшем – порождая двуличную модель социального поведения и недовольство верующих. Размах этой работы потребовал от государства создания специализированной общественной организации – Союза безбожников. Травля в ходе антирелигиозных кампаний, вопреки действующему законодательству, верующих и служителей культа, как полагал исследователь, развивала в молодежном сознании правовой нигилизм и целевую установку «охоты на ведьм», подготовив тем самым психологический базис для разоблачения «врагов народа» в период массовых репрессий 1930-х гг. С началом политики сплошной коллективизации и раскулачивания, по заключению А. А.

Слезина, антирелигиозная борьба была переведена из общекультурной преимущественно в политическую плоскость, поскольку религия и священнослужители воспринимались властью в качестве организационной и духовной основы социально-группового единства крестьянства в его сопротивлении курсу на социалистическую реконструкцию села [38, с. 58–60, 102–106, 148–151, 204–219].

Исследовательский интерес А. А. Слезина к антирелигиозной деятельности ВЛКСМ не ограничивался периодом нэпа и начальным этапом коллективизации. Ряд его статей посвящены послевоенной эпохе 1940-х – начала 1960-х гг. – времени частых зигзагов государственной церковной политики [21, 44, 73, 78]. Историк указал на важную отличительную особенность антирелигиозных кампаний ВЛКСМ в 1950-е гг. – смещение акцентов с насильственных методов, присущих периоду 1920–1930-х гг., на научно-просветительские и признание комсомольским руководством необходимости сохранения части дореволюционных традиций. В целом он оценил антирелигиозную кампанию конца 1950-х гг., как «показную» и неудачную, преимущественно ограниченную кругом членов союза. По его мнению, эта кампания способствовала формированию в массовом сознании провинциальных комсомольцев, включая местный актив, элементов «двоеверия».

Не обошел ученый своим вниманием важный для комсомола период «Большого террора» 1930-х гг.: группа его статей посвящена внутрисоюзным чисткам 1937–1938 гг. [45, 47, 48, 97]. Вывод историка – предвоенная масштабная комсомольская кампания по разоблачению «врагов народа» непоправимо деформировала массовое сознание членов союза, укоренив в них подданнический тип политической культуры, и резко усилила авторитарные тенденции во внутрисоюзных отношениях [48, с. 529]. На основе анализа архивных материалов А. А. Слезин пришел к заключению, что советская молодежь в 1930-е гг. не была безоговорочно предана делу партии, однако критика политического порядка и плюрализм мнений искусственно сдерживались репрессивной машиной власти [97, с. 105].

Весьма подробно изучалась А. А. Слезиним проблема участия комсомольцев в сплошной коллективизации и раскулачивании [22–24, 41, 46]. Согласно его выводам, привлечение комсомольцев к реализации данного партийного курса происходило на основе широкого применения мер административного воздействия и идейного противопоставления саботажников батрацко-бедняцкой части деревни. Однако, преобладание в массовом сознании большинства сельских комсомольцев элементов общинной крестьянской психологии стало причиной не только их безразличного

отношении к призывам власти экспроприировать имущество односельчан, но и массового сопротивления данной политике. Вместе с тем, части комсомольцев оказался психологически близок партийный призыв к радикальным преобразованиям сельской жизни, подкрепленный вовлечением комсомольских организаций в соревнование за увеличение темпов коллективизации. Как следствие, к весне 1930 г. фактом стало противостояние комсомольцев и крестьян, ответственность за которое, по мнению А. А. Слезина, несли партийные и советские органы [22, с. 67; 23, с. 59; 24, с. 68, 76].

Имея за плечами журналистский опыт – в юности А. А. Слезин являлся внештатным корреспондентом городской молодежной газеты и даже заместителем главного редактора вузовской многотиражки – ученый посвятил несколько статей рабселькоровскому движению и комсомольской печати 1920-х и 1950-х гг. [43, 64, 65, 93]. Он заключил, что в первое десятилетие советской власти государством были предприняты серьезные усилия для наращивания на местах кадров внештатных корреспондентов – дилетантов от журналистики – мерилом профессионализма которых являлось не литературное мастерство, а преданность политике партии и активность в деле поиска «классовых врагов» [64, с. 548]. Анализ влияния комсомола на молодежную печать периода «оттепели» привел А. А. Слезина к выводу, что, способствуя развитию юнкоровского движения, стенной печати, новаторских подходов к формированию содержания газет и журналов, союз одновременно сдерживал процесс расширения гласности. Сфокусировать общественное внимание на своих изданиях комсомолу не удалось. Тем не менее, по оценке ученого, ВЛКСМ много сделал для «интеллектуального пробуждения» молодежи, предприняв небезуспешную попытку повышения качества печатного слова. Важным следует признать вывод А. А. Слезина о влиянии комсомольских стенгазет 1950-х гг. на появление в СССР самиздата [43, с. 143].

Занимаясь изучением вопросов государственной молодежной политики эпохи хрущевской «оттепели», А. А. Слезин обратил внимание на перемены в массовом молодежном сознании, вызванные XX съездом КПСС 1956 г. и Всемирным фестивалем молодежи и студентов 1957 г. [11, 63, 71]. По его мнению, данные события с одной стороны вызвали либерализацию массового сознания комсомольцев, проявившуюся в неоднозначном отношении к движению «стиляг» и западному образу жизни и зачаточном стремлении к созданию альтернативных молодежных объединений, а с другой – способствовали раскручиванию «реакционной» политики со стороны партийного и комсомольского руководства и усилению его внимания к вопросам эстетического воспитания молодежи.

После защиты докторской диссертации А. А. Слезин не раз возвращался к важному для него вопросу о месте комсомола в политической системе [57, 58, 75, 88], сделав вывод об окончательном огосударствлении этой молодежной организации во второй половине 1930-х гг. – вследствие массовых кадровых чисток, вызвавших серьезные изменения в стиле поведения номенклатуры всех уровней. Юридически, этатизация, по мнению ученого, была оформлена поправками в уставах комсомола и ВКП(б) 1936 г. и 1939 г. [75, с. 252, 253].

В 2010-е гг. А. А. Слезин вернулся к начатой им еще в период подготовки докторской диссертации разработке проблем детского движения: от объединений скаутов эпохи Первой мировой войны до пионерских организаций поздней «Оттепели» [7, 16, 17, 25, 37, 59, 81]. В частности, исследователем были проанализированы специфические формы и методы работы с различными возрастными группами пионеров на рубеже 1950–1960-х гг., сделан вывод об особой роли человеческого фактора в детском воспитании, значимости планирования свободного времени подрастающим поколением [25, с. 918].

Изучая детское движение в провинции в послереволюционные годы А. А. Слезин обратил внимание на его «сверхтворческий» характер [17, с. 38]. По его наблюдениям, классовая атмосфера революционной эйфории не затмила патриотический настрой учащейся молодежи, движение скаутизма создавало атмосферу взаимопомощи, а деятельность скаут-мастеров способствовала успешному разрешению межпоколенческих конфликтов [17, с. 39]. Глубоко разбираясь в историографии детского движения, А. А. Слезин являлся рецензентом научных работ, посвященных изучению повседневной жизни советских детей [39].

Одним из важных итогов исследовательской работы А. А. Слезина стала публикация под его редакцией сборника архивных документов «Детское движение в Тамбовском крае», подготовленного на основе материалов Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области и периодической печати. Содержание документов повествует не только о формах и методах работы пионерских организаций, но и отражает особенности психологического состояния и социального положения детей в городской и сельской семье. Значительное место в сборнике отведено общественно-политическим настроениям пионеров. В предисловии редактор выразил убеждение, что чрезмерная государственная опека убивает инициативу подрастающего поколения, в то время как разумная государственная поддержка способствует раскрытию потенциала детских организаций. Он

отмечал, что перспективы Отечества во многом зависят от нравственного, интеллектуального и физического здоровья детей, их готовности к ответственной жизни в социуме [13, с. 12].

Много (десятки!) статей по истории молодежи 1910–1980-х гг. было написано А. А. Слезиным в соавторстве со своими учениками – членами созданной им в 2001 г. научной школы «История молодежного движения» – в процессе подготовки диссертационных работ. В их числе – И. Н. Александрова, А. В. Баланцев, А. А. Беляев, О. А. Бурахина, А. А. Бушева, Т. А. Власова, В. А. Ванин, А. А. Дик, Н. И. Добросоцкий, М. М. Дорошина, М. В. Иошкин, В. А. Ипполитов, А. А. Нестерова, И. Г. Ованесян, А. Ю. Пузырев, А. Э. Скоропад, Р. В. Скорочкин, В. А. Скребнев, О. В. Щупленков, К. А. Якимов. Подавляющая часть этих работ посвящена истории молодежного движения периода революции и гражданской войны, нэпа и начального этапа сплошной коллективизации, а также послевоенного СССР 1945–1965 гг. Их тематика, помимо традиционных для А. А. Слезина исследовательских сюжетов, включала вопросы истории молодежных объединений в дооктябрьский период революции 1917 г.; самоорганизации русской молодежи эмиграции первой волны; комсомольской печати и рабселькоровского движения в 1920-е и 1950-е гг.; борьбы с детской беспризорностью в 1920-е гг.; массового молодежного сознания эпохи «Большого террора», «Оттепели» и позднего СССР; участия комсомола в деятельности оборонных общественных организаций накануне Великой Отечественной войны; качественного анализа региональной комсомольской номенклатуры 1930–1980-х гг.; участия комсомола в организации общей и профессиональной образовательной подготовки молодежи в послевоенное десятилетие; антирелигиозной деятельности ВЛКСМ в 1940–1950-е гг.; пионерского движения периода «Оттепели»; деятельности «комсомольского прожектора» и студенческих строительных отрядов в 1960–1980-е гг. [1–11, 14–25, 27, 76–97].

Под редакцией и при непосредственном авторском участии А. А. Слезина было издано несколько коллективных монографий. В двухтомной работе «Тамбовский комсомол: грани истории» (2008–2010) в серии очерков на примере Тамбовской территориальной организации было представлено оригинальное критическое изложение 70-летнего исторического опыта ВЛКСМ [98, 99]. Данный двухтомник – не систематизированное сквозное, а хронологически-фрагментарное изложение избранных аспектов комсомольской жизни и деятельности, преимущественно 1920-х и 1940–1950-х гг., среди которых особенности внутрисоюзной жизни и организационного развития;

массовые чистки в рядах ВЛКСМ в 1930-е гг.; просветительская, антирелигиозная и производственная деятельность; повседневная жизнь молодежи в предвоенные годы; тыловая деятельность в 1941–1945 гг. и участие ВЛКСМ в послевоенном восстановлении народного хозяйства и социальной сферы; вопросы шефства над пионерским движением; освоение «целины»; движение студенческих строительных отрядов; молодежная печать. Перу А. А. Слезина принадлежит подавляющая часть очерков первого тома, и значительная часть – второго тома.

В монографии «Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг.» были рассмотрены организационное развитие, внутрисоюзные отношения и наиболее социально значимые направления массовой работы ВЛКСМ в период хрущевской «оттепели», среди которых: духовное развитие молодежи, профилактика правонарушений и шефство над пионерией [100]. Помимо общей научной редакции текста, А. А. Слезин подготовил две главы книги – о развитии «общественных начал» в комсомольской деятельности и участии ВЛКСМ в профилактике и снижении уровня молодежных правонарушений. Авторы монографии пришли к заключению, что политические условия «оттепели» позволили наиболее полно раскрыться созидательному потенциалу советской молодежи и комсомола как ее политического института. Деятельность союза в целом была признана успешной. В книге отмечены демократизация стиля внутрисоюзных отношений, расширение арсенала форм массовой комсомольской работы и ее адекватность социальным запросам, смещение воспитательных акцентов от пропаганды в сторону просвещения, усиление социализирующего влияния школьных организаций ВЛКСМ. Тем не менее, А. А. Слезин был вынужден признать, что несущий в себе мощный воспитательный заряд принцип безвозмездной общественной деятельности, настойчиво внедрявшийся в практику работы комсомольских комитетов в первой половине 1960-х гг., оказался нежизнеспособным [100, с. 118, 119, 230, 231].

В последний год жизни исследовательский интерес А. А. Слезина был прикован к изучению межпоколенческих конфликтов в советской деревне в годы нэпа и на начальном этапе коллективизации [37, 49, 54, 96]. По мнению ученого, конфликты между крестьянами поколения «революционного перелома» и «детьми революции» во второй половине 1920-х гг. перерастали в межпоколенческий разлом. При этом различие в мировоззренческих установках А. А. Слезин объяснял возросшим влиянием на молодежь, к деятельности которой представители поколения «революционного перелома» относились резко негативно в силу активной поддержки последней

антирелигиозной пропаганды, сельских комсомольских организаций [49, с. 60]. Исследователь пришел к выводу, что коллективизация разрушала институт патриархальной семьи, а семейные конфликты в 1920-е гг. становились обыденным явлением на селе [54, с. 464].

Анализируя характер настроений крестьян поколения «революционного перелома» на начальном этапе коллективизации, А. А. Слезин отметил вызванное голодом и материальными трудностями нарастание протестных настроений, служивших стимулом к открытым формам сопротивления проводимому политическому курсу [96, с. 466]. Историк заключил, что большинство крестьян, переживших революционные потрясения, воспринимали раскулачивание как возврат к дореволюционным порядкам и чрезвычайным мерам эпохи «военного коммунизма» [96, с. 465].

За время своей профессиональной деятельности профессор А. А. Слезин опубликовал свыше двухсот научных работ, в том числе, 7 монографий, и подготовил свыше 30 кандидатов наук. Под его редакцией в 2000-е гг. вышел ряд научных сборников статей, а в 2010-е гг. – сборники документов «Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985–1991)» и «Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.)» [13, 26]. На протяжении долгого времени он являлся председателем редколлегии рецензируемого научного журнала «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» (с 2018 г. – «Манускрипт»); экспертом научно-исследовательских фондов РФ и РФФИ; членом межведомственной комиссии Тамбовской области по рассекречиванию архивных документов; председателем регионального отделения общественной организации «Объединение преподавателей истории в вузах России»; членом региональных советов ряда научных обществ и заместителем председателя диссертационного совета по историческим наукам. Признанием научных заслуг А. А. Слезина стало его избрание в состав членов Российской академии естественных наук и Российской академии естествознания.

Главным в профессиональной биографии А. А. Слезина – его, безусловно, крупной заслугой перед отечественной исторической наукой – стала глубокая и, насколько это оказалось возможным, всеобъемлющая разработка ученым и коллективом созданной им научной школы вопросов истории молодежного движения в СССР; разработка, осуществленная с применением общепризнанных методологических подходов, постановкой новых исследовательских задач и преимущественно на основе впервые вводимой в научный оборот местной и центральной архивной базы. Научная и

общественная значимость этого труда в условиях все более активного использования современным российским государством опыта советского прошлого возрастает.

Список литературы и источников

1. Александрова И. Н., Слезин А. А. Деятельность комсомола как фактор формирования ценности знаний в общественном сознании юношества на рубеже 1950–1960-х годов // Научный диалог. 2019. № 4. С. 168–183.

2. Баланцев А. В., Слезин А. А. Комсомол первой половины 1920-х годов в борьбе с религиозным влиянием среди западных колонистов // Белье пятна российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 8–31.

3. Беляев А. А., Слезин А. А. Внутрисоюзная жизнь послевоенного комсомола: особенности провинциального стиля // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16. № 1. С. 188–198.

4. Беляев А. А., Слезин А. А. Роль комсомола в развитии системы учебных заведений трудовых резервов в первые годы после Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-3 (12). С. 34–37.

5. Беляев А. А., Слезин А. А. Роль послевоенного комсомола Тамбовской области в подготовке кадров высшей квалификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 13–16.

6. Бухакина О. А., Слезин А. А. Экономические итоги деятельности студенческих строительных отрядов Тамбовской области // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13. № 1. С. 336–345.

7. Бушева А. А., Слезин А. А. Беспартийный молодежный союз учащихся: дела и мысли на изломе революции // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. Т. 17. № 1. С. 225–229.

8. Ванин В. А., Слезин А. А. ВЛКСМ – шеф вечерней школы (1953–1957 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 1 (45). С. 218–223.

9. Ванин В. А., Слезин А. А. Стиль внутрисоюзной работы провинциальных комсомольских организаций середины 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-1 (24). С. 50–58.

10. Власова Т. А., Слезин А. А. Особенности формирования состава комсомола в 1960-е годы // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 87–104.

11. Власова Т. А., Слезин А. А. Представления молодежи 1960-х гг. об идеальном комсомольском лидере // Учет, анализ и аудит в условиях цифровой экономики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Чуваш. гос. сельскохоз. акад., 2018. С. 475–479.

12. Гуманитарные науки: проблемы и решения: Сб. науч. статей / Под ред. А. А. Слезина. Вып. 1–6. СПб; Москва; Тамбов, 2003–2009.
13. Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.): сборник документов / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Изд-во Грамота, 2017. 723 с.
14. Дик А. А., Слезин А. А. Сельские учреждения для беспризорных детей в тамбовской губернии 1920-х годов // Российское село в XIX–XX веках. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2009. С. 92–101.
15. Добросоцкий Н. И., Слезин А. А. Деятельность «комсомольского прожектора» как фактор развития советской промышленности в 1960-е годы // Научный диалог. 2019. № 11. С. 271–285.
16. Дорошина М. М., Муравьева И. И., Слезин А. А. «Встряхнулся богатырь»: юношество российской провинции при власти «временных» // История в подробностях. 2017. № 2 (80). С. 38–47.
17. Дорошина М. М., Муравьева И. И., Слезин А. А. Детское движение в Российской провинции первых послереволюционных лет // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2019. № 4(43). С. 36–56.
18. Дорошина М. М., Слезин А. А. Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ Тамбовской области на заключительных этапах исторического развития СССР: сравнительная характеристика // Белые пятна российской и мировой истории. 2015. № 1–2. С. 50–67.
19. Дорошина М. М., Слезин А. А. Функциональная трансформация корпуса первых секретарей областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ Тамбовской области в годы «перестройки» // Социодинамика. 2015. № 12. С. 182–207.
20. Дорошина М. М., Слезин А. А. Эволюция кадрового корпуса первых секретарей областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ Тамбовской области в 1937–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (50). С. 60–64.
21. Йошкин М. В., Ованесян И. Г., Слезин А. А. Атеистическая деятельность комсомола в годы хрущевской «оттепели» // Политика и общество. 2016. № 6 (138). С. 843–856.
22. Ипполитов В. А., Слезин А. А. Апогей коллективизации: роль комсомола // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 64–69.
23. Ипполитов В. А., Слезин А. А. Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 52–60.
24. Ипполитов В. А., Слезин А. А. Механизм привлечения комсомольцев к участию в сплошной коллективизации сельского хозяйства // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 68–78.
25. Нестерова А. А., Слезин А. А. Комсомол как организатор деятельности пионеров на рубеже 1950-х – 1960-х гг. // Политика и Общество. 2016. № 7. С. 910–920.

26. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985–1991): хрестоматия / сост.: И. И. Муравьева (отв. сост.) и др.; под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2013. 661 с.
27. Ованесян И. Г., Слезин А. А. Комсомольская политучеба в период ранней «оттепели»: методы и формы организации, эффективность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (62). С. 149–152.
28. Политическая история советского общества: взгляд из XXI века: Сб. науч. статей / Под ред. А. А. Слезина. Санкт-Петербург: Нестор, 2003. 125 с.
29. Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. научн. статей / Под ред. А. А. Слезина. Вып. 1–5. Санкт-Петербург: Нестор, 2003–2007.
30. Слезин А. А. Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг. // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 5. С. 125–189.
31. Слезин А. А. Антирелигиозный аспект «великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика // Политика и общество. 2009. № 7 (55). С. 66–76.
32. Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82–91.
33. Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. Сборник научных статей. Санкт-Петербург: Нестор, 2005. С. 115–120.
34. Слезин А. А. В борьбе за нового человека. Комсомол 1920-х годов как институт политической социализации. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 1998. 248 с.
35. Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129–136.
36. Слезин А. А. Городская повседневность в период революционных преобразований: детские игры // Урбанистика. 2015. № 2. С. 76–88.
37. Слезин А. А. Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 956–973.
38. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918–1929 гг.). Москва: ИД «Академия Естествознания», 2009. 224 с.
39. Слезин А. А. История детства: «открытие» повседневной жизни // Научный диалог. 2019. № 8. С. 422–428.
40. Слезин А. А. Коллективизация сельского хозяйства в 1928–1930 годах: роль «легкой кавалерии» // Научный диалог. 2019. № 3. С. 292–306.
41. Слезин А. А. Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта // История в подробностях. 2011. № 10 (16). С. 66–73.

42. Слезин А. А. Комсомол в советской политической системе в годы НЭПа: по материалам губерний Центрального Черноземья: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 1993. 281 с.
43. Слезин А. А. Комсомол и молодежная печать в период ранней «оттепели» // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 133–147.
44. Слезин А. А. Комсомол против религии: метаморфозы 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 183–187.
45. Слезин А. А. Комсомол Тамбовской области в 1937–1938 гг.: враги народа мерещились в каждом // История Тамбовского края: актуальные проблемы. Тамбов, 2005. С. 84–98.
46. Слезин А. А. Комсомол Центрально-Черноземной области на начальном этапе сплошной коллективизации // Клио. 2000. № 2 (11). С. 202–213.
47. Слезин А. А. Комсомольская «реабилитация» 1938 года: анатомия идеологической кампании // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Тамбов, 1996. С. 74–77.
48. Слезин А. А. Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2. С. 520–530.
49. Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 1. С. 45–66.
50. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» в середине 1930-х гг.: возрождая надежды на справедливость // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 75–85.
51. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» и «чистка» государственного аппарата на рубеже 1920–1930-х годов // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 2. С. 274–280.
52. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола в середине 1930-х годов: смена приоритетов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 515–532.
53. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х–1930-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 36–46.
54. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 446–477.
55. Слезин А. А. «Миру крикнули громко...»: Комсомол Центрального Черноземья в духовной жизни общества 1921–1929 гг.: социально-политические аспекты: Монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. 144 с.
56. Слезин А. А. Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг.: Монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. 220 с.
57. Слезин А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. № 9. С. 75–80.

58. Слезин А. А. Организационно-теоретические основы формирования монополии комсомола в молодежном движении Советской России // Политика и общество. 2015. № 12 (132). С. 1611–1626.
59. Слезин А. А. Организация досуга детей и молодежи как средство предупреждения правонарушений в начале 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 107–117.
60. Слезин А. А. Политический контроль в религиозной сфере и правосознание молодежи // Философия права. 2010. № 3 (40). С. 95–98.
61. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-2 (9). С. 179–184.
62. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3 (63). С. 52–59.
63. Слезин А. А. «Послесъездовский синдром» в комсомоле // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 231–239.
64. Слезин А. А. Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8. № 3. С. 544–548.
65. Слезин А. А. Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты // Право и политика. 2008. № 10. С. 2529–2537.
66. Слезин А. А. Реализация комсомолом государственной функции политического контроля в духовной сфере (1923–1926 гг.) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2009. № 1 (1). С. 62–73.
67. Слезин А. А. Регулирование состава комсомольских организаций как форма политического контроля (1918–1928 гг.) // Политика и общество. 2008. № 6 (42). С. 73–79.
68. Слезин А. А. Роль комсомола в реализации политики советского государства в отношении религии (1918–1921 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2009. № 9 (23). С. 82–87.
69. Слезин А. А. Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества, 1921–1929 гг.: на материалах Центрального Черноземья: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Слезин Анатолий Анатольевич. Тамбов, 2000. 538 с.
70. Слезин А. А. Роль союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924–1929 гг.) // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 85–90.
71. Слезин А. А. «Скованные одной цепью»? (К постижению социокультурного феномена ВЛКСМ) // Человек и культура. 2016. № 4. С. 90–99.
72. Слезин А. А. Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 2. С. 37–73.
73. Слезин А. А. Тайные методы борьбы с религией в Тамбовской области на рубеже 1950–1960-х гг. // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35). С. 169–172.

74. Слезин А. А. Эволюция форм и методов политического контроля среди молодёжи на начальном этапе противоборства советского государства и церкви // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2013. № 2. С. 68–118.

75. Слезин А. А. Этатизация комсомола: этап второй // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2009. Т. 15. № 1. С. 249–255.

76. Слезин А. А., Баланцев А. В. Противодействие комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств»: специфика первой половины 1920-х годов // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2012. № 3. С. 48–100.

77. Слезин А. А., Беляев А. А. Коммунистическое «министерство молодежи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // *Политика и общество*. 2009. № 12 (60). С. 30–34.

78. Слезин А. А., Беляев А. А. Провинциальный комсомол в системе взаимоотношений советского государства и русской православной церкви (1940-е – начало 1960-х гг.) // *Политика и общество*. 2010. № 1 (61). С. 22–29.

79. Слезин А. А., Беляев А. А. Система политического образования молодежи в российской провинции 1945–1954 гг. // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2013. № 1. С. 28–52.

80. Слезин А. А., Беляев А. А. Состав провинциальных комсомольских организаций после Великой Отечественной войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 3. С. 25–32.

81. Слезин А. А., Беляев А. А. Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития (1945–1954 гг.) // *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика*. 2010. № 3 (5). С. 19–29.

82. Слезин А. А., Ванин В. А. Эволюция идейно-воспитательной работы комсомола в середине 1950-х годов // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2012. № 1. С. 68–119.

83. Слезин А. А., Дорошина М. М. Провинциальная молодежь позднего СССР: штрихи к портрету «неизвестного» // *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика*. 2013. № 4 (19). С. 72–85.

84. Слезин А. А., Ипполитов В. А. «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920–1930-х годов. Москва: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2022. 204 с.

85. Слезин А. А., Ипполитов В. А. Молодежь в системе реализации политики государственного и социального контроля в СССР (1927–1929 гг.) // *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 394–409.

86. Слезин А. А., Пузырев А. Ю. Влияние партии и комсомола на деятельность оборонных общественных организаций: провинциальная реальность 1937–1941 гг. // *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика*. 2010. № 3 (5). С. 11–19.

87. Слезин А. А., Скоропад А. Э. Быт и досуг комсомольцев в сфере политического контроля в РСФСР 1918–1929 гг. // *НВ: Исторические исследования*. 2014. № 2. С. 78–105.

88. Слезин А. А., Скоропад А. Э. Институализация комсомола как государственного органа // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2013. № 4. С. 185–208.

89. Слезин А. А., Скоропад А. Э. Осуществление политического контроля над молодежью через регулирование состава комсомольских организаций: начальный этап // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2013. № 3. С. 366–420.

90. Слезин А. А., Скоропад А. Э. Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918–1929 гг.) // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2013. № 12. С. 97–123.

91. Слезин А. А., Скоропад А. Э. Теоретические основы функционирования раннего комсомола в системе советского политического контроля // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2014. № 2. С. 75–98.

92. Слезин А. А., Скорочкин Р. В. Областная партийная газета «Тамбовская правда» как зеркало перемен (1953–1957 гг.) // *Клио*. 2007. № 2 (37). С. 91–98.

93. Слезин А. А., Скребнев В. А. Рабселькоровское движение как социальный институт: первые ступени становления // *Гуманитарные науки: проблемы и решения. Межвузовский сборник научных статей*. Санкт-Петербург: Нестор, 2007. С. 181–199.

94. Слезин А. А., Щупленков О. В. Общественно-политические течения молодежи российского зарубежья 1920–1930-х гг. в поисках сохранения национальной идентичности // *Право и политика*. 2012. № 7. С. 1261–1271.

95. Слезин А. А., Щупленков О. В. Сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи российского зарубежья в 1920–1930-е годы // *Политика и общество*. 2011. № 11 (83). С. 52–57.

96. Слезин А. А., Якимов К. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х годов // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 8. С. 453–469.

97. Слезин А. А., Якимов К. А. Развенчание вождей в конце 1930-х годов: реакция советской молодежи // *Вопросы истории*. 2019. № 2. С. 102–106.

98. Тамбовский комсомол: грани истории. 1918–1945 / под. ред. А. А. Слезина. Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. 467 с.

99. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946–1991 / под. ред. А. А. Слезина. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.

100. Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг. / А. А. Слезин (науч. ред.), И. Н. Александрова, Т. А. Власова, М. М. Дорошина, А. А. Нестерова, И. Г. Ованесян. Тамбов: Грамота, 2017. 232 с.

В. В. Кондрашин, д-р. истор. наук, профессор,
Институт российской истории РАН (Москва)

**СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЕСИКОВ –
ИСТОРИК РУССКОЙ ДЕРЕВНИ**

Аннотация: В статье рассказывается о творческом пути доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы РФ Сергея Альбертовича Есикова. Даётся характеристика основных его работ и концептуальных выводов. Указывается, что С. А. Есиков оставил яркий след в исторической науке как глубокий и честный исследователь русской деревни первой трети XX века.

Ключевые слова: Сергей Альбертович Есиков, творческий путь, аграрная история, русская деревня, первая треть XX века.

V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Institute of Russian History RAS (Moscow)

**SERGEY ALBERTOVICH ESIKOV
IS A HISTORIAN OF THE RUSSIAN VILLAGE**

Abstract: The paper tells about the creative path of Sergei Albertovich Esikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. The authors describe his main works and conceptual conclusions indicating that S. A. Esikov left a bright mark on historical science as a deep and honest researcher of the Russian village in the first third of the 20th century.

Keywords: Sergey Albertovich Esikov, creative path, agrarian history, Russian village, first third of the 20th century.

In modern agrarian historiography, perhaps, it is hard to find a brighter and more extraordinary personality than Sergei Albertovich Esikov, a professor at Tambov State Technical University. Despite his outward simplicity and taciturnity, as well as the absence of mannerisms and “prolificity” in publications, characteristic of many of his colleagues, he is distinguished by a flexible and sparkling mind, the ability to get to the root when analyzing the most complex problems in the history of the Russian peasantry and Russia of the 20th century. Suffice it to say that S. A. Esikov belonged to a very narrow circle of people whom V. P. Danilov respected and valued as researchers. The outstanding agricultural historian considered him not only his student and colleague, but also a friend. Many other authoritative agrarian historians of Russia and other countries treated

him in exactly the same way (E. M. Shchagin, P. S. Kabytov, G. E. Kornilov, V. A. Ilyinykh, A. G. Rybkov, N. S. Tarkhova, I. E. Koznova, V. A. Sablin, V. V. Naukhatsky, T. V. Osipova, Hiroshi Okuda, etc.).

Sergei Albertovich Eesikov was born on November 19, 1952 in Tambov into a family of employees. In 1974 he graduated from the history department of the Tambov State Pedagogical Institute. Then he was a history teacher in high school and served in the Soviet army. From 1979 until his untimely death in August 2014, he worked at Tambov State Technical University. Sergey Albertovich is Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

He connected his entire creative life with the history of the Russian peasantry. S. A. Esikov was one of the few researchers who was able to deeply and comprehensively study the most controversial problems of agrarian historiography using regional material. He always dealt with conceptual problems of paramount importance testing them on regional material. Among them are the problem of the peasantry and power, peasant farming during the years of war and peace, the Russian community, NEP, collectivization, etc. He wrote very well-reasoned monographs and articles on this topic supported by reliable and diverse sources, including those published in leading scientific publishing houses in Russia and other countries [21; 28; 29; 43; 45; 46; 47].

S. A. Esikov presented his thoughts about the fate of the Russian peasantry at numerous scientific conferences. He was a member of the organizing committee of the international symposium on the agrarian history of Eastern Europe, the organizer of its session in Tambov at TSTU in 2000 [63]. In addition, he took an active part in the international project “History of the Russian Peasantry in the 20th Century” organized by professor Hiroshi Okuda from Tokyo University [61].

As a brilliant analyst, Esikov understood the main thing –it is possible to study the history of Russia using regional material, if it is used not as an illustration on local history topics, but as information reflecting the essence of a particular historical phenomenon of all-Russian significance, but with its own regional characteristics. It means that we can understand the history of a country by studying its key aspects on the scale of a province, region, district, etc. And he brilliantly demonstrated this using the example of the Tambov region and the Central Black Earth Region of Russia.

Here is how the historian wrote about it: “The history of the Tambov peasantry is also interesting because it combines signs of the agrarian development of different regions of European Russia... Certain socio-political processes in the

Tambov province of the period under study were of the greatest all-Russian significance. Thus, in October 1905, a powerful wave of mass peasant uprisings arose in the province, which remained at this level in 1906–1907. The uprising of Tambov peasants in the autumn of 1917 was considered by V.I. Lenin to be one of the main symptoms of the emerging political crisis and the conditions for the success of the Bolshevik uprising. “Antonovshchina” became the most important signal for the Soviet government to change its economic policy. ...It was in the region of central Russia, which included the Tambov province, that the Bolsheviks first of all tested the means and methods of their agrarian policy” [27].

Considering the conceptual problems of national history through the history of its region, Esikov pointed out the importance of studying regional history as such. Despite the common features, each region of Russia had and has its own characteristics due to historical tradition. He wrote on this topic: “Despite the general features characteristic of the agricultural development of Russia, the Tambov village had a number of specific features that distinguished it from other regions of the country. I would like to emphasize the fact that until now this side of the issue has not been given serious importance; “the originality was also manifested in post-reform development, during the Stolypin agrarian reform, and during the socio-economic transformations of the Soviet government” [27].

The focus of S. A. Esikov’s attention has always been the Russian man, mostly from Tambov. The vast majority of the historian’s works are about him. Esikov was one of the few researchers who examined the problem without being confined to a narrow chronological framework. His history of the Russian village covers almost a century and contains all its main problems. This allows him not only to describe them, but also to understand and see the reasons for the great revolutionary upheavals of the country in the first decades of the 20th century, which, as V. P. Danilov rightly pointed out, were based on the peasant revolution. In this sense, Esikov’s works explain the nature of not only the Great Russian Revolution, but also the reasons for further upheavals in Soviet Russia, including Stalin’s collectivization.

He has woven a logical thread of facts and arguments based on verified archival sources, holding together the key aspects of the problem: the state’s agricultural policy, peasant production, community, etc. Using materials from the Tambov village and the Central Black Earth Region, the author analyzed these issues throughout the post-reform period and until completion Stalin’s collectivization. With his approach to the topic, Esikov continues the tradition established in Russian historiography by Danilov. Viktor Petrovich was convinced that a problem can be understood if it is studied in context and in historical retrospect.

S. A. Esikov begins his story about the tragic fate of the Russian peasantry with an analysis of the situation in the Tambov post-reform village. At the same time, he convincingly proves the relevance of this seemingly distant topic for modern Russia. He writes: “One of the paradoxes of the social development of Russia in the post-reform era is that, although the peasant economy largely determined the nature and forms of social progress and bore its main costs on its shoulders, the peasantry for a long time was perceived by both the government and its opponents only as an object of social influence.

Turning to the study of peasant land ownership and land use in the era of the latest Russian reforms is important in terms of understanding not only the laws of the historical process, but also the realities of modern life, including the situation that arose in the country’s agricultural sector as a result of agrarian reforms. At the same time, we must remember that Russia has its own traditions of reform: reforms are carried out forcedly, from above, relying on an extensive system of government bodies, very often without feedback from society. All these problems have survived to this day. Therefore, the study of Russian reforms, especially in the agricultural sector, is still relevant today. The problems of effectively connecting the peasant with the land and finding forms of rational land use remain relevant” [42, c. 31].

It should be noted that even before Esikov, Russian scientists deeply and comprehensively studied the history of the Russian post-reform village. He knows this well and has great respect for his predecessors [42]. It would seem that there was nothing new to say on this topic? All that remained was to illustrate the conclusions available in historiography using Tambov materials. And, at first glance, he followed this path confirming the assessments of historians that by the beginning of the 20th century in the agricultural regions of Russia features of a systemic crisis have arisen, especially manifested in agrarian overpopulation, a reduction in natural resources for agriculture, soil depletion, stagnation in the production of main grain crops while maintaining a strict dependence of grain yields on sharp natural and climatic fluctuations, a reduction in the scale of livestock farming due to the plowing of pastures and other feeding grounds, etc. [19; 27].

But Sergei Albertovich did not limit himself to confirming the conclusions already established in historiography. He moved on. He managed to expand the topic of research on the problem and put forward a number of new ideas. For example, together with his colleagues, he addressed the topic of the formation and development of a network of rural settlements in the Tambov region from the moment of the region development until the beginning of the 20th century. [23]. Thus, he continued the tradition of V. O. Klyuchevsky in studying the

history of Russian colonization, but using materials from the Tambov region. As an enthusiastic personality, he plunged into the very depths of centuries and wrote a number of interesting works devoted to the initial period of the history of the Russian state [16, 30].

Along with new topics, S. A. Esikov introduced an idea of conceptual significance into the development of the historiography of the problem. He came to the conclusion that the preservation of class inequality among peasants in the post-reform village affected the main issue for them – the issue of land. This is a historian’s subtle understanding of the processes taking place in the Russian village during the period under study.

He wrote: “The acts issued by the government testified to the deeply erroneous belief of the ruling circles that different classes of one state can coexist at different legal levels. Private peasant land ownership, despite official prohibitions, developed. Mass purchases of land by peasants began in the 1880 s. Most transactions for the purchase of land by peasants were carried out through the Peasant Bank” [36]. “The limited class rights of peasants infringed on their right to own and dispose of land. Thus, wittingly or unwittingly, the legislator, represented by the authorities, actually established a causal connection between the right to use and own land and the cultivation of this land by the labor of the subject of this right. As a result, by the beginning of the 20th century, state regulations, which did not abolish the existing norms of customary law, actually consolidated the idea of the people’s legal consciousness about the labor use of land” [44, c. 65].

Thus, the idea of a “black redistribution” of land as the main slogan of the peasant revolution did not arise in the Russian village by chance. Its strengthening in the peasant consciousness was facilitated by the short-sighted policy of the tsarist autocracy to preserve the class inequality of peasants. On the one hand, it encouraged peasant entrepreneurship through the Peasant Bank and other measures, and on the other hand, it restrained it with protective laws during the era of “counter-reforms” of Alexander III. Peasants could not legally become private owners of land. But they collectively became land owners according to customary law, i.e. they bought land through the community, as a rule, without registering it as individual private property. Considering that by the beginning of the 20th century, peasant farming had become the dominant form of organization of agricultural production, but could not legally consolidate its status, peasant protest was inevitable. The fault for this was not the peasants, but the tsarist autocracy, which until the last stood guard over the privileges of the nobility and landowners.

While studying the history of the Russian village, S. A. Esikov followed the

tradition of leading Russian researchers to study it within the framework of the problem of peasantry and power, while emphasizing the regional aspect [12]. The experience of regional study of the relationship between the Tambov peasantry and the authorities allowed him to come to the following conclusions.

The peasant, who lived in conditions of closed economic life and communal self-government, needed the state only as a regulator of relations, a guarantor and protector of peasant rights of ownership and property. Therefore, he resisted any state coercion and longed for “all the land and freedom.” For the state, the peasantry was an “inconvenient class” precisely as a self-developing layer, but the state needed it as the basis for the physical life support of society. The peasantry, being a generally obedient part of society, rebelled against the state, firstly, when it excessively and painfully invaded the sphere of peasants’ interests, secondly, when the state clearly did not live up to peasants’ social expectations, thirdly, when the state showed the peasantry its weakness. Basically, peasant resistance to power was passive and was expressed mainly in everyday forms. Peasants were characterized by a rapid cooling of social protest when the state used brutal repression. The inequality of power between the state and the peasantry stymied the possibilities of an evolutionary solution to the issue. A longer and more painful path lay ahead to break the traditional peasant-communal way of life. Another possible option – an agrarian revolution “from below” – also did not solve the agrarian issue, because the peasantry, weakened over centuries of state “clamp”, could not offer an optimal option, reducing everything to an equal redistribution of land. Esikov proved these conclusions in his doctoral dissertation, defended on the initiative of E.M. Shchagin in the Academic Council of the Moscow Pedagogical State University [20, c. 29], as well as in numerous publications. Taking into account modern achievements of domestic and foreign historiography in the field of studying the agrarian history of Russia, they are quite convincing and reliable.

S. A. Esikov is one of the few modern agrarian historians who did not succumb to the fashion of scolding peasants for their way of life and viewing them as the main reason for the brake on progress and modernization in Russia. A number of researchers believe that this is the reason why peasants had to be driven first into market relations, and then into Stalinist collective farms. Esikov did not blame peasants for the systemic crisis in the country at the turn of the 19th–20th centuries. They behaved quite adequately and naturally. He substantiated this idea using the example of the analysis of the Russian land community. In historiography, it has become the object of criticism from some researchers [65].

The historian understood the historical futility of the community in the conditions of market modernization [19, c. 100–101]. But at the same time he defended it from attacks, since critics of the community, unwittingly, humiliated the Russian peasant labeling him a conservative, an opponent of change, etc. He considered the community a natural form of organization of peasant life, quite adequate to the changes taking place from the point of protecting the interests of the overwhelming mass of peasants. He studied the community in detail using reliable sources [26].

In this context, Esikov was one of the few in modern historiography who addressed the problem of community and agricultural progress [14]. This is how he outlined his position on this issue: “The literature has established the opinion that peasants stubbornly adhered to traditional agricultural technology and were distrustful of various innovations. ... However, the very first experiments in agricultural assistance to the peasant population showed that the stability of habits was different. If a peasant saw the plow rise of late fallow in dry soil, then soon he himself wanted to work with the plow. But if he was recommended, for example, to treat seeds with chemicals or use a cow for light field work, then he was unlikely to follow such advice. Adherence to habits varied. Observations showed that the younger, more educated and more prosperous the peasant was, the more receptive he was to innovations...

...Land redistributions, carried out in the post-reform period on average once every 20 years (early 80s and at the turn of the 19th–20thcenturies), generally did not hinder innovations, which the peasant could often carry out independently. The main obstacle to agricultural progress was the extreme poverty of peasants, and not the three-field system and communal orders. Even the use of improved equipment sometimes required significant costs for the entire society. And then the gathering came to the rescue” [22].

In this regard, the following conclusion of the historian is of conceptual significance: “...New phenomena in the post-reform village did not change the economic and social foundations of peasant life. The community remained an institution that ensured the physical survival of the peasant family. By minimizing the degree of risk, it slowed down, but did not at all impede the pace of agro-technical progress” [22, c. 238].

S. A. Esikov convincingly concluded that the tsarist autocracy was primarily to blame for the strengthening of the community. It deliberately kept it alive. The traditional fiscal functions of the community and mutual responsibility were convenient in collecting taxes, performing appropriations and in-kind duties. In many ways, this is why N.H. Bunge’s plan to liquidate the community was discarded,

and the policies of Alexander III mothballed it for several more decades [36, c. 87].

But it was not only the tsarist government that strengthened the community. The peasants themselves did this, based on their own interests. The historian points out that in the conditions of a rapidly developing market economy, the community softened its blows. He wrote: “Unable to prevent and eliminate the economic inequality of its members, the community protected them socially and economically. It was this function that was especially clearly manifested during the period of Stolypin’s attack on the community. The more the authorities pressed and destroyed the community, the more tightly the peasants clung to it... Of all the functions of the community, peasants chose social security, especially necessary for them in a hard year. This can explain the strength of community foundations in the Tambov village” [19, c. 100–101].

Sergei Albertovich not only stated, but also very convincingly substantiated his conclusions about the social function of the community: “... the community responded to the development of market relations with attempts to modernize the economy: steps were taken to mitigate the harmful consequences of land stripes, transitions to “wide stripes” were practiced, grass sowing and multi-field crop rotations were introduced, improved tools and machines, and various agrotechnical measures were used; in some places rural societies, with minimal success, tried to engage in entrepreneurship using worldly capital” [19, c. 100–101].

In his publications, Esikov traces the fate of the Russian community right up to Stalin’s collectivization. He concludes that the community, which served as a means of subordinating the countryside to the state, acted during the revolution as a revolutionary-democratic organization of peasants in the fight against landlordism. During the years of the agrarian revolution of 1917–1918 it turned into a body of rural self-government and acted as an instrument of land redistribution.

The historian very accurately characterizes the influence of the age-old communal way of life on the Soviet village. “The communal-peasant archetype was manifested in many features of Soviet society. It found concrete expression primarily in the system of values and norms of behavior: in the desire for social justice and equality, in collectivism and mutual assistance, in the recognition of the natural existence of various forms of property,” he pointed out [47].

From the creative achievements of S. A. Esikov on this problem, a very important conclusion follows about peasant self-organization, the ability of the peasantry to protect itself from state coercion and violence, and to respond to excessive attacks by the authorities on the village. Therefore, the intensity of the confrontation between the state and the peasantry in Russia, which took place in

the first half of the 20th century, is completely understandable. Peasants found themselves armed against the state and other external threats. This is a traditional landed community. Esikov's ideas about it allow us to better understand the causes and mechanism of the peasant conflict with the state in the period under review. They confirm and develop the thoughts about the community of V. P. Danilov, P. N. Zyryanov and its other outstanding researchers.

S. A. Esikov became known to the wider scientific community thanks to his participation in the work on a collection of documents about "Antonovshchina" and publications on this topic. He was Danilov's right hand during the preparation for printing the first issue of this collection [54]. Without him, this collection would not have been released soon. Knowing the further creative destiny of the historian, we can say with complete confidence that it would not have become so fruitful without the support of V.P. Danilov. Esikov's talent as a researcher and his excellent human qualities attracted other authoritative scientists to him, who helped him in his affairs and collaborated with him (E. M. Shchagin, P. S. Kabytov, etc.) [5]. He always paid them back to the best of his ability [38].

In the early 1990s together with his Tambov colleagues, S.A. Esikov published a number of articles on topical problems of "Antonovshchina" [1; 8; 9; 10; 12; 17; 54]. They were later summarized in his report at a scientific conference in Orenburg in 2007 [33].

The historian examined the causes of the peasant uprising, its course, results, the role of the Socialist Revolutionary Party in the uprising and other problems. He proved that "Antonovshchina" was a "typical peasant uprising" with a "typical ending: military defeat upon leaving their homeland". It was caused by the military-communist policy of the Bolsheviks, which ruined peasant farms. The rebels successfully carried out partisan operations in three forest districts of the Tambov province, since they acted in their native places and the rebel detachments were led by quite experienced people militarily, who had gone through the world war and had already fought in the civil war. By its nature, the peasant uprising in the Tambov province was spontaneous; it was not prepared either by parties hostile to the Bolsheviks, or by instructors from the White Guard armies. However, despite the spontaneous nature of the armed uprising, peasants turned out to be capable of self-organization and initiative: bodies of rebel power were created locally – unions of the working peasantry at various levels, their own program documents were developed, printed materials were published, forced mobilization, grain requisitions and other events were carried out that copied actions of the Soviet government.

S. A. Esikov considered it a deep mistake to idealize the peasant war, since it caused significant damage to the economy and was accompanied by large casualties. The rebels destroyed communications, damaged railways, destroyed state farms and communes, and killed communists and Soviet peasant workers with particular fury. In his opinion, in terms of cruelty, both sides were not inferior to each other, and cruelty remains cruelty, no matter who it comes from [33, c. 225].

Just like Danilov, he discovered “unusual circumstances” in “Antonovshchina” emphasizing the true tragedy of the situation. The confrontation was between armies, identical in national and class composition (Russian peasants), organizations (commissars, political departments, etc.), equally sworn to the red banner and fighting “for the victory of the real revolution”. The armed struggle between these armies was carried out for complete mutual destruction [33, c. 226].

Following Danilov, Esikov also stated a contradictory, but real fact. The Bolsheviks suppressed “Antonovshchina”, as they suppressed all peasant rebellions, but they themselves had to refuse the immediate “introduction” of socialism, and most importantly, satisfy the basic demands of the village, abandon food allocation, introduce the NEP, recognize special interests and rights of the village in the RSFSR land code 1922 [19, c. 102].

In line with the chosen comprehensive approach to the problem, the historian focused on the main question: why did the revolution take place in Russia and all the events that followed it, including Stalin’s collectivization? To answer it, he turned to the analysis of the situation in the Tambov village and Russia in the first decades of the 20th century.

Together with P.P. Shcherbinin and other Tambov colleagues, for the first time in historiography he showed the negative impact of the wars that Russia waged during the examined period on peasants and peasant economy of the Tambov province. The Russo-Japanese and especially the First World War weakened the peasant economy and changed the attitude of peasants to the authorities. Due to military failures and the hardships of an incomprehensible and protracted war, they lost faith in power and in the tsar. Their revolutionary performances in 1917 were quite natural [15; 31, c. 66–75, 75–79; 37; 40].

But the unsuccessful wars acted only as a catalyst for peasant protest and its cause. The real reasons for the discontent of Tambov peasants were related to the state of the peasant economy and state policy towards it. The collection of documents “The Peasant Movement in the Tambov Province (1917–1918)” edited by V.P. Danilov (Moscow: ROSSPEN, 2003), one of the compilers of which was Esikov, was devoted to this topic. The materials in the collection indicate that the reasons for the peasant revolution in the Tambov province, as well as in

other areas of the former landownership, were: peasant land shortage, the deterioration of peasants' situation during the First World War, and the inability of the tsarist government to change it radically. It means that the roots of the problems go back to pre-revolutionary times, which S. A. Esikov tirelessly reminds of in his works.

The Soviet government supported their decision in the peasant version of equalizing land redistribution. This allowed the Bolsheviks to remain in power. But then the Civil War begins and a new stage of peasant confrontation with the state in the form of peasant uprisings starts. Esikov carefully analyzes their causes in relation to "Antonovshchina" using materials from the Tambov province. The focus of his attention is on the peasant production and factors that influenced it. He repeats the conclusions about the crisis of the peasant economy, its decline during the Civil War due to the policy of "war communism" of the Bolsheviks. But at the same time, he places a number of emphasis and makes very important observations on a number of controversial issues.

For example, in his opinion, during the years of the agrarian revolution (1917–1921), equalizing land redistribution and annual land redistributions did not solve the problem of land hunger and maintained the instability of peasant land use [18; 27]. The bulk of peasant farms are confined to subsistence production. The events of the agrarian revolution threw the peasant economy back to the level of the 1880s, and its archaization occurred [27]. That is, from the point of view of peasant production and agriculture of the country as a whole, the Great Russian Revolution was a regression. Hence, the subsequent events associated with the course of accelerating the industrial modernization of the country by the Stalinist leadership are no coincidence.

Sergei Albertovich looked at the problem of surplus appropriation during the Civil War somewhat differently than is customary in historiography. Like the most authoritative researcher of peasant farming under the conditions of "war communism" V.V. Kabanov, he stated the fact that it was impossible to determine the degree of its negative impact on peasant farming due to the lack of a reliable source base [11, c. 240]. In his opinion, along with the surplus appropriation system, peasant farming in this period was no less negatively influenced by factors such as the devastation of the war and revolutionary years, the crop failure of 1920, the reduction of agricultural production, etc. This conclusion is important in determining the balance of factors in the crisis of agricultural production in Russia during the Civil War and the initial period of NEP. It is obvious that everything should not be reduced to a subjective factor, i.e. the policy of the Bolsheviks. There were other factors that Esikov rightly pointed out.

The NEP period occupies a special place in the historian's scientific work. He made the most important conclusions on this topic. They closed a single chain of events going from the post-reform era through revolutionary upheavals and the Civil War to Stalin's forced industrialization based on the forced collectivization of the Soviet village.

Using materials from the Central Black Earth Region, Sergei Albertovich analyzed the evolution of peasant farming under the conditions of NEP. He characterized peasant production, the social structure of the village, showed the development of market relations in it and the stratification of the peasantry, certain successes in agriculture, etc. [13; 24, c. 23]. At the same time, Esikov relied not only on archival documents, but also on the works of outstanding Russian economists, whose attention was attracted by the family labor economy of the Tambov province during the period under review (N.P. Makarova, N.P. Oganovsky, A.V. Chayanov, A.N. Chelintseva) [35, c. 78]. He is one of the best experts and promoters of their scientific heritage.

The results obtained by the historian are very convincing. The main ones boil down to the following conceptual provisions: the NEP has never been a "peasant paradise", the middle peasant economy has exhausted its internal potential in terms of marketability and meeting growing state needs [39], the reform of the country's agriculture was inevitable [28; 29].

S. A. Esikov proved that the NEP was never a "peasant paradise" with the fact of the famine of 1923–1925 in the Tambov village. In his opinion, this famine was not inferior in scale to the famine of 1921–1922. In these years, more than one million people starved in the Tambov province, and there were cases of starvation deaths [41]. And subsequently, the level of food consumption in the village remained at very low, hungry or half-starved levels. On average, as the historian points out, during the NEP years, per capita consumption in the Tambov village was 11.4 pounds, which barely reached half of its usual norm [27, p. 27].

He explained the reasons for this situation. They were associated with the level of peasant production during the NEP, which was even lower than in the pre-revolutionary period. For example, the yield of grain crops on peasant farms in the Tambov province was lower than pre-revolutionary indicators: in 1912 – 62 dessiatinas per hectare; in 1916 – 62.6; in 1924 – 26.4; in 1925 – 14.4, etc. [27, p. 26]. In the 1920s it was never possible to completely restore the region's livestock farming. In 1927, there were 296,288 heads of working-age horses in the province compared to 387,139 heads in 1917 [27, p. 29]. The situation was similar throughout the country. Esikov provided relevant data on this matter. In 1927, the area under crops in the USSR was 90%, and under grain – 87% of the

pre-war area. The amount of grain per capita in 1927 was 489.6 kg (83.8%), compared with 584.1 kg in 1913. The number of livestock in the USSR only in 1927 reached the level of 1916, but working horses was still 17.3% less than in the pre-war years [39, c. 94].

During the NEP years, the overall agricultural culture of peasant farms also remained low. Progressive forms of land use, such as multiple fields with crop rotation and grass sowing, had difficulty penetrating rural society, where its traditional striping was preserved. In 1927, in the RSFSR, multi-field crop rotations were used only on 17.3% of the sown areas [39, c. 95].

Based on these and other facts, S. A. Esikov reasonably concluded: “It is necessary to admit that by the end of the 1920s the country’s agriculture was experiencing a period of stagnation and was on the verge of crisis; constant local hunger strikes, which engulfed different regions of the country almost every year, were evidence of this. So was the NEP a “peasant paradise”? Probably yes, in comparison with the previous time of war communism and the subsequent period of “emergency” and complete collectivization. The village was full of middle peasants. However, the middle peasant, while prospering, essentially provided only for himself, since his economy was unable to provide new technologies and tools” [39, c. 95].

Just like most NEP researchers, Esikov cited the fact of the grain procurement crisis in the country in 1927 and subsequent years to confirm this conclusion. He explained it by the actions of the Stalinist group in the party, focused on a forceful solution to the problem [43, c. 169–199]. But then the historian turned to one of the most controversial topics in modern domestic and foreign historiography – the problem of alternatives to the Stalinist system.

S. A. Esikov did not share the passions of a number of modern researchers for guessing on coffee grounds about what would have happened if there had been no collectivization. He is aware of the findings of the American historian-economist Hunter, who, based on the linear programming technique, created a computer model of an alternative economic history of the USSR from the late 1920s to 1940, as well as exercises on this topic by the head of the laboratory of mathematical methods in historical research L.I. Borodkin at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. These authoritative experts, using cliometrics, came to the conclusion that if the country had developed its economy according to the logic of the previous NEP years, avoiding collectivization, then the contribution of agriculture to other sectors of the economy could have been more significant [69, c. 160, 163].

Sergei Albertovich supported the arguments of opponents of tea-ground fortune-telling enthusiasts, including foreign researchers of Soviet history recognized in the scientific community (R. Davis, S. Cohen, M. Levin, etc.). The essence of their objections consists in the fact that history is not reduced to economic calculations; political, social and other factors also work in it. And most importantly, history cannot be changed!

S. A. Esikov, in his publications on this topic, drew attention to the main flaw of all supporters of the theory of alternatives. They ignore the specific historical situation in the country and unfoundedly assert the possibility of “long-term preservation of development trends inherent in the NEP period”. In the same vein was their conclusion about the existence of a variant of slow extensive growth of the country’s agriculture [67].

Esikov demonstrated his skepticism towards alternative history in a polemic with Danilov, who put forward the idea of a “Bukharin alternative”. The historian’s mentor and friend believed that N.I. Bukharin and the right-wing opposition offered the country a real program for overcoming the grain procurement crisis. It was based on the idea of “cooperative collectivization” and was an alternative to Stalin’s “revolution from above.”

S. A. Esikov did not agree with this. And his arguments look more convincing than those of his opponent. He did not deny the fact of an alternative view on the development of the peasant economy in Russia in the last years of the NEP and pointed out that its authors were economists N.D. Kondratiev and N.P. Makarov, who relied on supporting wealthy peasant farms and further deepening the NEP based on the mobilization of land, involving it in commodity exchange, etc. [45, c. 159]. But these ideas remained on paper, since the Stalinist regime established itself in the country with its program on the peasant issue.

As for Bukharin and his “alternative,” it could never be implemented because it was divorced from life and the practice of state building. And Bukharin himself did not evoke much respect from Esikov because of his inconsistent position.

Here is how he wrote about him, polemicizing with Danilov: “In the conditions of complete absence of internal party democracy, the top leadership of the party, or rather, the dominant Stalin group within it, could easily and successfully fight any opposition uprisings. Bukharin made a great personal contribution to the creation of such a situation. Let us remember how in 1927, while still in alliance with Stalin against Trotsky, Zinoviev and Kamenev and not knowing that a year later he would find himself in their place, he declared: “If the opposition tries to cause a “catastrophe”, the party will not leave a wet spot behind it”. What

kind of democracy is this? Therefore, we cannot agree with Danilov's opinion that until the end of 1927 the possibility of discussing politics within the leadership of the party and state remained. In the mid-1920s there was no such possibility anymore" [46, c. 478–479].

Analyzing the content of the "Bukharin alternative", the historian found obvious weaknesses in it. First of all, it did not take into account the complexity of the current international situation, which requires accelerating the country's economic development. To confirm his position, Esikov cited Bukharin's speech at the XIV Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks: "Because of class differences within our country, because of our technical backwardness, we will not perish... we can build socialism even on that miserable technical basis... this growth will be many times slower... we will plod along at a snail's pace, but... still we are building socialism and... we will build it" [73, p. 135]. That is, Bukharin allowed "a snail's pace of the country's development" [39, p. 98–99]. In this regard, Esikov asked the question: "Could the "Bukharin alternative" be realized? And he rightly answered: "Apparently, no. Due to serious flaws in Bukharin's constructions themselves, and in connection with the current situation in the country and the party, this alternative hardly had a chance of success" [39, c. 98; 46, c. 478–479].

Strengthening his argument, Sergei Albertovich entered into a debate with Danilov on the issue of cooperation. He identifies with V. V. Kabanov, who negatively assessed the state of rural cooperation during the NEP years. For Danilov, cooperation was the basic element of the "Bukharin alternative" to Stalinist collectivization. About his vision of cooperation in the period under review, Esikov wrote: "... having completely subjugated cooperation by centralizing it, occupying all leading positions in the center and locally, the authorities turned it into a huge, not very skillful, but very obedient apparatus for carrying out their policies in the village. The cooperation was maintained due to financial support from the state. The statement about the high possibilities for cooperation among peasant farms is not confirmed. It was not cooperation that was adapted to the NEP or the NEP was adapted to cooperation, but both were adapted to the planned beginning. At the end of the 1920s cooperation turned out to be incapable of fulfilling transformative functions, and even of its own responsibilities, it was destroyed" [46, c. 479].

Thus, S.A. Esikov proved the impossibility of any other option for the development of the country's agriculture at the turn of the 1920s–1930s than what happened. At the same time, he answered the question about the causes of the revolutionary upheavals in Russia in the first decades of the 20th century. They

were associated with the process of industrial modernization of the peasant country. Therefore, the study of agricultural issues is the key to understanding its characteristics and results. The historian stated this fact with regret, because the events of Stalin's collectivization and the resulting famine of 1932–1933 became a real tragedy for the Russian peasantry, including the Tambov peasantry. He also published serious works on this topic. They are written in line with modern approaches to the problem [7; 32; 34; 47].

S. A. Esikov is not only a wonderful historian, but also a teacher. Under his scientific supervision, numerous dissertations on the Russian peasantry were defended [3; 48; 53; 59; 62; 64; 71; 74]. As an official opponent, he supported many young [6; 49; 50; 55; 56; 57; 58; 60; 66; 57] agrarian historians who already had a certain weight in science [2; 51; 52; 70; 72].

Unfortunately, a serious illness did not give him the opportunity to complete much of what he had planned and already started. One can only imagine how interesting Sergei Albertovich's new work on the history of the Tambov province during the First World War would be. He started it as the head of a project supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation...

References and sources

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2007. 800 с.

2. Бабашкин В. В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: автореф. дисс...д. ист. наук. Тамбов, 2010. 423 с.

3. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (По материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 1998. 16 с.

4. Бородкин Л. И., Свищёв М. А. Социальная мобильность крестьянства в период нэпа // Вестник сельскохозяйственных наук. 1992. № 2. С. 105–121.

5. Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселёва, С. В. Мищенко. Москва–Тамбов, 1994. 352 с.

6. Гришаков В. Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны: автореф. дисс...канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

7. Есиков С. А., Кузнецова Э. Н. Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992. 90 с.

8. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.

9. Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский нэп» (Организация и деятельность «союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60–72.
10. Есиков С. А. Тамбовские эсеры об экономическом и социально-политическом положении губернии в 1920 году // Общественные движения и политические партии стран содружества (XIX–XX вв.): историография, история, современность: тезисы докладов и выступлений на международной научной конференции 16–19 сентября 1993 г. Ч. II. Владимир, 1993. С. 111–115.
11. Есиков С. А. Продразвёрстка в Тамбовской губернии // Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселёва, С. В. Мищенко. Москва–Тамбов, 1994. С. 234–241.
12. Есиков С. А. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. 13–14 июня 1994. Москва, 1996. С. 146–154.
13. Есиков С. А., Канищев В. В. Об эволюции крестьянских хозяйств в годы НЭПа (На материалах Центрального Черноземья) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Москва, 1994. С. 156–158.
14. Есиков С. А. Участковая агрономия, трёхпольная система и крестьянская община (Тамбовская губерния, начало XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX–начало XX вв.): сб. статей. Вып. 2. Тамбов: ТГУ, 1996. С. 24–31.
15. Есиков С. А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914–начале 1917 гг. // Крестьяне и власть: материалы конференции. Москва–Тамбов, 1996. С. 66–77.
16. Есиков С. А. Начальные века истории Российского государства и его первые правители: материалы к лекции. Тамбов, 1997. 16 с.
17. Есиков С. А. Партия социалистов-революционеров и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век.: материалы межвузовской научной конференции. Вып. III. Февраль 1997. Тамбов, 1997. С. 43–52.
18. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. статей. Вып. 2. Тамбов: ТГТУ 1998. С. 99–114.
19. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998 (2004). 120 с.
20. Есиков С. А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. диск...д. ист. наук. Москва, 1998. 34 с.
21. Есиков С. А. The Characteristics of The Tambov Region in Nineteenth Century // *Historia Agriculture* 28. Where the Twain Meet. Dutch and Russian

Regional Development in a Comparative Perspective 1800–1917. Ed. Pim Kooij. Groningen / Wageningen, 1998. P. 7–15.

22. Есиков С. А. Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России. IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 236–237.

23. Есиков С. А. Формирование и развитие сети сельских населённых пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: XXVI сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы: Тез. докл. и сообщ.: Тамбов, 15–18 сент. 1998 г. / Редкол.: Л. В. Милов (отв. ред.) и др. Москва, 1998. С. 3–16.

24. Есиков С. А., Канищев В. В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо-и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е–1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12–16 сентября 2000 г. Москва, 2000. С. 6–9.

25. Есиков С. А., Канищев В. В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо-и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е–1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 6-9.

26. Есиков С. А., Косов Р. В. Источники изучения общинного и личного крестьянского землевладения на микроуровне в пореформенный период. 1861–1904 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 329–338.

27. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е–конец 1920-х гг.) // CIRJE-F-262 History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 2). Токио, 2004. P. 7–35.

28. Есиков С. А. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 131–152;

29. Есиков С. А. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005 (на японском языке). Токио, 2006. P. 373–402 и др.

30. Есиков С. А. Варяги в русской истории: материалы к лекции. Тамбов, 2006. 20 с.

31. Есиков С. А., Щербинин П. П. Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 66–75.

32. Есиков С. А., Есикова М. М. Взаимоотношения крестьянства и власти Центрального Черноземья в период коллективизации в исторической литературе // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 89–97.

33. Есиков С. А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918–1921 годы) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков и др.). Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 217–227.

34. Есиков С. А. Красная Армия и коллективизация в деревне Центрально-чернозёмной области // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заочной науч. конф. Тамбов, 2007. С. 151–154.

35. Есиков С. А., Есикова М. М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти в историографии // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург, 2007. С. 78–89.

36. Есиков С. А., Есикова М. М. Аграрная политика российского правительства в 1880 – 1890-е годы // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 87–92.

37. Есиков С. А., Щербинин П. П., Алёхина Е. В. Продовольственное обеспечение беженцев в период Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии) // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург, ОРЛИТ-А, 2008. С. 81–87.

38. Есиков С. А., Кондрашин В. В. Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. Москва, 2008. С. 92–93.

39. Есиков С. А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–

XXI век: эволюция и кризисы: сб. статей / ред кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 94–100.

40. Есиков С. А., Щербинин П. П., Свиридов В. В., Старостин М. М., Хорошун К. И. Крестьянское восприятие Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российское село в XIX–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2009. С. 59–66.

41. Есиков С. А. Голод 1923–1925 гг. в тамбовской деревне // Государственная власть и крестьянство в конце XIX–начале XXI века: сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 266–270.

42. Есиков С. А. Историография поземельных отношений в Тамбовской губернии в пореформенное время // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.) / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2010. С. 31–41.

43. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). Москва: РОССПЭН, 2010. 244 с.

44. Есиков С. А. Правовые аспекты крестьянского землевладения и землепользования в пореформенной России // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург: Региональный центр развития образования Оренбургской области, 2011. С. 60–66.

45. Есиков С. А. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 152–161.

46. Есиков С. А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 468–479.

47. Есиков С. А. Хлебозаготовки 1930–1932 гг. в Центрально-Чернозёмной области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 339–362.

48. Захарцев С. Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2003. 23 с.

49. Кабанов В. Г. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки: автореф. дисс...канд. ист. наук. Саратов, 2011. 24 с.

50. Камордин В. В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX–40-х гг. XX в.: автореф. дисс...канд.ист.наук. Пенза, 2002. 21 с.

51. Кознова И. Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дисс...д. ист. наук. Самара, 2005. 39 с.
52. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дисс...д. ист. наук. Самара, 2001. 41 с.
53. Косов Р. В. Крестьянская земельная собственность Тамбовской губернии в структуре частного землевладения (1861–1906 гг.) (Опыт микроисторического анализа): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2000. 16 с.
54. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / отв. сост. С. А. Есиков и др. Тамбов, 1994. 333 с.
55. Лю Ин. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в первой трети XX века: автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2001. 22 с.
56. Мавлюдов И. Н. Татарская деревня в 1920-е гг.: традиции и новации (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2005. 24 с.
57. Малофеева Е. Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.): автореф. дисс...канд. ист. наук. Тамбов, 2001. 18 с.
58. Мирясов А. В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2002. 20 с.
59. Музычук В. С. Формирование аппарата ответственных работников Тамбовской губернии в 1918–1921 гг.: автореф. дисс...канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
60. Николашин В. П. Социализация земли в Тамбовской губернии и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.): автореф. дисс...канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 23 с.
61. Окуда Хироси. XX век и сельская Россия // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 10. Россия и Япония: от Путятина до Путина. С. 18.
62. Олиферовская И. В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации (1927–1933 гг.): автореф. дисс...канд. ист. наук. Саратов, 2006. 22 с.
63. Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. 363 с.
64. Пеньков А. В. Российская деревня в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (на материалах Тамбовской области): автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2002. 19 с.
65. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.
66. Сафонов А. А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): автореф. дисс...канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.

67. Свищёв М. А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. Москва, 1994. С. 181.
68. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар (обзор подготовлен В. В. Бабашкиным) // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 70, 76–77. 46–78.
69. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар (обзор подготовлен В. В. Бабашкиным) // Отечественная история. 1995. № 6. С. 160, 163, 143–147.
70. Соловьёв В. Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья: автореф. дисс...д. ист. наук. Саратов, 2009. 42 с.
71. Старостин М. Е. Единоличные крестьянские хозяйства накануне Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области 1937–1941 гг.): автореф. дисс. канд.ист.наук. Тамбов, 2011. 24 с.
72. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дисс... д. ист. наук. Самара, 2007. 54 с.
73. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925. Стенографический отчёт. Москва–Ленинград, 1926. 1029 с.
74. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920): «предантоновщина»: автореф. дисс... канд. ист. наук. Пенза, 2000. 24 с.
75. Яковлева Л. Е. Развитие постоянной повинности в России в XVIII–XIX вв.: автореф. дисс...канд. ист. наук. Саратов, 2008. 20 с.

И. И. Муравьева, зав. отделом использования документов и информатизации, Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (Тамбов)

**ПУТЬ В НАУКУ А. А. СЛЕЗИНА
И ОБ ОПЫТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГАСПИТО
С КАФЕДРОЙ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ» ТГТУ**

Аннотация: В статье представлены материалы о начале научной деятельности доктора исторических наук, профессора А. А. Слезина, формах сотрудничества ГАСПИТО с кафедрой «История и философия» ТГТУ.

Ключевые слова: ГАСПИТО, детское движение, комсомол, молодежное движение, А. А. Слезин, ТГТУ

I. I. Muravyova, head of the Department for the Use of Documents and Informatization of the State Archive of Socio-Political history of the Tambov region (Tambov)

**THE PATH INTO THE SCIENCE OF A. A. SLEZIN
AND THE EXPERIENCE OF COLLABORATION BETWEEN
GASPITO AND THE DEPARTMENT
OF HISTORY AND PHILOSOPHY AT TSTU**

Abstract: The article presents materials on the beginning of the scientific activity of the Doctor of Historical Sciences, Professor A. A. Slezin, and the forms of cooperation between GASPITO and the Department of History and Philosophy at TSTU.

Keywords: GASPITO, children's movement, Komsomol, youth movement, A. A. Slezin, TSTU

В Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО) хранятся личные дела по приему в члены КПСС, по учету кадров пользователя читального зала Слезина Анатолия Анатольевича, свидетельствующие о начале его научной деятельности.

В характеристиках, рекомендациях по вступлению в члены партии в 1986 г. отмечалось активное и успешное участие студента исторического факультета Тамбовского государственного педагогического института (ТГПИ) А. А. Слезина в научно-исследовательской деятельности: содержательные доклады на студенческих научных конференциях; его реферат по истории Кирсановской комсомольской организации был представлен на

республиканский тур Всесоюзного конкурса студенческих работ по общественным наукам; заметки и статьи, посвященные 350-летию Тамбова, публиковались в областных газетах «Тамбовская правда» и «Комсомольское знамя» [3, Оп. 28. Д. 126. Л. 6, 9].

Школьные и студенческие годы А. А. Слезина связаны с активной общественной работой. Обучаясь в средней школе № 1 г. Кирсанова, он возглавлял школьный комитет ВЛКСМ, входил в состав бюро Кирсановского горкома комсомола. С первых лет учебы на истфаке ТГПИ был избран членом бюро комсомольской организации факультета (затем института), редактором стенгазеты «Летопись», являлся председателем клуба «Поиск», бригадиром подросткового ССО «Факел». В период студенческих каникул работал корреспондентом кирсановской районной газеты «Ленинец», являлся внештатным корреспондентом областной газеты «Комсомольское знамя». [3, оп, 28, д. 282, л. 1 об., 3, 4]. За активную общественную деятельность неоднократно награждался почетными грамотами Тамбовского обкома и Кирсановского горкома комсомола, Мичуринского, Ленинского г. Тамбова райкомов ВЛКСМ, Кирсановского горкома КПСС, парткома ТГПИ, редакций газет «Ленинец» и «Комсомольское знамя». Был удостоен нагрудных знаков ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу», «Молодой гвардеец пятилетки» [3, оп. 28, д. 126, л. 4]. В августе 1984 г. студента 4-го курса истфака А. А. Слезина назначали редактором многотиражной газеты ТГПИ «Народный учитель», которую он возглавлял до призыва в ряды Советской Армии в декабре 1986 г. После демобилизации из рядов СА в июле 1988 г. поступил на должность ассистента кафедры истории КПСС Тамбовского института химического машиностроения (ТИХМа) [4].

В личном деле исследователя А. А. Слезина зафиксировано его первое посещение Партийного архива Тамбовского обкома КПСС – 1 марта 1989 г. – для проведения исследовательской работы по теме: «Деятельность комсомольских организаций Центрального Черноземья под руководством Коммунистической партии по организационному и идейному укреплению своих рядов (1921–1928 гг.)». В анкете указана цель исследования – написание статьи, тема утверждена на заседании совета кафедр общественных наук ТИХМа 12 января 1989 г. В деле имеется научный план А. А. Слезина по указанной теме, подписанный заведующим кафедрой истории КПСС С. А. Есиковым и проректором по научной работе ТИХМа А. А. Коптевым [1, л. 1–4].

А. А. Слезин за достаточно короткий промежуток времени провел большую исследовательскую работу. Для подготовки статьи ему было выдано

761 дело из фондов Тамбовского губкома ВКП(б) (ф. П-840), Тамбовского губкома ВЛКСМ (ф. П-1205), Кирсановского (ф. П-837) и Тамбовского (ф. П-842) укомов ВКП(б); Кирсановского (ф. П-565), Козловского (ф. П-1204), Моршанского (ф. П-1209), Тамбовского (ф. П-1206) укомов комсомола; Тамбовского обкома ВЛКСМ (ф. П-1184) [Там же, л. 5–40]. Согласно Правилам работы партийных архивов, все сделанные исследователем записи проходили проверку сотрудника партархива, и только после данной процедуры давалось разрешение на их выдачу и использование [13, с. 67–69]. В личном деле исследователя А. А. Слезина имеется внушительный перечень дел на 73-х листах, по которым им производились записи и отдавались на проверку в период с 10 апреля по 4 ноября 1989 г. (большая часть выписок приходилась на летний период). Как свидетельствуют перечни – это 9 общих тетрадей на 45–96 страницах [1, л. 41–113]. В разрешениях на выдачу записей, есть ограничения по ряду записей в трех тетрадях: тетрадь № 1 (часть л. 9); тетрадь № 2 (л. 16–20, 22, 23, 26 и часть л. 8, 25, 41, 61, 77 и 88), тетрадь № 4 (часть л. 88) [Там же, л. 41, 44, 47, 59, 76]. Таким образом, еще при первом посещение партийного архива молодым ученым была заложена добротная источниковедческая база для последующей исследовательской работы по истории молодежного движения региона.

Через три года (в марте 1992-го) ассистент кафедры отечественной истории ТИХМа А. А. Слезин продолжил исследовательскую работу в Центре документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО), созданном в октябре 1991 г. на базе Партийного архива Тамбовского обкома КПСС. Цель его работы – подготовка диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Там же, л. 141, 142]. Он продолжил работу с документами фондов губернских комитетов партии и комсомола (выдано более 150 дел).

После успешной защиты кандидатской диссертации будучи преподавателем кафедры гуманитарных наук Тамбовского государственного технического университета (ТГТУ) А. А. Слезин в феврале 1994 г. вновь обратился к фондам ЦДНИТО для подготовки монографии «История молодежного движения. XX век» [Там же, л. 153, 154]. Работал с фондами истпарта (ф. П-382), Тамбовского окружного (ф. П-1214) и областного комитетов комсомола (ф. П-1184), Тамбовского горкома ЛКСМ РСФСР (ф. П-1183), Кирсановского (ф. П-1230) и Тамбовского (ф. П-1101) райкомов ВЛКСМ (просмотрено 205 дел) [Там же, л. 167–176]. В октябре 2000 г. А. А. Слезин в Саратовском государственном социально-экономическом университете защитил диссертацию «Роль комсомола в формировании политической

культуры советского общества (1921–1929 гг. На материалах Центрального Черноземья)» на соискание ученой степени доктора исторических наук [16]. В 2002 г. вышла его монография «Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг.» [15].

А. А. Слезин был убежден, что «комсомол – феноменальное явление отечественной истории, природа и сущность которого выяснены далеко не до конца» [16, с. 1]. Поэтому неслучайно профессор Слезин стал основателем и руководителем научной школы «История молодежного движения в России» [17, с. 763]. Под его руководством успешно защитилось более 30 аспирантов (среди которых директора ГАСПИТО Д. М. Олейников (в 2009–2016 гг.) [11] и М. М. Дорошина (с 2016 г.) [8]). С начала 2000-х аспиранты кафедры «История и философия» ТГТУ систематически работают в читальном зале ГАСПИТО, используя его документы как базовые архивные источники для подготовки кандидатских диссертаций и научных статей.

С 2007 г. ГАСПИТО активно сотрудничает с кафедрой «История и философия» ТГТУ по осуществлению издательских проектов по истории комсомола, общественно-политической жизни, детского движения в регионе. Под научной редакцией заведующего кафедрой А. А. Слезина проведена подготовка следующих изданий:

– сборник «Тамбовский комсомол: грани истории» в двух томах. Издание тиражом 1 тыс. экземпляров осуществлено в соответствии с постановлением администрации Тамбовской области от 23.09.2008 № 1178 «О праздновании 90-летия комсомола Тамбовской области» [18; 19].

Образность, креативность мышления научного редактора проявились в предложенном структурировании материалов по истории тамбовского комсомола в монографии. В двухтомник включено 25 очерков молодых профессиональных историков о наиболее актуальных проблемах истории комсомольских организаций, действовавших на территории Тамбовской области. Вторая часть книг – документальная. В ней опубликованы 123 документа (с соответствующей археографической обработкой) из фондов ЦДНИТО (с 2009 г. – ГАСПИТО) за 1917–1991 гг., 144 фотодокумента. Третья часть «История в лицах» содержит краткие биографические справки лидеров тамбовского комсомола – ответственных секретарей губкома комсомола в 1918–1928 гг., Тамбовского и Козловского окружкомов комсомола в 1928–1930 гг., первых секретарей Тамбовского обкома ВЛКСМ в 1937–1991 гг., первых секретарей Кирсановского, Котовского, Мичуринского, Моршанского, Рассказовского, Тамбовского, Уваровского горкомов комсомола в 1946–1991 гг. Второй том монографии «оживляет» раздел «Слово –

ветеранам ВЛКСМ», где комсомольские работники отвечали на ряд актуальных вопросов: «Как в целом Вы оцениваете значение комсомола в своей биографии?», «Какие направления комсомольской деятельности Вы считаете наиболее полезными для Отечества?», «Какие эпизоды комсомольской жизни Вам наиболее запомнились», «Встречались ли Вы с людьми, которых можно назвать настоящими комсомольцами?», «Как Вы думаете, почему комсомол все же умер?». В опросе приняли участие более 100 респондентов; – в 2013 г. вышел в свет сборник документов (хрестоматия) «Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985–1991)». Объем сборника составил 53,54 усл. печ. листов + вкл. 3,87. Тираж – 500 экземпляров [10].

Профессор А. А. Слезин взял на себя определенную смелость выступить научным редактором одного из первых в Российской Федерации сборника документов, раскрывающих суть происходящего в общественно-политической жизни страны и региона в заключительный период советского этапа отечественной истории. Поставил перед составителями трудную задачу – опубликовать в первую очередь принципиально важные документы по ключевым проблемам важнейшего рубежа в новейшей истории нашего Отечества, и через их призму показать как общие закономерности, так и региональные особенности переломного этапа в развитии страны. Благодаря такому научному подходу, многие документы сборника могут стать репрезентативными источниками по истории становления гражданского общества в России.

Издание включает 265 документов из фондов партийных и комсомольских органов и новых общественно-политических движений (Тамбовского городского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», Тамбовской городской организации Демократической партии России, областной общественной экологической организации «Тамбовское зеленое движение», Тамбовского областного отделения общественного комитета российских реформ, Тамбовского городского политического клуба «Демократическое обновление» и клуба избирателей г. Мичуринска «Демократ» и др.).

В сборнике отражены основные политические процессы в области начального периода «перестройки», центральное место среди которых занимала широкомасштабная кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, «нетрудовыми доходами», с новым социальным злом – наркоманией (март 1985 г. – январь 1987 г.); начало радикальной реформы советской политической системы от идеологического диктата к гласности и от

гласности к свободе слова, эволюция взаимоотношений церкви и государства (январь 1987 г. – июнь 1989 г.); нарастание кризисных явлений, накал политической борьбы, появление в области оппозиционных КПСС общественных организаций, неформальных групп и объединений молодежи, процесс саморазрушения коммунистических партийных структур, попытки «реанимации» деятельности комсомола (июнь 1989 г. – 1991 г.).

В качестве приложений в хрестоматии опубликованы хроника общественно-политической жизни Тамбовской области в 1985–1991 гг. и список общественных объединений, действовавших на территории Тамбовской области в 1985–1991 гг.;

– в 2017 г. в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) научного проекта № 15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века» издана монография «Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг.». Тираж – 500 экз. [20]. В монографии рассмотрены актуальные проблемы союза молодежи в так называемые годы «оттепели», в т.ч. рассмотрена положительная практика по воспитанию жизнеспособного молодого поколения. Выходу в свет монографии предшествовал многолетний исследовательский труд А. А. Слезина в читальном зале ГАСПИТО (2012–2015 гг.) [2];

– в 2018 г. при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-01-16049 вышел в свет сборник документов «Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.)» [7]. Издание посвящено уникальному социальному явлению в отечественной истории XX века – детскому движению. История детства остается проблемой малоизученной, объектом исследования гуманитарных наук дети стали лишь во второй половине XX в. [6, с. 157]. Актуальность выхода книги возросла в связи с Указом Президента РФ В. В. Путина от 29 мая 2017 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», так как содержит бесценный исторический опыт о положительных и отрицательных сторонах взаимодействия государства и детских общественных объединений.

В сборнике опубликовано 474 документа из фондов ГАСПИТО: Истпарта, губернского, уездных и окружных комитетов ВЛКСМ, Тамбовского областного, городских и районных комитетов комсомола за 1914–1945 гг.; 124 фотодокумента в качестве иллюстраций размещены на двух цветных вкладках и по тексту. Объем сборника составил 58,82 усл. печ. листов + вкл. 2,6. Тираж – 300 экземпляров.

Новаторский подход А. А. Слезина к освещению проблемы детского движения проявился и в выборе начальных хронологических рамок

сборника (с 1914 г.). По его мнению, именно Первая мировая война и последующие социальные потрясения стали мощным детонатором активизации детского движения [7, с. 3]. В этот период возникают различные детские организации: ученические комитеты, сельскохозяйственные союзы, клубы, творческие и физкультурные кружки, скауты. Детство из объекта взрослых воздействий превращается в самостоятельный субъект, способный влиять на жизнь общества [6, с. 158].

Документы сборника отражают зарождение пионерского движения в форме реорганизованного скаутинга и трудности его становления, созидательные традиции и провинциальную специфику, отношение общества и государства к детям.

Сборник получил высокую оценку научной общественности. Так, доктор исторических наук, профессор Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Е. И. Демидова отмечала: «...хотя книга подготовлена на тамбовском материале, ее необходимо считать важнейшей публикацией по истории детского движения и в целом социально-политической истории первой половины XX века. Она дает возможность составить объективное представление о роли и месте детского движения и во время Первой и Второй мировых войн, и между ними» [Там же]. Решением коллегии Федерального архивного агентства «Об итогах Конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2015–2017 гг.» от 25 апреля 2019 г. научный редактор сборника документов «Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.)» А. А. Слезин и члены редакционной коллегии – работники ГАСПИТО С. В. Вавилова, М. М. Дорошина, И. И. Муравьева награждены дипломом третьей степени в номинации «Публикации документов» по группе архивных учреждений субъектов Российской Федерации.

Все изданные сборники снабжены соответствующим научно-справочным аппаратом, включающим введение, текстуальные примечания и комментарии по содержанию, именной указатель, список сокращений, перечни использованных архивных фондов и публикуемых документов.

Сотрудничество ГАСПИТО с кафедрой «История и философия» ТГТУ осуществляется и в других формах. В 2017 г. архив поддержал предложение кафедры о проведении Международной научной конференции «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А. С. Антонова (1920–1921 гг.)». Директор ГАСПИТО, кандидат исторических

наук М. М. Дорошина возглавила работу секции «Крестьянское повстанчество: тамбовский феномен и общие черты» [9].

На официальном сайте ГАСПИТО в разделе «Публикации» размещено более 20 статей представителей научной школы А. А. Слезина по актуальным проблемам молодежного движения XX века, набравших более 99,5 тыс. просмотров [5].

В целях повышения качества и расширения спектра информационного обслуживания пользователей, интересующихся деятельностью комсомольских организаций региона, в ГАСПИТО созданы тематические базы данных в электронном формате «Перечни вопросов, рассмотренных на конференциях, пленумах, заседаниях бюро, секретариата Тамбовского обкома ЛКСМ РСФСР за 1937–1991 гг.» (включает 30964 записей) [13], «Первые секретари обкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР в 1928–1991 гг.» (включает 1376 записей) [12]. Просопографическая БД содержит биографические сведения первых секретарей обкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР в 1928–1991 гг. (год и место рождения, национальность, социальное происхождение, образование, дата вступления в члены ВЛКСМ и ВКП(б)/КПСС, начало и окончание работы в данной должности).

С 2015 г. заведующий кафедрой «История и философия» ТГТУ А. А. Слезин являлся членом Межведомственной экспертной комиссии по рассекречиванию архивных документов при администрации Тамбовской области, работа которой осуществлялась на базе ГАСПИТО. За этот период на открытый режим хранения переведено более 6,2 тыс. архивных дел.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия» ТГТУ, академик Российской академии естественных наук, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации А. А. Слезин активно и плодотворно сотрудничал с коллективом ГАСПИТО в издательских проектах, по популяризации архивных документов по ключевым проблемам отечественной истории, борьбе с фальсификацией истории комсомола, его роли и места в советском обществе. Среди нереализованных проектов – продолжение издания о деятельности детских общественных организаций региона 1946 – 1991 гг.

Список литературы и источников:

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Личное дело исследователя А. А. Слезина (1989–1994 гг.).

2. ГАСПИТО. Личное дело № 545 пользователя А. А. Слезина (2012–2015 гг.).
3. ГАСПИТО. Ф. П-701. Ленинский районный комитет КПСС, г. Тамбов (1938–1990 гг.).
4. ГАСПИТО. Ф. П-735. Тамбовский городской комитет КП РСФСР (1918–1962, 1965–1991 гг.). Оп. 43. Д. 95. Л. 36.
5. ГАСПИТО: офиц. сайт. – Тамбов, 2010–2024. – URL: <https://gaspito.68edu.ru/materials/publications/articles?start=20> (дата обращения 19.04.2024).
6. Демидова Е. И. Детское движение на переломе российской истории: пристальный взгляд из архива // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2018. № 9(95). – С. 157–163.
7. Детское движение в Тамбовском крае (1914 – 1945 гг.): Сборник документов \ ред. коллегия: А. А. Слезин (науч. ред.), С. В. Вавилова, М. М. Дорошина, И. И. Муравьева. – Тамбов: Грамота, 2017. – 724 с.
8. Дорошина М. М. Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937 – 1991 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2015. – 24 с.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А. С. Антонова (1920 – 1921 гг.): материалы Международной научной конференции (г. Тамбов, 20 мая 2017 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80): в 2-х ч. Ч. 2. – 118 с.
10. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985–1991 гг.): Хрестоматия / под ред. А. А. Слезина. Составители: З. Н. Ансимова, С. В. Вавилова, М. М. Дорошина, И. И. Муравьева (ответ. составитель). – Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2013. – 664 с.
11. Олейников Д. М. Роль комсомола в развитии производственной сферы послевоенного СССР (на материалах Тамбовской области 1945–1965 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саратов, 2012. —25 с.
12. Первые секретари обкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР в 1928–1991 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gaspito.68edu.ru/materials/all-databases/databases>. – Дата опубликования: 11.01.2019.
13. Перечни вопросов, рассмотренных на конференциях, пленумах, заседаниях бюро, секретариата Тамбовского обкома ЛКСМ РСФСР за 1937–1991 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gaspito.68edu.ru/materials/all-databases/databases>. – Дата опубликования: 11.01.2019.
14. Правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, институтов истории партии – филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. М., 1980. 119 с.
15. Слезин А. А. Молодежь и власть: Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921-1929 гг. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. 219 с.

16. Слезин А. А. Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества (1921–1929 гг. На материалах Центрального Черноземья): Автореф. дис. д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 51 с.

17. Тамбовская энциклопедия /Администрация Тамб. обл.; гл. науч. ред. А. Ю. Ильин. 2-е изд., испр., доп. и перераб. Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020. 1016 с.

18. Тамбовский комсомол: грани истории. 1918–1945. / А. А. Слезин (науч. ред.), С. А. Чеботарев, Л. В. Провалова, М. Ю. Антимонов, В. Е. Бредихин, М. М. Дорошина, Р. Л. Никулин, И. И. Муравьева. Тамбов: Изд-во ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2008. 467 с.

19. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946–1991. / А. А. Слезин (науч. ред.), Д. М. Олейников, А. А. Беляев, В. Е. Бредихин, О. А. Бурахина, И. В. Двухжилова, М. М. Дорошина, В. В. Красников, И. И. Муравьева, Т. Н. Самгина, К. А. Слезин, Р. В. Скорочкин, В. А. Скребнев, С. А. Фролов, С. А. Чеботарев. Тамбов: Изд-во ООО «Юлис», 2010. 384 с.

20. Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг. / А. А. Слезин (науч. ред.), И. Н. Александрова, Т. А. Власова, М. М. Дорошина, А. А. Нестерова, И. Г. Ованесян. Тамбов: Грамота, 2017. 232 с.

УДК 94 (47) |18|

А. Н. Долгих, д-р истор. наук, профессор
Липецкий государственный педагогический университет
(Липецк)

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрены основные предпосылки отмены крепостного права в России в 1861 г., имевшие место уже в первой половине XIX в.: законодательные наработки, общественное мнение, появление «просвещенной бюрократии», будущего «мотора» реформы.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянская реформа, общественное мнение, дворянство, просвещенная бюрократия, Российское самодержавие.

A. N. Dolgikh, Doctor of Historical Sciences, Professor
Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk)

THE PROBLEM OF PREPAREDNESS FOR THE ABOLITION OF SERFDOM IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article examines the main prerequisites for the abolition of constitutional law in Russia in 1861, which took place already in the first half of the XIX century: legislative developments, public opinion, the emergence of a «enlightened bureaucracy», the future «engine» of reform.

Keywords: serfdom, peasant reform, public opinion, nobility, enlightened bureaucracy, Russian autocracy.

Вопрос о том, насколько крестьянская реформа 1861 г. в России была подготовлена предшественниками императора Александра II, неоднократно ставился в литературе, но его рассмотрение, в основном, ограничивалось кратким описанием лишь некоторых мер, предусматривавших изменение положения владельческих крестьян (мы предпочитаем использование именно этого

термина, а не термина «крепостные», так как последними, т.е. «крепкими земле», в России в ту пору были практически все крестьяне) и дворовых людей, общей оценкой законодательной «горячки» николаевского царствования в данной сфере [1, с. 301-324; 8, с. 55-62; 13, с. 100-195], а также рассуждениями о том, нужна ли вообще была эта реформа и не слишком ли рано её провели (Б. Н. Миронов, Л. Р. Рянский). Стало модным теперь говорить о позитивном развитии помещичьего хозяйства в предшествовавшие реформе десятилетия [14, с. 376, 413; 16, с. 65-73.]. Ранее же утверждался тезис о кризисе крепостничества в 1830–1850-е гг. [8, с. 61-62]. На этой же позиции стоим и мы.

Сам по себе поставленный в заглавии работы вопрос представляется весьма сложным и многоплановым. Но все же можно в нем выделить некоторые очевидные вещи, на которые стоило бы обратить здесь внимание. Начнем рассмотрение вопроса сверху, с верховной власти. Очевидно, что и Александр I, и Николай I (но не Павел I, смотревший на вещи иначе, хотя объективно и готовивший будущие преобразования, проводя, пусть и колеблющуюся, но все же политику, направленную на смягчение крепостничества) задумывались о том, что разрешение данного вопроса назрело. Но если Александр I, считая это дело правильным, не очень представлял конкретно, как его организовать на практике – отсюда и движение по всем направлениям (и меры по ограничению продажи людей без земли, и прекращение пожалований государственных крестьян помещикам, и остзейская реформа 1804 г., связанная с фиксацией повинностей крестьян на землевладельцев-дворян, и позднейшее «освобождение» их без земли, начатое в 1816–1819 гг., и эмансипация крестьян по указу 1803 г. о «вольных хлебопашцах», и другие меры подобного рода. Общим же здесь являлось наличие дворянской инициативы как главного условия продвижения данного дела.

Кроме того, действительно, император Александр отказался с 1801 г. от сохранения прежней практики пожалований крестьян в качестве награды заслуженным воинам и чиновникам, хотя ситуация с так называемыми арендными крестьянами в западных губерниях империи осталась на прежнем уровне. Монарх также инициировал создание законодательства по ограничению продажи людей без земли, что являлось одним из важных атрибутов крепостного права в России. Другое дело, что достичь значимых успехов в данной сфере ему не удалось. Обсуждение вопроса об этом имело место и в Непременном совете в 1801 и 1802 гг. и в Государственном совете в 1820 г. (не считая подобного рассмотрения его в Комитете министров, в Министерстве внутренних дел и Правительствующем сенате) выразилось лишь в указе 1808 г. о запрете такой продажи на ярмарках и торгах, но эффект здесь был

минимален [3]. Трудно сказать, стоит ли сюда отнести учреждение военных поселений, хотя некоторые исследователи учитывают и это обстоятельство в данном контексте активного участия государственной власти в межсословных взаимоотношениях, от чего она практически уклонялась в послепетровскую эпоху. Укрепление самодержавия уже при Екатерине II и Павле I дало монархии больше возможностей здесь действовать более смело [6, т. 1]. Неясность была в том, освобождать ли с землею или без земли, оставить это дело государству, либо учитывать и предложения дворянства. Так или иначе, но некоторый задел здесь имел место – налицо обсуждение и в Государственном совете, и в Комитете министров, и в Правительствующем сенате ряда аспектов проблемы; ею также активно занималось Министерство внутренних дел, кстати, курировавшее освобождение крестьян по указу 1803 г.

Негативный по преимуществу итог разрешения данной проблемы в александровское время косвенно оказал влияние, например, на появление проектов на сей счет в среде дворянства; их, по нашим данным, насчитывалось несколько сотен (а считая всякого рода высказывания и т.п., в александровское время – около тысячи; примерно столько же их имело место и при Николае I [4]. Данная проблема занимала важное место в программах декабристских обществ, во многом продолжавших дело монарха, когда сам он постепенно от него отстал. Вместе с тем поражение декабристов не означало того, что новая власть в лице Николая I и его нового окружения спустила это дело на тормозах [15, с. 43-242]. Стоит заметить, что эта проблема постоянно была в центре внимания этого монарха, который здесь, в отличие от других сфер внутренней политики (просвещение, цензура), был более открыт новым идеям, в центре внимания которых была мысль о конечной эмансипации владельческого крестьянства и освобождении дворовых людей. Нарботки ряда секретных комитетов (их насчитывалось около десятка) лягут потом в основу самой реформы 1861 г. Так, если освобождение по типу указа 1803 г. – с землей за выкуп при том или ином участии государства – имеет параллель с нормами акта 1861 г., то для николаевского времени можно здесь назвать окончательно выкристаллизовавшуюся идею о том, что освобождать крестьян можно только с землей, в то время как при Александре I законодатели спокойно относились и к безземельному освобождению, чему и не чужды были декабристы. Кстати, отметим при этом, что почти никто из них крестьян своих так и не освободил несмотря на то, что существовали нормы указа о вольных хлебопашцах, а многие декабристы, и это доказано уже были и хозяевами своих земель. В этом заключается парадокс, «проклятый» вопрос тогдашней русской действительности, показательный для той эпохи. Слова у

них явно расходились с делом. Можно в этой связи вспомнить на сей счет язвительную басню И. А. Крылова «Волк и пастухи» и стихотворение Д. В. Давыдова «Современная песня» [2, с. 140-141; 11, с. 160].

Однако причины этого явления не всегда ясны. Кроме того, что дворяне, даже просвещенные, хотели передать свое достояние (имения с крестьянами) своим детям, не желая их «обесточить», имели место, по нашему мнению, и другие факторы – общественное мнение, которое уже с начала XIX в., в целом, сочувствовало идее смягчения крепостного права, но, в общем, скептически относилось к освобождению «поселян» и особенно дворовых, считая, что они лишь «пойдут в кабаки» и подорвут основы государственной безопасности; налицо имелись некоторые бюрократические проволочки, которые снижали возможности эмансипации (известный пример графа М.С. Воронцова с реализацией указа 1842 г. об «обязанных крестьянах» в одном из своих имений) [5, с. 283]. Нежелание хлопотать по этому поводу и проводить свое желание крестьянской свободы через коррумпированную чиновничью среду также имело место. Но факт остается фактом: крестьян не отпускали на волю даже прогрессивно мыслящие дворяне [10]. Он создает негативный образ российского дворянства той эпохи; их жадность потом обернется их фактическим разорением в пореформенное время и дальнейшими революционными событиями 1905 и 1917 гг., приведшими к концу «их эпохи».

Первая половина XIX в. стала временем постепенного осознания невыгодности крепостного права и возможности более доходного для помещичьего дворянства использования крестьянского труда как труда вольнонаемного. Конечно, на этом пути осознания правящим сословием империи данного явления находилось ряд препятствий: плохие дороги, сложности по доставке продуктов сельского хозяйства на рынки, малый вывоз зерна за границу, относительная надежность и отчасти гарантированность прежнего порядка вещей, не требовавшего особой активности для помещиков (а la Коробочка), общий консерватизм дворянства, дороговизна машин, низкая образованность массы дворянства в агрономической сфере и др. Имелись еще и ресурсы повышения доходности имений такого рода, как фактический сгон крестьян с земли «на месячину», пусть и мало эффективный метод расширения сельскохозяйственного производства; винные откупа и производство вина и водки на местах, сохранение определенных феодальных привилегий на занятия некоторыми видами производства. Однако налицо имелся в эту эпоху и постепенный рост помещичьей задолженности банкам («кредитным установлениям»), и прогрессирующее разорение землевладельцев-дворян (пусть не всех и не везде), и допуск элементов

вольнонаемного труда при сохранении основ крепостничества и др. Новые экономические и эмансипационные идеи проникали в гущу дворянского сословия крайне медленно; основная масса их вела хозяйство по старинке. Скажем, в итоге: невыгодность крепостничества еще не была прямо на повестке дня, не стала еще главной причиной реформ в экономической сфере.

Налицо были и опасения всеобщего крестьянского бунта. Конечно, он вряд ли мог быть подобен пугачевщине; здесь не нужно преувеличивать его возможные масштабы и опасность для дворянства (и особенно, например, николаевской «системы»), но, пользуясь выражением более позднего времени, не будет преувеличением сказать здесь, что «земля горела под ногами» помещиков, многие из которых рано или поздно подвергались нападениям крестьян и дворовых людей, особенно по причине барских жестокостей или сексуальных излишеств разного рода по отношению к женам и дочерям «подданных». Финал здесь был очевиден; это как раз понимали и помещики, и особенно чины соответствующего ведомства, в том числе, например, А. Х. Бенкендорф [6, т. 2, с. 286-297], в меньшей степени Л. В. Дубельт и А. Ф. Орлов [5, с. 126-127; 7]. Это понимание отразилось во всеподданнейших докладах по ведомству III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, что общеизвестно. С этим делом – решением аграрного вопроса – с их точки зрения долго медлить было уже нельзя. Крымская война только ускорила решение о реформе, но не стала его началом.

Отметим и гуманистическую сторону дела. Начиная с конца XVIII в., с проповеди Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, каждого по-своему, идеи гуманного отношения к «подданным» («поселянам», по тогдашней терминологии), исходящие из религиозных в том числе соображений, все более проникали в общественную среду. Их нельзя недооценивать [6, т. 1, с. 301-310, 332-350]. На базе их постепенно растет миропонимание несправедливости существующего порядка, со временем, через 1-2 поколения люди, воспитанные, например, на произведениях сентиментализма, станут крупными правительственными «дельцами», представителями так называемой «просвещенной бюрократии», которые и станут главным «мотором» реформы, поскольку она будет проводиться сверху, силой монарха при слабой поддержке, скорее, против воли огромного большинства первенствующего сословия. Заметим, кстати, что последний факт был фактически элиминирован В.И. Лениным в серии статей о крестьянской реформе (1911 г.), но он был тоже важным для ее реализации.

Спецификой реформы 1861 г. стал тот факт, что она готовилась и проводилась на фоне военного поражения, которое, с одной стороны,

поставило задачу быстрейшего ее проведения из-за боязни еще большего отставания от Европы и превращения России в ее полуколонию, а с другой стороны, она наложила свой мощный отпечаток на последующее развитие страны – используем здесь выражение «спущенный курок». Полагаем, что подобные судьбоносные реформы следовало бы проводить в ситуации, когда мощь власти не подвергалась сомнению, поэтому если бы она реально началась, скажем, с указа 1842 г. об «обязанных крестьянах» (с обязательным его исполнением, а не как это было в самом этом акте, возлагавшем его реализацию на волю помещиков), то подобная реформа спасла бы режим или укрепила бы его на долгий срок; реально же реформа 1861 г. проводилась в иных условиях, в иное время, да еще на фоне других буржуазных преобразований (еще более всколыхнувших страну), которые в совокупности повели дело к будущим революциям (хотя в значительной степени этому будут способствовать и позднейшие контрреформы Александра III и колеблющаяся политика Николая II).

Наконец, носителем идеи крестьянского освобождения стал и новый император – Александр II (воспитанный Николаем I, в общем, как реформатор, что нельзя забывать) [9], который в юности был приверженцем консервативной линии в данном вопросе, занимая позицию в секретных комитетах правее собственного отца. Однако, безвольный и упрямый, он, убедившись на примере крымского поражения в том, что реформа эта (как и некоторые другие, может быть, лишь в меньшей степени) нужна, пошел здесь до конца, пусть и с отступлениями назад, но без этой поддержки от самого монарха реформы тогда бы не случилось. Она была достаточно куцей, не радикальной, не привела к резкому улучшению имущественного положения массы бывших владельческих крестьян (о других категориях крестьянства мы здесь не говорим подробно), хотя правовой их статус существенно изменился в лучшую сторону. Были, наконец, реализованы прежние наработки законодательства первой половины XIX в., например, положения о запрете продажи людей без земли; уже государство, а не помещики, стали определять, кому служить в армии и др. Но в силу своей недостаточной радикальности реформа не привела страну к успокоению. «1861 год породил 1905», как писал об этом В.И. Ленин [12, с. 177].

Список литературы и источников

1. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. Москва: Академический проект, 2018. 999 с.
2. Давыдов Д. В. Стихотворения / Подг. текста, вступ. статья, сост. и примеч. В. Афанасьева. Москва: Советская Россия, 1979. 208 с.

3. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII–первой четверти XIX вв. Монография: В 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 310 с.; Т. 2. 357 с.
4. Долгих А. Н. Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. // Российская история. 2023. № 1. С. 59–70.
5. Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки: Монография. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с.
6. Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: в 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.
7. Дубельт Л. В. Заметки генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127–171.
8. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.
9. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 720 с.
10. Ильин А. Ю., Канищев В. В. К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 16-21.
11. Крылов И. А. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1969. 528 с.
12. Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 20. С. 171-180.
13. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. Москва: Мысль, 1990. 235 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.
15. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 360 с.
16. Рянский Л. М. Помещицы крестьяне Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX в. Курск: Курский государственный университет, 2010. 151 с.

А. А. Кайряк, лаборант,
НОЦ исторических исследований и анализа,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург, г. Пушкин)

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ И ВОПРОС ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. Целью исследования является изучение особенностей землевладения немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Ключевые слова: немецкие колонии, формы землевладения, Санкт-Петербург, землевладение, российские немцы, колонисты, земельные отношения, крестьянская реформа.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

A. A. Kairyak, laboratory assistant,
Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis,
Pushkin Leningrad State University
(St. Petersburg, Pushkin)

GERMAN COLONIES AND THE QUESTION OF LAND OWNERSHIP IN THE SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Abstract. The purpose of the study is to study the peculiarities of land ownership of German colonies in St. Petersburg province in the second half of the XVIII – first half of the XIX century.

Keywords: German colonies, forms of land ownership, St. Petersburg, land ownership, Russian Germans, colonists, land relations, peasant reform.

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation and by St. Petersburg Science Foundation № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

В XVIII-XIX вв. в Санкт-Петербургской губернии существовали немецкие колонии, занимавшие земли под различным управлением. Они включали в себя земли царскосельской вотчины, членов царского правительства, а также на казенных и арендованных участках. Эти формы землевладения создали разнообразные модели управления и жизни. Исследование этого аспекта позволит лучше понять жизнь немецких колонистов в

регионе и изменения в земельных отношениях со временем. Результаты исследования помогут осветить управление и жизнь в колониях, а также расширить знания о немецких колонистах в России.

Исследования по истории немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии в разные периоды были ограничены или недостаточно развиты. Работа П. И. Кёппена [3] выделяется своим значительным вкладом в анализ миграционных процессов в Российской империи, где автор подчеркивает масштабы переселения иностранцев, сосредотачивая внимание на немецких колонистах и их поселениях. В начале XX в. Г. Г. Писаревский [4] осуществил исследования, которые можно рассматривать как первые профессиональные работы по переселенческой политике колонистов. В целом, в дореволюционный период исследования были обобщающими, без глубоких выводов.

В советский период ученые сконцентрировались на других регионах, работы по Санкт-Петербургской губернии начали появляться в 70-80-е гг. XX в. После Второй мировой войны исследования о немецких колонистах в период фашизма были практически прекращены до 1960-х гг. Историография этого периода отличается обобщенными работами, включающими немцев Санкт-Петербургской губернии в контекст других этносов [25; 24].

В постсоветский период началось активное издание комплексных работ о немецких колониях Петербурга. Одним из значимых исследований стала диссертация Е. В. Бахмутской [1], охватывающая темы формирования немецких колоний, их социальном и экономическом развитии. В 2010-х гг. в публикациях представлены истории отдельных колоний, например, Стрельна [19]. Также стоит отметить статью В. Н. Шайдурова и О. В. Ерохиной, которые рассматривают первые колонии вблизи Санкт-Петербурга [23]. Ученые критически анализируют информацию, используя работы предыдущих авторов. Исследования И. В. Черказьяновой о законодательстве в немецких колониях под Петербургом XVIII – начала XIX вв. [18], роли Александра Клауса в подготовке колониальной реформы 1871 г. [22], создании немецкой колонии Фриденталь [21] и последствиях колониальной реформы 1871 г. [20] представляют интерес для изучения истории немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии.

В современной историографии наблюдается увеличение работ по этой теме с улучшением научной проработки и комплексным подходом к исследованию. Однако существуют пробелы, включая вопросы землевладения немецких колонистов, которые требуют дальнейшего изучения для более

полного понимания их жизни в данном регионе в указанный исторический период.

Исследование основано на комплексном анализе различных источников о землевладении немецких колонистов Петербурга в XVIII-XIX вв. Основным источником стали документы из Российского государственного архива (РГИА), в частности из фонда I Департамента Министерства государственных имуществ [8]. Документы из фонда Павловского городского правления [12] содержат ценную информацию о жизни колонистов на дворцовых землях. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) хранится ценная информация о немецких поселениях в Санкт-Петербургской губернии. Фонды 472 и 840 содержат данные о выкупе земель колонистами и их поселении на частных владениях. Архивные документы являются ценным источником информации о жизни колонистов, их земельных отношениях и взаимодействии с властью и помещиками.

При исследовании землевладения немецких колонистов в Санкт-Петербурге в XVIII-XIX вв. ключевую роль сыграли законодательные источники, такие как материалы Полного собрания законов Российской империи. В них содержатся важные законы, определявшие иностранную колонизацию в России. Использование данного источника позволило охватить широкий спектр нормативных документов, регулирующих жизнь и деятельность колонистов. Комплексный подход к источникам позволил достичь поставленных целей и раскрыть поставленную тему исследования.

Иностранные поселенцы были приглашены в Россию с целью заселения и развития территорий, включенных в состав страны в период с XVI по XVIII вв. Под руководством Екатерины II и Александра I в окрестностях Санкт-Петербурга появилось тринадцать немецких колоний, основанных в 1765 г. Екатерина II начала массовую колонизацию с подписания Манифеста 4 декабря 1762 г. о позволении иностранцам селиться в России [5]. В 1763 г. были обнародованы законодательные акты, устанавливающие основу для проведения колонизационных мероприятий [6].

В 1765 г. Екатерина II поручила Ф. В. Удалову (управляющий Царскосельской вотчинной конторой) найти неиспользуемые земли для поселения иностранных поселенцев. Последние получили право на вечное наследственное владение и не могли продавать или менять землю [9]. Под руководством В. Р. фон Польмана были основаны Среднерогатские и Ижорские колонии вблизи столицы на землях Царскосельской вотчины [10].

Немецкие колонии в Санкт-Петербургской губернии были размещены на казенных и вотчинных землях: Среднерогатская и Ижорская колонии на

Царскосельской вотчине, а Новосаратовка и ябургские колонии на казенных землях. Канцелярия опекунства разрабатывала закон о расширении колонизации в пригородах Петербурга, предлагая учреждение поселений на частных участках земли различных социальных групп, включая помещиков, или на неиспользуемых казенных землях. Под Ябургом в период правления Екатерины II возникли поселения: Луцкая, Порховская и Франкфуртская, основанные группой католиков из Пфальца на казенных землях вдоль реки Луга.

В период с 1765 по 1790-е гг. в окрестностях Санкт-Петербурга активно развивались немецкие колонии при поддержке императрицы Екатерины II. Поселенцам были выделены земли (казенные и вотчинные), обеспечено жилье, хозяйственные постройки, а также предоставлены безвозмездные ссуды на покупку необходимого оборудования и материалов.

Павел I ужесточил правила управления иностранными колониями, передав их под контроль Экспедиции при Сенате с 4 марта 1797 г. Колонии на вотчинных землях продолжали находиться под контролем Царскосельской конторы. В 1809 г. инспектор Е. Ф. Канкрин выделил 15 тыс. дес. земли в Царскосельском уезде для создания трёх колоний [11]. Вдоль Финского залива были построены небольшие колонии: Стрельнинская, Петергофская, Ораниенбаумская и Кронштадская. Следовательно, некоторые из новых колоний располагались на территориях, принадлежавших Александру I и членам царской семьи, и были расположены неподалеку от императорских и великокняжеских дворцов.

В XIX в. немецких колонистов приглашали для освоения земель, принадлежавших членам царской семьи. Например, в 1818 г. императрица Мария Федоровна пригласила три семьи из Вюртемберга обосноваться на земле Павловского имения. Средства на строительство и обустройство колонии были выделены из личных средств императрицы. Эта колония была названа «Этюп» в честь летней резиденции родителей императрицы [13].

Помещики и владельцы земель столичной губернии были приглашены принять иностранных колонистов на своих землях по указу министра внутренних дел О. П. Козодавлева от 1817 г. [7]. Это позволило помещикам получить много выгоды от поселения колонистов, увеличив число рабочих и распространяя свои методы земледелия среди других поселян [16].

В следующие десятилетия с конца 1820-х гг. количество немецких поселений в окрестностях Санкт-Петербурга росло благодаря переселению жителей из существующих поселений на новые территории и созданию новых колоний. Некоторые из этих колоний были основаны по инициативе

государства, предоставляя жителям различные льготы и финансовую поддержку для обустройства [17]. Большинство колоний были основаны сами немцами на приобретенных или арендованных участках земли. Процесс формирования новых колоний получил дополнительный толчок в результате аграрных реформ 1860-х гг. К началу XX в. в Санкт-Петербургской губернии насчитывалось около 40 немецких поселений.

Часть колонистов, приобретая землю за пределами существующих поселений, оставалась жить на предыдущем месте, в то время как другие строили новые на новых участках. Ни одна из этих групп не отрывалась от своего исходного сельского общества, оставаясь приписанными к нему и выплачивая различные налоги [2].

До 1830-х гг. колонисты не могли покупать землю из-за законодательных ограничений, но с 1830-х гг. они начали арендовать и выкупать земельные участки. С 1850-х гг. колонисты уже активно приобретали землю. После реформы 1861 г. они начали приобретать помещичьи угодья и участки, выкупленные крестьянскими обществами. В период после реформы среднерогатские колонисты активно приобретали участки, принадлежавшие государственным крестьянам Московской волости.

В выписке из журнала Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 21 октября 1863 г. отмечается, что Главный Комитет поддерживает идею Министра Императорского Двора о необходимости выкупа земель, выделенных колонистам из различных колоний, включая Стрелинскую, Знаменскую, Ораниенбаумскую, Александринскую, Среднерогатскую и Кипенскую. Выкуп земель должен осуществляться с согласия обеих сторон - владельцев и колонистов [15].

Правила выкупа земли колонистами определяются следующим образом:

1. Условия выкупа земли должны быть согласованы между колонистами и владельцами земель и утверждены соответствующими органами. Например, для колонии Александринской условия выкупа земли утверждаются Петергофским Дворцовым Правлением, а для колоний Среднерогатской и Кипенской – Удельным ведомством;

2. Деньги от продажи земель должны быть зачислены в запасные капиталы каждого имения;

3. Выкуп земель может осуществляться обществом колонистов или отдельными домохозяевами, при этом изменения в использовании земли возможны только после окончательного утверждения условий выкупа;

4. После приобретения земель в собственность, колонисты могут пользоваться ими как крестьяне-собственники, но с ограничениями,

предусмотренными для колонистов-собственников по законодательству о колониях иностранцев в Империи [14].

Реформа 1861 г., известная как «Реформа Александра II», освободила крестьян от крепостной зависимости и ввела систему общинного землевладения. Немецкие колонисты в Санкт-Петербургской губернии также попали под действие этой реформы, так как они жили на землях помещиков. Они имели возможность выкупить землю, на которой проживали, и стать её собственниками. Реформа 1871 г. была важна из-за специфической ситуации, в которую попали немецкие колонисты в Санкт-Петербургской губернии после 1861 г. После выкупа земли у помещиков, они стали собственниками, но их статус не был четко определен в законодательстве. Реформа 1871 г., проведенная по указу Александра II, превратила их из колонистов в поселян-собственников, что позволило им свободно приобретать землю в любых частях Российской империи. Таким образом, реформа урегулировала правовое положение немецких колонистов и дала им больше свободы и возможностей владения землей.

Таким образом, можно сделать вывод о поэтапном изменении законодательства и практики приобретения земель колонистами во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Переход от ограничений в покупке земли до активного выкупа отражает постепенное развитие земельных отношений и улучшение статуса колонистов в указанный период. Это является характерной чертой для конкретного региона, например, в Поволжье колонисты оседали только на государственных землях.

В заключении стоит отметить, что в первой половине XIX в. процесс приобретения земель не вызывал серьезных трудностей, так как государство предоставляло свободные участки для колонистов. Однако с расширением территории и возможностью приобретения новых земель в частную собственность возникли вопросы о покупке у государства или других собственников. Колония Каменка является примером такого приобретения земель, которое отличается от прежних колоний, что свидетельствует о постепенном развитии земельных отношений в указанный период. Это позволяет сделать вывод о возникновении определенных проблем в процессе приобретения новых земель.

Список литературы и источников:

1. Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2002. 31 с.

2. Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е-1870-е гг.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2002. С. 187–188.
3. Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург, 1850. Ч. II. С. 181–209.
4. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. Москва, 1909. 84 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. XVI. № 11720. Санкт-Петербург, 1830. С. 126–127.
6. ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. XVI. № 11880. Санкт-Петербург, 1830. С. 313–318.
7. ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. XXXIV. № 27022. Санкт-Петербург, 1830. С. 501–504.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29.
9. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 13.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 16–17.
11. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1153. Л. 3–7.
12. РГИА. Ф. 493. Оп. 8.
13. РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 52.
14. Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XII. Ч. II. С. 359–396.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 472. Оп. 5. Д. 100. Л. 26.
16. ЦГИА СПб. Ф. 840. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
17. Черказьянова И. В. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом, [1810-2010]: (200-летию основания посвящается): каталог образовательной выставки. Санкт-Петербург, 2010. С. 8.
18. Черказьянова И. В. Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII — начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 525–542.
19. Черказьянова И. В. Немецкая колония в Стрельне: образы прошлого и настоящего // Константиновские чтения 2010: Константиновичи и Стрельна (к 210-летию Стрельны). Сб. материалов науч. конф. 27 окт. Санкт-Петербург, 2010. С. 112–129.
20. Черказьянова И. В. Немецкие колонисты в пореформенный период. Подготовка и проведение колонистской реформы 1871 г. // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Москва, 2021. № 2 (10). С. 6–20.
21. Черказьянова И. В. Петербургский воспитательный дом и возникновение немецкой колонии Фриденвальд // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 98–108. DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(3).98-108.

22. Черказьянова И. В. Роль Александра Клауса в подготовке колони­стской реформы 1871 г. // Этнические меньшинства в истории России: Материалы Второй международной научной конференции, Санкт-Петер­бург, 05–06 ноября 2021 года. Санкт-Петербург, 2021. С. 298–307.

23. Шайду­ров В. Н., Ерохина О. В. Немецкие колонии Санкт-Петер­бург­ской губернии: появление и развитие в 1765 – 1800–х гг. // Журнал Фронтир­ных Исследований. 2023. № 1 (29). С. 16–31. DOI 10.46539/jfs.v8i1.493.

24. Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колони­стов в Петер­бургской губернии в пореформенное время // Петербург и гу­берния: Историко-этнографические исследования. Ленинград, 1989. С. 132.

25. Юхнева Н. В. Немцы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. Москва, 1989. С. 85–96.

В. В. Канищев, д-р истор. наук, профессор,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
(Тамбов);

Ю. А. Мизис, д-р истор. наук, профессор,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
(Тамбов)

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО РЕГИОНА XVII-XIX ВВ.*

Аннотация: В статье рассмотрены работы по аграрной истории Тамбовского региона периода Нового времени, опубликованные в 2014-2023 гг. и представленные как развитие научного наследия С. А. Есикова.

Ключевые слова: историография, аграрная история, методы и технологии исследования

V. V. Kanishchev, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Tambov State University named after. G. R. Derzhavina
(Tambov);

Yu.A.Mizis, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Tambov State University named after. G. R. Derzhavina
(Tambov)

THE LATEST RESEARCH ON THE AGRARIAN HISTORY OF THE TAMBOV REGION OF THE XVII-XIX CC.

Abstract: The article examines the works on the agrarian history of the Tambov region of the Modern period, published in 2014-2023 and presented as the development of S.A. Yesikov's scientific heritage

Keywords: historiography, agricultural history, research methods and technologies

Мемориальные доклады, на наш взгляд, должны отличаться историографическим оптимизмом, характеристикой того, что исследования ушедшего коллеги продолжают развиваться. Мы обратим внимания на новейшие разработки по аграрной истории тамбовских историков и наших коллег из других регионов последнего десятилетия.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>

Хорошо известно, что основным направлением исследований С. А. Есикова было изучение вопросов аграрной истории Тамбовской губернии второй половины XIX – первой трети XX в. Однако Сергей Альбертович не замыкался в этих хронологических рамках, поддерживал инициативы коллег по изучению более широких периодов аграрной истории.

Наиболее ярким примером такого сотрудничества был коллективный доклад о расселенческих процессах в Тамбовском регионе XVII–XX вв., с которым С. А. Есиков выступил на очередной сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, проходившем в 1998 г. в Тамбове, и который был опубликован в виде статьи [1]. В дальнейшем статья стала основой для целого ряда публикаций тамбовских историков, что особенно проявилось в последние десятилетие.

Ю. А. Мизис опубликовал две монографии о заселении и начальном освоении Тамбовского региона в XVI – XVII в. Этот период стал основой дальнейшего развития региона как важнейшей части российского аграрного социума.

В первой из них проявился возросший интерес к дворцовым волостям на юге России, русскому и мордовскому населению, его хозяйственной деятельности, особенно такому важному промыслу дворцового населения, как бортничество. У мордвы в XVI – начале XVII в. бортничество, как отмечает П. К. Напольникова, занимало гораздо большую роль, чем земледельческие занятия. Ю. А. Мизис рассмотрел проблемы колонизационных процессов междуречья Дона и Волги на примере будущих Козловского и Тамбовского уездов, формирования здесь аграрной базы для переселения свободного и крепостного населения [27].

Во второй монографии по заселению Тамбовского края в XVII в. Ю. А. Мизис исследовал роль оборонительных укреплений Белгородской и Тамбовской черт в дальнейшем развитии региона, значительный демографический рост населения, расширение запашки земли, освоение всех удобных запасов земли, особенность землепользования служилых людей, складывание местных рынков [28].

Различные аспекты длительных расселенческих процессов, особенно устойчивости сельских поселений тамбовские историки совместно с коллегами из соседних регионов рассмотрели в серии статей 2020-2021 гг. [7; 13; 19].

С. А. Есиков занимался историей и отдельных тамбовских сельских населенных пунктов. В частности, в 1990-е гг. в рамках известного проекта Т. Шанина по истории и социологии российского крестьянства он изучал историю сел Рыбное Моршанского района и Покрово-Марфино Знаменского

района Тамбовской области. Собранные материалы Сергей Альбертович широко применял в своих работах. Во второй половине 2010-х гг. они были использованы для подготовки статей в новое издание «Тамбовской энциклопедии». Особо отметим, что в это издание впервые вошли статьи о всех существовавших на тот момент сельских поселениях области [36].

При изучении этих сел, как и в других своих работах, С. А. Есиков уделял немалое внимание демографическим сюжетам. Его исследование в последнее десятилетие тамбовские историки вместе с коллегами из других научных центров дополнили несколькими работами, так или иначе связанными с демографическими процессами в нашем регионе в XVI–XIX вв.

В начале 2020-х гг. тамбовские историки наряду с коллегами из Центрального Черноземья включились в подготовку многотомной монографии по демографической истории России. В частности, Ю. А. Мизис совместно с коллегой из Елецкого государственного университета Д. А. Ляпиным написали главу о демографических процессах в Центрально-Черноземном регионе XVI–XVII вв. [31].

В самое последнее время опубликовано также несколько историко-демографических статей, связанных с использованием новых методик и подходов к историческим исследованиям [8; 11; 25].

С. А. Есиков в своих работах не раз обращался к изучению природных факторов развития аграрного общества, особенно к проблеме физического состояния земельных ресурсов, необходимости совершенствования обработки земли, ставшей особенной острой в конце XIX в.

Современные тамбовские историки совместно с коллегами из Института экологического почвоведения МГУ занялись изучением исторического почвоведения Тамбовской области, показав, что проблемы истощения почв формировались в регионе в течение нескольких столетий [20].

Занимаясь изучением разных экологических процессов прошлого на современной территории Тамбовской области, историки региона показали, так сказать, предысторию геоэкологического кризиса, который нарастал в течение XVII – первой половине XIX в.

Особенно подробное описание проявлений этого кризиса дано в монографии Н. С. Цинцадзе, а также в статьях других тамбовских авторов [16; 22; 37].

Интересным дополнением к изучению геоэкологических процессов, скажем так, с природной стороны, стали работы о воздействии природных стихий на аграрное общество и способности общества преодолевать этих последствия. В 2015 г. в ТГУ была защищена кандидатская диссертация

Р. Б. Суворина, в которой эти вопросы рассматривались применительно к первой половине XIX в. [35].

В последнее десятилетие было также подготовлено несколько статей о конкретном влиянии погоды, особенно «малого ледникового периода» на тамбовский аграрный социум в сравнении с соседними и другими регионами Европейской России [12; 15].

В центре внимания исследований С. А. Есикова всегда находились социально-экономические сюжеты аграрной истории Тамбовского региона. Современные историки продолжают развивать изучение этих сюжетов с разных сторон.

Д. А. Ляпин проследил процесс формирования служилой корпорации детей боярских в Козловском уезде, подчеркивая особенности этих явлений, по сравнению с центральными уездами России [24].

Проблему формирования однодворческого сословия в черноземной зоне, его места и роли в XVIII в. в своих работах рассмотрели ряд авторов. В частности, В. В. Нечаев и Ю. И. Потапова изучили историографию вопроса, отметили длительный период их складывания и переход к государственным крестьянам [29; 32].

Особенности развития дворянского землевладения в Черноземном регионе, в т.ч. в тамбовских уездах в первой половине XVIII в. определил С. В. Черников. Автор подчеркнул изменения собственности на землю и ее перераспределения в этом регионе от старой дворянской элиты к новой, молодой [38].

В. В. Канищев обратил особое внимание на специфику социальных процессов в крестьянской среде Тамбовской губернии, которая в конце XVIII – начале XIX в. более всего проявилась в объединении разных категорий сельского населения в группу государственных крестьян [14].

На особенности тамбовской деревни с большой долей бывшего государственного крестьянства применительно к следующему периоду истории со второй половины XIX в. постоянно обращал внимание С. А. Есиков.

Интересную тему, связанную с сельскохозяйственным предпринимательством тамбовского купечества, раскрыла М. К. Акользина [2].

Различные аспекты социально-экономической истории тамбовского села изучают молодые историки, авторы кандидатских диссертаций. Так, А. Н. Литовский впервые в региональной историографии раскрыл особенности развития торгово-промышленных сёл Тамбовского региона в XVII – начале XX вв. [23].

Г. С. Махрачев посвятил свою диссертацию развитию крестьянского кустарного производства во второй половине XIX – первой трети XX в. В своей работе он широко опирался на разработки С. А. Есикова по этим сюжетам того же периода истории [26].

Работы С. А. Есикова также широко использовал М. А. Облицов. Он конкретизировал особенности развития северных и западных уездов Тамбовской губернии, которые повлияли на относительно спокойное поведение крестьянства этих уездов во время Тамбовского восстания 1920–1921 гг. [30].

Историко-правовые аспекты аграрного общества, которыми немало интересовался С. А. Есиков, существенно углубил и конкретизировал применительно ко второй половине XIX – началу XX в. его коллега по кафедре В. Б. Безгин, который фактологически насыщенно и ярко по форме изложил такие сюжеты, как сближение обычая и права в крестьянской жизни, роль общины в регулировании обычного права, официального законодательства, морально-нравственного состояния сельского общества, особенно в преодолении проявлений девиаций. На грани истории права и социальной истории находится изучение В. Б. Безгиным жизни русской крестьянки времени поздней империи [3; 4; 5].

Заметное развитие в последнее десятилетие получили новые методологические и технологические подходы к аграрной истории Тамбовского региона.

Коллега С. А. Есикова по кафедре истории и философии ТГТУ К. В. Самохин подготовил несколько статей по проблеме модернизации российского государства и общества, в частности, обратил внимание на тормозящую роль традиционного социума, неготовность России вплоть до начала XX в. порвать со своей традиционностью (аграрностью) [33; 34].

Применение количественных методов позволило тамбовским историкам уточнить некоторые принципиальные вопросы аграрной истории России, в т.ч. те, которые С. А. Есиков изучал применительно к Тамбовскому региону. В частности, он немало изучал сложное соотношение свободного хлебного рынка и государственного регулирования цен на хлеб. Важным дополнением к объяснению сложных противоречий в развитии рыночной экономики российского аграрного общества мы считаем результаты анализа динамики хлебных цен в России в конце XVIII – XIX вв. Используя теорию самоорганизованной критичности, тамбовские историки разрешили спор между ленинградским историком Б. Н. Мироновым и московскими историками И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым. Результаты нашего

исследования показали, что Б. Н. Миронов был прав, говоря о единых хлебных ценах конца XVIII в., «организованных» государством, а его московские оппоненты верно говорили о складывании хлебных цен «самоорганизованным» рыночным путем [10].

Совершенно новаторским методом стало изучение «следов» воздействия антропогенного фактора на позднее аграрное общество с помощью БПЛА, которое проводилось тамбовскими историками совместно с московскими географами и ижевскими специалистами в области дистанционного зондирования земли. Взгляд «с высоты» позволил увидеть некоторые остатки воздействия аграрного общества на природу, не отразившиеся в традиционных письменных и даже картографических источниках [6; 9; 17; 18; 21].

Таким образом, импульсы, приданные С. А. Есиковым изучению разных сторон истории аграрного общества Тамбовского региона, продолжают развиваться в содержательном, и в методологическом отношении.

Список литературы и источников

1. Аврех А. Л., Есиков С. А., Канищев В. В. Мизис Ю. А., Протасов Л. Г. Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (17-20 вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX-XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 3-16.

2. Акользина М. К. Сельскохозяйственное предпринимательство купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 232-242.

3. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва: Common place, 2017. 334 с.

4. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва: Ломоносовъ, 2017. 248 с.

5. Безгин В. Б. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский фил. РАНХиГС, 2014. 287 с.

6. Гришин Е. С., Канищев В. В., Кунавин К. С., Лямин С. К., Жуков Д. С. Studying the social history of a Russian microregion, based on historical maps and aerial survey // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 990-1011.

7. Жиров Н. А., Канищев В. В. Устойчивость в развитии крупных русских сельских поселений Центра и Юга Европейской России во второй половине XX – начале XXI вв. // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 66-81.

8. Жиров Н. А., Канищев В. В. Эвристические возможности изучения миграционных процессов в российском аграрном обществе XVII – первой четверти XX веков на микроуровне // Демографическая история России и регионов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. С. 4-18.

9. Жуков Д. С., Канищев В. В., Кунавин К. С., Лямин С. К. Источники и методы изучения формирования антропогенных ландшафтов средствами беспилотных летательных аппаратов (на материалах Тамбовской губернии середины XVIII – начала XX вв. // Человек и природа: Материалы XXIX Международной междисциплинарной конференции «Проблемы социально-естественной истории». Москва: МАКС Пресс, 2019. С. 60-69.

10. Жуков Д. С., Канищев В. В. Лямин С. К. Опыт изучения истории российского хлебного рынка средствами теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1. С. 59-72.

11. Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Формирование поселенческой зоны южнорусского фронта XVII – первой половины XIX вв. и современная демографическая ситуация в центрально-черноземном селе (по материалам Тамбовской области) // Журнал фронтальных исследований. 2020. №4 (20). С. 38-58.

12. Канищев В. В. Влияние «малого ледникового периода» на крестьянское хозяйство юга Центральной России в первой половине XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017 г. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 362-366.

13. Канищев В. В. Особенности расселенческих процессов на завершающей стадии освоения южнорусского фронта (Тамбовская губерния конец XVIII – первая половина XIX в.) // Социальный мир деревни X–XXI вв.: Земельные собственники / землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Воронеж, 22-25 сентября 2020 г. Москва: ИРИ РАН, 2020. С. 81-83.

14. Канищев В. В. Преодоление социальной специфики населения южнорусского в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 318-325.

15. Канищев В. В. Сравнительный анализ погодных проявлений на Северо-Западе Европейской части России и юге центральной части страны в первые годы XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 21. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. С. 37-46.

16. Канищев В. В. Экологическая история аграрного общества юга Центральной России: некоторые результаты исследований (научная статья)

// Демографические и экологические аспекты истории России XVIII–XX вв.: методы, технологии, ресурсы. Барнаул, 2017. С. 43–49.

17. Канищев В. В., Кунавин К. С. Измерение площадей природных угодий русских дворянских имений конца XVIII – первой половины XIX в. средствами ГИС-технологий // Историческая информатика. 2021. № 3. С. 86–102. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.3.36317>

18. Канищев В. В., Кунавин К. С., Лямин С. К. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов в изучении аграрной истории лесостепной полосы (на материалах Тамбовской области) // Проблемы аграрной истории России: материалы Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В. М. Важинского (1930–2010): Липецк, 24 апреля 2020 года. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 160–162.

19. Канищев В. В., Лямин С. К., Кунавин К. С. Расселенческие процессы конца XVIII – первой половины XIX в. в аграрном регионе как антропогенное воздействие на природную среду // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. № 4, Т. 30. С. 589–597.

20. Ковалева Н. О., Канищев В. В., Самохина О. И., Ковалев И. В. Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2017. № 1. С. 126–135.

21. Кунавин К. С. Применение данных дистанционного зондирования земли для изучения антропогенного воздействия на природу в Тамбовской губернии середины XVIII – начала XX вв. // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов: ТПС, 2020. С. 164–169.

22. Кунавин К. С. Эпизоды экологической истории Тамбовского уезда в Новом времени // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов: ТПС, 2021. С. 64–70.

23. Литовский А. Н. Торгово-промышленное село как социально-экономический феномен в Российской империи по материалам Тамбовской губернии: по материалам Тамбовской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021. 25 с.

24. Ляпин Д. А. Служилая корпорация детей боярских Козловского уезда в 1637 – 1651 гг. // Белгородская черта. Выпуск №3. 2018. С. 78–81.

25. Ляпин Д. А. Убыль населения исторического региона Белгородской черты в петровское время (на примере Козловского уезда) // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов: ТПС, 2023. С. 56–59.

26. Махрачев Г. С. Развитие кустарной промышленности в Тамбовской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2023. 22 с.

27. Мизис Ю. А., Напольникова П. К. На южных рубежах Московского государства: монография. Кн. 1: История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 года). Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. 231 с.

28. Мизис Ю. А. На южных рубежах Московского государства: монография. Кн. 2: История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов в XVII веке (1635-1696 гг.) Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. 236 с.
29. Нечаев В. В. Непризнанное сословие (одиндворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // История: факты и символы. 2022. № 2. С.92-107.
30. Облицов М. А. Социально-экономическое положение и протестная активность крестьянства «неповстанческих» территорий Тамбовской и Рязанской губерний в 1920- 1921 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тамбов, 2023. 21 с.
31. Очерки демографической истории России. XI–XXI века: в 7 т. Т. 2. XVI–XVII века / отв. ред. В. Б. Жиромская. Москва: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Центр гуманитарных инициатив, 2022. 624 с.
32. Потапова Ю.И. Одиндворцы Центрального Черноземья в современной отечественной историографии // Белгородская черта. Выпуск № 8. 2023. С. 243-246.
33. Самохин К. В. Модернизация Российской империи в начале XX века // Политика и Общество. 2014. № 1. С. 47-60.
34. Самохин К. В. Типология модернизации в отечественном историческом дискурсе // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2. С. 28-39.
35. Суворин Р. В. Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в.: по материалам Тамбовской губернии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 22 с.
36. Тамбовская энциклопедия / редакция: А. Ю. Ильин (главный научный редактор). Изд. 2-е, испр., перераб. и доп. Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020. 1015 с.
37. Цинцадзе Н.С. Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века: танго втроем. Санкт-Петербург: Алетей, 2019. 570 с.
38. Черников С. В. Населенные имения представителей правящей элиты России 1725 – 1762 гг. в Черноземном регионе страны (Белгородская, Воронежская губернии, Слобожанщина) // Белгородская черта. Выпуск №6. 2021. С. 251-257.

К. В. Самохин, канд. истор. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ С. А. ЕСИКОВА**

Аннотация: В статье представлен анализ основных работ ученого-аграрника С. А. Есикова, затрагивающих различные аспекты развития Тамбовской губернии в период Первой мировой войны. Сделан вывод о том, что тамбовский историк стремился определить на базе тамбовских материалов главные тенденции российской истории в 1914-1918 гг.

Ключевые слова: С. А. Есиков; Тамбовская губерния; Первая мировая война; социально-экономические процессы; ментальные процессы.

K. V. Samokhin, candidate of historical sciences, senior lecture,
Tambov State Technical University
(Tambov)

**SOCIAL, ECONOMICAL AND MENTAL PROCESSES
IN TAMBOV REGION DURING THE PERIOD
OF THE WORLD WAR I
IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF S. A. ESIKOV**

Abstract: The analysis of S. A. Esikov's basic works presents in the paper. These works concern different aspects of development of Tambov region during the World War I. The author comes to the conclusion that Tambov historian sought to define main tendencies of Russian history in 1914-1918 on the base of Tambov materials.

Keywords: S. A. Esikov; Tambov region; World War I; social and economic processes; mental processes.

Почти 110 лет прошло от начала Первой мировой войны. На первый взгляд, казалось бы, этот срок вполне достаточен для того, чтобы сложились общепринятые точки зрения на различные аспекты и проявления такого крупномасштабного и грандиозного конфликта. Тем не менее, тезис о Великой войне 1914-1918 гг. как о «забытой», сложившийся на рубеже XX–XXI веков, сохранил свою актуальность и в западной, и в отечественной историографии до нынешнего времени [13, с. 218]. Причины отмеченной тенденции разнообразны: в исторической науке имело место стремление

стереть память о ней, поскольку противостоящие стороны в этом мировом конфликте не хотели проводить анализ своих ошибок, а также выявлять причины ее начала; побежденные страны желали получить возможности для своего оправдания; большую роль играла и историческая парадигма, которая вынуждала ученых давать оценку с опорой на изначально заданные установки, как это было, к примеру, в советский период [3, с. 95]; и т.д.

Ситуация во многом начала меняться в связи с «мемориальным поворотом» в историографии, а также 100-летним юбилеем начала Первой мировой войны, которые во многом стимулировали появление целого потока публикаций различного формата, посвященных ее разнообразным аспектам и проявлениям [13, с. 217]. Однако окончательная точка в исторических исследованиях, направленных на изучение Великой войны 1914-1918 гг., далеко еще не поставлена. И если эту войну уже нельзя на данный момент оценить как «забытую», то как не до конца изученную вполне возможно [3, с. 95].

Говоря об отечественной историографии рубежа XX–XXI веков, необходимо отметить желание российских историков найти ответ на вопрос: насколько Первая мировая война обусловила революционные потрясения 1917 г.? В частности, эта проблема активно обсуждалась на международном научном коллоквиуме «Россия и Первая мировая война», состоявшемся в июне 1998 г. в Санкт-Петербурге. Единого мнения на этот счет так на тот момент и не сложилось: участники дискуссии заняли достаточно полярные позиции – от четкого положительного ответа до отрицательного. Однако связь войны и революции в отечественной истории никто из них не отрицал. К примеру, нередко звучали убеждения о том, что Великую войну 1914-1918 гг. следует интерпретировать как своеобразный «рентген», «ускоритель» или «катализатор» общественно-политических процессов, обозначивших развитие Российского государства в XX веке [14, с. 531-557]. Во многом аналогичные позиции присутствуют и в современной отечественной историографии, что еще раз показывает актуальность и необходимость исследований Первой мировой войны. Тем не менее, уже сейчас можно подводить определенные итоги достаточно интенсивному процессу формирования историографической традиции в данном ключе.

Именно в таком плане и следует оценивать историческое наследие, оставленное С. А. Есиковым, известным тамбовским исследователем-аграрником. В. В. Кондрашин совместно с коллегами в своих нескольких статьях в некоторой степени смог подвести определенные итоги и показать вклад Сергея Альбертовича в историческую науку [11; 12; 15]. В качестве одной

из главных особенностей его научного творчества пензенский историк обозначил умение С. А. Есикова использовать региональные материалы для характеристики процессов общероссийского масштаба. Иными словами, тамбовский регион как типичный для Европейского Центра концентрировал в себе основные тенденции, присущие развитию европейской части Российской империи. Потому, используя тамбовские реалии не с целью создания краеведческой канвы, а проецируя их на общероссийский масштаб, С. А. Есиков, тем самым, обозначал основные вехи истории страны в целом, но при этом выделял и региональные особенности [11, с. 8].

Одной из первых работ тамбовского исследователя, посвященной аграрным отношениям в период Первой мировой войны, был доклад на научной конференции «Крестьяне и власть», проводившейся в Тамбове в апреле 1996 г. Он был опубликован в вышедшем сборнике материалов [7], а затем вошел в качестве параграфа в монографию [5, с. 41-50] и диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук [6]. В этом докладе С. А. Есиков поставил проблему преемственности государственной политики по проведению хлебозаготовок, осуществляемых в годы Первой мировой войны, по отношению к мерам, предпринимаемым в дальнейшем как Временным правительством, так и Советом народных комиссаров. На региональном материале тамбовский историк определил парадоксальность ситуации, при которой, с одной стороны, в 1914 – начале 1917 г. четко фиксировался дефицит продовольствия, особенно в городах, а с другой, о серьезном недостатке сельскохозяйственной продукции не могло быть и речи как на общеимперском уровне в целом, так и в Тамбовской губернии в частности. Те меры, которые предпринимали власти для того, чтобы улучшить ситуацию с хлебозаготовками приводили к обратному эффекту во многом по причине своей частичности и ограниченности. В данном случае С. А. Есиков обращает внимание на такие факторы, как введение таксы на основные продовольственные товары, запреты вывоза сельскохозяйственной продукции за пределы губернии, установление твердых цен и продрозверстку [7, с. 75]. В результате власти пытались контролировать рынок через увеличение степени концентрации снабженческо-распределительных функций в своих руках, однако это не приводило к нужному эффекту. Существенно снизилась степень управляемости экономическими процессами, что было чревато социальным взрывом. Однако складывание централизованной системы руководства экономикой стало фундаментом, на котором Временное правительство и СНК строили свою экономическую политику [7, с. 75-76].

В дальнейшем в поле зрения С. А. Есикова оказались различные процессы, имевшие место в аграрных отношениях в период Первой мировой войны. В частности, в составе авторского коллектива тамбовским исследователем была проанализирована динамика религиозности в крестьянской среде в 1914-1918 гг. [10]. С опорой, в том числе и на региональные материалы, историки пришли к выводам о всплеске религиозных настроений среди крестьян, в первую очередь у солдаток, в начальный период войны. Данный факт объяснялся необходимостью восстановления душевного комфорта в непростых условиях боевых действий. Однако продолжительность войны, которая приводила к существенному ухудшению уровня жизни солдаток, что подкреплялось еще и усталостью от военных реалий, и неэффективностью действий местных властей, и печальными новостями с линии фронта, во много стала причиной снижения уровня религиозности в крестьянской среде [10, с. 161-162].

В коллективной статье группа тамбовских ученых под руководством С. А. Есикова обратилась к проблеме восприятия Первой мировой войны в крестьянской среде. Историками были выявлены особенности крестьянского менталитета в отношении военного конфликта мирового масштаба. В частности, было зафиксировано, что традиционный менталитет играл серьезную роль в целостной оценке войны, которая воспринималась как кара, наказание или стихийное бедствие. Рациональные элементы имели место в крестьянском сознании только при концентрации внимания на проблеме земли. Патриотизм 1914 г. во многом характеризовался исследователями как незрелый и стихийный. При этом само понимание позиционной войны тамбовские историки определили как неестественное для крестьян: последними предполагалось, что боевые действия должны наступательными, победными и т.д. [9, с. 59]. В целом коллектив авторов обозначает тенденцию, имевшую место на протяжении 1914-1918 гг. и связанную с девальвацией положительного отношения к Первой мировой войне у крестьян, что подтверждается данными, позаимствованными из тамбовских архивных материалов [9, с. 62-66]. Еще одной важной сюжетной линией в статье является роль общины. Последняя существенно повысила свою значимость в военный период, так как призвана была решать в том числе еще и проблемы социальной помощи различным категориям населения [9, с. 66]. Это отражало общероссийскую историческую тенденцию корпоративности и солидаризма в крестьянской жизнедеятельности.

Еще одним аспектом, исследованием которого занимался коллектив авторов под руководством С. А. Есикова, стала деятельность

и функционирование тамбовских земств и кооперативов в период Великой войны 1914-1918 гг. [1, с. 96-101]. Усилия последних положительно были оценены учеными, что во многом было связано с общим выводом о достаточно серьезной роли Тамбовской губернии в деле обеспечения нужд армии [1, с. 99]. Именно совместные слаженные действия земств и кооперации, как это убедительно было доказано тамбовскими историками, позволили смягчить последствия обязательных поставок продовольствия на фронт для тамбовчан [1, с. 101].

Не оставалась за бортом внимания С. А. Есикова и проблема обеспечения продовольствием армии, которая, как это было показано выше, была поднята им еще во время работы над докторской диссертацией. Данный вопрос получил более серьезную и глубокую проработку благодаря слаженной работе того же авторского коллектива [2]. В частности, этот аспект был исследован сквозь призму деятельности земств и получил более детальную фактическую основу из материалов Государственного архива Тамбовской области. Главной сложностью, по мнению исследователей, для местных властей оказались вопросы организации и раскладки «предназначенного для поставки продовольствия и фуража между отдельными уездами и волостями» [2, с. 119]. Авторским коллективом был сделан обоснованный вывод об изменении функционала Тамбовского земства, когда последнему приходилось осуществлять принудительно-обязательные экономические меры. В данном случае, во главу угла ставилась разверстка продовольственных поставок. Но даже в период серьезного ухудшения ситуации местные власти неохотно прибегали к реквизициям [2, с. 120].

В 2014 г. коллектив ученых под руководством С. А. Есикова выиграл грант Российского гуманитарного научного фонда на проведение исследований по проекту №14-01-00277 «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.)». Тамбовский историк смог опубликовать ряд работ в рамках данного проекта. В частности, в докладе на конференции «Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений» он обратился к проблеме крестьянских настроений в 1914-1916 гг. [4]. В этом докладе на основе архивных региональных материалов С. А. Есиков наметил общие тенденции, характерные для динамики духовных установок крестьянства в период Первой мировой войны. Отмечались патриотический подъем и всплеск религиозности крестьян в 1914-1915 гг. Данные умонастроения в крестьянской среде поддерживались в том числе и слухами о наделении крестьян землей по окончании

войны, а также содержанием солдатских писем с фронта [4, с. 74-76]. В дальнейшем тамбовский исследователь отмечает рост оппозиционных настроений у сельских жителей в 1915 г., что стало следствием и военных поражений в ходе Великого отступления русской армии, и сама длительность боевых действий, и проводимые реквизиции сельскохозяйственной продукции, а также рассказы вернувшихся на родину раненых и беженцев из прифронтовых губерний [4, с. 76]. 1916 г. стал периодом роста резко отрицательного отношения к войне. К уже перечисленным выше факторам подобных умонастроений С. А. Есиков добавляет развенчание иллюзий по поводу победного завершения боевых действий для России, а также подрыв веры у крестьян «в силу царя и дееспособность государства» [4, с. 77]. Масло в огонь подливали все чаще распространявшиеся слухи о переделе земли и с информацией, порочившей Николая II и императорскую фамилию. В целом, к окончанию 1916 г., как это обоснованно зафиксировал тамбовский исследователь, крестьяне стали проявлять признаки психологической усталости от войны, что подкреплялось в постоянных разговорах о необходимости заключения мира [4, с. 78].

Последней работой С. А. Есикова, касавшейся проблем социально-экономического развития Тамбовской губернии 1909-1917 гг., стала статья, написанная совместно с М. М. Есиковой и изданная уже после его смерти [8]. В ней были исследованы различные аспекты влияния Первой мировой войны на развитие промышленного производства и сельского хозяйства, а также уровень жизни крестьян и рабочих на Тамбовщине. В работе был сделан вывод о том, что в предвоенный период отрасли тяжелой промышленности в экономике Тамбовской губернии находились на крайне низком уровне, по сравнению перерабатывающими отраслями. Война во многом усугубила сложившуюся ситуацию, когда многие из существующих фабрик и заводов были переведены на военные рельсы, а некоторые из них были вынуждены закрыться. Масштабно ухудшился и уровень жизни рабочего класса: рост заработной платы существенно отставал от увеличивающейся инфляции в соотношении 2:5 [8, с. 831]. Положение в сельском хозяйстве, как это доказали исследователи, характеризовалось многочисленными спекуляциями, инфляционными процессами относительно цен на хлеб. Меры местных властей, и в частности таксировка, во многом способствовали дезорганизации рынка, что в дальнейшем приводило к неуправляемости экономическими процессами в целом [8, с. 831-833]. Развитие ситуации в конечном итоге оказалось в тупике, о чем свидетельствовал возникший продовольственный кризис, что в целом подвело С. А. и М. М.

Есиковых к конечному выводу о «несостоятельной продовольственной политике властей» [8, с. 835].

Конечно, указанные выше работы не исчерпывают полностью исторического наследия тамбовского ученого-аграрника относительно социально-экономических и ментальных процессов, имевших место в Тамбовской губернии периода Первой мировой войны, однако об основных тенденциях его научно-исследовательской практики, затронутой проблематике и базовых выводах они дают представление. И, безусловно, они создают возможность сделать вывод о том, насколько многогранным и ценным является его историческое творчество и насколько масштабной была личность Сергея Альбертовича Есикова.

Список литературы

1. Алехина Е. В., Есиков С. А., Старостин М. Е., Хорошун К. Ю., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В. Земство и кооперативное движение в Тамбовской губернии в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 96-101.

2. Алехина Е. В., Есиков С. А., Щербинина Ю. В., Хорошун К. Ю., Щербинин П. П., Тамбовское земство и продовольственные поставки для снабжения русской армии в 1914-1917 гг. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 101-120.

3. Булдаков В. П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95-108.

4. Есиков С. А. Крестьянские настроения в годы Первой мировой войны // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: материалы международной научно-практической конференции. Мичуринск, 2014. С. 74-79.

5. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов, 1998. 108 с.

6. Есиков С. А. Крестьянство тамбовской губернии в начале XX века, 1900-1921 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Москва, 1998. 391 с.

7. Есиков С. А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914 – начале 1917 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конф. / Тамбовск. гос. техн. ун-т, Московск. высш. шк. соц. и экон. наук. Москва – Тамбов, 1996. С. 66-77.

8. Есиков С. А., Есикова М. М., Социально-экономические характеристики Тамбовской губернии накануне и в период первой мировой войны // Вестник ТГТУ. 2014. Т. 20. № 4. С. 830-837.

9. Есиков С. А., Свиридов В. В., Старостин М. Е., Хорошун К. Ю., Щербинин П. П. Крестьянское восприятие Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Российское село в XIX–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 59-66.

10. Есиков С. А., Хорошун К. Ю., Свиридов В. В., Щербинин П. П., Фролов С. А., Старостин М. Е. Религиозные настроения в крестьянском социуме в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Военный фактор в российской истории в XVIII–XX веках: сб. статей междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 156-162.

11. Кабытов П. С., Кондрашин В. В., Есикова М. М. Сергей Альбертович Есиков – историк русского крестьянства // Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: монография / под ред. М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина. М., 2015. С. 7-37.

12. Кондрашин В. В., Юрченков В. А. С. А. Есиков – историк русского крестьянства // Центр и периферия. 2012. № 4. С. 112-116.

13. Поршнева О. С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 216-235.

14. Россия в Первой мировой войне: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. Санкт-Петербург, 1999. 564 с.

15. Хирози О., Кондрашин В. В. Сергей Альбертович Есиков – выдающийся исследователь русской деревни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11-2 (25). С. 190-199.

С. А. Фролов, канд. истор. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

**СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ ЗЕМЛИ
КРЕСТЬЯНСКИМ БАНКОМ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ)**

Аннотация: Анализируются изменения в земельном обеспечении крестьян в пореформенной Тамбовской губернии и возможность предоставления государственного долгосрочного ипотечного кредита как способа восполнения дефицита в земле.

Ключевые слова: крестьяне, Крестьянский банк, посредническая операция, Тамбовская губерния, товарищество, циркуляр.

S. A. Frolov, PhD, Associate Professor,
Tambov State Technical University (Tambov);

**THE FORMATION OF A SYSTEM OF MORTGAGE LENDING
TO LAND BY A PEASANT BANK IN POST-REFORM RUSSIA
AT THE END OF THE XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV BRANCH)**

Abstract: The article analyzes the changes in the land provision of peasants in the post-reform Tambov province and the possibility of providing a state long-term mortgage loan as a way to fill the land deficit.

Keywords: peasants, Peasant Bank, intermediary operation, Tambov province, partnership, circular.

Актуальность изучения вопроса деятельности Крестьянского банка обусловлена вниманием современных исследователей к проблеме социально-экономической модернизации России в пореформенное время в конце XIX в., частью которой был вопрос становления и развития системы долгосрочного кредитования земли сельскохозяйственного назначения.

После крестьянской реформы 1861 г. организация банковских учреждений стала главной правительственной задачей. Однако лишь в царствование императора Александра III началось масштабное преобразование кредитно-финансовой системы Российской империи [5, с. 42].

По мнению Воронежской исследовательницы В. С. Артемьевой: «провинциальная кредитная система формировалась в пределах общего становления российской кредитной системы, и в силу особенностей экономического развития губерний Центрального Черноземья, была направлена на кредитование сельского хозяйства и местной торговли [1, с. 109].

Конкретизируя, применимо к становлению системы ипотечного кредитования земли приведем аргумент Я. А. Васильева. Ученый констатирует: «деятельность Крестьянского банка была в русле аграрной политики правительства по перераспределению фонда частновладельческих земель в собственность крестьян. В этом отношении изучение работы местных отделений банка представляет не только научный, но и известный практический интерес» [2, с. 310].

Анализируя региональные особенности проведения аграрной политики на Тамбовщине, И. В. Двухжилова указывает: «реформа 1861 г. привела к снижению земельного обеспечения крестьянства. В Тамбовской губернии площадь крестьянских наделных земель уменьшилась на 13,1%» [4, с. 4].

На примере Усманского уезда Тамбовской губернии, липецкий исследователь И. Ю. Крутских констатирует: «Положением 19 февраля высший надел был определен для бывших помещичьих крестьян в 3,25 десятины на душу X-й ревизии. По факту же, такой размер надела достался только половине бывшего крепостного населения Усманского уезда, оставшаяся же половина крестьян имела по 2 десятины на ревизскую душу» [7, с. 75].

В результате, с системой государственного ипотечного кредитования связывались возможности ослабления земельного дефицита для крестьян в пореформенный период.

Организационно-правовым документом по созданию ипотечного учреждения стало «Положение о Крестьянском поземельном банке» утвержденное Александром III в 1882 г. Однако на практике этого было недостаточно и в дополнение были приняты правила «О порядке совершения крепостных актов на покупку земельных участков, приобретаемых при содействии Крестьянского поземельного банка». В результате банк начал функционировать с 10 апреля 1883 г. [6 с. 409–410].

Между тем, знакомство с документацией, регламентирующей деятельность банка, позволило выявить значительное количество циркуляров, на основе которых осуществлялось регулирование процесса разрешения и выдачи ссуд его заемщикам в первые годы деятельности банка. Изначально отделениям банка требовалось ознакомиться с документацией, необходимой при

назначении ссуды, с этой целью 30 апреля 1883 г. совет банка разослал во все отделения циркуляр № 404. В нем определялись существенные части содержания документов необходимых при назначении ссуды. Так, например, в заявлении на выдачу ссуды обязательно указывалось, кому именно она была необходима: сельскому обществу, состоящему из одного или нескольких селений для покупки земли в общую собственность; товариществу в количестве не менее трех крестьян, покупающих землю в общую собственность или в отдельное частное владение; или отдельному крестьянину. Ссуды из Крестьянского банка первоначально выдавались на два срока: 24,5 или 34,5 года. В проекте условия указывалось: кто именно продает, и кто покупает землю, определялось количество домохозяев или мужского пола душ в составе единоличных или коллективных субъектов кредитных правоотношений. Точно выявлялось местонахождение и количество покупаемой земли в десятинах, с указанием «удобной» для ведения сельскохозяйственного производства земли. Определялась покупная цена, задаток, доплата заемщиков и конечная сумма ссуды, выдаваемая под залог земли [10, с. 4-6].

В циркуляре № 530 отделениям банка от 8 июня 1883 г. рекомендовалось ограничивать неравенство в распределении земель, приобретаемых товариществами. Совет банка постановил отделениям: при принятии от товариществ, просьб о ссудах, требовать от них письменного заявления с обязательством о круговой поруке и распределением земельных долей между товарищами. В случае если отделению будет заявлено, что товарищи приобретают землю в неравномерных на каждого участника долях, – сообщают об этом совету Крестьянского банка с точным указанием условленного участия каждого товарища в пользовании землей [10, с. 17].

Циркуляром № 2177 от 29 мая 1884 г. отделениям банка предписывалось принимать меры, обеспечивающие освобождение покупаемых при содействии Крестьянского банка от долгов [10, с. 23]. В результате не только учредительной документацией, но и регулятивными мерами совета Крестьянского банка происходило становление системы ипотечного кредитования земли, и создавались условия для залога земли коллективными крестьянскими сообществами и отдельными домохозяйствами.

В Тамбове отделение Крестьянского банка начало свою работу с 1884 г. Проанализируем на основе материалов дела № 1, содержащегося в Государственном архиве Тамбовской области, каковы были условия для покупки земли при посредничестве банка. Дело поступило на рассмотрение в Тамбовское отделение банка 31 марта 1884 г. Крестьяне Богородицко-Араповской волости Тамбовского уезда в составе 14 домохозяев просили

предоставить им ссуду, на покупки земли у жены коллежского секретаря А. П. Никитиной, находящейся в той же волости. Первоначально, действуя через своих поверенных Бабкина и Фомичева, товарищество заключило восьмого марта 1884 г. с поверенным продавца В. Т. Никитиным соглашение. В нем указывалось о предполагаемой покупке 101 десятины 720 квадратных сажен земли за одиннадцать тысяч рублей, из которых тысячу рублей они обязывались уплатить из собственных средств, а остальные десять тысяч выплатить из взятой ссуды. В составе категории земли было «удобной» 100 десятин 1518 сажен из них: 93 десятины 32 сажени пашни, сенокоса семь десятин 1486 сажен. Данная земля располагалась при деревне Ивановке – Орловке и граничила с севера с землей крестьян села Арапова, с востока с госпожой Никитиной и государственных крестьян села Борщевки, с юга и запада – с землевладением Машковых и купца Лоскутова. В распоряжение покупателей с весны 1884 г. было предоставлено 48 десятин земли, которую они обязывались засеять яровыми. Остальная же часть пахотной земли поступала в их распоряжение после уборки озимого хлеба, а луга после сенокоса. Если продажа срывалась, то покупщики обязывались уплатить Никитиной арендную плату, за каждую десятину засеянную яровыми по пятнадцать рублей. В тоже время продавец предоставлял покупателям право уборки урожай ржи с 10 десятин земли. Все расходы по совершению сделки купли-продажи земли покупатели брали на себя. Соглашение было подписано сторонами и заверено нотариусом Телепневым восьмого марта и внесено в реестр под номером 527. Покупателям предоставлялся план генерального межевания и частный межевой план [3, д. 1, л. 13, 13 об.].

Кроме предварительного соглашения на покупку земли к материалам дела № 1 прилагались следующие документы: обязательство о круговой поруке крестьян в составе товарищества в исправном взносе платежей; выписка из посемейной книги о покупателях; два окладных листа на 1883 г. и три квитанции из Тамбовского губернского казначейства о уплате поземельного налога, земских сборов и отсутствия недоимок; доверенности продавца и покупателей на совершение сделки; заявление поверенных Рудневского товарищества в Тамбовское отделение банка на выдачу ссуды и т.д. [3, д. 1, л. 14].

Исследование содержания удостоверения Богородицко-Араповского волостного правления от 24 марта 1884 г. свидетельствует о дефиците земли у крестьян. В семьях четырнадцати домохозяев Рудневского товарищества было 80 душ мужского пола, а надельной земли приходилось менее 0,5

десятины. Крестьяне ежегодно снимали у соседних землевладельцев в аренду землю под озимые ценой от 15 до 20 руб., а за право пастбы платили отдельно. Покупаемая земля находилась в 2,5 верстах от надельной земли и имела беспрепятственное дорожное сообщение. Крестьянский банк в лице оценщика отделения, проанализировало действующие цены на продаваемые смежные расположенные участки земли. Так, имение при селе Арапове было куплено господином Аносовым в количестве 1025 десятин по 120 рублей за десятину с аукционного торга в Тамбовском окружном суде в 1881 г. При этом же селе, земля И. П. Арапова была оценена в 1870 г. Обществом взаимного поземельного кредита по 100 руб. за десятину. Принимая во внимание вышеизложенное, отделение банка 31 марта 1884 г. постановило, что десятину продаваемой Никитиной земли стоила как минимум сто рублей, и поэтому разрешало назначить Рудневскому товариществу ссуду в размере десяти тысяч рублей на срок 34,5 года. Тем самым, ссуда приходилась по сто рублей на каждую десятину удобной земли и по 125 руб. на каждую наличную душу мужского пола [3, д. 1, л. 14 об. – 15].

В рамках правового регулирования процесса выдачи ссуды 21 апреля 1889 г. Министерством финансов была утверждена инструкция «О порядке применения правил о крестьянских поземельных товариществах, приобретших земли с содействием Крестьянского банка». При введении правил, отделения банка сообщали Губернским по крестьянским делам присутствиям списки всех товариществ, приобретших в губернии с помощью Крестьянского банка земли. Далее списки предоставлялись в уездные или окружные по крестьянским делам присутствия или уездным мировым съездам, которые подготавливали распоряжение о созыве, через волостных старшин, сходов товарищей для назначения «выборных», а также других должностных лиц, если их избрание будет необходимым по решению крестьянского схода. Приговор о назначении выборного и об избрании других должностных лиц записывался в книгу и представлялся местному отделению банка и уездному или окружному по крестьянским делам присутствию, или уездному мировому съезду. После избрания выборного, товарищество, на том же или последующем сходе определяло, какие товарищи из числа записанных в купчую крепость на приобретенную товариществом землю и в обязательство о круговой поручке не упомянуты. В дальнейшем сведения предоставляются в местное отделение банка. Если предусматривалось изменение личного состава товарищества, то прилагался один рубль пятьдесят копеек на корректировку запрещения по долгу Крестьянскому банку. Схожей процедуре подлежали оформлению взаимные переуступки между

товарищами и с согласия товарищества перемены в размере долей владения. Переоформление размера долей в составе товарищества также сообщалось в отделение банка. При общинном владении землей переделы и изменения крестьянских долей, не определенных для каждого товарища в крепостном акте на купленную землю, зависели от схода товарищей. При владении подворном или, когда товарищеские доли закреплены в купчей крепости или ином документе, передача таких земельных долей или частей их одним товарищем другому совершается не иначе, как по взаимному соглашению сторон, утвержденному приговором товарищеского схода и с согласия Крестьянского банка [9, с. 67-68].

Доказательством того, что созданная система ипотечного кредитования земли была востребована крестьянством Тамбовской губернии, служат сведения из отчетов Крестьянского банка. Так, к примеру, с момента открытия Тамбовского отделения в 1884 г. и по 1890 год включительно, было выдано 113 ссуд на сумму 1.736.700 рублей под залог 24.170 десятин земли. В составе субъектов кредитных правоотношений насчитывалось 6.589 домохозяев и 23.459 душ мужского пола. На сельские общества приходилось 5.797 домохозяев и 20.505 душ мужского пола; товарищества – 787 домохозяев и 2.932 души мужского пола, на отдельные домохозяйства выдано было 5 ссуд при наличии 22 душ мужского пола. Большая часть выданных ссуд приходилось на срок 34,5 года. За указанный период в Тамбовской губернии не замечалось резких колебаний в выдаче ссуд. Средняя стоимость одной десятины составляла 47 руб. 87 коп., из которых 38 руб. 73 коп. составляла ссуда банка, а остальные 9 руб. 14 коп. доплата покупателей. Стоимость одной десятины земли была выше средней стоимости земли по Российской империи, которая была равна 43 руб. 51 коп. [8, С. 27-36].

Тем самым созданная система государственного долгосрочного ипотечного кредитования была востребована крестьянством Тамбовской губернии и в перспективе должна была стать основой для проведения капитализации сельского хозяйства с учетом привычной для России общинной формы землепользования.

Список литературы и источников

1. Артемьева В. С. Кредитные учреждения Воронежской губернии и их роль в аграрном развитии края (вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2024. 367 с.
2. Васильев Я. А. Новгородские отделения Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885 – 1914) // Новгородский исторический сборник. 2014. №14 (24). [URL:https://cyberleninka.ru/article/n/novgorodskoe-](https://cyberleninka.ru/article/n/novgorodskoe)

(дата обращения: 01.02.2024).

3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 1.

4. Двухжилова И. В. История Тамбовского края середины XIX – начала XX веков. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. 104 с.

5. Зоткина М. Ю. Экономика Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // EUROPEAN SCIENCE FORUM: сборник статей III международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 12 марта 2020 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. С. 40-43.

6. Кистенева Н. А. Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Пензенской губернии в 1884–1895 гг. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 4. С. 407–417.

7. Крутских И. Ю. Земельная структура крестьянского хозяйства Усманского уезда Тамбовской губернии (60–90-е годы XIX в.) // Проблемы аграрной истории России: Материалы IV Всероссийской научной конференции (памяти профессора В. М. Важинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России, Липецк, 23 апреля 2021 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского. 2021. С. 73–78.

8. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1891 г. Санкт-Петербург, 1892. 111 с.

9. Сборник правил и инструкций по КПБ 1883–1908 гг. Санкт-Петербург, 1908. [4], 744 с.

10. Сборник циркуляров и распоряжений по КПБ 1883–1902 гг. Санкт-Петербург, 1904. [2], 64, III с.

В. Н. Шайдуров, д-р истор. наук, доцент,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург г. Пушкин)

**НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ И «ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ»
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация. Цель нашего исследования – выявить особенности развития немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии в свете проведенных реформ 1860-1870-х гг. В частности, особое внимание уделено выкупу земель колонистами у разных собственников. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: колонии, петербургские немцы, крестьянская реформа, выкупные платежи, землевладение.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Vladimir N. Shaidurov, Dr. Habil. Hist, Associate Professor
Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Pushkin)

**GERMAN COLONIES AND THE "GREAT REFORMS"
(ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG PROVINCE)**

Abstract. The purpose of our study is to identify the features of the development of German colonies in St. Petersburg province in the light of the reforms carried out in the 1860s and 1870s. In particular, special attention is paid to the purchase of land by colonists from different owners. The research is based on archival sources.

Keywords: Colonies, St. Petersburg Germans, peasant reform, redemption payments, land ownership.

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

В отечественной и зарубежной историографии с конца XX в. большое внимание уделялось изучению истории немцев России. На общем фоне выделяется история немцев Санкт-Петербурга и губернии, которым было уделено гораздо меньше внимания со стороны исследователей. В отдельных публикациях дан анализ правового положения колонистов [12], представлена история появления и развития отдельных колоний [2; 3]. Крайне слабо

изучена хозяйственная деятельность петербургских колонистов [14], их взаимоотношения с администрацией [13] и окружающим населением. К сожалению, к настоящему времени защищена лишь одна кандидатская диссертация, посвященная петербургским колониям в дореформенный период [1].

Цель нашего исследования – выявить особенности развития немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии в свете проведенных реформ 1860-1870-х гг. В частности, особое внимание уделено выкупу земель колонистами у разных собственников.

Основной упор при разработке темы был сделан на архивные материалы, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Использованные источники выявлены в различных фондах Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

К середине XIX в. на территории Санкт-Петербургской губернии сложился комплекс немецких поселений, основанных переселенцами из германских государств во второй половине XVIII – начале XIX в. Они стали неотъемлемой частью мира немецких колоний, большая часть которых была основана в Среднем Поволжье и Новороссии. Однако эти петербургские колонии имели ряд особенностей, которые отразились на их развитии во второй половине XIX – начале XX в.

Одной из отличительных черт стала принадлежность земель, на которых были образованы колонии. Уже при основании первых четырех поселений (Средняя Рогатка, Новосаратовка, Ижорские и Ямбургские колонии) в 1765 г. были выделены земли как из ведения Вотчинной конторы, так и казенного фонда. В начале XIX в. новые поселения возникли в том числе на землях, находившихся в пользовании членов Императорской фамилии, в том числе вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Великого Князя Константина Павловича.

Если в поволжских колониях немцы переняли систему общинного землевладения с присущими ей переделами, то петербургские немцы изначально ориентировались на подворное распределение земли. С ростом числа колонистов возник вопрос о наделении их земельными участками. Однако сложившаяся система исключала сам факт перераспределения земли между членами общества. Выходом стала аренда земельных участков как у частных землевладельцев, так и у различных учреждений казенного и удельного ведомств. С середины XIX в. наиболее состоятельные колонисты стали вкладчину приобретать земельные наделы, на которых возникли «дочерние» колонии.

Уже в 1840-х гг. в правительственных кругах появились первые предложения о необходимости реформ иностранных колоний. Однако разработанные чиновниками в Саратове и Одессе проекты так и не были реализованы на практике [8]. Лишь в 1857 г. был принят новый Устав, который регламентировал все стороны жизни иностранных, в том числе немецких, колонистов [9].

К середине XIX в. петербургские колонии в экономическом отношении развивались крайне неравномерно. Новосаратовка, Средняя Рогатка использовали свою близость к столице, поставляя на городской рынок сельскохозяйственные продукты, в первую очередь, картофель. Для увеличения объемов производства колонисты арендовали пустующие земли в окрестностях Санкт-Петербурга [7, л. 1]. Ижорские колонии с первой половины XIX в. специализировались на поставках молочной продукции в дворцовые города Царское Село и Павловск. Кроме того, колонисты в летний период охотно сдавали дома под дачи для петербургских обывателей. Положение колонистов, например, Кипеньской колонии, было сложнее, т.к. поселение было расположено в стороне от основных транспортных магистралей губернии.

«Великие реформы» Александра II имели непосредственное отношение и к немецким колонистам. В первую очередь, это касается крестьянской реформы, которая для них реализовывалась в 1860-1870-х гг. В данном случае мы подразумеваем ликвидацию юридического статуса «колонии» и превращение ее в сельское поселение. Но, будь то на казенных либо удельных землях, поселяне-собственники (бывшие колонисты) обязаны были выкупить имевшиеся в их пользовании земельные наделы.

Особыми актами в 1863 и 1877 гг. колонистам, проживавшим в Среднерогатской, Стрельнинской и Кипеньской колониях (все они находились в ведении Департамента Уделов), было разрешено осуществить выкупные операции [6, л. 1]. Эти мероприятия проходили в соответствие с правилами, составленными Главным Комитетом об устройстве сельского состояния. Так, жители Стрельнинской, Знаменской и Ораниенбаумской колоний должны были урегулировать вопрос с теми членами Императорской фамилии, в собственности которых значились эти земли, колонисты Александринской колонии – с Петергофским Дворцовым Правлением с последующим утверждением Министром Императорского Двора, а среднерогатские и кипенские колонисты должны были вступить в переговоры с удельным ведомством [5, л. 2]. Одним из первых к проведению реформы на своих землях в 1863 г. приступил Великий Князь Константин Николаевич.

Основанием к деятельности стало решение Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 21 октября 1863 г. [4, л. 46]. Позднее его примеру последовали Великий Князь Николай Николаевич Старший, Великая Княгиня Елена Павловна.

В 1879 г. такое право было предоставлено поселянам Верхней и Нижней Ижорским колониям Царскосельского уезда. По распоряжению Министра Императорского Двора графа А. В. Адлерберга, в течение последующих 30 лет они должны были выплатить почти 53 тыс. руб. с учетом 5-типроцентной ежегодной капитализации [6, л. 5]. Подобное предложение вызвало ропот среди колонистов, которые считали земли своей собственностью, за которые не придется платить иных платежей, кроме уже существовавших.

Выкупать свои земли должны были и колонисты, проживавшие на казенных землях. Уже в 1875 г. поселяне-собственники колонии Франкфуртской Ямбургского уезда через уездное по крестьянским делам присутствие не только заявили о своем согласии выкупить принадлежавшие им земли единым наделом, но и выплатили положенные почти 2,9 тыс. руб. [11, л. 1] за отошедшие им в собственность 254 дес. [10, л. 5].

В результате выкупа земель у казны, удельного ведомства либо членов Императорской фамилии колонисты стали полноправными собственниками своих наделов. Однако переход земли в собственность еще больше обострил земельный вопрос. В новых реалиях собственниками стали те поселяне, которые на момент проведения реформы владели землей в рамках подворного землевладения. Подавляющее большинство поселян окончательно утратило возможность получить земли из общего фонда, что привело к переселению в Санкт-Петербург колонистской бедноты и аренде или покупке земли вне колоний наиболее зажиточными, но не имевшими двора в колонии, немцами-поселянами. Нерешенность земельного вопроса будет сохраняться вплоть до начала 1920-х гг.

Список литературы и источников

1. Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии, 1760-е-1870-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2002. 320 с.
2. Бахмутская Е. В. Организация приема и расселения немецких колонистов в С.-Петербургской губернии в период правления императора Александра I // Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. Москва: Готика, 1998. С. 73-86.

3. Кайряк А. А. Особенности демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. // Историческая информатика. 2023. № 3(45). С. 28-40. DOI 10.7256/2585-7797.2023.3.44064.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1181. Оп. 1. 1863 г. Д. 142. Л. 46.
5. РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. 1876 г. Д. 96. Л. 2.
6. РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1879 г. Д. 19. Л. 1.
7. РГИА. Ф. 379. Оп. 8. Д. 203. Л. 1.
8. РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 8056-1.
9. Устав о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской империи: в 15 т. Санкт-Петербург: Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1857. Т. 12. Ч. 2. Тетр. 4.
10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 3. Д. 3750. Л. 5.
11. ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.
12. Черказьянова И. В. Законодательство о немецких колониях под Петербургом XVIII – начала XIX веков (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 525-542. DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-7-525-542.
13. Черказьянова И. В. Роль Александра Клауса в подготовке колониальной реформы 1871 г. // Этнические меньшинства в истории России: Материалы Второй международной научной конференции, Санкт-Петербург, 05–06 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 298-307.
14. Шайдуrow В. Н., Ерохина О. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765 – 1800-х гг. // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8, № 1(29). С. 15-31. DOI 10.46539/jfs.v8i1.493.

И. К. Щербакова, канд. истор. наук, доцент,
Государственный университет управления (Москва)

**КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
СТАБИЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ?**

Аннотация. Целью статьи выступает анализ формирования программы аграрных преобразований государственной власти: Редакционной комиссии, образованной по инициативе министра внутренних дел В.К. Плеве, а также Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с министром финансов С.Ю. Витте. На основе методов историко-сравнительного анализа и сопоставления делается вывод о том, что, несмотря на необходимость коренных изменений в аграрном секторе, противоречия внутри правительства и созданных им органов, не позволили вовремя решить накопившиеся проблемы и вылились в один из острых вопросов первой русской революции 1905-1907 гг.

Ключевые слова: Редакционная комиссия, В. К. Плеве, С. Ю. Витте, Особое совещание, неприкосновенность общины, аграрный вопрос.

I. K. Shcherbakova, Ph.D. history Sciences, Associate Professor,
State University of Management (Moscow)

**THE PEASANT WORLD ON THE EVE
OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: STABILIZATION
OF THE POLITICAL REGIME OR THE NEED
FOR TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN VILLAGE?**

Abstract. The purpose of the article is to analyze the formation of a program of agrarian transformations of state power: an editorial commission formed on the initiative of Interior Minister V.K. Plehve, as well as a special meeting on the needs of the agricultural industry headed by Finance Minister S.Y. Witte. Based on the methods of historical comparative analysis and comparison, it is concluded that, despite the need for fundamental changes in the agricultural sector, contradictions within the government and the bodies created by it did not allow the accumulated problems to be solved in time and resulted in one of the acute issues of the first Russian revolution of 1905-1907.

Keywords: Editorial Committee, V. K. Plehve, S.Y. Witte, Special meeting, inviolability of the community, agrarian issue.

Ситуация в аграрном секторе России в начале XX века (в 1900–1904 гг.) многим наблюдателям казалась достаточно тревожной: нарастающее недовольство крестьян, их обнищание и безземелье, множество накопившихся нерешенных задач, все это приводило к тому, что из разных уголков России раздавались голоса об обострении аграрного вопроса. Казалось, это понимали все, кроме верховной власти, так как именно ее реакция на происходящее была достаточно вялой. Создавались бесконечные совещания и комиссии, начиная от Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 году под руководством С. Ю. Витте, до Редакционной комиссии В. К. Плеве, и заканчивая Всероссийским крестьянским союзом в 1905 году (который даже имел свой печатный орган «Голос крестьянского союза»), однако их работа не приводила к определенному результату в силу разницы мнений входивших в их состав членов. С. Ю. Витте настаивал на ликвидации правовой обособленности крестьян, на устранении их гражданско-правовой и имущественной неполноправности. В. К. Плеве же, напротив, считал крестьянскую обособленность в такой сложный для страны период опорой самодержавия. Безусловно, столкновение взглядов этих двух министров ведущих ведомств того времени, нельзя рассматривать только как борьбу либеральной и консервативной группировок в отрыве от контекста времени и событий, происходящих в России в данный период.

Так, долгие годы деятельность В. К. Плеве рассматривалась только как реакционно-консервативная, направленная на стабилизацию общины и на сохранение обособленности крестьянского мира. А ведь, если взглянуть на причины формирования его взглядов под другим углом, как министра внутренних дел, главным для которого являлось укрепление порядка в деревне, становится объяснимым его желание стабилизации режима. Так во время крестьянских восстаний в Полтавской и Харьковской губернии в 1902-1903 гг. он не остался в министерском кресле, а отправился прямо в гущу событий, принимая посетителей и расследуя причины беспорядков в вагоне поезда, что было сделано в целях его безопасности [5, с. 211].

Также необходимо подчеркнуть, что оценка В. К. Плеве в воспоминаниях его современников представлялась далеко не однообразной. Интересно мнение В. И. Гурко (автора воспоминаний о данном периоде) – активного участника работы и Особого совещания, и Редакционной комиссии, а также начальника Земского отдела МВД при В. К. Плеве. Он оценивал министра внутренних дел с точки зрения его административно-

политической эффективности, отмечая, что «беспрерывно громыхали правительственные громы, но удары молний почти отсутствовали» [3, с. 211].

Да и взгляды С. Ю. Витте как либерала в аграрном вопросе сформировались далеко не сразу. Долгие годы он оставался сторонником консервативных взглядов и даже голод 1891 года, последствия которого так сильно сказались на российской деревне, и после которого даже было учреждено Министерство земледелия, Витте считал не серьезным явлением, а приписывал его изъятиям статистики. В 1893 году он выступал сторонником сохранения общины и неотчуждаемости наделных земель.

Безусловно, Витте, как министр финансов, руководствовался, прежде всего, экономическими соображениями, однако позднее понял, что только ликвидация правовой обособленности крестьянства, отмена круговой поруки, изменение правосознания крестьян может помочь экономическому возрождению России. И в 1898 году Витте, оценив всю тяжесть ситуации в аграрном секторе, обратился к императору с запиской о необходимости освободить крестьянство от давящей опеки местных властей и общины [1]. Но столкнулся не только с совершенно противоположной позицией Николая II, который игнорировал различные именные записки министра финансов, но и с реакционным взглядом дворянства, требовавшего восстановления своего прежнего политического и экономического статуса как правящего сословия империи.

Самому поместному дворянству Витте советовал решить проблему оскудения следующим образом: активнее включиться в процесс модернизации страны и оценивать новые перспективы развития: заниматься финансовыми операциями, займами, развивать собственный бизнес, а вот в отношении крестьянства Сергей Юльевич, как никто другой понимал, что модернизация, о которой он так мечтал, не произойдет, пока тормозом будет являться крестьянская община [1].

Крестьяне же в отличие от дворянства в большей своей массе имели слабые представления о государственных институтах и политических процессах, воспринимая их как чуждые и непонятные. И все же, несмотря это, и Особое совещание С. Ю. Витте и Редакционная комиссия В. К. Плеве привлекли к работе крестьян из разных губерний страны: были созданы местные комитеты и губернские совещания.

Всего было создано 536 местных губернских и уездных комитетов, которые приступили к работе 22 марта 1902 г. и были образованы почти по всем губерниям Европейской России и остальным местностям. Интересен их состав: в губернских комитетах в процентном соотношении преобладали

дворяне и землевладельцы (37%), далее следовали чиновники (29%), земские гласные составляли 23%, а крестьяне всего лишь 2%. В уездных комитетах дворяне и землевладельцы занимали одинаковое количество мест (26%), и больше были представлены гласные от крестьян (17%) [8, с. 211].

В них обсуждались разные вопросы, но их круг был гораздо уже тех, что рассматривался в центральных органах. На них поднимались вопросы о крестьянском общественном управлении, о составе волостного суда и судопроизводства, о мелкой земской единице, и, наконец, о судьбе общины. И вот, что интересно, именно он не заслужил того внимания, на который рассчитывали в руководстве центральных органов. Мнения комитетов разделились в зависимости от расположения регионов: в Центральной России сказалось влияние либерального земства, и большинство членов высказалось за сохранение общины; в черноземных губерниях, учитывая заключения Саратовской, Тульской, Воронежской губерний, решили предоставить решение данного вопроса течению самой жизни, и, только, в нечерноземных (Санкт-Петербургская), на которых, безусловно, отразились веяния западных губерний, где раньше других начался переход к хуторскому землевладению, местные деятели высказались на упразднение общины [8]. Такая разница мнений вполне объяснима. Например, Витте подчеркивал, что при таком огромном количестве комитетов, при многочисленном и разнородном их составе, при отсутствии указаний сверху, вообще можно было ожидать еще более дробных мнений [1, с. 219].

Что касается губернских совещаний, то необходимость развития индивидуальной частной собственности поддержали только совещания Северо-Западной и Западных губерний. Интересно, что заключений ряда совещаний не было в сборнике по вопросам землепользования (Виленского, Киевского, Санкт-Петербургского, Ставропольского, Московского), и это свидетельствует о том, что они высказывались оппозиционно курсу большинства [7]. Таким образом, либеральные веяния присутствовали и в местных комитетах, и в губернских совещаниях

Помимо вопроса о судьбе общины различались мнения совещаний и комитетов относительно сохранения волостного суда. Только 26 совещаний высказались за его упразднение, 40 – поддержали существование в неизменном виде [7]. И, напротив, значительное большинство местных комитетов высказали мнение о необходимости замены волостных судов на общегражданские [9]. Также разногласия членов совещаний вызвал вопрос о применении обычных норм в крестьянском судопроизводстве. Даже формулировка вопроса уже склоняла его членов к положительному ответу:

«Разве разнообразие бытовых особенностей крестьянской жизни различных местностей не влечет за собой необходимость допустить наряду с писаными нормами и обычая?». В итоге более 1000 членов совещаний высказались за сохранение норм обычного права, а против выступили лишь 384. Опять представители в основном западных и юго-западных губерний выступили за отмену обычая: из них 5 – единогласно (Вольнское, Ковенское, Минское, Черниговское, Костромское); 4 – большинством голосов (Уфимское, Курское, Полтавское и Гродненское) и 4 – меньшинством (Витебское, Саратовское, Воронежское, Бессарабское).

Подводя итог работе двух правительственных органов, созданных в начале XX века (1902–1903 гг.) по обсуждению и решению аграрного вопроса, отметим, что, несмотря на желание С. Ю. Витте осуществить коренные перемены в аграрной сфере, направленные на модернизацию страны, и добиться обновления законодательства о крестьянах, охранительные тенденции другого правительственного органа – Редакционной комиссии В. К. Плеве, имевшие принципиально иные экономические основы – неприкосновенность общины, сохранение сословности крестьянского строя, тормозили работу Совещания С. Ю. Витте и фактически сводили ее на нет.

По иронии судьбы, указ о закрытия Совещания был подписан Николаем II в тот день, когда ровно три года назад начались беспорядки в Полтавской губернии, тем больнее для Витте был этот удар, отдать свою работу в руки того, кто не собирался продолжать начатую им линию. Как писал один из активных членов Совещания Н. А. Павлов: «Исторический и важнейший акт Государя – созыв Комитетов – сорван! Община была накануне конца, а бюрократия и общество ее опять отстояли!» [8]. За три года работы Совещания было написано более 58 томов, по каждому заседанию протокол составил более тысячи страниц. Итог же работы Редакционной комиссии остался плодом кабинетного бумаготворчества и так и не был опубликован. Результаты работы местных деятелей, в которую часто вмешивались чиновники Министерства внутренних дел, к сожалению, не соответствовали взглядам, преобладавшим в тот период в обществе, и фактически были сданы в архив, а ставка Витте на либерализм не оправдала себя. В. К. Плеве добился на время успокоения деревни, однако стабилизация политического режима носила временный характер, понадобились уроки первой русской революции, чтобы показать власти нерешенность ключевого вопроса Империи.

Список литературы и источников

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: В 2 т. Т. 1. Москва, 1997. 350 с.
2. Всеподданнейший отчет по Особому Совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1904. Санкт-Петербург, 1904.
3. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. Москва, 2000. 808 с.
4. Записка по крестьянскому делу Председателя Высочайше Утвержденного «Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» статс-секретаря С. Ю. Витте. Санкт-Петербург, 1904. 106 с.
5. Минаков А. С. Крестьянское движение весной 1902 г. и формирование аграрной политики В. К. Плеве // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 3(15). С. 7-14. DOI 10.25730/VSU.2070.19.027.
6. Министерство Внутренних Дел. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. I-V. Санкт-Петербург, 1903.
7. Министерство Внутренних Дел. Заключение Губернских Совещаний по пересмотру законоположений о крестьянах по предложенным к обсуждению общим вопросам. Вып. I. Крестьянское общественное управление. Санкт-Петербург, 1904; Вып. II. Волостной суд. Санкт-Петербург, 1904; Вып. III. Землепользование крестьян. Санкт-Петербург, 1904.
8. Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II: [Последнее царствование глазами очевидца]. Санкт-Петербург: Сатисъ: Держава, 2003. 159 с.
9. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Крестьянский правопорядок. Составил А. А. Риттих. Санкт-Петербург, 1904. 447 с.

УДК 908 (470.326).084

И. А. Косенков, аспирант кафедры «История и философия»
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ РАССКАЗОВСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1928-1939 ГГ.

Аннотация. В статье рассказывается о хозяйственной и социально-культурной жизни колхозов, созданных на территории Рассказовского района Тамбовского округа Центрально-Черноземной области в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова. Колхоз, крестьяне, посевы, район, сельсовет, техника, хозяйство.

I. A. Kosenkov, graduate student of the Department
of History and Philosophy Tambov State Technical University
(Tambov)

CREATION AND ESTABLISHMENT OF COLLECTIVE FARMS IN THE RASSKAZOVSKY DISTRICT OF THE TAMBOV REGION IN 1928-1939

Abstract. The article describes the economic and socio-cultural life of collective farms established on the territory of the Rasskazovsky district of the Tambov district of the Central Chernozem region in the late 1920s and early 1930s.

Keywords. Land, collective farm, peasants, crops, district, village council, machinery, economy.

Рассказовский район был образован 20 мая 1928 г. в составе Тамбовского округа Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Территория Рассказовского района за время своего существования неоднократно менялась. Так, в декабре 1934 года, после упразднения ЦЧО и образования Воронежской области, Рассказовский район разделили на два: Рассказовский и

Платоновский. В 1937 году была образована Тамбовская область, Рассказовский и Платоновский районы вошли в её состав. В данной статье рассмотрен Рассказовский район в границах декабря 1934 г. [10, с. 2].

Начало коллективизации сельского хозяйства было положено XV съездом ВКП(б), в декабре 1927 г. [8, с. 293-311]. Реализация решений съезда по кооперированию крестьянских хозяйств началась и в Тамбовском округе ЦЧО. В этот период активизировалась работа партийных сельских ячеек в сплочении бедняцко-средняцких масс крестьянства. Проводились многочисленные собрания бедняков, батраков, общие крестьянские сходы. Группы бедноты должны были стать прочной опорой власти в ее борьбе против кулачества. Делегат Первой Тамбовской Округной конференции групп бедноты от Рассказовского района Болдина в своем выступлении так и говорит: «...Как организовалась ячейка партии, то стала руководить беднотой, и теперь с кулаками ведется борьба...» [2, с. 289].

Исходя из протокола этой конференции, проходившей 19-20 декабря 1928 г., в Рассказовском районе было «...действующих 9 групп бедноты, 8 организованных при Сельсоветах, членов в них состоит 82 чел., из которых 50% бедноты. И одна группа при сельккове, членов в ней состоит-125 чел.: из них бедняков 110 чел. Остальные члены – середняки...» [2, с. 3].

Следует отметить, что в период раскулачивания 1929-1930 гг. в ЦЧО, и в Тамбовском округе, в частности, местными властями совершались порой грубые нарушения, известно о многочисленных фактах раскулачивания середняков. Такие сведения имеются в монографии Т. А. Кротовой «Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х гг.»: «...В Рассказовском районе было раскулачено 581 крестьянских хозяйств, 237 из которых не были кулаками, скорее относились к середнякам» [9, с. 106].

Этот период характеризуется не только агитационной работой сельских партийных ячеек среди сельского населения о преимуществах коллективного хозяйствования, но и жестким административным давлением со стороны власти на лиц, уклоняющихся от вступления в коллективные хозяйства. Например, для единоличников повышались обложения по сельхозналогу с конфискацией имущества должников, выделялись земли худшего качества. В результате в 1930-х гг. в Тамбовском округе в единоличных хозяйствах отходничество приобретает характер миграции. Основными центрами, которые притягивали к себе крестьян, были крупные города и стройки Урала, Сибири, шахты Донбасса.

Беднейшие слои крестьянства, да и часть середняков, в принципе, не были против производственной кооперации. Тем более что государство стало оказывать материальную поддержку колхозам. Например, «...в посевную 1928 г. в ЦЧО были выделены кредиты на сумму 207 тыс. рублей.... Сейчас по округу мы имеем 400 тракторов», – из речи т. Заикина на Первой Тамбовской Округной конференции групп бедноты [2, с. 2-3].

Так, на территории Рассказовского района в период с 1928 по 1939 годы стали создаваться коллективные хозяйства (колхозы) или артели. К каждому сельсовету относилось от 4 до 11 колхозов. Колхозы создавались и в маленьких поселках, таких как: Балдон, Красный, Вольные выселки, Воля труда, Новый свет, Родник, Трудолюбие и др. Эти поселки образовались в 1920-е годы, когда крестьяне, решая проблему малоземелья, осваивали новые земли (земли помещиков), отдаленные от места жительства и селились там по несколько семей. К началу 1940 г. в Рассказовском районе на 13 сельсоветов и 76 населенных пунктов приходилось 77 колхозов.

Далее приведен список колхозов Рассказовского района по сельсоветам на 01.01.1940 г. с характерными названиями, отражающими политические реалии тех лет [5, с. 90-91]:

Рассказово (город): «Путь к социализму»;

Богословский с/с: «Верный путь», «Воля Труда», «Завет Ильича», «Им. Буденного», «Им. Коминтерна», «Ленинская Искра», «Молодой большевик», «Рассвет», «Свободный труд», «Соревнование», «Трудолюбие»;

Верхнеспаский с/с: «Им. Ворошилова», «Им. Карла Маркса», «Им. Кирова», «Им. Красной Армии», «Им. Кагановича», «Им. 2-й Пятилетки», «Им. 7-го Съезда Советов»;

Ивановский с/с: «Им. Буденного», «Искра», «Память Ленина», «Стахановец»;

Коптевский с/с: «Власть Советов», «Вперед», «Им. Ворошилова», «Им. Мичурина», «Им. Сталина»;

Кобылинский с/с: «Им. ОГПУ», «Им. 6-го Съезда Советов», «Им. 15-й годов. Р.К. Милиции», «Путь свободы»;

Липовский с/с: «Все за работу», «Им. 12-го декабря», «Красный боевик», «Красный Дунай», «Нива», «Ударник»;

Мало-Туляновский с/с: «Красный Туляновец», «Крестьянин»;

Нижнеспаский с/с: «Заря социализма», «Им. Буденного», «Им. Калинина», «Им. Молотова», «Красная Заря»;

Новгородовский с/с: «Волна революции», «Им. 15-го Съезда Советов», «Им. 1-го Мая», «Им. 17-го Партсъезда», «Свободный труд»;

Осиновский с/с: «Буксир», «Вперед», «Им. Куйбышева», «Красный боец», «Красный камень», «Им. 18-го Партсъезда», «Молодая гвардия»;

Пичерский с/с: «Большевицкий Путь», «Завет Ильича», «Им. 4-го Рай. съезда Советов», «Красный Октябрь»;

Подоскляйский с/с: «Им. Чапаева», «Им. 13-ой годов. Октября», «Им. 17-го Партсъезда», «Стахановец», «Ударник»;

Хитровский с/с: «Верный путь», «Вперед», «Завет Ленина», «Заря Будущего», «Зимница», «Им. 2-го Обл. съезда Советов», «Красный боевик», «Красное Знамя», «Нива», «Родник».

В этот период зародилась традиция называть населенные пункты по названию имеющегося колхоза. Особенно это использовалось в периодических изданиях тех лет. Например, в рассказовской районной газете «Вперед», издаваемой с 1931 г., при изложении материала о сельскохозяйственной деятельности того или иного колхоза указывался еще только сельсовет, без указания названия населенного пункта.

Разрушение традиционного уклада всей жизни деревни проходило весьма трудно и болезненно. Несмотря на многочисленные инструкции и справочники, изданные в Тамбовском округе, и практические указания властей, агропромышленные мероприятия в колхозах не всегда удавалось грамотно организовать. Это и несвоевременное доведение трудового задания до колхозников, и неправильное нормирование сельхозработ, и плохая постановка учета, нередко полное его отсутствие, что отражалось на правильном распределении урожая и т.д. Слаба была и материальная база, которая в первые годы состояла из простейших средств производства, собранных с крестьянских дворов. И, как результат – уровень производства сельскохозяйственных культур в новых хозяйствах был невысоким. Но к концу 1930-х гг. ситуация в рассказовских колхозах стала стабилизироваться. Это отражено в таблице 1, составленной по основным показателям колхозного строительства, начиная с 1934 г. (на 1 июля).

Таблица 1. Колхозное строительство в Рассказовском районе [1, с. 493]

Годы	Число колхозов	Количество			% коллективизации		Приходится на 1 колхоз		
		Дворов	Посева (га)	Рабочих лошадей	Дворов	Посева (га)	Дворов	Посева (га)	Рабочих лошадей
1934	64	6521	41985	2258	62,9	84,0	102	656	35
1935	70	7163	46780	2586	78,5	95,1	102	668	37
1936	73	7853	49243	2499	87,3	99,3	108	675	34

Как видно из таблицы 1, уже к 1936 году 87,3 % крестьянских дворов состояли в колхозах, обрабатывая 99,3 посевов. А около 13% составляли хозяйства крестьян-единоличников вместе с другими категориями населения (рабочими и служащими), на долю которых проходило лишь 0,7 % посевов.

Направление сельского хозяйства Рассказовского района традиционно оставалось зерновым. В таблице 2 размеры и структура посевных площадей в 1935 году указаны как в колхозах, так и у единоличников. Это дает наглядное представление о коренном переустройстве сельского хозяйства в пользу коллективных хозяйств.

Таблица 2. Размеры и структура посевных площадей у колхозов и у единоличников на 1935 г. (га) в Рассказовском районе [1, с. 494]

Категории хозяйств	Посевные площади	Зерновые и бобовые				Подсолнечник	Картофель	Овощи и бахчи	Кормовые
		Всего	В том числе						
			Рожь	Пшеница					
				Озимая	Яровая				
Колхозы	46780	30064	19543	613	1051	2521	1337	159	2863
Единоличники	2420	1768	193	–	19	84	492	51	10

Поначалу уровень механизации колхозов был далек до необходимого. По-прежнему обработка земли и другие хозяйственные задачи выполнялись в основном конным способом. Архивные данные на 01.01. 1940 г. содержат сведения о том, что в каждом колхозе Рассказовского района была кузница, шорная и плотницкая мастерские [6, с. 3-120]. Кузница занималась изготовлением и ремонтом сельхозинвентаря из металла, изготовлением подков и подковкой лошадей. Шорная мастерская занималась изготовлением и ремонтом кожаной упряжи, хомутов и др. Плотницкая мастерская использовалась для изготовления и ремонта повозок, тележных колес оглоблей и др.

Согласно Всесоюзной переписи социалистической мелкой промышленности на 01.01. 1940 г. [6, с. 3-120] в районе имелось: механических мельниц – 15, ветряных – 10, водяных – 3; маслобоек – 4 (1 механическая); хлебопекарней – 3 (до 1939 г.), шерсточесалок – 10.

Количество техники для обработки земли неуклонно продолжало расти, и она была сосредоточена сначала на двух МТС (машинно-тракторных станциях) Рассказовского района: Рассказовской (организована в 1932 г.) и Верхнеспаской (организована в 1935г.), а затем, в 1939 г., открылась и Пичерская МТС. Во всех МТС были оборудованы механические мастерские.

Таблица 3. Техническая оснащенность МТС с 1934 по 1940 гг. [1, с. 493]

Годы (на 01.01.1940. до- полнительные све- дения по МТС [5, с. 25-27])	Количество техники в МТС							
	Тракторный парк		Грузовые ав- томашины		Комбайны	Сложные молотилки	Плуги лемешные тракторные	Сейлки зерновые тракторные
	Число тракторов	Мощность (л. с.)	Количество	Грузоподъемность (т)				
1934	39	560	–	–	–	16	48	14
1935	48	695	1	1,5	–	18	50	14
1936	85	1250	1	1,5	4	19	69	8
01.01.1940. Всего	154	2994	8	12	50	24	164	62
<i>Верхнеспасс. МТС (на 27 колхозов)</i>	51	859	3	4,5	16	8	48	29
<i>Пичерская МТС (на 27 колхозов)</i>	46	995	3	4,5	14	7	42	9
<i>Расказовск. МТС (на 25 колхозов)</i>	57	1140	2	3	20	9	74	24

В таблице 3 наглядно показано увеличение в несколько раз сельскохозяйственной техники, полученной МТС к началу 1940 г.

На 01.07.1939 г. колхозы Рассказовского района также имели: 1431 плуга конных, 310 культиваторов, 1514 борон «зиг-заг», 342 сейлок сошниковых и дисковых, 148 веялок, 345 жаток и сноповязалок, 66 граблей конных, 5 молотилок сложных и полусложных, 97 молотилок простых, 53 сортировок зерновых, 31 двигателя внутреннего сгорания [7, с.155].

Развитие животноводства в районе не являлось приоритетным. Прежде всего, из-за слабой кормовой базы, так как земли использовались в основном под зернобобовые культуры. Но в колхозах района в 1936 г. действовало 37 молочнотоварных, 28 овцетоварных, 41 свиноводческих ферм, 1 конеферма, 3 птицефермы, 1 кроликоферма [1, с. 492].

Таблица 4. поголовье скота в Рассказовском районе на июнь 1934 и 1936 гг. [1, с. 494]

Категории хозяйств	Лошади		Круп. рог. скот		Овцы и козы		Свиньи	
	1934	1936	1934	1936	1934	1936	1934	1936
Колхозы	2864	3585	1715	3614	1946	3015	1133	2155
Колхозники	–	–	5499	8117	4848	10900	352	2208
Единоличники	1164	339	3549	3589	1574	1766	653	1649

Таблица 4 показывает не только количество скота в колхозах на соответствующие годы, но и свидетельствует о наличии у колхозников подсобного хозяйства. Из таблицы становится очевидно, что в личных хозяйствах у колхозников скота было больше, чем в колхозах. Средний размер приусадебных участков составлял примерно 40 соток (0,4 га) на один крестьянский двор. Несмотря на то, что с личного хозяйства приходилось отдавать государству продналог, такие подсобные хозяйства были порой единственным источником существования крестьян, особенно на начальном периоде формирования колхозов. Также показано увеличение скота у единоличников при одновременном сокращении лошадей. Это объясняется малым количеством посевных площадей в хозяйствах единоличников.

И в социально-культурной сфере в рассказовских колхозах в 1930-х гг. происходили качественные изменения. Улучшалось медицинское обслуживание сельских жителей. Согласно архивным данным [3, с. 23], в Рассказовском районе на 25.03.1938 г. (не считая г. Рассказово) имелись следующие медицинские учреждения: Коптевская больница и амбулатория (с. Коптево); медпункты в сёлах Верхнеспаское, Липовка, Нижнеспаское, Осиновка, Пичер; акушерские пункты в сёлах Богословка, Кобылинка, Новгородовка, Подоскляй, Хитрово. Медицинский персонал: врачей – 3, фельдшеров – 9, медсестер – 5, акушеров – 8.

Большое внимание уделялось образованию. В Рассказовском районе (не считая г. Рассказово) на 15.09.1939 г. действовало: начальных школ – 33; неполных средних школ – 10; средних школ – 3 [6, с. 122-128].

В районе на период весенне-осенних полевых работ сельсоветы организовывали в некоторых крупных колхозах сезонные ясли. В 1937 г. их имелось 45 (на 1500 детей), в 1938 г. – 75 (на 2000 детей) [3, с. 22].

В сёлах и деревнях района создавались объекты культуры. На 01.11.1938 г. [4, с. 99-100] действовали следующие клубные учреждения: клуб в д.

Богоявленовка (Липовский с/с), построенный отделением Трикотажно-пря-
дильной Артели (имелась радиоустановка); избы-читальни: с. Алексеевка
(Липовский с/с), с. Богословка, с. Верхнеспаское (имелась радиоустановка,
библиотека на 380 книг), с. Кобылинка, с. Коптево (имелась радиоустановка),
с. Нижнеспаское (имелась библиотека на 170 книг), с. Новгородовка, с. Оси-
новка, с. Подоскляй, д. 1-е Никольское (Пичерский с/с), с. Хитрово. Все
избы-читальни были оборудованы зрительным залом, где показывали кино-
фильмы. В этот период в районе действовало 6 кинопередвижек.

Таким образом несмотря на то, что методы создания колхозов на
начальном периоде были принудительные, с применением репрессий, к
концу 1930-х гг. в Рассказовском районе, как и по всей стране, становление
новой социально-экономической системы было окончательно завершено.

Тема коллективизации сельского хозяйства продолжает обсуждаться
и сегодня с разных точек зрения. Но одно несомненно – создание колхозной
системы накануне Великой Отечественной войны позволило вопреки всем
трудностям, выпавшим на долю сельских тружеников, бесперебойно обес-
печить фронт и тыл продовольствием.

Список источников и литературы

1. Воронежская область, районы и города: эконом.-стат. справочник
/ Обл. упр. нар.-хоз. учета. Воронеж: Обл. УНХУ, 1937. 673 с.
2. Государственный архив социально-политической истории
Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-855, оп.1, д. 83. л. 1-289.
3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3166,
оп.1, д. 28. л. 22-23.
4. ГАТО. Ф. Р-3166, оп.1, д. 29, л. 99-100.
5. ГАТО. Ф. Р-3166, оп.1, д. 32, л. 90-91.
6. ГАТО. Ф. Р-3166, оп.1, д. 38, л. 3-128.
7. Города и районы Тамбовской области: эконом.-стат. справочник /
Тамб. обл. план комиссия. Тамбов: Тип. изд. «Тамбовская правда», 1940.
304 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов
ЦК (1898-1986). Т. 4. 1926-1929. 9-е изд., доп. и испр. Москва: Политиздат,
1984. 576 с.
9. Кротова Т. А. Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х –
начале 1930-х годов: монография. Тамбов: ООО «Фирма «Юлис», 2007.
231 с.
10. Трудовая новь: городская и районная общественно-политическая
газета. Рассказово, Тамбовской обл.: Тип. газеты «Трудовая новь», Еженед.
2003. март (№ 38).

Т. А. Кротова, канд. истор. наук,
заведующий отделом использования и публикации документов
ТОГБУ «Государственный архив Тамбовской области» (Тамбов)

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ: 1930-Е ГОДЫ

Аннотация: В статье рассматривается политика советской власти в отношении зажиточного крестьянства в 1930-е годы на примере территорий, входящих в состав Тамбовской области: раскулачивание крестьянства, методы его осуществления.

Ключевые слова: зажиточное крестьянство, раскулачивание, политика.

T. A. Krotova, Ph.D. history sciences,
Head of the Department for Use and Publication of Documents
TOGBU “State Archive of the Tambov Region” (Tambov)

PEASANTRY AND AUTHORITY: 1930 S

Abstract: The article examines the policy of the Soviet government towards the wealthy peasantry in the 1930s using the example of territories that are part of the Tambov region: dispossession of the peasantry, methods of its implementation.

Keywords: wealthy peasantry, dispossession, politics.

Каждая историческая эпоха и каждый факт в ней многогранны, имеют множество оттенков, бывают переплетены между собой события и человеческие судьбы, казалось бы, не имеющие прямых связей. Архивные документы в этом плане представляют собой неисчерпаемый источник, высвечивающий эти грани, позволяющий проникнуть в суть события, отыскать причинно-следственные связи.

Изучение социально-политических и экономических процессов, происходивших в СССР в период 1920-х – начала 1930-х гг., имеет особую значимость в плане осмысления истории советского государства, объективной оценки этой политики и возможности избежать дальнейших ошибок и грубых актов насилия над обществом в целом, крестьянством и отдельной личностью.

Политика советской власти в отношении зажиточного крестьянства в этот период носила жёсткий репрессивный характер. В контексте модернизационных процессов общий мировой процесс раскрестьянивания, охвативший и Россию, закономерен и объективен. Однако раскулачивание крестьянства, явившееся его искусственно навязанной российскому обществу

составной частью, насильственные методы его осуществления – и по сути, и по форме были антигуманны.

Героическая эпоха встаёт перед нами в кадрах кинохроники, художественных кинолентах, романах. Но за кадром, за строками, воспевавшими героику будней, всевозможные перестройки и перековки, фактически стояло беспредельное насилие, в первую очередь в отношении того, на ком веками держалась Россия – крестьянина, разрушение производительных сил сельского хозяйства, громадные человеческие жертвы, исковерканные судьбы миллионов людей.

Из Центрально-Чернозёмной области и, в частности, из районов нынешней Тамбовской области «кулацкие» хозяйства выселялись на Урал (Свердловская область), в Казахстан (Карагандинская область), в Северный край. На Урале в основном труд спецпереселенцев использовался на лесозаготовках. Древесина и давала валютные поступления в казну, и имела промышленное значение, в большом количестве шла на нужды железнодорожного строительства. За 1930-1931 гг., по данным ОГПУ, из ЦЧО было выселено на Урал 1408 крестьянских семей, в Северный край – 10236, в Восточную Сибирь – 2367, в Казахстан – 10544 [См.: 3, с. 118-120]. Перевозили их специальными поездами, в «телячьих» вагонах, в нечеловеческих условиях, поэтому большое число спецпереселенцев гибло в пути.

Кроме прямого раскулачивания, зажиточные и середняцкие хозяйства подвергались различным видам налогообложения, твёрдым заданиям по заготовкам, поставкам государству сельхозпродуктов. Особое значение в регионах непромышленных, к которым относился и Тамбовский, придавалось государственным заготовкам сельскохозяйственной продукции и лесозаготовкам. Центрально-Чернозёмный облисполком, а за ним и райисполкомы почти ежемесячно в начале 1930-х гг. рассматривали ход лесозаготовок. Причём сельские Советы были обязаны давать твёрдые задания по заготовке и вывозке леса кулацким хозяйствам, установив обязательные нормы работы для них и жёсткий контроль [1, д. 52. л. 428]. На лесозаготовки направлялись в порядке обязательной повинности и некулацкие хозяйства, на которые эта повинность ложилась тяжким грузом.

Именно в 1930-е гг. началось грандиозное строительство Байкало-Амурской магистрали. Железная дорога на Восток имела, конечно, стратегическое значение для страны. Но прокладка трассы через тайгу и болота – каторжный труд. Поэтому и использовался на строительстве магистрали труд заключённых БАМЛАГа ОГПУ. В архивных фондах сохранились

уникальные документы, свидетельствующие о сломанных жизнях и судьбах наших соотечественников.

В декабре 1934 г. в Тамбовский район вернулся отбывший срок наказания Иван Васильевич Мордовин. Он был осуждён в 1932 г. народным судом Тамбовского района по ст. 107, ч. 2 (спекуляция) к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 3 года. Осуждение его явилось логическим завершением постигших семью репрессий. Семья была большая – 5 детей до 18 лет, четверо взрослых. Сельский Совет в 1931 г. охарактеризовал его хозяйство как кулацкое, поскольку до 1929 г. имелась кузница, 2 лошади, корова, сельхозинвентарь, постройки. В графе «отношение к советской власти» было записано: враждебное. В 1930 г. хозяйство было обложено сельхозналогом в индивидуальном порядке, затем раскулачено, сам хозяин лишён избирательных прав. А в 1932 г. И. В. Мордовин был арестован по обвинению в торговле галантерейными товарами, осуждён и отправлен в Забайкалье. В Деле о восстановлении в избирательных правах Мордовина есть интересный документ – книжка за № 1417 ударника-путеармейца Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря ОГПУ. Напечатанные уже на первых страницах лозунги определяли цель ударничества: «Через ударный труд на стройке БАМа – к возвращению в семью строителей социализма», «Только тот рвёт со своим прошлым, кто отдаёт свои силы строительству БАМа» [2, д. 229]. Книжка выдавалась Центральным штабом ударничества и трудового соревнования БАМЛАГа. Звание ударника-путеармейца присваивалось тому заключённому, который вырабатывал в месяц в среднем «не менее 110 % от заданной нормы при безукоризненном качестве работы», соревновался с ударниками своей бригады за наилучшие качественные и количественные показатели, не нарушал дисциплину, активно участвовал в культурно-воспитательной работе, вносил предложения, помогал отстающим. Поскольку ударник оставался лагерником, он был обязан «бороться через выступления на собраниях, лагкоровские заметки в свою стенную, отделенческую или общелагерную газету и доклады воспитателям и своим командирам о всех замеченных неполадках на производстве и в быту».

Ударник-путеармеец получал право на льготный зачёт рабочих дней, улучшенное питание, дополнительные письма и денежные переводы, внеочередное пользование культурно-бытовыми учреждениями лагеря. Книжка сохранялась за владельцем по освобождению его из лагеря, поэтому и тамбовский крестьянин привёз её домой.

Тысячи таких же заключённых работали на строительстве БАМа. За строчками архивных документов скрывается гораздо больше, чем

просто информация, это – трагедии крестьян, оторванных от земли, голод, унижения, тяжёлый труд.

Да, безусловно, огромной стране с преобладающим сельскохозяйственным производством необходима была своя развитая промышленность, необходима была широко разветвлённая сеть коммуникаций, в том числе железнодорожный транспорт. Но цена, заплаченная за это, была чрезвычайно высока.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-30. Оп. 1.
2. ГАТО. Ф. Р-3000. Оп. 2.
3. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история. 1994. №1. С. 118-147.

В. П. Николашин, д-р. истор. н., доцент,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина (Тамбов)

**ТАМБОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ
ПОСЛЕ АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ
ЕЕ «УМИРОТВОРЕНИЯ»**

Аннотация: в публикации анализируется проблематика стабилизации общественно-политической ситуации в тамбовской деревне после восстания крестьян 1920-1921 гг. Основное внимание уделено способам и путям несилового способа «умиротворения» повстанцев большевиками.

Ключевые слова: Тамбовское восстание, антоновское восстание, умиротворение, «постантоновщина», тамбовская деревня, крестьянство

V. P. Nikolashin, Dr. ist. Sc., Associate Professor,
Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov)

**TAMBOV VILLAGE AFTER THE ANTONOV UPRISING:
KEY EVENTS AND WAYS TO “PACIFY” IT**

Abstract: the publication analyzes the problems of stabilizing the socio-political situation in the Tambov village after the peasant uprising of 1920-1921. The main attention is paid to the ways and means of non-forceful means of “pacifying” the rebels by the Bolsheviks.

Keywords: Tambov uprising, Antonov uprising, pacification, “post-Antonovism”, Tambov village, peasantry

Период развития тамбовской деревни после завершения восстания 1920-1921 гг. традиционно в историографии не выделяется как обособленный этап развития и рассматривается в контексте общероссийского развития, увязывая его с реализацией новой экономической политики. Однако целый ряд накопившихся общественно-политических, социальных противоречий выходят за рамки исключительно экономических изменений в данном регионе. Тамбовская деревня после завершения восстания еще на протяжении ряда лет оставалась зоной социального напряжения. Для решения этого вопроса и включения жителей повстанческих сел в общегосударственный процесс развития советская власть приложила значимые усилия. При этом деятельность большевиков, сумевшая нивелировать острые

противоречия в деревне в «постантовский период», была достаточно многогранна и уникальна для России.

Последствия крестьянского восстания не прошли одномоментно. Вплоть до середины 1920-х гг. в деревне наблюдалась общественно-политическая напряженность, сохранялись антисоветские настроения и в повседневной жизни встречались те, кого советские историографы называли «политическими бандитами». Также здесь наблюдался социальный раскол. В 1923 г. в докладе уполномоченного Тамбовского губернского отдела госполитуправления по Кирсановскому уезду о политико-экономическом положении на местах сообщалось, что фиксировалось сожаление ряда бывших повстанцев о том, что «граждане плохо помогали бандитам, в результате чего опять власть перешла в руки Советов» [1, л. 66]. Напротив, И. Е. Макеев, потерявший отца в ходе восстания из-за повстанцев, называл повстанцев «зверями, извергами, бандитами» [12, с. 242].

Взаимная ненависть, рожденная событиями вооруженного противостояния в тамбовской деревне, превращала соседей во врагов. «Жену коммуниста М. С. Дрокова, служившего в с. Инжавино в заградительном отряде, в ноябре 1920 г. зверски убили свои же соседи-бандиты: «Допросили Дрокову и решили к смертной казни: сначала отрезали нос, отрезали груди, выкололи глаза и потом расстреляли. Уроженец с. Большая Ржакса И. Е. Макеев, брат которого, комсорг, ушел на борьбу с антоновцами вместе с Дроковым, вспоминал о гибели отца и своем ранении. Односельчане, встретив их на заготовке леса, сначала требовали выдать старшего сына и брата, потом смертельно ранили в живот Е. Р. Макеева, приняв его за разведчика: «Расстрелять! Лазутчик! Он пакет возил в Уварово «краснопузым!»» [12, с. 245]. В воспоминаниях Ульяны Васильевны Сатиной из деревни Вишневка имеются сведения об убитой красноармейцами женщине Василисе за то, что ее сын был бандитом. У нее было пять сыновей и одна дочь. У дочери родилось два сына. Один из них погиб в годы Великой Отечественной войны, а другой стал Героем Советского Союза [11, с. 281]. Представленные факты позволяют сделать выводы о глубоких социальных противоречиях, сохранявшихся в деревне в 1920-е гг.

Стабилизация социально-экономических отношений, общественно-политической атмосферы происходила как под влиянием естественных природно-климатических факторов, так и под воздействием власти, амнистировавшей добровольно сдававшихся повстанцев. Так, в сентябре 1921 г., согласно данным допроса пленных бандитов представителями 83-го стрелкового полка, первые ранее опасались «жестокой расправы» [6, л. 61],

но из-за «развешанных [советских] воззваний» [6, л. 61] поменяли свои взгляды. При этом уточняли, что сдаться «заставило ... плохое положение в банде, голод, холод...» [6, л. 61].

Важной приметой изучаемого периода стал уголовный бандитизм. Но отмечались и единичные случаи, когда бывшие повстанцы объединялись в группы. Так, в протоколе совещания при Тамбовской губернской прокуратуре по борьбе с преступностью от 7 октября 1924 г. заместитель начальника губернского управления уголовного розыска Александрович сообщал, что в Тамбовском уезде сохранялись небольшие банды под руководством некоего Свойлова [5, л. 92].

Отголосками Тамбовского восстания, артефактами «постантоновщины» можно признать продолжавшиеся и после завершения восстания покушения на представителей советской власти. Так, в бандсводке № 19 Тамбовского губернского отдела ОГПУ 6/9-24 отмечалось, что в ночь на 23 августа 1924 г. разыскиваемый бандит Тихон Лукьянович Попов ранил председателя сельсовета из с. Денисовка Тамбовского уезда [5, л. 44].

Еще в ходе восстания для стабилизации общественно-политического положения в деревне большевиками осуществлялись меры по поступательному «умиротворению» крестьянства. Безусловно, важнейшим шагом по разрешению социального кризиса стало введение новой налоговой политики, реализовывавшейся в ходе НЭПа. Способствовали успокоению крестьянства его «усталость» от боевых действий. Однако все это полностью не смогло нивелировать сохранявшиеся в деревне социальные противоречия и не привело к окончательной ликвидации повстанчества. Поэтому большевики выработали комплекс мер борьбы с отголосками восстания несилового характера, основываясь на целом ряде условий, характерных деревне первой половины 1920-х гг.

Во-первых, в силу рассредоточенности бывших повстанцев по удаленным и малопригодным для жизни территориям, большевики стремились использовать их сложности в организации быта и трудности поддержки контактов с родственниками. Тем самым представители советской власти, изолируя повстанцев, формировали условия для их мирной сдачи.

Во-вторых, большевики наряду с силовыми и экономическими мерами по «умиротворению» деревни применяли полувоенные, политические, психологические, гражданские методы. В рамках их реализации советская власть укрепляли политические институты в деревне (советы, партийные ячейки, комсомольские ячейки и т.д.), проводили перевыборы и другие кампании.

В-третьих, большевики формировали коммуникационную среду, где осуществляли просоветскую агитацию, пропаганду, культурно-просветительную работу.

В-четвертых, началось установление личных контактов руководства государства с представителями восставшего региона и последующее широкое освещение данного процесса. В частности «для укрепления авторитета советской власти среди тамбовских крестьян В. И. Ленин лично встретился с их делегацией (14 февраля 1921 г.) и провел беседу. Ее содержание было зафиксировано в специальных агитационных листовках «Что сказал Ленин Тамбовским крестьянам» (25 000 экземпляров), которые распространялись местными властями среди восставших крестьян. При этом В. И. Ленин открыл своеобразную «линию доверия», предложив всем обиженным и недовольным крестьянам обращаться лично к нему за помощью» [10, с. 30]. В дальнейшем информация об этом событии активно продвигалась в советских газетах.

Многие меры по «умиротворению» деревни начали реализовываться еще в ходе Тамбовского восстания. Уже весной 1921 г. стали использоваться средства массовой информации для борьбы за умы повстанцев [7, с. 15]. В рамках реализации печатной пропаганды большевиками готовилась «Продовольственная страничка» в «Известиях Тамбовского губисполкома Советов рабочих, крестьянских красноармейских депутатов» тиражом до 15 тыс. экземпляров [7, с. 15], с ноября 1920 г. стала издаваться еженедельная красноармейская крестьянская газета «Правда о бандитах», газета «Тамбовский пахарь», стенная газета для крестьян «Правда о бандитах» [8, с. 45].

Важной мерой борьбы с антисоветскими настроениями стали беспартийные крестьянские конференции. На них рассматривались хозяйственные и политические вопросы. Тем самым большевики вовлекали в мирный общественно-политический процесс деревню, формировали общественную дискуссию вокруг наиболее острых проблем. Например, в телеграмме из Моршанска в Тамбов 2 сентября 1921 г. сообщалось, что с 26 августа по 1 сентября проводились «беспартийные конференции крестьян ...» [4, л. 1]. В ряде случаев беспартийные конференции готовились и проводились вместе с партийными органами и сельскими советами.

Митинги также играли важную роль в «умиротворении» тамбовской деревни. Публичные выступления советских и партийных работников по актуальным общественно-политическим и экономическим проблемам позволяли донести нужную информацию до крестьян. Такая форма получения информации была наиболее привычна для традиционной деревни и была

приближена к социальным коммуникациям на сельских сходах. В ежедневной политесводке № 36 учетно-информационного отдела Поарм по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии 27 июня 1921 г. сообщалось о проведении пяти митингов среди крестьян на темы: «Совстроительство» и «Бандитизм» [3, л. 43].

В целом на беспартийных конференциях, митингах, собраниях, беседах крестьяне имели возможность получить актуальную информацию о политических и экономических изменениях, а также сообщить о собственных нуждах и делать жалобы.

Еще одной мерой борьбы большевиков с повстанческими настроениями в деревне стали специализированные выставки. Летом 1921 г. в Козлове прошла «Противобандитская выставка». Ее экспонаты были направлены на отражение «зла бандитизма и ... борьбу с ним» [9].

Таким образом, комплекс ключевых мероприятий и способов «умиротворения» деревни включал в себя работу с сельскими советами, партийную деятельность (чистки, взыскания, продвижения, обучение), проведение конференций (в том числе беспартийных), работу с женщинами, деятельность комсомола, агитпропаганду, деятельность изб-читален и марксистских кружков, работу антирелигиозных кружков, кампании по пропаганде ленинизма, проведение советских праздников и различных собраний, осуществление клубной работы, партийно-воспитательную работу в форме кружков самообразования, подготовку в вузы (воскресные школы на рабфаке), агропропаганду, экономические меры (крестьянский заем), печатную пропаганду, кооперативную работу [2, л. 5-15], беседы с крестьянами и другие мероприятия.

Список источников и литературы:

1. Государственный архив общественно-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-837. Оп. 1. Д. 906.
2. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 973.
3. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1040.
4. ГАСПИТО. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 535.
5. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 856.
6. ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1812.
7. Глушенко П. П., Жаркой М. Э. Карательная политика советского государства в период подавления политического бандитизма начала 1920-х гг.: система, содержание, тактика // Общество и право. 2007. № 4 (18). С. 11-18.

8. Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. Москва: Политиздат, 1977. 127 с.
9. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 31 июля 1921.
10. Остахов А. А. Советский опыт борьбы с повстанчеством и бандитизмом в Тамбовской губернии в Чечне (1917–1920-е гг.): сравнительный анализ // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Том. 31. Вып. 1. С. 28-35.
11. Поляков В. В. (публ. А. В. Посадского) Свидетели восстания // Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А. В. Посадского. Москва, 2018. С. 278-282.
12. Токарев Н. В. «Антоновщина» в воспоминаниях победителей // Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А. В. Посадского. Москва, 2018. 238-249.

В. В. Никулин, д-р истор. наук, профессор,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

**ПРОДНАЛОГ ИЛИ ПРОДРАЗВЕРСТКА.
К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ
ПРОДНАЛОГОВОЙ КАМПАНИИ 1921–1922 гг.**

Аннотация: В статье анализируются экономические и социальные аспекты, связанные с проведением первой хлебозаготовительной кампании в условиях новой экономической политики. Ход хлебозаготовок рассматривается на фоне реально сложившейся социально-экономической ситуации в стране, в отдельных регионах, в частности в Тамбовской губернии. Делается вывод о том, что реальный переход к продналогу фактически не состоялся и первая хлебозаготовительная кампания проводилась в режиме продрозверстки.

Ключевые слова: нэп, продрозверстка, продналог, закон, репрессии, конфискация, кризис.

V. V. Nikulin, Dr. History. sciences, professor,
Tambov State Technical University
(Tambov)

**SALE TAX OR PRODUCTION.
ON THE PROBLEM OF SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS
OF THE PRO-TAX CAMPAIGN OF 1921–1922**

Abstract: The article analyzes the main economic and social aspects associated with the first grain procurement campaign under the conditions of the new economic policy. The progress of grain procurements is analyzed against the background of the actual social and economic situation in the country, in certain regions, in particular in the Tambov province. It is concluded that the real transition to the tax in kind did not actually take place and the first grain procurement campaign was carried out in the surplus appropriation regime.

Keywords: NEP, surplus appropriation, tax in kind, law, repression, confiscation, crisis.

Первая хлебозаготовительная кампания в условиях нэпа разворачивалась на фоне тяжелого кризиса, неурожая и голода, материально тяжёлого для крестьянства продналога, полного истощения крестьянских запасов, значительного сокращения возможностей продовольственного снабжения

армии и городского населения. Сложившиеся социально-экономические обстоятельства существенным образом предопределили чрезвычайно тяжёлый характер её течения. Одним из наиболее тяжелых обстоятельств, повлиявших на ход хлебозаготовок, безусловно являлась тяжесть продналога. Несмотря на объявленное снижение его размера с 423 млн пудов развёрстки 1920 – 1921 года до 240 млн пудов продналог для большинства крестьянских хозяйств оказался непомерным. По оценке Наркомпрода он составлял 12 % общей хлебной продукции сельского хозяйства в сумме примерно 2 млрд пудов разных зерновых культур (15% по отношению ко всей продукции за вычетом семенного материала) и относился к категории тяжчайшего налогового бремени [3, с 15]. В условиях же 1921 года, неурожая и практически полного экономического истощения крестьянских хозяйств собрать 240 пудов хлеба было невероятно сложно и даже невозможно. Размеры продналога для регионов устанавливались произвольно, без учета экономических реалий и возможностей. В Тамбовской губернии, например, размер продналога фактически сравнивался с показателями продразвёрстки 1920г., а в отдельных уездах и превышал их. Крестьян возмущали установленные ставки налога, без учета их фактического экономического положения. Конференция крестьян Борисоглебского уезда отметила в своем постановлении, что выполнение продналога даже по 6 разряду в силу истощения хозяйств невозможно [2]. Напомним, что размер налога определяется для каждого хозяйства в отдельности и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и по урожайности в данной местности. Устанавливались 11 разрядов по урожаю – от 25 пудов до 75 пудов и более на десятину, а также 7 групп хозяйств по количеству пашни на одного едока в хозяйстве. В зависимости от принадлежности хозяйства к одной из групп и урожая той местности, в которой находится хозяйство, определяется налоговая ставка на одну десятину пашни. Для установления общей суммы налога на каждое хозяйство подесятинная ставка умножалась на количество пахотной земли в хозяйстве [5, 1921. № 38, ст. 204]. Непонимание вызывал и централизованный порядок установления ставок налога в условиях, когда урожайность даже в отдельных сёлах была не одинакова и порождало разумное требование на местах определять разряды урожайности по волостям. Среди крестьян по поводу продналога преобладали пессимистические настроения, Обещания покончить с продразвёрсткой расценивались ими как очередной обман властей, а социально-экономическая реальность 1921 г. генерировала у них недоверие к решениям и действиям властных структур, сомнения в их искренности по отношению

к крестьянам. В социально-политическом аспекте это было состояние социальной напряжённости, характерное социальной апатией и общественной конфликтностью.

Очевидность нереалистичности выполнения налога вынуждала местные власти просить Москву о снижении налоговых показателей. Так, Тамбовский губком направил такую просьбу в августе 1921 года, мотивируя просьбу крайней истощенностью крестьянских хозяйств и физической невозможностью ввиду этого выполнить продналог в полной объеме. Продовольственное положение в губернии сложилось небывало тяжёлое, без помощи центра перебиться до нового урожая нельзя. В губернии 267 тыс. голодающих. Даже детей в детдомах кормить нечем» [2, д. 1368, л. 12]. Аналогичные запросы приходили из всех регионов страны. Однако все прошения категорически отклонялись, директивно требовалось абсолютное выполнение плановых заданий, а все просьбы снизить налог квалифицировались как неприемлемые. В качестве мер воздействия на крестьян предлагалось усилить репрессивные меры, административное и уголовное преследование, используя для этого революционные трибуналы, добиться безусловной сдачи хлеба по заданиям продналога [2, д. 986, л. 69]. Категоричность требований Центра исходила из сложившейся ситуации с продовольствием. Положение было настолько сложным, что не удалось обеспечить регулярное снабжение продовольствием даже армейские части и рабочих. Из Борисоглебска, например, сообщали о критическом положении с продовольствием. Войсковые части получают 1 банку консервов на 8 дней на человека. выдача хлеба полфунта тыловым, 1 фунт фронтовым частям. Снабжение рабочих крайне плохое. Паек железнодорожникам был выдан только по 10 фунтов на едока и больше ничего. Общественное питание не функционирует. На этой почве рабочие прекратили работу [2, д. 998, л. 12].

Острота продовольственной проблемы, недостаток продовольственных ресурсов в деревне, острое противоборство между крестьянами и продовольственными органами привёл к тому, что законодательный режим продналога в полной мере не вступил в силу, и по факту продолжался режим продразвёрстки, что определило методы сбора налога. В стране началась очередная продналоговая горячка и кампанейщина. На выполнение продналога мобилизуются все партийные и советские органы. Действия продорганов обеспечиваются всей принудительной силой государства. В помощь продорганам направляются армейские части, войска ВНУС, ЧОН, милиция, организуются выездные сессии революционных трибуналов и народных судов. Широко применялись административные

взыскания, аресты, закрытие рынков, военной постой. Активно воздействовали на крестьян ревтрибуналы, применявшие суровые уголовные меры к не сдавшим продналог. Задолжники приговаривались к конфискации имущества или к принудительным работам на срок от 1 года до 5 лет. В некоторых случаях, ревтрибуналы, проявляли самостоятельность, ссылаясь на революционную законность и пытаясь ограничить неправовые действия уполномоченных, привлекали к ответственности продкомиссаров и уполномоченных. Такие проявления расценивались как контрреволюционные, как злостный меньшевистский уклон, угрожающий всей продовольственной работе. Тамбовский губком РКП(б) весной 1922г. расценил имевшие место такие проявления как опасный меньшевистский уклон, угрожающий срывом боевой продовольственной работы партии. Всякие проявления законности со стороны трибуналов запрещались. Тамбовский губком по этому поводу разъяснил, что трибунал в данном случае является лишь органом, помогающим продкомиссарам и уполномоченным губисполкома собирать продналог. Поэтому указания уполномоченных губисполкома по сбору продналога для членов ревтрибунала членов партии являются обязательными. Формально ревтрибуналы должны соблюдать все процессуальные требования, фактически же даже путём их обхода выполнять все указания уполномоченных по сбору налога. Все отступления от этого будут рассматриваться как как тяжкое нарушение партдисциплины со всеми последствиями [2, д. 1446, л. 130].

Хотя законодательство предусматривало возможность обжалования крестьянами действий губпродкомиссаров по наложению административных взысканий в президиум местного исполкома, при этом подача жалобы не приостанавливала продолжение взыскания, а злоупотребления продорганов могли преследоваться в судебном порядке, многочисленные жалобы крестьян в большинстве случаев не имели никаких юридических последствий. Основная часть жалоб касалась несоответствия размера налога с величиной собранного урожая. Причём несоответствие было настолько очевидным и грубым, что нередко с крестьян требовали хлеба больше, чем они собрали. Да и какие жалобы могли быть услышаны и тем более удовлетворены, если продорганы наделялись чрезвычайными полномочиями и фактически были выведены из-под действия закона и контроля местных властей. ЦК РКП(б) в марте 1922 г. предписал местным партийным организациям пресекать возможные попытки дезорганизации со стороны местных органов власти и судебных органов оперативных действий продорганов [2, д. 1432, л. 39].

По сути дела, продорганы наделялись правовым иммунитетом, исключавший возможность их привлечения к ответственности за неправомерные действия при сборе продналога. Сбор продналога имел абсолютный приоритет, и формула его сбора обозначалась жесткой формулой – «во что бы то ни стало и любыми средствами», именно этот приоритет определял все действия властей, все остальное было несущественным. Большевики отчётливо понимали, что от решения продовольственной проблемы в этот конкретный исторический момент зависела судьба революции и их судьба как правящей партии.

Условия хлебозаготовительной кампании были настолько тяжелы, что крестьяне искали способы противодействия сбору продналога, скрывая, в частности, размер засеянной пашни для того, чтобы уменьшить размер обложения. В октябре 1921 г. СТО принимает постановление, установившее коллективную ответственность сельского общества за сокрытие пашни. Вся выявленная скрытая пашня изымалась из общества и передавалась в государственный земельный фонд на три года [4]. Принятие этого постановления имело принципиальное значение для изменения всего характера хлебозаготовок. Хлебозаготовки теперь и юридически перешли в режим продразверстки и фактически установив конфискационный режим изъятия хлеба.

Несмотря на возвращение продовольственных заготовок в режим продразверстки, сложившиеся социально – экономические условия не позволяли интенсифицировать темпы заготовок и вплоть до начала 1922г. они оставались вялотекущими и только ценой огромного напряжения, прежде всего активизацией силового нажима на крестьян и снижения для губернии плана на 15 % удалось, начиная с февраля 1922 г., несколько повысить темпы заготовок продовольствия и к марту 1922 г. план в основном удалось выполнить. В середине марта 1922, когда продовольственные ресурсы крестьянских хозяйств окончательно закончились, наступила распутица и поступление по налогу фактически прекратилось хлебозаготовительная кампания закончилась.

Итоги хлебозаготовительной кампании оказались в целом неудовлетворительными. Всего было заготовлено около 250 млн пудов хлеба при общегосударственном плане в 400 млн пудов, из них 186,2 млн пудов по продналогу, остальное по товарообмену [1, с. 170]. Определенная часть хлеба была заготовлена путём самообеспечения, частниками, предприятиями, организациями и т. д. Как бы там ни было, собранный по продналогу хлеб не обеспечивал минимальных государственных потребностей для обеспечения продовольствием армии и промышленного пролетариата даже по тогдашним весьма скромным нормам потребления, установленных

Наркомпродом. В стране ощущался острый дефицит продовольствия, который даже усугубился. Пришлось пойти на крайние меры, отменив в феврале 1922 г. государственное обеспечение промышленных предприятий, за исключением оборонных. Большинство предприятий переводились на самообеспечение посредством реализации своей продукции на свободном рынке [6]. Основная часть населения находилось в состоянии полуголодного существования, обеспечивая себя продовольствием вне рамок государственного снабжения, посредством частных закупок и начавшего формироваться частного хлебного рынка. Изголодавшиеся рабочие, побросали станки и ринулись в деревню в поисках хлеба, труддезертирство доходило до 30% от общей численности рабочих. Однако частный капитал занимал пока в силу ряда обстоятельств, особенно в 1921 г., незначительное положение на хлебном рынке и не мог еще обеспечить население достаточным количеством продовольствия, хотя уже начал оказывать положительное влияние на снабжение населения продовольствием.

Сдерживало развитие частного хлебооборота прежде всего общий недостаток ресурсов, крестьяне в условиях острого продовольственного кризиса, мало что могли предложить частным торговцам. Кроме того, законодательное ограничение рыночных отношений товарооборотом вплоть до середины 1921 г. и практическое отсутствие в обороте наличных денег вынуждало частника использовать в качестве рыночного механизма в основном товарообменные операции, что сужало возможности повышения товарности хлебного рынка. Хлеб обменивался на остро необходимые и дефицитные в то время товары – керосин, одежду, стройматериалы и т.п. И хотя с февраля 1922 г. на хлебный рынок были допущены все желающие, частная скупка и продажа хлеба носила в 1921 – начале 1922 г. мелкооптовый характер. Крупный скупщик ещё не сформировался, скупкой зерна занимались в основном мелкие скупщики, скупавшие хлеб мелкими партиями, в основном для удовлетворения собственных нужд. Крайне низка была и покупательная способность населения.

Таким образом социально-экономические обстоятельства, сложившиеся в стране в ходе хлебозаготовительной кампании 1921–1922 гг. оказали определяющее влияние на невозможность полноценного перехода к продналогу. Иллюзионными оказались и планы взять под контроль государства хлебный рынок, максимально сосредоточив в его руках товарные излишки зерна посредством товарообмена. Переход сельскохозяйственного сектора экономики в режим нэпа в полноценной форме не состоялся, несмотря на имеющуюся формально юридическую возможность свободу реализации

излишков продовольствия. Лишь в минимальной степени крестьяне могли использовать свободу товарооборота, продавая имеющиеся незначительные излишки хлеба. Все действия государства в период первой хлебозаготовительной кампании диктовались складывающейся социально-экономической обстановкой и носили ситуационный характер, определялись доминирующей задачей – избежать катастрофического развития событий. В силу этого государство начало применять во взаимоотношениях с крестьянством методы продразверстки, отодвинув задачу полноценной реализации положений нэпа на второй план. Полноценный и системный переход к рыночным отношениям в том числе и в сфере торговли хлебом начался со второй половины 1921г., когда государство отказалось от идеи прямого товарообмена и перешло к продуктивному товарообороту, что дало значительный толчок развитию частного хлебного рынка. С экономической точки зрения результаты первой продовольственной кампании оказались в целом негативны. Не удалось в достаточном объеме выполнить задания продналога и товарообмена и обеспечить в полной мере государственные потребности. Голод оставался главной проблемой в течение всего 1921 и первой половины 1922 г. Переходом к продразверсточным методам заготовки продовольствия удалось лишь избежать критической нехватки продовольствия в городах и спасти от голодной смерти промышленных рабочих. Но и цена оказалась велика – резкое снижение и без того подорванного продразвёрстками и неурожаем 1921 г. экономического потенциала деревни.

Список литературы и источников

1. Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. Москва: Наука, 1989. 310 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. Краткий справочник продработника Московской губернии. Издание Московского комитета РКП(б). Москва: [б. и.], 1921. 84 с.
4. О мерах по борьбе с сокрытием пашни: Постановление СТО от 19 октября 1921 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <https://www.libussr.ru>
5. О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена: Декрет СНК от 21 апреля 1921 г. // Собрание Указаний РСФСР. 1921. № 38. Ст. 204.
6. О снятии предприятий с государственного снабжения: Постановление ВСНХ от 6 февраля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 155.

Н. А. Овчинникова, соискатель кафедры истории, философии
и социально-политических дисциплин,
Воронежский государственный аграрный
университет им. императора Петра I (Воронеж);
заведующий отделом информационно-поисковых систем,
Государственный архив Вологодской области (Вологда)

**МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
О МОЛОЧНОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ XX В.***

Аннотация. В статье приводится обзор личных фондов ученых Вологодского молочного института, содержащих источники, относящиеся к ведению молочного животноводства в Вологодской области на протяжении XX в. К ним относятся статьи, отчеты об исследовательской работе, справки о животноводстве в различных районах области, методические разработки и т. д. Данные документы могут быть использованы для изучения данной темы не только относительно Вологодской области, но и страны в целом.

Ключевые слова: исторический источник, личный фонд, молочное животноводство, государственный архив Вологодской области, Вологодский молочный институт.

N.A. Ovchinnikova, candidate of the department of history,
philosophy and socio-political disciplines, Voronezh state agrarian university
named after emperor Peter I (Voronezh);
head of the information search systems department,
the State archive of the Vologda region (Vologda)

**MATERIALS OF THE PERSONAL FUNDS
OF THE STATE ARCHIVE OF THE VOLOGDA REGION
ON DAIRY CATTLE BREEDING OF THE XX CENTURY**

Abstract. The article provides an overview of the personal funds of scientists of the Vologda Dairy Institute, containing sources related to the management of dairy cattle breeding in the Vologda region during the XX century. These include articles, research reports, information on animal husbandry in the rural

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 23-28-00860, «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX – XXI веках»

areas of the region, methodological developments, etc. These documents can be used to study this topic not only in relation to the Vologda region, but also the country as a whole.

Keywords: historical source, personal fund, dairy cattle breeding, state archive of the Vologda region, Vologda Dairy Institute.

Высокий уровень развития российского молочного животноводства не раз подтверждался на международных выставках. Успех в этом направлении обусловлен достижениями в кормовой базе, племенной работе, ветеринарии. Вологодская область известна на российском и международном уровнях качеством своей молочной продукции, сформировавшимся в течение длительного времени. Немалый вклад внесли ученые Вологодского молочного института (далее – ВМИ), разработавшие базовые исследования по различным отраслям молочного животноводства, имеющие значение не только для Вологодской области, но и для России в целом. Документы ряда из них поступили на хранение в Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО) в составе личных фондов и представляют научный интерес.

Современных исследований, посвященных различным аспектам молочного животноводства, большое разнообразие. В них приводится опыт отдельных передовых хозяйств, лабораторные исследования, открытия в генетике, анализ и достижения животноводства и ветеринарии в отдельных регионах и т. д. [1; 51; 55; 56]. Часть статей затрагивает исторический аспект, основанный на данных архивных источников [52; 53; 54].

Вологодская область – экономически развитый регион молочной промышленности, имеющей на всероссийском рынке свой бренд. Выявление и изучение источников о процессе его формирования представляет важное значение для дальнейшего эффективного развития отрасли в регионе. Цель данной статьи – провести обзор дел о молочном животноводстве в личных фондах ГАВО для их последующего введения в научный оборот. Подобной работы учеными не проводилось, что составляет актуальность и новизну исследования.

В ГАВО на хранении имеются три личных фонда, представляющих интерес для изучения молочного животноводства, №№ Р-734 «Скворцов В. А., доктор биологических наук», Р-736 «Сливко В. В., доктор ветеринарных наук», Р-1272 «Усов В. А., кандидат сельскохозяйственных наук».

Владимир Анатольевич Скворцов (1902–1983) являлся доктором биологических наук, членом координационного совета по научно-исследовательской работе в животноводстве при Министерстве сельского

хозяйства СССР, профессором Вологодского молочного института (с 1955 г.), заведующим отделом воспроизводства и искусственного осеменения Вологодской государственной сельскохозяйственной опытной станции при ВМИ (с 1960 г.) [12, л. 1-6]. Им написано более 250 научных работ и статей по различным вопросам животноводства, часть из которых отложилась в его фонде.

В 1920-е гг., в условиях становления новой экономики, стояла задача выявления местных ресурсов для развития животноводства. Для ее реализации ученые организовывали различные экспедиции, участие в которых принимал и В. А. Скворцов. В частности, на основе полученных данных в 1929 г. им была написана кандидатская диссертация «Домшинский крупный рогатый скот» по итогам анализа молочности дойных коров 40 населенных пунктов [26]. В районе с. Домшино, еще с 1904 г., начал разводиться племенной скот, поэтому он являлся привлекательным для исследователей. В своем труде Владимир Анатольевич приводит сравнение различных пород скота, анализ кормовой базы, надоев, особенности содержания домшинской породы в Чебсарском районе (ныне – Шекснинский район). В результате аналитической работы он пришел к выводу об увеличении удоев с 1615 кг в 1903–1904 гг. до 2195 кг в 1927 г. с жирностью 4,2 [26, л. 47].

Для развития животноводческой отрасли являлись важными вопросы размножения и улучшения породы скота. Группа статей посвящена нормализации и удлинению полового ритма у коров, при исследовании к скоту применялись эндокринные препараты. Владимиру Анатольевичу удалось доказать зависимость между половой деятельностью коров и их молочной продуктивностью [2; 3; 4; 17]. Блок работ освещает влияние питания, полового режима, времени отдыха и прогулок между садками и улучшения спермопродукции быков, раскрывает значение и положительные стороны искусственного осеменения [8; 9; 11; 20]. Среди дел личного фонда ученого сохранилось много исследований о влиянии кормов и растений на увеличение плодовитости, молокоотделение и изменение микроструктуры молочной железы. В. А. Скворцов стал одним из первых, кто доказал действие биологически активных веществ ряда растений на центральную нервную систему с последующим воздействием на гипофиз, яичники и молочную железу животных [5; 7; 10]. Ряд статей, написанных в 1960-е гг., освещает разведение айширской породы скота в Вологодской области [21; 22].

Интерес представляет большое количество отзывов и рецензий на диссертации кандидатов и докторов сельскохозяйственных, ветеринарных и биологических наук, учебные пособия [23; 24; 25]. Заслуги Владимира Анатольевича оценило и международное сообщество. Так, в сентябре 1964 г. в составе делегации от СССР он посетил V Международный конгресс по воспроизведению животных и искусственному осеменению в г. Тренто (Италия) с докладом на тему «Гонадотропное* действие фермента полифенолоксидазы кормов на воспроизводительную функцию сельскохозяйственных животных» [19]. В конгрессе принимали участие свыше 1300 делегатов из 50 государств. После возвращения в своем отчете В. А. Скворцов отмечал высокий уровень советской биологической науки в сравнении с другими государствами, в частности искусственного осеменения, и интерес к его докладу со стороны делегатов Болгарии и Чехословакии. Среди недостатков указал, что для таких выступлений необходимо больше иллюстраций своих научных работ [27, л. 3-4]. Доклад и отчет о поездке остались в документах ученого.

В фонде отложились ценные справки о состоянии животноводства в отдельных районах Вологодской области. Так, в июле и сентябре 1942 г. Владимир Анатольевич был командирован Вологодским облисполкомом в Харовский и Вохомский районы, где сделал анализ реализованных планов по развитию этого направления: воспроизводству стада, кормлению, учету и кадрам зоотехников [13]. В июле 1957 г. В. А. Скворцов уже в составе проверочной бригады под руководством заведующего отделом сельского хозяйства Вологодского обкома КПСС А. В. Третьякова оценил состояние животноводства в Вашкинском районе и ознакомился с кормовой базой для скота, изучил состояние стада, его воспроизводимость, условия содержания, организацию водопоя и подкормки в летнее время, учет. Выводы комиссии явились крайне неутешительными: отсутствовала племенная работа, наблюдалась низкая продуктивность скота, грязь на скотных дворах, коровы по физическому строению представлялись мелкими, сухими, угловатых форм, суточный удой на момент исследования составлял от 3,5 л до 6,5 л., отсутствовали кормовые севообороты. Пастбища отличались далеким расположением (до

* Гонадотропные гормоны (гонадотропины) – биологически активные вещества, стимулирующие функцию половых желез.

8 км от ферм), что приводило к затрате лишней энергии коровами, причем травостой на них отличался небольшим разнообразием [14, л. 2-5].

Имеются в фонде В. А. Скворцова документы об образовательной деятельности в ВМИ по направлению животноводства. Представлены они справками о пропаганде, внедрении в производство научных достижений сотрудников кафедры, участии в исследованиях, научной пропаганде [15]. Сохранился и список работ по животноводству и агрономии, выполненных сотрудниками ВМИ за 1917–1957, составленный Скворцовым [18]. Достаточно информативны отчеты Владимира Анатольевича Вологодскому обкому КПСС о состоянии педагогического процесса и научно-исследовательской деятельности кафедры зоологии Вологодского государственного педагогического института им. В. М. Молотова за 1956–1957, 1964–1965, 1968–1969 гг. Среди задач в 1957 г. приоритетной стала индивидуальная подготовка студентов. В 1965 г. одним из недостатков явилось отсутствие лаборатории, слабое участие студентов зоофака в научной студенческой жизни [6, л. 13, 18-19]. Из дел примечателен текст речи В. А. Скворцова на выпускном студентов зоотехнического факультета ВМИ 1 января 1948 г., где он сообщал о важном событии для населения: отмене карточек на продовольственные и промышленные товары [16, л. 1].

Следующий фонд, документы которого приводятся в данном исследовании, сформировал Викторин Владимирович Сливко (1904–1977), доктор ветеринарных наук (1959), профессор (1960), директор Омского научно-исследовательского ветеринарного института (1939–1941), начальник Главного управления биологической промышленности Наркомзема СССР (1945–1948), ректор ВМИ (1951–1969).

В личной коллекции В. В. Сливко сохранилось около 50 статей. Первые исследования за начало 1930-х гг. относятся к диагностике повального воспаления легких крупного рогатого скота, с 1934 по 1941 гг. – методам профилактики бруцеллеза, инфекционного заболевания человека и животных со множественным поражением органов и систем организма [28–33]. В ВМИ Викторин Владимирович занимался изучением листериоза, инфекционного заболевания человека и животных, поражающего защитные клетки иммунной системы. В результате он предложил методы диагностики и вакцинации, вошедшие во врачебную практику [34–40]. К источникам на эту тему относятся статьи о применении вакцины на животных, акты исследования действия прививки, в том числе на коровах, паспорта штаммов, планы апробации вакцины, докторская диссертация (1959 г.), отчеты о

проверке штаммов в Сибирском научно-исследовательском ветеринарном институте [34, л. 17, 18; 37, л. 3, 6]. Кроме этого, в фонде отложились научные исследования о влиянии мастита на качество молока и сыра, использовании серологических реакций для изучения и дифференциации молочнокислых бактерий [47].

Как и в фонде В. А. Скворцова, среди документов имеются рецензии на работы других ученых, отзывы на диссертации по микробиологии, инфекциям скота, бактериальной обсемененности молока у коров (количество микроорганизмов в 1 см³ молока), тексты докладов на различных конференциях, совещаниях [41–44].

Из учебных материалов следует отметить проспект учебника, составленного совместно с В. В. Блоком, Г. И. Блоком, Т. К. Смирновой «Микробиология молока и молочных продуктов» для студентов факультетов инженеров-технологов молочной промышленности с приложенным письмом начальника отдела учебников Учебно-методического управления по высшему образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР Н. Курова ректору ВМИ В. В. Сливко о включении рукописи в перспективный план издания учебников и учебных пособий для вузов на 1971–1975 гг. от 6 мая 1969 г. [45; 46].

Владимир Алексеевич Усов (1904–1988), кандидат сельскохозяйственных наук (1954), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., доцент, заведующий кафедрой почвоведения, земледелия и агрохимии ВМИ (1948–1974). В его фонде имеется немногочисленные статьи на темы, связанные с основной сферой его интересов – выращиванием зерновых, овощных и кормовых культур, в том числе трав и озимой ржи на силос [48–50].

Итак, в ГАВО на хранении имеется около 4 тыс. фондов, из которых 49, содержащих более 20 тыс. единиц хранения, обладают сведениями о молочном хозяйстве и молочной промышленности. Документы личных фондов ученых ВМИ составляют небольшую группу источников о молочном животноводстве XX в. и представляют интерес не только в региональном, но и в общероссийском масштабе.

Список литературы и источников

1. Борисова П. П., Алексеева Н. М., Николаева Н. А. О повышении молочной продуктивности крупного рогатого скота в условиях Центральной Якутии // Эффективное животноводство. 2019. № 7 (155). С. 1–15.

2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. Р-734.

Оп. 1. Д. 9.

3. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 20.
6. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 24.
7. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 28.
8. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 29.
9. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 35.
11. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 39.
12. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 46а.
13. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 157.
14. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 158.
15. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 159.
16. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 172.
17. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 185.
18. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 187.
19. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 192.
20. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 196.
21. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 198.
22. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 199.
23. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 203.
24. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 206.
25. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 214.
26. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 3. Д. 1.
27. ГАВО. Ф. Р-734. Оп. 3. Д. 14.
28. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 1.
29. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 2.
30. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 3.
31. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 4.
32. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 5.
33. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 6.
34. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 7.
35. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 10.
36. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 12.
37. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 13.
38. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 14.
39. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 16.
40. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 19.
41. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 44.
42. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 46.
43. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 48.
44. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 51.

45. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 112.
46. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 113.
47. ГАВО. Ф. Р-736. Оп. 2. Д. 3.
48. ГАВО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 24.
49. ГАВО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 25.
50. ГАВО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 75.
51. Кряжев А. Л., Никитин В. Ф. Эколого-эпизоотические особенности, терапия и профилактика диктиокаулеза крупного рогатого скота в хозяйствах молочной специализации Вологодской области // Российский паразитологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 42–46.
52. Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Общественное и индивидуальное животноводство в Удмуртии в 1954–1964 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2024. Т. 34. № 1. С. 133–146.
53. Мусаева А. Г. Развитие различных отраслей животноводства (стойловое, отгонное, хуторская система животноводства) в Дагестане в XIX – начале XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 117–119.
54. Овчинникова Н. А., Саблин В. А., Тимошина С. В. Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. (по документам Государственного архива Вологодской области) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2023. № 5 (63). С. 103–112.
55. Саблин В. А., Тимошина С. В., Овчинникова Н. А. Молочное животноводство Вологодской области в XXI веке: основные тенденции и результаты // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 6. С. 60–67.
56. Скачкова О. А., Бригида А. В. Селекция на повышение молочной продуктивности у крупного рогатого скота: значение генетических маркеров-предикторов // Ветеринария и кормление. 2022. № 2. С. 47–49.

И. Д. Петришина, кандидат истор. наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк)

ХУТОРСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1917 – 1922 ГГ.

Аннотация: На конкретно-историческом материале аграрного региона России показаны характерные признаки хуторского, предпринимательского типа крестьянского хозяйства в ретроспективе смены эпох рубежа 1917 – 1922 гг.

Ключевые слова: хутор, участковое землепользование, крестьянская семья, аграрное производство, рынок.

I. D. Petrishina, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk)

FARM PEASANT FARMING IN CONDITIONS OF SYSTEM TRANSFORMATION 1917 – 1922

Abstract: The specific historical material of the agricultural region of Russia shows the characteristic features of the farm, entrepreneurial type of peasant farming in retrospect of the changing eras at the turn of 1917 – 1922.

Keywords: farm, plot land use, peasant family, agricultural production, market.

Изучение новой экономической политики неразрывно связано с пониманием природы крестьянского хозяйства, жизни и труда на земле миллионов людей, связанных с аграрным производством. С начала 1990-х гг. в отечественной историографии формировалась новая концепция аграрной истории. историки вышли на понимание крестьянского хозяйства как сверхсложной системы, в которой нет второстепенных или неважных сторон. Классовый подход был отброшен в новом концептуальном развитии историографии крестьянства. Однако, как показали дискуссии, факты социально-экономической истории 1920-х гг. по-прежнему выводились из идей и использовались для их иллюстрации, а не для поиска причинно-следственных связей и непознанных явлений. Справедливы упреки советских и зарубежных экономистов в отсутствии разработок по предпринимательским, кулацким хозяйствам. Трудности, с которыми сталкиваются исследователи, состоят в том, что в бюджетных описаниях такие хозяйства

не встречаются, а отдельные выборочные наблюдения не позволяют сделать убедительные заключения об их внутренней структуре и характере отношений с окружающим миром [4, с. 146].

По истории зажиточных хозяйств нэповского периода практически не выявлены массовые источники. В архивных фондах встречаются те или иные характеристики таких хозяйств либо фрагментарно, либо единично. Поэтому показать жизненные проблемы экономически активных хозяев с большими потенциальными возможностями в условиях системной трансформации, которую создали большевики для российского крестьянства, возможно только на основе микроанализа. Такой методологический подход позволяет с одной стороны, показать жизнь отдельной крестьянской семьи, а с другой – рассмотреть региональные особенности аграрного производства с выходом на общероссийские исторические реалии 1920-х гг. Микроанализ с приближением к «деталям» структуры зажиточного крестьянского хозяйства позволяет увидеть фермерский путь развития сельского хозяйства на примере Центрального Черноземья.

Семейству Захара Митрофановича Филонова, состоящему из 16 человек при селе Макарье Орловской волости Воронежского уезда Воронежской губернии, до 1917 г. принадлежало около 50 десятин купчей земли. Село было расположено в 40 км от города Воронежа. По признанию самого Захара Митрофановича, хозяйство было чисто трудовое, так как при 11 трудоспособных членах семьи и при образцовом сельскохозяйственном инвентаре работники обходились без наемного труда и могли бы обрабатывать и вдвое большее количество земли [1, л. 21].

Между тем вместе с нарастанием аграрной революции после 1917 г. начался процесс ликвидации участкового землепользования. В целом в ЦЧО, и в Воронежской губернии в частности, особенно сильно развивалось движение против хуторов, поскольку в этих районах наиболее жизненной оставалась община [2, с. 36]. Хутора в Центральном Черноземье встречались в очень незначительном количестве, как весьма редкое явление. Точного подсчета хуторов в области провести было невозможно, так как такие данные совершенно отсутствовали по Воронежской губернии; по отдельным районам области хутора составляли 0,5 % к общему числу крестьянских хозяйств и 6,5 % по отношению ко всем участковым хозяйствам [3, с. 74]. В целом к 1924 г. из всего земельного фонда трудового крестьянского землепользования господствующее положение занимала община, хутора занимали 0,2 %, колхозы – 0,5 % [5, с. 146].

По отношению к отдельным хуторам с возведенными на участках постройками, допускалось их сохранение, особенно там, где они не нарушали интересов общины и не служили помехой в пользовании землей обществом. Поскольку хозяйство Филоновых успело рационализироваться, приобрести культурный характер, большевики признали необходимым сохранить такое хозяйство и предупредить или пресечь попытки его ликвидации. Вместе с тем при общем поравнении земель от хуторского участка были отрезаны излишки, не нарушая хутора [2, с. 37].

Таким образом, после революции 1917 г., в соответствии с Декретом о земле 1917 г. хозяйство было отнесено к I категории наделяемых земель, и Филоновы получили душевой надел из своей бывшей земли. При этом по особому разрешению сельского общества как образцовые хозяева, они получили норму в одном куске около своего хутора [1, л. 21]. Нормы землепользования при временном распределении земель в 1918 г. для Воронежского уезда составляли 0,9 – 1,5 десятины на одного едока [5, с. 111].

Однако в сентябре 1922 г. на хутор прибыла комиссия Воронежского уездного исполкома и объявила, что все помещичьи земли, в том числе и хутор Филоновых, отбираются и переходят в ведение уездного земельного управления, а сама семья Филоновых подлежала выселению. Комиссия произвела опись всего сельскохозяйственного инвентаря и построек и взяла подписку о сохранности всего описанного имущества в целостности «впредь до особого распоряжения» [1, л. 21].

Принципиально отрицательное отношение к единолично-участковому землепользованию со стороны местных земельных органов отмечалось повсюду, и почти везде принимались меры содействия, поощрения, агитации и пропаганды, чтобы направить крестьянство к организации коллективных форм хозяйства [2, с. 42]. Однако в отношении Филоновых местные власти действовали в приказном порядке. Количественную и качественную характеристику хозяйства этой семьи можно восстановить по архивным документам.

Судя по перечню имущества, указанном в описи хозяйства, семья была обеспечена землей выше средних крестьянских показателей в Центрально-Черноземной области. Так же, как и земля, огромную ценность представляли жилище, хозяйственные постройки, сельскохозяйственные машины и инвентарь. Дом Филоновых каменный с железной крышей составлял 200 кв. м (25x8), конюшня каменная, крытая соломой – 230 кв. м (23x10), сарай каменный, крытый железом – 200 кв. м (20x10), амбар каменный, крытый железом – 140 кв. м (20x7), амбар деревянный, крытый железом – 105 кв. м (15x7), рига деревянная, крытая соломой – 559 кв. м

(43x13), баня деревянная, крытая соломой 40 кв. м (5x8), курень соломенный, крытый соломой 49 кв. м (7x7), погреб каменный, крытый соломой – 100 кв. м. (10x10); молотилка конная с приводом, веялка кустарная, жатка «Мак-Кормик», соломорезка, два плуга двухлешного, соха железная, однолемешный плуг, две бороны железные «Зиг-Заг», орудие «Пионер», каток простой, борода деревянная. В хозяйстве Филоновых был также сад площадью 2,5 десятины и усадьба площадью в одну десятину. К усадьбе были прирезаны 15,5 десятин земли, которая была распашана и очень хорошо удобрена [1, л. 22].

Как видно, зажиточность хозяйства Филоновых имела дореволюционное происхождение, поскольку ни в период революций и Гражданской войны, ни тем более в период политики «военного коммунизма» и продразверстки такую недвижимость и средства производства приобрести было невозможно. В таком случае мы видим, что революционные события прервали хуторизацию (фермеризацию) крестьянского хозяйства, но хозяйство Филоновых смогло возобновить аграрное производство в новых экономических условиях. Как и до революции, главную цель своей хозяйственной деятельности они видели в развитии своего хозяйства и повышении благополучия за счет упорного труда всей семьи. Согласно положениям аграрно-производственной школы А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, А. В. Чайнова и других ученых этого направления аграрно-экономической мысли 1920-х гг., такая модель семейно-трудового крестьянского хозяйства являлась фермерским, предпринимательским хозяйством, производящим продукцию на рынок.

Уникальность послереволюционных событий для Филоновых заключалась в том, что им удалось сохранить все нажитое, кроме количества приобретенной в собственность земли, в то время как в период «военного коммунизма» зажиточные крестьянские хозяйства так же, как и помещичьи, подвергались раскулачиванию. Кроме того, в данном случае община села Макарье в годы нэпа сохранила традицию создания возможности устроить обособленные участки для выделяющихся из общины дворов, как это практиковалось в межреволюционном десятилетии, в том числе и с широким применением принудительных мер, в отдельных губерниях ЦЧО [2, с. 13]. Хуторской тип хозяйства позволил сохранить индивидуальность, инициативность, рациональность, а, следовательно, высокую отдачу труда работников семьи Филоновых.

Приезд комиссии и опись имущества «выбили из хозяйственной колеи» и вынудили членов семьи Филоновых отложить и даже свернуть

хозяйственные планы. Не случайно, позднее в 1927 г. глава Наркомзема РСФСР Я. А. Яковлев считал, что задача отрицательного характера – ограничение роста кулака – наиболее легкая, из стоящих перед партией в деревне: «... мы в силах задержать не только темп роста кулака, но и прекратить самый рост кулака» [4, с. 146].

26 декабря 1922 г. Захар Митрофанович написал прошение в Воронежское губернское земельное управление, в котором указал, что его хозяйство как в начале 1920-х гг., так и до революции было чисто трудовое, и вся семья принадлежала к крестьянскому сословию села Макарья. Имея такие условия сельскохозяйственного производства, хозяйство Филоновых не могло принадлежать к сословию помещиков. К тому же сам Захар Митрофанович в 1919 – 1920 гг. работал заведующим Орловским волземотделом.

Хозяйство Филоновых, как трудовое, подпадало под действие всех постановлений Земельного кодекса 1922 г., касающихся трудового землепользования, и лишение их отведенной земли могло быть произведено только на основании и в порядке, установленном Земельным кодексом. Высокий уровень грамотности и опыт руководства волземотделом позволили Захару Митрофановичу апеллировать к непосредственным статьям Земельного кодекса и циркулярам ВЦИК, опубликованным в «Известиях ВЦИК», правильно сформулировать проблему и просить органы власти принять меры об исключении хутора Филоновых из числа хозяйств, взятых на учет комиссией Губисполкома [1, л. 21 об.]. Это дело требовало срочного рассмотрения, поскольку работа на хуторе была приостановлена. Изучение архивных документов, в которых отмечено несколько распоряжений руководства Воронежского губисполкома и Воронежского уисполкома, позволяют предположить, что успешное хуторское хозяйство Филоновых было сохранено. Однако шестеро Филоновых были раскулачены во время коллективизации и были высланы на спецпоселения, среди них Степан Захарович, 1903 года рождения и Иван Захарович, 1907 года рождения [6].

К сожалению, пока не удастся реконструировать как можно большее количество таких примеров хозяйств для выявления тенденций и закономерностей аграрной политики и практики советского государства в отношении зажиточных крестьян 1920-х гг. с высоким качеством жизни, значительными накоплениями и большими потенциальными возможностями аграрного производства.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 500.
2. Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907 – 1916 гг. и их судьбы во время революции (1917 – 1920 гг.). Москва: Новая деревня, 1922. 52 с.
3. Першин П.Н. Чересполосица и землеустройство Центрально-Черноземной области перед революцией // Материалы по районированию Центрально-Черноземной области. Вып. II. Воронеж, 1925.
4. Рогалина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери. Москва, 1994. С. 139-149.
5. Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции // Материалы по восстановлению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области / Под ред. А. Н. Татарчукова. Воронеж, 1926.
6. Село Макарье (Макарик) Воронежской области Новоусманского р-на. URL: <http://www.forum.Vgd.ru/post/2557/87857/p2703697.htm> (дата обращения: 01.03.2024).

Н. Б. Рубан, главный архивист
отдела использования и публикации документов,
ТОГБУ «Государственный архив Тамбовской области» (Тамбов)

**ПЕРВАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОММУНА
ИЗ АМЕРИКИ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ
ОБРАЗЦОВОГО ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА**

Аннотация: В 1920-х гг. движение реэмигрантов из Америки советская Россия планировала использовать для восстановления хозяйства страны. Государство стремилось создать множество образцовых сельскохозяйственных коммун, которые должны были служить примером культурного ведения хозяйства для крестьян. Весной 1922 г. одной из первых прибыла в советскую Россию из Америки сельскохозяйственная коммуна, получившая в свое пользование земли совхоза «Ира» в Кирсановском уезде. Преодолев все сложности первых лет, коммуна стала примером образцового ведения хозяйства. Коммунары принимали активное участие в сельских Советах и комитетах взаимопомощи, организовывали плодовые питомники и показательные участки, распространяли посадочный материал среди населения, принимали участие в ликвидации безграмотности крестьян. О жизни, достижениях и подвигах коммунаров можно узнать из документов колхоза им. В. И. Ленина, в который позже была преобразована Ирская коммуна.

Ключевые слова и фразы: реэмигранты из Америки, коммуна, образцовое хозяйство, сельское хозяйство, колхоз им. Ленина.

N. B. Ruban, chief archivist
department of use and publication of documents,
TOGBU "State Archive of the Tambov Region" (Tambov)

**THE FIRST AGRICULTURAL COMMUNE
FROM AMERICA AS AN EXPERIMENT
IN EXEMPLARY FARMING**

Abstract: In the 1920s, Soviet Russia planned to use the movement of emigrants from America to restore the country's economy. The state sought to create many exemplary agricultural communes, which were supposed to serve as an example of cultural farming for peasants. In the spring of 1922, an agricultural commune was one of the first to arrive in Soviet Russia from America, which received the land of the Ira state farm in Kirsanovsky District for its use. Having overcome all the difficulties of the first years, the commune became an example of exemplary farming. The communards took an active part in village councils and mutual aid committees, organized fruit nurseries and demonstration plots, distributed planting material among the population, and took part in the eradication of peasant illiteracy.

You can learn about the life, achievements and exploits of the communards from the documents of the collective farm named after V.I. Lenin, into which the Irsky commune was later transformed.

Keywords and phrases: re-emigrants from America, commune, model economy, agriculture, collective farm named after Lenin.

В начале 1920-х реэмигранты из Америки начали возвращаться на Родину. Новое движение советская Россия планировала использовать для восстановления хозяйства страны. Государство стремилось создать множество образцовых сельскохозяйственных коммун, которые должны были служить примером культурного ведения хозяйства для крестьян. Весной 1922 г. одной из первых прибыла в советскую Россию из Америки сельскохозяйственная коммуна, получившая в свое пользование земли совхоза «Ира» в Кирсановском уезде. О жизни, достижениях и подвигах коммунаров можно узнать из документов колхоза им. В. И. Ленина, в который позже была преобразована Ирская коммуна.

Во многом непростой оказалась жизнь коммунаров в России, не все смогли преодолеть трудности и покинули коммуну в первые годы её существования. Итальянец Э. Фанфарони, приехавший через год в коммуну со своим отцом, братьями и сестрой из Америки, в 1936 г. в своем письме А. Лернеру поделится впечатлениями: «... Когда мы приехали в коммуну, здесь почти не было жилых помещений, некоторым бездетным семьям и холостякам приходилось временно жить в палатках. Те немногие здания, которые были, пришлось перестраивать и достраивать. К моему приезду кое-какие здания уже подстроили. В то время было 5 маленьких одноэтажных домиков, столовая, коровник, конюшня, склад и амбар. За 13 лет моей жизни в коммуне я наблюдал ее рост из года в год...» [1, д. 163, л. 122].

Семья Д. Фанфарони была одним из ярких примеров благополучной жизни в условиях коммуны. Отец трудился в колхозе, занимался строительством и проявил себя как изобретатель. В числе его изобретений 1932 г. можно назвать автоматический разбрасыватель растений и ветряной трактор [7, д. 115, л. 172]. Но главное – дети получили образование в России. В 1931 г. Эво окончил семилетнюю школу, дочь – Московский государственный университет, старший сын после окончания сельской школы работал трактористом и шофером, один из сыновей учился на инженера-механика в Воронежском сельскохозяйственном университете [1, д. 163, л. 122].

По предложению В. И. Ленина ВЦИК в ноябре 1922 г. принял постановление о признании образцовыми ряд коммун, в числе которых была и Ирская сельскохозяйственная коммуна в Тамбовской губернии [14, л. 8].

Несмотря на такую постановку вопроса, трудности все же были. По договору, заключенному с Кирсановским уездным земельным управлением, Ирская коммуна брала в аренду на 12 лет движимое и недвижимое имущество совхоза «Ира». По отдельному договору за плату передавался сад. Разводить заграничный племенной скот можно было лишь с разрешения УЗУ и определения экспертов по скотоводству.

Коммунарам приходилось не только восстанавливать постройки, обустроить столовую, коровники, свинарники, птицеводческое хозяйство и др. В 1923 г. не получилось собрать ожидаемое количество урожая. В первые годы не смогли завоевать авторитет среди местного населения, поскольку крестьянство предубежденно относилось к организациям, построенным на коммунистических началах. Коммуна вынуждена была все же прибегать к наемному труду. Однако нужно отметить участие коммунаров в организации кооперативных товариществ, показательного участка, в сельских Советах и комитетах взаимопомощи. Был создан плодовый питомник для распространения посадочного материала среди населения и организована выдача сельскохозяйственного инвентаря. С крестьянами регулярно проводились занятия по ликвидации неграмотности. Постепенно менялось отношение крестьян к коммуне [7, д. 7, л. 1-10].

В 1924 г. Ирская коммуна была переименована в коммуны им. В. И. Ленина. К этому времени она оказывала значительную помощь населению, помогая своей техникой в уборке урожая и продовольствием нуждающимся [14, л. 8]. Пытаясь найти «справедливую» форму ведения хозяйства, члены коммуны старались заинтересовать новичков в добросовестном подходе к работе. Казалось несправедливым распределять продукты по принципу «сделал сколько смог». Создавались производственные бригады, за которыми закреплялись земельные участки. К 1928 г. в надежде, что повысится производительность труда, стали оплачивать труд подростков – 70 коп. Семьи, где было больше двух детей, получали из фонда коммуны 3000 руб. [9, д. 48, л. 13]. Несмотря на все старания, новые члены коммуны из местного населения не всегда добросовестно относились к своим обязанностям. Выполняли только норму и раньше времени уходили с полей, были случаи кражи дефицитных товаров – калош, спичек для продажи и др. Правление коммуны ревностно относилось к таким происшествиям, обсуждая подобные поступки на общих собраниях.

Население привлекала обустроенность жизни и быта коммунаров, кружки, клуб, библиотека и многое другое, что способствовало вступлению в коммуны. В свободное время вечерами коммунары прогуливались по

парку, слушали громкоговоритель или оркестр, читали книги в красном уголке, кто-то направлялся на гигантские шаги...» [12, д. 41, л. 15].

В сентябре 1926 г. был собран урожай, превзошедший все ожидания, оборудован свинарник и маслозавод, к празднованию «...Октябрьской революции предполагалось пустить киноаппарат...» [11, д. 21, л. 19].

Забота о здоровье и подрастающем поколении были немаловажной составляющей политики коммунаров. В 1936 г. правление коммуны рассмотрит заявление А. Григоренко с просьбой предоставить ему курортное «солнечное» лечение из-за продолжительной болезни ноги и по совету врача [5, д. 161, л. 1], а также аналогичную просьбу К. Голубевой, признанной врачом сильно больной [5, д. 161, л. 22, 23.].

При обследовании детского сада в 1939 г. оказалось, что оборудовано помещение хорошо. Достаточно мебели и игрушек, в числе которых куклы, посуда, а также «моторные» игрушки. При этом детский сад работал летом 12 часов, зимой – 9. Как замечание было отмечено использование воспитанниками заброшенной крышки от большого сепаратора, к которой дети привязали веревку и бегали по участку как с тележкой, а деревянную кровать приспособили под домик-шалаш [10, д. 199, л. 1, 3]. Привычные и безобидные игры детей стали причиной возмущения проверяющих, по мнению которых, недопустимые для образцового хозяйства.

Время диктовало свои условия, сопротивляться которым было сложно.

Коммунары добивались хороших результатов в сельском хозяйстве и животноводстве, снабжали население сортовыми семенами и племенными животными, сажали опытные поля. Сотрудничая с Чакинской опытной станцией, акцентировали внимание на сложности использования «мелких десятинок», теряющих свое значение. «На семенных площадях в н/г сорт овса «Победа» дал 150 пуд. с десятины, общий же посев этого сорта дал только 100 пуд. урожая...» [2, д. 40, л. 234]. Возможно, поэтому сортовая пшеница «Дюробль» в текущем 1928 г. не была высеяна.

В 1930 г. власти предприняли попытку укрупнить коммуну им. Ленина за счет слияния с 3-мя вновь организованными колхозами и одной коммуной «Дружба», что не принесло ожидаемых результатов, поэтому в 1931 г. было проведено разукрупнение [13, д. 24, л. 3].

В 1936 г. коммуна им. В. И. Ленина получила орден «Знак Почета», а первые коммунары К. Богданов, М. Кригер и Б. Григоренко награждены орденами Ленина.

В 1938 г. стало неизбежным преобразование коммуны в колхоз им. В. И. Ленина, ставший, по сути, многоотраслевым предприятием. В 1939 г.

по с/х заготовкам колхозники добились следующих показателей: поставка мяса – 260,98 ц /239,20 ц. (план и выполнение); поставка молока – 947 ц/947 ц; поставка молока по договору – 250 ц/ 74 ц; производство шерсти по обязательству – 404, 1 ц./ 404, 1 ц. Поставка хлеба и бобовых культур выполнена в полном объеме: рожь – 750 ц; пшеница яров. – 435 ц; бобовые – 148, 80 ц, пр. зернов. – 657, 70 ц., подсолнух – 99, 00 ц, картофель – 182, 00 ц. [4, д. 210, л.62]. Колхоз рассчитывался досрочно с государством по выполнению госзаказов. В целях повышения урожайности закупали минеральные удобрения, посещали кружок агротехники и ярдовизации в порядке бесед, лекций, колхозники осваивали агротехнику [4, д. 210, л. 66].

Стоит отметить, что не только местное население получало помощь и поддержку, но и коммунары консультировались с жителями по некоторым вопросам. Например, Владимир Карлович Мельдер приглашался правлением коммуны для получения советов по пчеловодству [5, д. 163, л. 9].

Благодаря энтузиазму первых коммунаров, в дальнейшем колхоз достиг значительных хозяйственных успехов. Коммунарами были построены двухэтажные дома, клуб, школа, водяная мельница, механическая деревообрабатывающая, сапожная и портняжная мастерские, отремонтированы скотный двор и целый ряд подсобных помещений. В коммуне работали при клубе драмкружок, хоркружок, струнный кружок, духовой оркестр, имелось 249 радиоточек. В августе 1936 г. создан хор «стариков» из 25 человек, проводились концерты, вечера [6, д. 175, л. 2, 4].

Проводились ежедневные показательные экскурсии. В 1930 г. экскурсанты из Москвы (письмо подписано Е. А., Э. К., К. Э. Пупол) в своем ответном письме коммунарам отметили хорошую постановку хозяйства и взаимоотношение с окружающим населением... хорошую организацию детского воспитания как пример для окружающего населения [3, д. 143, л. 24]. Письмо заканчивалось фразой: «Мы передали рабочим Москвы о Вашей неутомительности по постройке хозяйства и стремлении выполнить план пятилетки в 4 года» [3, д. 143, л. 24].

В это же время коммуну посетили А. Беннинг, Д. Брайн, Э. Буржесс, Р. Буржесс, М. Вилиямс, М. Гиндус, получившие удовольствие и приключения от нескольких дней, проведенных в коммуне: «Дружеское к нам отношение населения коммуны, неопишуемая чистота и воспитанность Ваших детей, готовность каждого встречного коммунара оказать нам услуги, неожиданная хорошая пища, веселый дух Вашей молодежи – все это надолго и очень надолго останется в нашей памяти и обо всем этом мы расскажем нашим друзьям в Америке» [3, д. 143, л. 22].

В своих обращениях экскурсанты давали обещания рассказывать о истине трудной задаче – построении нового общества, для этого требовался энтузиазм и усилия. Отмечали предприятия: кирпичный завод, сыроваренный завод, проектируемое птицеводческое хозяйство с его колоссальными инкубаторами и др. Посевы ржи, пшеницы, овса, картофеля и других культур, далеко превосходящие посевы крестьян окружающих деревень. Высокую механизацию – трактора, плуги, сноповязалки, сеялки, молотилки – все это убеждало окружающих в серьезности целей и готовности принести в жертву все для того, чтобы улучшить жизнь многомиллионного крестьянства.

Можно согласиться с вышесказанным и отметить энтузиазм и невероятные усилия коммунаров, судьба которых во многом была сложной, не все пережили преобразование коммуны в колхоз имени В. И. Ленина.

В 1938 г. более двадцати коммунаров были репрессированы, некоторые из них расстреляны. Многие погибли на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Из первых коммунаров вернулся с войны Ф. Мацук, который в 1987 г. отметил свое 90-летие одновременно с 65-летием образования коммуны, а также М. Кригер и Д. Фанфарони, дожившие до преклонного возраста в с. Ленинское.

До распада Советского Союза интерес к истории Ирской коммуны не пропадал. Однако большее внимание уделялось не коммунарам и их подвигам, а деятельности образцового колхоза им. В. И. Ленина.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 163. Л. 122, 122 об.
2. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 40. Л. 234.
3. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 143. Л. 22, 24.
4. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 210. Л. 60, 62, 66.
5. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 163. Л. 9.
6. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 4.
7. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 115. Л. 172.
8. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-10.
9. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.
10. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 199. Л. 1, 3.
11. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 21. Л. 19.
12. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.
13. ГАТО. Ф. Р-5065. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
14. Ленинским курсом – к новым победам (Сборник документов по истории ордена «Знак Почета» колхоза им. В.И. Ленина Кирсанов. района Тамбовской области). Воронеж, 1965. 303 с.

В. А. Саблин, д-р истор. наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда)

ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ВОЛОГОДСКОГО МАСЛА В 1930-Е ГОДЫ: РОЖДЕНИЕ ЗНАМЕНИТОГО БРЕНДА*

Аннотация: В статье анализируются исторические условия формирования вологодского масляного бренда в 1920-1930-е гг. Изучены параметры объемов выработки «брендовых» марок вологодского масла, рассмотрены основные подходы к выработке регламентов и история разработки государственного стандарта данного вида продовольственной продукции.

Ключевые слова: Модернизация экономики, молочная промышленность, технологии, Вологодское масло.

V. A. Sablin, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda)

VOLOGDA BUTTER PRODUCTION TECHNOLOGIES IN THE 1930S: THE BIRTH OF THE FAMOUS BRAND

Abstract: The article analyzes the historical conditions of the Vologda butter brand formation in the 1920s and 1930s. The parameters of the volume of production of "branded" brands of Vologda butter are studied, the main approaches to the development of regulations and the history of the development of the state standard for this type of food products are considered.

Keywords: Modernization of the economy, dairy industry, technologies. Vologda butter.

Формирование вологодского масляного бренда относится к началу XX столетия, характеризующимся растущим спросом на этот вид продовольствия [9, с. 32–36]. В данной статье ставится задача изучения технологии производства сливочного масла в Вологодской области в 1930-е гг., в период обобществления сферы производства и сбыта сельхозпродукции.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ. Проект 23-28-00860 «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках»

Одновременно анализируется вопрос качества продукции и рождения нового сорта – «Вологодское масло».

Модернизация экономики страны в 1930-е гг. сопровождалась трансформацией производства, его ростом и переходом от кооперативного промышленного производства к маслодельной индустрии. В 1930-х гг. «в СССР работало уже 34 молочных завода в 30 городах. К 1937 г. их количество выросло до 96 заводов в 93 городах, а в 1940 насчитывалось 198 заводов в 195 городах. Существовало также 2,5 тыс. так называемых первичных молочных заводов» [15]. В Вологодском крае за годы первой и второй пятилеток было построено 14 механизированных маслозаводов (Майский, Никольский, Бачуковский и др.) и Сухонский завод сгущенного молока. В 1937 г. на этом заводе работало 800 рабочих. Выпуск продукции завода составил 8 млн. банок сгущенного молока, 155 т. сливочного масла, 46 т. творогу [3]. В 1937 г. в Вологодской области свыше половины поступившего молока было переработано на механизированных маслозаводах. В 1939 г. на долю области приходилось 8,5 % всего произведенного в стране масла, 60,0 % самого качественного «парижского» (с августа 1939 г. «вологодского») и 40,0 % масла с наполнителями (шоколадного) [2].

С целью увеличить внутрисоюзный сбыт масла еще в июне 1936 г. по инициативе Председателя СНК СССР В. М. Молотова, были снижены розничные цены «на заводское масло парижское, несоленое и соленое по всем поясам: а) масло «Экстра» – на 2 руб. на килограмм, б) масло высшего сорта – на 1 руб. на килограмм» [13, с. 38]. Одновременно принимаются меры сохранению и улучшению качества «парижского» (вологодского) масла. Еще в 1924 г. были опубликованы «Правила для качественной сортировки масла при приеме его на масляных складах контор и райотделений Губсоюза». В мае этого же года в Вологде на базе Молочно-хозяйственного института состоялось Первое Всероссийское совещания по молочному делу, на котором среди множества вопросов обсуждался и вопрос о неких общероссийских стандартах по структуре масла и его качеству. В 1925–1926 гг. были разработаны инструкции по выработке сливочного масла как такового, но это не касалось непосредственно «парижского» масла. Отдельные требования по технологии производства данного вида масла (жирность сырья – сливок в 22,0–25,0 %, температура пастеризации в 95–98°С и пр.), не спасали ситуацию. Между тем в масштабах Вологодской губернии, начиная с 1928 г. для удовлетворения постоянно растущего спроса на «парижское» масло пришлось менять технологии процесса выработки масла,

отказавшись от сырья в виде сырых сливок, переходить на производство «парижского» масла из «гретых» сливок [4].

Новый метод получения масла из высокожирных сливок был предложен инженером В. А. Мелешиним в 1933–1935 гг. [12]. В 1934 г. первым на такого рода производство перешел Череповецкий маслозавод.

Если вести речь о качестве масла, то «в 1929–1931 годах стандарт на парижское масло предусматривал массовую долю жира в нем: для несоленого – не менее 84 %, соленого – не менее 82 %; влаги не более 15,5 %, соли для соленого летом не более 1,5 %, зимой – не более 1 %, для внутреннего рынка соли допускалось до 3 %, других веществ – 1 %» [2]. Иначе говоря «до 1940 г. в российских стандартах и инструкциях не было особых требований к «Парижскому» маслу как отдельному виду. По стандартам 1929 и 1933 гг. его относили к группе сладко-сливочного масла, изготовленного из пастеризованных сливок. В 1937 г. «Парижское» масло входило в группу сладко-сливочного масла несоленого, а в соответствии с ОСТ 661 – в группу экспортного масла. Вместе с тем его качество всегда оценивалось значительно выше других разновидностей, что и послужило основанием в 1939 г. выделить его в особый вид масла» [7].

Действительно в 1939 г. «Парижское масло» стало официально выпускаться под маркой «Вологодское» масло. Ряд исследователей считают, что данное решение принималось на уровне правительства СССР. В частности, О. Васильева пишет, что «в 1939 году Совнарком присвоил марке нынешнее название – “Вологодское”» [1, с. 18]. Большинство исследователей сходятся в том, что 31 августа 1939 г. на этот счет было принято отраслевое решение Наркомата мясной и молочной промышленности СССР (приказ по Наркомату № 671). Как правило, в качестве аргумента для переименования Наркоматом «Парижского» масла в «Вологодское» послужило то, что «Парижское» масло впервые начало вырабатываться на заводах Вологодской области и где оно получило наибольшее распространение [4]. В этой связи В. Романов уточняет формулировку, правда указывает другой номер приказа, № 631 от 31.08.1939 г. [8].

О. Г. Котова считает, что основным побудительным фактором для переименования масла послужило то, что основатель промышленного маслоделия в России Н. В. Верещагин был связан с Вологодчиной. Она пишет: «До 1939 г. это масло называлось «Парижским» и по приказу Наркома мясной и молочной промышленности оно было переименовано в «Вологодское» в честь его создателя Н.В. Верещагина, уроженца деревни Петровка Череповецкого уезда Вологодской губернии» (Новгородской губернии В.С.) [5, с. 5].

В отличие от Т. Самойловой, которая считает, что решение о переименовании принималось директивным путем, – «действительно, еще в конце 30-х гг. прошлого века «по директиве сверху» было решено переименовать «Парижское масло» в «Вологодское» и затем заняться производством столь удачного продукта на всей территории СССР» [10], создатели уже упоминаемой монографии по истории вологодского маслоделия Г. В. Твердохлеб, В. О. Шемякин, Г. Ю. Сажин и П. В. Никифоров подчеркивают, что инициатива принадлежит вологжанам, выступившим с предложением о переименовании сорта масла. «Вологодские маслоделы-практики и ученые Вологодского молочно-хозяйственного института внесли большой вклад в технологию этого пока еще не превзойденного вида масла. Потому в 1939 г. по ходатайству вологодских маслоделов специальным приказом Наркомата мясной и молочной промышленности «Парижское» масло, как не имеющее никакого отношения к Парижу, переименовали в «Вологодское», узаконили государственным стандартом на сливочное масло» [2].

Н. Сергеев полагает, что причиной переименования стала утвердившаяся в СССР с 1930-х гг. новая советская идеология, усмотревшая в прежнем наименовании масла некое проявление космополитизма, «почти семьдесят лет «парижское» масло было предметом тихой гордости отечественных маслоделов. Однако в годы сталинских репрессий, когда «низкопоклонство перед границей» и «космополитизм» стали жестоко караться, «парижское» масло было переименовано в честь Верещагина. Правда, не в «верещагинское», а в «вологодское», поскольку ученый был уроженцем Череповецкого уезда Вологодской губернии (Новгородской губернии В.С.). Под этим названием масло из кипяченых сливок и осталось в памяти народной, успев, правда, за годы всеобщего дефицита стать скорее воспоминанием и символом, а не реальным продуктом из холодильника» [11].

Крайне спорную и не связанную с приведенным выше материалом версию переименования воспроизводит А. Шарашкин, апеллируя к мнению публициста Павла Шабанова. По этой версии вопрос о переименовании «Парижского» масла решался 23 сентября 1939 г. Побудительным мотивом к переименованию послужил «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом [14].

Какая бы версия переименования не озвучивались сегодня, главное в том, что решение было принято 31 августа 1939 г., и было подписано заместителем Наркома мясной и молочной промышленности В. Костыговым. Наряду с переименованием масла оно содержало указание всем производственным трестам, сбытовым и торгующим организациям

«Наркоммясморпрома СССР с 15 сентября «парижское» масло выпускать под названием «ВОЛОГОДСКОЕ» масло».

23 сентября 1939 г. Вологодская областная газета «Красный Север» откликнулась на решение Наркоммясморпрома СССР следующим сообщением: «Так называемое «парижское» масло, получившее широкую известность благодаря своим высоким качествам, впервые начало вырабатываться на заводах Вологодской области, где оно и получило наибольшее распространение. Таким образом, название «парижское» ничем не оправдано. Приказом зам. Наркома мясной и молочной промышленности СССР маслу этого вида присвоено название «масло вологодское» [6].

Государственный стандарт на «Вологодское» масло был утвержден в 1941 г. (ГОСТ 37–40). К данному виду масла применялся определенный набор требований к запаху и вкусу. Требования к химическому составу «вологодского масла» оставались теми же, что и для всех видов сладко-сливочного масла (83,0 % жира, не более 16,0 % влаги). Сохранялся устоявшийся подход к «сортности» масла. Выделяли четыре сорта продукции: экстра, высший, первый и второй. Оценка его качественных (вкусовых) свойств производилась по 100-балльной шкале.

По основным характеристикам «Вологодское» масло определялось как выработанное из сливок несоленое сладко-сливочное масло, обладающее вкусом сладких пастеризованных (кипяченых) сливок и особым ароматом («ореховый привкус»). За «вкус перепастеризации» оценка не снижалась. Баллы снижались за отсутствие «вкуса жареного грецкого ореха» или вкуса кипяченых сливок.

Упаковывалось и маркировалось «Вологодского» масло в соответствии с инструкцией и ГОСТ 37–40 как сладко-сливочное масло.

Правда, несмотря на то, что в ГОСТ 37–40 требования к «Вологодскому» маслу были выделены как к самостоятельному виду, его, как правило, изготавливали по инструкциям, применяемым для сладко-сливочного масла вплоть до принятия в 1955 г. нового стандарта [7].

Таким образом, в канун Великой Отечественной войны в СССР появился новый сорт высококачественного сливочного «Вологодского масла» – первого в истории страны продукта, являвшегося по сути своей зональным (территориальным) продовольственным брендом.

Список литературы и источников

1. Васильева О. То самое масло // Эксперт: Северо-Запад». 2001. №1 (22 января). С. 18.

2. Вологодское маслоделие. История развития: Монография / Г. В. Твердохлеб, В. О. Шемякин, Г. Ю. Сажин, П. В. Никифоров. Санкт-Петербург: СПбГУНиПТ, 2002. 245 с. // <https://www.booksite.ru/fulltext/but/ter/vol/ogda/7.htm#2>
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-2522. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2.
4. Как «парижское» стало Вологодским // <https://crispy.news/2020/03/04/professional/kak-parizhskoe-stalo-vologodskim/>
5. Котова О. Г., Гуляев Е. Г. Обоснование законности использования наименования места происхождения товара вологодскими производителями масла // Эффективные технологии в молочном животноводстве и переработке молока: Сб. науч. тр. Вологда-Молочное, 2002. С. 5-9.
6. Красный Север. 1939. 23 сентября.
7. «Парижское» масло из Вологды // <https://milk-industry.ru/proizvodstvo-masla/3264-parizhskoe-maslo-iz-vologdy.html>
8. Романов В. «Вологодское масло» будет только вологодским! // Красный Север. 2009. 21 мая.
9. Саблин В. А., Тимошина С. В. География вывоза вологодского масла как фактор формирования регионального бренда в начале XX века // [Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки](#). 2023. № 4 (31). С. 32-36.
10. Самойлова Т. Масло парижское, оно же – вологодское // Русский фокус. 2002. №24.
11. Сергеев Н. Вологодское масло родилось «парижским» // Известия. 1999. 2 июля.
12. Сливочное масло на российском рынке. История и современные тенденции в производстве и упаковке // <https://article.unipack.ru/53473>
13. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. / Центр социал.-гуманит. образования МГУ им. М. В. Ломоносова. Сост. О. В. Хлевнюк и др. Москва: АИРО-XX, 1995. 340 с.
14. Шарашкин А. Сливочное золото. История Вологодского масла. <https://nb159.ru/rubric/culture/slivochnoe-zoloto-istoriya-vologodskogo-masla/>
15. К празднику 9 мая: молочная промышленность в годы Великой Отечественной войны // https://milknews.ru/index/K_prazdniku_9_maya_molochnaya_promyshlennost_v_gody_Velikoj_Otechestvennoj_vojny.html

УДК 94 (47).084

А. Ю. Вязинкин, канд. филос. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

ПРОБЛЕМА «ПОКОЛЕНЧЕСКОГО РАЗРЫВА» В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ В РАБОТАХ А. А. СЛЕЗИНА *

Аннотация. В статье представлен историографический обзор продуктивных научных идей советолога А. А. Слезина в связи с проблемой «поколенческого разрыва» в советской деревне в 1920-е годы. Исследователь выявил сложный характер поколенческих отношений в деревне. А. А. Слезин проанализировал факторы «поколенческого разрыва», акцентируя внимание на деятельности комсомольских организаций, в функционал которых входила антирелигиозная пропаганда и создание новых советских «обрядов». Исследователь внес значительный вклад в развитие отечественной поколенческой истории, продемонстрировав научный потенциал поколенческого подхода на примере истории советской деревни.

Ключевые слова: история поколений, поколение «революционного перелома», поколенческий разлом, советская деревня, СССР.

A. Yu. Vyazinkin, Ph.D. Philosopher Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Tambov State Technical University (Tambov)

THE PROBLEM OF THE “GENERATION GAP” IN THE SOVIET VILLAGE OF THE 1920S IN THE WORKS OF A.A. SLEZIN

Abstract. The article presents a historiographic review of the productive scientific ideas of the Sovietologist A. A. Slezin in connection with the problem of the “generational gap” in the Soviet village in the 1920s. The researcher revealed the complex nature of generational relationships in the village.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 22-18-00132 <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

A. A. Slezin analyzed the factors of the “generational gap”, focusing on the activities of Komsomol organizations, which functionality included anti-religious propaganda and the creation of new Soviet “rituals”. The researcher made a significant contribution to the development of Russian generational history, demonstrating the scientific potential of a generational approach using the example of the history of the Soviet village.

Keywords: history of generations, generation of the “revolutionary turning point”, generation gap, Soviet village, USSR.

В последние годы историческая наука часто обращается к методологиям смежных социальных дисциплин с целью анализа событий в определенном, зачастую принципиально новом ракурсе. Примерами таких подходов являются история эмоций (с использованием подходов из арсенала социальной психологии) и история поколений (опирающаяся во многом на инструментарий социологии). Если первая эффективна в контексте выявления нюансов истории ментальностей, то вторая позволяет анализировать исторические события в контексте социальных процессов, зависимых от генерационной структуры общества. Т. Шанин справедливо подчеркивал, что использование поколенческого подхода в исторических условиях является весьма продуктивным.

Отечественный советолог, специалист в области ювенальной истории А. А. Слезин представил оригинальный анализ феномена «поколенческого разрыва» в советской деревне 1920-х годов в серии научных статей [2-6]. Проблема исследуется в контексте истории молодежи с привлечением теоретико-методологических подходов поколенческой истории. Поколенческий подход ориентируется на изыскания Т. Шанина и Ю. А. Левады. Первый указал на необходимость поколенческого подхода для панорамной исторической картины событий [7, с. 11]. Второй предложил схему смены поколений в России в XX столетии, причем ключевым для разработок А. А. Слезина стало именно представление о так называемом поколении «революционного перелома»: «Активные участники (и жертвы) переломного периода, люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX века» [1, с. 7].

«Поколенческий разрыв», по мнению А. А. Слезина, во многом был спровоцирован молодежной политикой советской власти. Пионерское движение и комсомол в деревне были заняты сознательной работой по советизации села. Исследователь подчеркивал, что у старшего поколения крестьян «превалировало отрицательное отношение к пионерской организации» [6, с. 478]. Их беспокоила не только атеистическая ориентация коммунистической пропаганды, разрушавшая основы деревенской традиции, но также и то обстоятельство, что инициативы советской власти в сфере молодежного воспитания могли «лишить семью рабочих рук, прибавить дополнительные финансовые расходы» [Там же, с. 479]. И все же одной из основных целей большевиков была борьба за новое мировоззрение на селе: «в борьбе за “нового человека” коммунистические идеологи первого послереволюционного

десятилетия сделали ставку на разрушение семьи, фактически нарочно обостряя межпоколенческие отношения» [Там же, с. 482].

При этом А. А. Слезин конкретизирует, что конфликт происходил между поколением «революционного перелома» и поколением «детей революции». В результате исследования, ученый пришел к выводу о том, что первое поколение «оказалось в положении, когда материальное и духовное наследие, которое оно по правилам преемственности развития призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни наиболее активными представителями младшего поколения отвергалось» [Там же, с. 483].

А. А. Слезин отмечал, что в начале 1920-х годов советская власть использовала радикальные методы борьбы с религиозным влиянием на общество в целом и на молодежь в частности («штурм небес»). Власти вскоре поняли, что жесткость их методов неэффективна. Другая, более сбалансированная и продуманная политика в отношении крестьянства была принята властью в середине десятилетия в рамках поворота «лицом к деревне». Несмотря на неприемлемость новаций для традиционалистов и традиции для новаторов, социальные условия в советской деревне в 1920-е годы были таковы, что «молодые безбожники из числа нонконформистов также вынуждены были “лабиринтировать”: обманывали то родителей, то товарищей по организации» [4, с. 58]. И все же исследователь констатирует, что юные крестьяне в 1920-е годы переориентировались на земные ценности, на повседневные радости [Там же, с. 60].

Конфликт поколений продолжал накаляться и с началом коллективизации. Во многом это было связано с изменениями в методах внедрения новых идеологем. Эти методы были ориентировались на применение насилия. Коллективизация способствовала маргинализации и девиации среди сельской молодежи: «В связи с этим в настроениях и действиях молодежи доминирующими становились применение насилия» [5, с. 451]. Антирелигиозная борьба власти на селе осуществлялась посредством организации новых поведенческих практик молодежи: «Гулянки молодежи приспособивались к антирелигиозной пропаганде с помощью внедрения в них антирелигиозных песен, игр, юмора, использования специальных библиотечек и выставок» [Там же, с. 452]. А. А. Слезин солидаризируется с исследователями проблемы в том, что антирелигиозная пропаганда на селе в 1920-е годы способствовала падению нравов, разрушению нравственных оснований крестьянской традиции [Там же, с. 460]. Поэтому ответ старшего поколения был довольно жестким: наказывали детей физически, угрожали выгнать из дома, уничтожали антирелигиозный инвентарь. Справедливо, утверждение исследователя о том, что комсомольские организации создавали такие условия развития молодежи, которые провоцировали межпоколенческие конфликты в духовной и хозяйственной сферах. Комсомол, как отмечал А. А. Слезин, успешно конкурировал с институтом семьи в советской деревне [Там же, с. 464].

Успех молодежных организаций в этой сфере А. А. Слезин связывал с мощью официальной пропаганды, призывавшей к бескомпромиссной борьбе молодежи с «религиозным мракобесием» старшего поколения. При этом исследователь отмечал, что антирелигиозная пропаганда имела и положительные черты, связанные с проповедью светских нравственных ценностей: «Успехи в этой сфере справедливо связывались в тогдашней пропаганде с достижениями производственной, культурно-просветительной и прочей созидательной деятельности» [3, с. 967]. Вместе с тем, массовое влияние новой власти обеспечивалось за счет вовлечения в движение детей, которые не могли вполне понимать сущность антирелигиозной пропаганды, но находились под воздействием императивов, сориентированных на «нормальность насилия и отрицание сострадания, по крайней мере, к активным защитникам религии» [Там же]. Социальные условия оказывали огромное влияние на интенсивность и характер межпоколенческих конфликтов в советской деревне. «Поколенческая иерархия российского села, – отмечал А. А. Слезин, – продолжала переворачиваться» [Там же].

Культурно-антропологический анализ проблемы межпоколенческих отношений в советской деревне, проведенный А. А. Слезиним, показал, что власть использовала политику эмоций в конструировании новой обрядности: новых похорон, красных крестин, советского брака. Старшее поколение могло внешне примирительно относиться к новациям, но в действительности не принимало их: воспринимало комсомольский значок на пеленке младенца как кощунство, негодовало на «отказы кланяться отцу и матери в ноги, показательная демонстрация женского равноправия» [2, с. 152] и т. д. А. А. Слезин отмечал, что внедрение новой обрядности на селе было относительно мирным, но тем не менее «внесло свой определенный вклад в межпоколенческий разлом российской деревни, становившийся все более очевидным к концу 1920-х гг. [Там же, с. 155].

В работах А. А. Слезина продемонстрирован пример продуктивного использования поколенческого метода в исторических исследованиях. Тема межпоколенческих связей вписана историком в контекст социальной истории и истории повседневности, включая проблему внедрения советской властью в деревне новой обрядности в рамках политики эмоций и на волне антирелигиозной пропаганды.

Список литературы и источников

1. Левада Ю. А. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
2. Слезин А. А. Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений // Народы и религии Евразии. 2023. № 4. С. 147–162.
3. Слезин А. А. Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. № 4. С. 956–973.

4. Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. № 1. С. 45–66.
5. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. № 3. С. 446–477.
6. Слезин А. А. Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов // Научный диалог. 2023. № 1. С. 467–491.
7. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.

А. А. Дик, канд. истор. наук, доцент,
Тамбовская духовная семинария

Т. Е. Фролова, магистрант 4 курса направления «Теология»
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
(Тамбов)

**СОЗДАНИЕ НОВОГО ЖУРНАЛА
ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1920-1930-Х ГОДОВ, ВЫРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ**

Аннотация: Представлен краткий аналитический обзор процесса становления журнала одной из христианских молодежных организаций русского зарубежья, определены основные проблемы начального существования издания

Ключевые слова: Вестник РСХД, Русское студенческое христианское движение

A. A. Dick, Ph.D. history Sciences, Associate Professor,
Tambov Theological Seminary (Tambov)

T. E. Frolova, 4th year master's student in "Theology"
Tambov State University named after. G.R. Derzhavina
(Tambov)

**A NEW MAGAZINE FOR CHRISTIAN YOUTH
OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN THE 1920s–1930s,
DEVELOPMENT OF THE CONCEPT**

Abstract: A brief analytical overview of the process of formation of the magazine of one of the Christian youth organizations of the Russian diaspora is presented, the main problems of the initial existence of the publication are identified

Keywords: Vestnik RSKhD, Russian Student Christian Movement.

Русское студенческое христианское движение зародилось в дореволюционной России, форма организации работы состояла из работы в кружках и носила интерконфессиональный характер. Работа кружков ослабла в годы первой мировой войны, а после революции при новой власти было постепенно свернута, организация перешла на нелегальное, подпольное существование.

Первые христианские кружки в эмиграции, направленные на духовное самосовершенствование участников, возникли в 1921 году независимо друг

от друга во Франции, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Чехословакии, Прибалтике и на Дальнем Востоке. Причиной тому было большое скопление эмигрантской молодежи и студенчества. Первые кружковцы пытались религиозно осознать российскую действительность, понять причины произошедшей катастрофы, осмыслить прошлое и настоящее, принять на себя ответственность за сохранение русской культуры. Это общее стремление отдельных кружков привело к мысли о необходимости сближения для более активной и планомерной религиозной работы среди русского студенчества [9, с. 213].

В октябре 1923 года в городе Пшеров (Чехословакия) произошла встреча студенческих христианских организаций Европы. На этой конференции произошло создание РСХД и первоначальное определение его структуры и целей. Был определен внеюрисдикционный статус движения, но при этом церковность.

В разработке идеологии движения принимали участие отец С. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, В. Н. Ильин и другие.

На начальном этапе существования Движения встал вопрос о создании печатного органа. Периодическое издание позволило бы объединить разрозненные группы молодежи, вовлечь в работу организации дополнительных членов, проинформировать, заинтересовать, организовать дискуссию, т.е. выполнялась бы миссионерская функция.

Издательство «УМСА-Press», которое занялось изданием книг и сборников статей религиозно-философской направленности в Берлине, планировало расширять работу и переносить деятельность в Париж. В сохранившемся меморандуме от 16 апреля 1923 года, редакционная коллегия приняла проект проф. Б. П. Вышеславцева, редактировавшего религиозно-философский отдел издательства. Общим принципом отдела значилось возрождение русской духовной культуры на основах христианской этики. Все издания делились на три категории: высшую, среднюю и низшую. Высшая, а в большей степени низшая категории, предназначались для интеллигенции и студенчества [6, с. 136].

До 1925 года печатным органом был журнал «Духовный мир студенчества», выходявший в Праге. Первым редактором «Вестника» стал Н. М. Зернов. Николай Михайлович Получил в России высшее медицинское образование, в эмиграции окончил богословский факультет в Белграде. Учась в университете, Зёрнов знакомится с о. Сергие Булгаковым и другими религиозными мыслителями, состоит в православном

студенческом кружке, от кружка принимает участие в первом съезде РСХД в Пшерове. В 1925 году Зернов переезжает в Париж, становится секретарем Парижского Движения. Одной из порученных Зернову задач, была поддержка связи между русскими студенческими кружками, разбросанными по Европе. С этой целью было решено создать печатный орган под редакцией Н. М. Зернова. В 1930-м году едет в Оксфорд для работы над диссертацией. Позже Зернов окончательно перебирается в Англию, руководит, им созданным для контактов между православными и англиканами содружеством святого Албания и преподобного Сергия. После войны преподает в Оксфорде, дружит со знаменитым британским писателем и богословом К. С. Льюисом.

Задачей нового журнала было информирование о церковной жизни в России и за рубежом. Николай Михайлович обратился за помощью к русским писателям с просьбой предложить название для нового журнала. Единственным откликнувшимся на просьбу был А. М. Ремизов, предложивший название «Барабан Духовный». В своих воспоминаниях в 1971 году, Н. М. Зернов жалел о том, что не последовал этому совету, а выбрал имя «Вестник» [5, с. 19-20]. Видимо, по его мнению, слово «Вестник» не передавало сути издания, было слишком нейтрально, новый журнал должен был возвещать, пробуждать, воодушевлять на борьбу. С другой стороны, название «Вестник русского студенческого христианского движения» очевидно связывало журнал с организацией.

Первый номер нового Журнала вышел в декабре 1925 года тиражом 300 экземпляров и был напечатан на ротаторе. Этот способ печати использовался для выпуска изданий до 3 тысяч экземпляров, не высокого качества и предполагал изготовление печатной формы на восковой бумаге при помощи печатной машинки. В октябре 1926 года «Вестник» вышел типографским способом тиражом 1000 экземпляров.

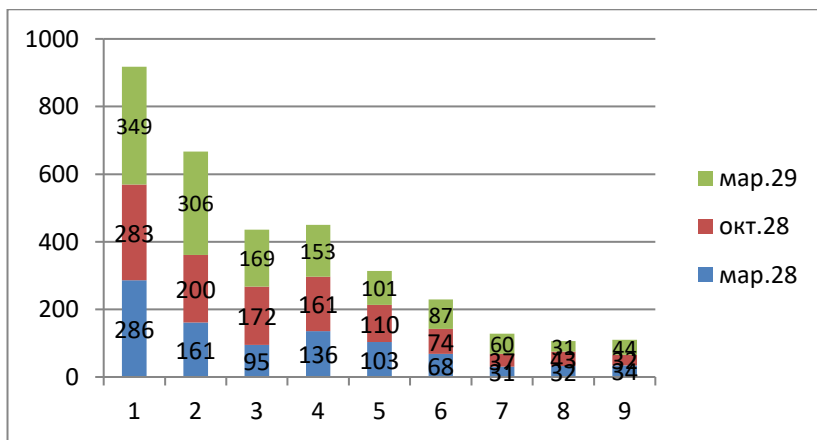
Соредактором вестника стал И. А. Лаговский. Иван Аркадьевич получил в России образование в духовной академии и на филологическом факультете Екатиринославского университета. В эмиграции ему приходится стать чернорабочим на заводе, а затем трудиться в каменоломне. В Праге Лаговский становится членом РСХД.

В начале 1929 года вышел первый сдвоенный номер «Вестника» большого размера. Вместо обычных, примерно 30 страниц он имел объем в 80 страниц. Редакция объяснила это разнообразием тем, предлагаемых читательскими интересами и потребностями жизни, растущей требовательностью по отношению к материалу, необходимостью более углубленной

постановки и освещения насущных вопросов, волнующих церковное общество. Существующие размеры «Вестника» вынуждали ограничивать размеры статей и воздерживаться от освещения ряда тем. Однако, материальное положение позволяло в этом случае печатать только один номер в два месяца и тогда осложнялась функция «Вестник» по связи между отдельными частями Движения. Удачная кампания по привлечению новых подписчиков позволила бы увеличить объем и сохранить возможность ежемесячного издания [10, с. 2]. Следующие номера выходили объемом более 40 страниц и ежемесячно, были попытки выпуска сдвоенных номеров, но финансовый кризис окончательно нарушил этот план.

В январе 1929 года редакция вестника предприняла кампанию по привлечению новых подписчиков. Ряд неудач, главная из которых - поздний выход номера с объявлением и карточками для подписчиков, не позволили добиться поставленных результатов. (Диаграмма 1) позволяет судить об изменении количества посылаемых экземпляров «Вестника» в разные страны за 1928-1929 год. Если в марте 1928 года рассылалось 1031 экземпляр, в октябре 1928-1161 и в марте 1929 года – 1334 экземпляра. Особенно заметным было количество читателей в странах, частично или полностью находившихся на территории бывшей России. На Балканах и в Чехословакии было заметно сокращение числа подписчиков, с сокращением там числа русских эмигрантов [7, с. 25].

Диаграмма 1. Изменение количества подписчиков по странам с марта 1928 по март 1929 года

1. Франция; 2. Прибалтика, Польша Румыния; 3. Америка; 4. Чехословакия.
5. Балканы 6. Германия 7. Англия. 8. Азия 9. Бельгия, Швеция, Италия и др.

После отъезда в Англию Н. М. Зернова для работы над магистерской диссертацией, его место редактора занимает Г. П. Федотов. Благодаря дарованиям публициста, общественного деятеля и историка Федотова быстро принимают в ряды творческой эмиграции. По воспоминаниям Н. М. Зернова, Федотов был рыцарем осмеянной интеллигенции, совмещавшим темперамент политического борца с дисциплиной ученого. Георгий Петрович был противником рабского пресмыкания перед сильными, обличал пороки русской жизни, выход из кризисов современности он видел в возрождении социально ответственного христианства [4, с. 148]. Федотов в полной мере смог заменить Н. М. Зернова на посту редактора, их объединяло желание установления сотрудничества между христианскими конфессиями. Они оба трудятся над созданием братства святого Албания и преподобного Сергия. Федотов руководит Движенским кружком по изучению России.

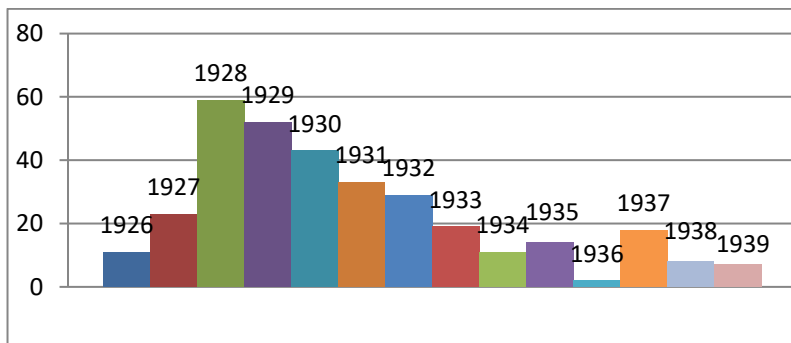
Пути Г. П. Федотова и Движения быстро расходятся. Причины этого можно видеть в разочаровании в том христианстве, которое представлялось Движением. Уже после войны Федотов пишет Зернову: «Вы хотели дать объективное изложение, но, в сущности, дали православие Р. Х. С. Д. Сейчас мне вполне ясна и сложность этого типа, и его историческая ограниченность. Он построен из обломков славянофильства, из литургического византизма и из личного вклада о Сергия (конечно, кое-что из русского быта, т. е. от деревенской бабы). Эти элементы жили в борьбе за русскую душу. Ни для славянофилов, ни для Соловьева, ни для Достоевского, литургия не стояла в центре религ. жизни. Когда Флоренский возродил византийскую теургию, он должен был выбросить Хомякова (вместе с Христом). Синтез о Сергия очень неустойчив. Ваша попытка отобразить его, проецировав на экран русского народа, мне кажется неудачной. Религиозность простого русского народа и интеллигенции была очень непохожа на опыт Р. Х. С. Д. (более евангелическая, более социальная, и, с другой стороны, более языческая). Словом, неудача, по-моему, объясняется невозможностью самой темы» [2, с. 158]. После ухода с поста редактора «Вестника» Федотов начинает собственный проект и участвует в создании одного из значительнейших журналов русского зарубежья «Нового Града», в котором в полной мере реализовал свои идеи.

Издатели «Вестника» старались с самого начала придерживаться ежемесячного выхода номеров. Но с 1930 года стали ощущаться последствия мирового экономического кризиса. Франция втягивалась в кризис постепенно в отличие от США, Великобритании и Германии. К 1932 году значительно сократился уровень производства, с 1934 года страна оказалась в состоянии

устойчивой экономической депрессии, сократился золотой запас. Все это не могло не отразиться на состоянии печати. С 1930 года редакция обращается к подписчикам с объявлением о стимулировании годовой подписки. Каждый подписчик, внесший годовую плату за журнал, имел право на получение приложения к Вестнику. Из прилагаемого каталога, можно было за небольшую доплату получить несколько книг, в зависимости от величины платы менялось качество и количество получаемых книг [8, с. 31].

Как видно на (Диаграмме 2), на рубеже десятилетий начинается спад количества статей, быстро набрав темпы постепенно сокращается количество статей в номерах, журналы выходят с перебоями, номера объединяются, сокращается количество выпусков в год. О сложившейся ситуации красноречиво свидетельствует редакция в юбилейном номере за 1925 год. Юбилейная дата совпала с наиболее трудным периодом существования «Вестника». Редакция сообщала, что такое положение связано с общим ухудшением материального положения тех, кто является наиболее верными подписчиками журнала. Всевозможные валютные ограничения создавали ряд трудностей. Осложнила положение общая усталость и перегруженность. Затруднившаяся борьба за существование, оставляла все меньше свободного времени у тех, кто были постоянными верными сотрудниками «Вестника». Вестник вынужден был выпускать несколько номеров за несколько месяцев, пойти на эту меру пришлось со скорбью, но иного выхода не было. Даже юбилейный номер приходилось выпускать как последний за 1935 год и первый-второй за 1936 год. Редакция просила читателей простить «Вестник» за это [1, с. 4].

Диаграмма 2. Изменение количества авторских материалов по годам в изучаемый период

При всех невзгодах отмечалось два радостных обстоятельства. В связи с перебоями в выходе журнала приходило много тревожных писем от читателей, волнующихся за судьбу издания. В других письмах читатели признавались в желании перечитывать старые номера, при этом удавалось испытывать удовлетворение от прочитанного как бы вновь. Эти признания были показателем ценности и современности материалов. Как отмечала редакция, эта «современность» была не преходящей, случайной «современностью», которая, отшумев, отходила для освобождения места «злобе дня», а современностью, не умирающей со временем, становящейся более яркой по мере того, как утихают «злобы дня» [1, с. 3-4].

На прошедшем в Париже VIII Общем Съезде Р. С. Х. Движения было принято несколько важных решений, касающихся издания «Вестника». Подписка на Вестник для членов Движения стала обязательной, снижалась подписная плата на журнал, для уменьшения расходов печатание журналов было решено перенести в Прибалтику [12, с. 4]. Объединенный номер журнала 9-10 за 1933 год был напечатан в Париже, а адрес типографии, в котором печатался номер 11-12 находился уже в Прибалтике. Редакция извинялась за задержку с выходом последних номеров, связанную с перенесением печатания в Эстонию. Единственным редактором в это непростое время остался И. А. Лаговский.

Редакция верила, что все трудности имели временный характер, что они с помощью Божией и при содействии читателей и подписчиков «Вестника» будут преодолены. В 1936 году предполагалось выпустить 6 номеров, т.е. два месяца в одном номере. Соответственно этому понижалась годовая плата. Для реализации плана необходимо было содействие читателей и подписчиков, быстрое внесение подписной платы, расширение числа подписчиков [1, с. 3-5]. Вместо планируемых шести, вышло всего два номера в одиннадцатый год выпуска «Вестника». Об этом, извиняясь перед читателями, писала редакция в декабрьском номере за 1936 год. После долгих поисков путей сохранения «Вестника» и обеспечения для него возможности нормальной работы, руководители журнала пришли к убеждению, что это должно быть связано с расширением церковно-общественной базы. В 1937 году журнал издавался при содействии Англо-русского сотрудничества, группы «Православное дело» и братства имени св. Сергия Радонежского [11, с. 8-9].

В этот кризисный период обязанности редактора соглашается принять на себя В.В. Зеньковский. Приход столь широко образованного, опытного человека должен был поправить дела издания и реформировать его.

Зеньковский имел богатый опыт управления и работы с молодежью. Деятельность редактора «Вестника» Зеньковский совмещал с профессорством в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. При новом редакторе журнал менял свое название. «Вестник. Орган церковно-общественной жизни» должен был выходить шесть раз в год, в конце каждого второго месяца. Являясь непосредственным продолжением прежнего издания Русского студенческого христианского движения, журнал должен был обслуживать широкие круги русского православного общества. Основной задачей «Вестника» становилось развитие идей «активного христианства» и информирование «о работе христианских сил в миру» [3, с. 1]. Структура журнала должна была стать более четкой, появлялись специальные постоянные разделы. В виду колебаний курсов валют, пришлось в качестве единицы для определения подписной платы остановиться на американском долларе, являющимся одной из наиболее устойчивых денежных единиц.

В журнале должен был быть сделан акцент на животрепещущие церковно-общественные проблемы, вопросы православной культуры, религиозную жизнь советской России и освещение происходящего в ней с религиозно точки зрения.

Долгий период борьбы за существование журнала был прерван второй мировой войной. Последний предвоенный номер «Вестника» вышел с запозданием. Редакция, извиняясь перед читателями, объяснила задержку пожаром, уничтожившем треть города Печеры, в котором находилась типография и готовый к рассылке второй номер журнала. После восстановления типографии журнал пришлось печатать вновь [14, с. 1].

Редактором последних номеров за 1939 года стал священник Л. Н. Липеровский. Как вспоминал Н. М. Зернов, отец Лев был простым в обращении идеалистом, не будучи богословом он имел крепкую веру, что делало его хорошим миссионером [4, с. 144].

Издание «Вестника» было затратным делом. Судя по итоговому финансовому отчету Движения за 1927 год издание вестника обходилось в 31317 франка, общий же расход составлял 84805 франка, т.е. почти 37% от общей суммы. Остальные расходы включали, поездки, канцелярию, проведение съездов, жалования администрации и т.д. Средства, собираемые с подписки на журнал, составляли всего 16243 франка, таким образом, расходы на печать «Вестника» значительно превышали доходы от него [13, с. 23-24]. Вестник перестал быть убыточным после того, как его тираж увеличился и в последующих отчетах перестал упоминаться, по-видимому, перейдя в отдельную структуру.

Журнал стал ярким и долгоживущим православным изданием в русском зарубежье. Устойчивость, в такое экономически сложное время, можно объяснить гибкой редакционной политикой, талантливыми редакторами, связью с читателями, интересным, актуальным содержанием. Письма в редакцию свидетельствуют о читательском интересе, хотя аудитория одна из самых малообеспеченных – молодежь и студенчество. Возможно, один номер приобретался на кружок или группу товарищей. Для стабильной работы и долгосрочного планирования редакция была заинтересована в подписчиках на сколько-нибудь длительный срок, что вряд ли было возможным в данной читательской среде. Вестник не был коммерческим проектом, скромное оформление, невысокое качество бумаги, компенсировались энтузиазмом создателей и качеством материалов. Многие редакторы имели религиозное и светское образование, опыт публицистической работы.

Список литературы и источников

1. 10 лет (1925-1935) // Вестник РСХД. 1935. №12. 1936. № 1-2. С. 3-5.
2. Антощенко А. В. «Горе, когда святые строят государства, вместо строительства царства Божия»: письмо Г. П. Федотова Н. М. Зернову (1945) // Вестник РХГА. 2016. №4. С. 153-159.
3. «Вестник» орган церковно общественной жизни, издаваемый Русск. Студ. Христ. Движением // Вестник. Орган церковно-общественной жизни. 1937. №1-2. С. 1.
4. За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921-1972) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-press, 1973. 561 с.
5. Зернов, Николай Вестник с 1925 по 1939 г. // Вестник РСХД. 1971. №100. С. 19-20.
6. Иванова, Е. В. Деятельность издательства «YMCA-Press» в Берлине // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция (16 – 18 декабря 2002 г.). Москва: Русский путь, 2006. С. 135-157.
7. Кампания по привлечению новых подписчиков Вестника // Вестник РСХД. 1929. №4. С. 24-26.
8. К подписчикам «Вестника» // Вестник РСХД. 1930. № 4. С. 31.
9. Можаяева Л. А. Русское студенческое христианское движение (1921-30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. №1(3). С. 213-217.
10. От редакции // Вестник РСХД. 1929. № 1-2. С. 2.
11. От редакции // Вестник РСХД, 1936. Выпуск II. С. 8-9.
12. Париж, 1 октября // Вестник РСХД, 1933. № 9-10. С. 3-5.
13. Перешнева К. М. Годовой финансовый отчет // Вестник РСХД, 1927. №12. С. 23-26.
14. Читателям и друзьям «Вестника» // Вестник. Орган церковно-общественной жизни. 1939. №2. С. 1.

Р. А. Мишков, лаборант НОЦ
исторических исследований и анализа
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, г. Пушкин)

**ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЕТЕЙ НЕМЕЦКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В 1860-Х-1870-Х ГГ.
НА ПРИМЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ГЛУХОНЕМЫХ
ВЕДОМСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ**

Аннотация. В центре исследовательского интереса находятся вопросы организации поступления, обучения и воспитания детей немецких ремесленников в стенах Императорского Санкт-Петербургского Училища Глухонемых Ведомства учреждений императрицы Марии на протяжении двух первых пореформенных десятилетий. Исследование сфокусировано на судьбах двух детей немецких ремесленников – Адольфа Шаде и Леопольда Нахтмана.

Ключевые слова: немецкий ремесленник, инклюзивное образование, дети, Училище Глухонемых Ведомства учреждений императрицы Марии

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

R. A. Mishkov, Laboratory assistant at the
Center for Historical Research and Analysis
Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Pushkin)

**INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN
OF GERMAN CRAFTSMEN OF ST. PETERSBURG
IN THE 1860S-1870S. ON THE EXAMPLE OF THE IMPERIAL
SCHOOL FOR THE DEAF AND DUMB OF THE DEPARTMENT
OF INSTITUTIONS OF EMPRESS MARIA**

Abstract. The center of research interest is the issues of organizing the admission, education and upbringing of children of German artisans within the walls of the Imperial St. Petersburg School of the Deaf and Dumb of the Department of the Institutions of Empress Maria during the first two post-reform decades. The study focuses on the fate of two children of German artisans – Adolf Schade and Leopold Nachtmann.

Keywords: German craftsman, inclusive education, children, School for the Deaf and Dumb, Departments of Empress Maria's institutions

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

В последние годы история ремесленного мира дореволюционного Санкт-Петербурга приобрела широкую популярность [7; 18]. В то же время следует отметить, что вопросы общего и профессионального образования нечасто становятся предметом изучения [6; 2; 11; 17]. История развития инклюзивного образования в Российской империи имеет обширную историографию. Для нас наиболее интересны те работы, которые посвящены данной теме на примере Санкт-Петербурга [4; 5; 9; 10; 13]. Однако своего рода «белым пятном» остается тема образования особых категорий детей ремесленников, которая является целью нашего исследования.

Учреждённое Марией Фёдоровной в 1806 г. как опытное, Училище глухонемых быстро встало на казённый счёт и переехало из живописного Павловска в Петербург. Пройдя с момента основания до 1861 г. немало изменений, без своей основательницы оно находилось в положении «нелюбимого ребёнка» монаршего дома [9, с. 116]. Однако «Великие реформы» и, прежде всего, отмена крепостного права, существенно оживили общественную жизнь в России. Основное влияние реформ начнёт проявлять себя в 1870-е гг., однако его основы в области специального обучения будут заложены в 1860-е гг. На основе историй нескольких немецких пансионеров Училища мы увидим воплощение этих основ в жизнь.

Приёму в Училище предшествовал сбор и подготовка необходимых документов, которые отражали данные о материальном положении семьи потенциального пансионера, его рождении и крещении, оспопрививании [14, л. 3-5; 15, л. 4-6]. Также среди документов имелись анкеты обо всём предшествующем жизненном пути детей, к которым мы ещё вернёмся. Первый герой нашего повествования – сын булочного мастера, саксонского подданного Иогана Фридриха Шаде и его законной жены Катерины, урождённой Гавеман по имени Адольф родился 23 июня 1860 г. и, подобно родителям, имел лютеранское вероисповедание. Он был крещён в Евангелической Лютеранской церкви св. Екатерины. Его отец умер не ранее 1865 г. [14, л. 3].

Согласно свидетельству Санкт-Петербургского обер-полицмейстера от 7 октября 1868 г., 41-летняя мать Шаде была действительно бедна. Она не имела имущества, зарабатывала на жизнь швейным делом и помимо сына имела на

руках трёхлетнюю дочь Марию [14, л. 6]. За месяц до этого, 2 сентября 1868 г. восьмилетний Адольф прошёл процедуру оспопрививания [14, л. 4].

Казалось бы, все документы были готовы. Однако поступить в училище маленький Адольф смог лишь три года спустя. Согласно копии с доклада, утверждённого Е.И.В. Председателем Опекунского Совета, по Уставу училища в число пансионеров могло быть принято 160 детей – 100 мальчиков и 60 девочек [14, л. 1-2]. Эти вакансии финансировались из разных источников, однако стоит понимать, что бедные ремесленники не могли позволить себе выплачивать громадные для них деньги за специальное обучение. Так, в 1820-х годовичное обучение «разночинцев» стоило 250 руб. [9, с. 64]. Финансовое положение Училища ввиду подчинения его Ведомству Императрицы Марии в условиях слабой заинтересованности в нём со стороны государынь оставляло желать лучшего. И приход к «власти» Марии Александровны, жены Александра II не стал исключением. Училище по-прежнему оставалось в тени, несмотря на большое рвение императрицы в благотворительной деятельности [9, с. 118-119]. В этих условиях Училище было прямо заинтересовано в конкурсном отборе поступающих.

Согласно тому же докладу, к 28 мая 1871 г. в Училище было свободно 12 вакансий: по 6 вакансий на каждый пол. Условия принятия различались – некоторые претенденты могли быть приняты только при успешном прохождении вступительного испытания. Они назначались в тех случаях, когда имелись основания сомневаться в способности поступающих «к учению» [14, л. 1-2]. Очевидно, это диктовалось двумя причинами: соображениями экономии средств (преподаватели Училища были вынуждены зарабатывать себе на хлеб на стороне [9, с. 78]) и методикой преподавания, к которой мы ещё вернёмся. Данное испытание было назначено одной девочке и одному мальчику, которые поступали в Училище одновременно с Шаде. В целом, среди них были лица разной этнической и социальной принадлежности, подданство претендентов также не имело значения – такой порядок установился в Училище с первого дня его работы [9, с. 55]. Нашему герою проходить испытания не потребовалось – его признали годным к обучению и зачислили в Училище 10 июля 1871 г. [14, л. 9].

Однако имели место и другие случаи. Нашим вторым героем станет Леопольд Нахтман – сын австрийского подданного, обрусевшего немца, стекольного мастера Фёдора Ивановича Нахтмана и его законной жены Елизаветы, в девичестве Штаде. Он родился 4 апреля 1861 г., а 19 ноября 1871 г. в Санкт-Петербургское Училище глухонемых было подано прошение о принятии Леопольда Нахтмана, который «не представляет никакого

знака тупоумия, оказывает несомненные доказательства понятливости и не одержим никакою хроническою или неизлечимою болезнью» [15, л. 1], в число казённокоштных воспитанников. Однако свободных вакансий, которые позволили бы уже десятилетнему Леопольду стать пансионером Училища, не было. В этой связи определённым облегчающим обстоятельством стала готовность всех документов, которые должны были быть представлены для приёма [15, л. 2 об.]. В их число входила также подписка об обязательстве принять сына на своё попечение назад в любом случае, данная отцом Леопольда в день подачи прошения [15, л. 6].

Приняв во внимание данное обстоятельство, директор Училища П. И. Степанов, по согласованию с Ведомством Императрицы Марии, 24 ноября 1871 г. принял решение внести Леопольда Нахтмана «в кандидатский список для поступления со временем в Училище казённокоштным воспитанником». Кандидатский срок длилось чуть более полутора лет – 23 мая 1873 г. на адрес Фёдора Ивановича Нахтмана поступило уведомление за №320, согласно которому его сын «назначен к принятию в Училище Глухонемых на казённое содержание» [15, л. 9].

Собрав эти случаи воедино, мы приходим к выводу, что востребованность специального образования была выше имевшихся возможностей. И дети немецких ремесленников были лишь одной из социальных групп, которым требовалась эта помощь. Этническая, социальная принадлежность и подданство не являлись факторами, ограничивавшими доступ к специальному образованию.

Настало время рассмотреть «истории болезни» наших героев. В этом отношении нам помогут анкеты, о которых говорилось выше. В рамках этих анкет родители или законные представители детей должны были дать ответ на 21 вопрос. В нашем случае, помимо уже представленных данных, родители обрисовали предполагаемые обстоятельства возникновения глухоты, а также особенности и нрав своих детей. Согласно свидетельствам матери Адольфа, её сын лишился слуха в возрасте двух лет из-за падения с лестницы. Слух был утрачен не полностью – он немного слышал шум. Однако речевой активности он больше не проявлял, что и позволило заметить проблему. Кроме того, до глухоты ребёнок переболел тифом. Что же касается Леопольда, то его страдания были описаны куда более многословно – в возрасте около двух лет «ребёнка уронили со стола на пол. Он упал сидя, был сильно потрясён... его вырвало и холодный пот выступил струями... после чего спал несколько часов» [15, л. 10]. Аналогично Адольфу, Леопольд тоже мог слышать. Однако его слух, видимо, был повреждён менее

серьёзно, поскольку кроме бытового и музыкального шума, сын стекольщика мог слышать очень громкую речь и шум часов, поднесённых к уху. Другим различием между мальчиками был уровень повреждения речевого аппарата. Если у Адольфа он отказал полностью, то Леопольд мог говорить слово «мама» и подавать голос [14, л. 7-8; 15, л. 10].

Такая информация известна нам ввиду наличия соответствующих вопросов в анкетах. Она собиралась неслучайно. Изначально в Училище предполагалось принять французский («мимический») метод обучения, создателем которого считается парижский аббат Шарль-Мишель де л'Эпе. Данный метод основывался на использовании разных зрительных средств для налаживания коммуникации с глухонемыми. Основным средством в системе француза был язык знаков и жестов, дополнявшихся письменной речью [9, с. 41-42]. Однако на русской почве в употребление вошли модифицированные версии метода. Постепенно педагоги и руководители Училища обнаружили недостатки метода и применяли средства для их нейтрализации. Например, В. И. Флёри, руководивший Училищем в 1837-1857 гг., в 1847 г. ввёл обучение устной речи. По сути, сохранив старый метод, он дополнил его новым образовательным средством [9, с. 104-105]. В работе М. В. Богданова-Березовского об этом сказано так: «У глухонемого нет чувства слуха; надо его, следовательно, заменить зрением. Мимическая система даёт глухонемому понятия путём зрительных представлений через видимые формы при движении тела, руки или пальцев, устная же школа даёт ему понятия путём тех же представлений, но источником их служат не движения рук и пальцев, а движения рта, ибо не следует забывать, что устное слово для глухонемого состоит, конечно, не из звуков, а только лишь из видимых форм» [1, с. 116]. В дальнейшем многие мысли В. И. Флёри будут научно подтверждены.

Свой вклад в становление системы образования внес Я. Т. Спешнев. В области методики преподавания он ратовал за совмещение ставшего традиционным «французского метода» с «немецким вариантом». Столпами методики последнего являлись: сохранение и упрочение связи с семьёй, интеграция в обучение глухонемых их «обычных» сверстников, укрепление связей воспитанников со слышащими, а также более ранние сроки начала обучения. Спешнев стал первым, кто попытался использовать оба метода, исходя из особенностей каждого пансионера [9, с. 106-115]. Этот подход Я. Т. Спешнев желал ввести в новый Устав, утверждение которого ему уже не суждено было застать. В этом же Уставе проводилась мысль о фиксированном периоде зачисления [12, с. 10, 15].

В области воспитания Я. Т. Спешнев продолжал традиции, заложенные его предшественниками. Морально-нравственные идеалы, которые стремились внести в головы и души пансионеров, основывались на религиозных принципах, «первоначальных истинах» о Боге, естестве человека, его долге в отношении родителей и ближних [8, с. 40-43]. Многие общественники того времени по этой причине признавали пансионную форму образования наилучшей, резонно считая, что она снижает риск преступной активности выпускников [11, с. 143].

В целом, организация образования в этот период выглядела так: за 6–10 лет обучения пансионер должен был пройти две ступени. Первой были подготовительные классы. В продолжение двух-трёх лет воспитанник должен был усвоить грамматику, письменность, счёт, а также азы религиозных представлений. Кроме того, они приобретали знания, необходимые в повседневной жизни. В этот период они также обучались устной речи и осваивали навыки чтения по губам. Следующей ступенью являлись общеобразовательные классы, цель которых заключалась в обучении Закону Божьему, арифметике, чистописанию, рисованию, языку, истории, географии и курсу общепользных знаний. Эти предметные области преподавались пансионерам с точки зрения создания представлений в контексте общего развития личности. В области коммуникации эта ступень преследовала своей целью отход от «мимического способа» и более активное использование устной речи [5, с. 56-58].

Отдельной и обязательной составляющей образования в Училище Глухонемых являлось трудовое, т.е. ремесленное обучение. Первыми были портняжная, столярная, токарная и литографная мастерские, открывшиеся ещё при жизни Марии Фёдоровны [9, с. 70]. В этой связи ценным источником выступает выпускное свидетельство Адольфа, который в стенах Училища осваивал переплётное дело, что позволяет нам предполагать наличие соответствующей мастерской [14, л. 9].

Итогом образовательного процесса в Училище Глухонемых являлись промежуточные и итоговые экзамены, которые сдавались по результатам каждого курса и работали в связке с ежегодными общими испытаниями [5, с. 58-60]. Система образования и воспитания пансионеров Училища Глухонемых была направлена на развитие разносторонней личности, способной к здоровой коммуникации с окружающими. Она не преследовала формирование системных знаний об окружающем мире и была ориентирована на создание кроткого и тихого человека труда с подчёркнуто религиозным мировоззрением.

Судьбы выпускников Училища глухонемых были разнообразными. По большому счёту, перед ними открывались разнообразные дороги. Столичный Опекунский совет, например, содействовал устройству вчерашних воспитанников на гражданскую службу. Некоторые выпускники оставались в стенах Училища в качестве репетиторов, зрителей, преподавателей и других кадров [4, с. 89-91]. Однако судьбы наших героев были иными.

Судьба Адольфа сложилась следующим образом. В 1876 г. Эмилия Николаевна Бергилова взяла его и пансионера Волкова к себе на год для обучения конвертному ремеслу. Содержание и жильё она, согласно стандартной расписке того времени, обязалась взять на себя [14, л. 14-15]. Последние сведения о нем даёт справка Особого присутствия по разбору и призрению нищих от 7 мая 1914 г., в которой сообщается о смерти Адольфа Шаде 24 апреля в условиях крайней нищеты [14, л. 22].

Иным образом обстоит дело с судьбой Леопольда. Исходный пункт тот же – в марте 1878 года он был передан на обучение оловянно-пуговичному мастеру Фридриху Германовичу [15, л. 17], который, по всей видимости, уже более 20 лет занимался своим ремеслом [16, л. 3]. Благодарность престарелого отца и средних лет матери за такое «распределение» выразилась в двух кротких письмах на имя директора Училища [15, л. 16, 16 об., 20]. Срок обучения Леопольда составил пять лет [15, л. 17]. Незадолго до их истечения директор Училища обратился в Австро-Венгерское посольство с целью выправки документов о подданстве уже почти совершеннолетнего Нахтмана. Местонахождение и судьба его семьи осталась для Леопольда неизвестной, так как ответов на свои письма он не получал [15, Л. 21-21 об.]. В ответ австро-венгерский консул сообщил, что в архиве посольства «нельзя найти никаких документов, кои послужили бы доказательством принадлежности Леопольда Нахтмана австрийскому подданству. Напротив того, видно из корреспонденции, которая велась в 1875 г. с Импер[аторским] Российским Министерством Иностранных дел, что уже тогда производились справки о подданстве некоторых членов этой, находящейся уже более 100 лет в России, семьи и что в результате получился отрицательный ответ, так как надлежащий местный Австрийский приход совершенно отверг принадлежность семьи Нахтман к сему приходу». В этой связи посольство рекомендовало Леопольду Нахтману ходатайствовать о переходе в российское подданство [15, л. 22-22 об.]. На этом моменте ветер истории рассеял дальнейшую судьбу сына стекольного мастера.

Историческое значение данного периода развития Училища Глухонемых – не став «сурдопедагогическим инкубатором», оно было базой для

дальнейшего развития системы специальных учебных заведений для глухих по всей стране. Привлекая внимание к данным проблемам, Училище способствовало подъёму общественной активности в деле их решения.

Подводя итог, мы видим, что дети немецких ремесленников были одной из социальных групп, которым требовалась помощь в обучении. Этническая, социальная принадлежность и подданство не являлись факторами, ограничивавшими доступ к специальному образованию. Получив свою порцию «общественной поддержки» в виде специального образования, они могли найти себя в разных сферах, одной из которых было ремесло.

Список литературы и источников:

1. Богданов-Березовский М.В. Положение глухонемых в России. С обзором современного состояния вопроса о восстановлении слуха у глухонемых. Санкт-Петербург: Попечительство государыни имп. Марии Федоровны о глухонемых, 1901. 293 с.

2. Ерохина О. В., Кайряк А. А. Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871 гг.) // Журнал Белорусского государственного университета. История, 2024. № 1. С. 42-55.

3. Ефанов А. В., Келлер А. В. Ремесленное образование в России второй половины XIX – начала XX века: от «отеческого обычая» к девиантному поведению // Проблемы духовно-нравственного воспитания в условиях цифровизации образования: сборник материалов регионального научно-практического семинара, Екатеринбург, 14 декабря 2020 года. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2020. С. 11-16.

4. Кадеева Р. В. Роль учебных заведений и общественных организаций в трудоустройстве глухонемых в России в XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. Т. 7. С. 89-92.

5. Кадеева Р. В. Содержание образовательных программ в училищах для глухонемых в России в XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. Т. 8. С. 56-60.

6. Келлер А. В. Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге XVIII – начала XX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2014. №3. С. 227-240.

7. Келлер А. В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века: административно-законодательный и социально-экономический аспекты. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 2020. 630 с.

8. Красильникова О. А., Пенин Г. Н. Духовно-нравственные традиции Санкт-Петербургского Училища Глухонемых как ценностные ориентиры воспитания учащихся // Вестник психофизиологии. Санкт-Петербург: Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация», 2018. №4. С. 39-43.

9. Малофеев Н. Н. Как это было в Отечестве, или Практика обучения детей с нарушением слуха в Российской империи (1806–1917 годы). Москва: Наука, 2023. 381 с.

10. Малофеев Н. Н. Обучение слепых в России XIX века: государство филантропия // Дефектология. 2004. № 5. С. 74-82.

11. Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): дис... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2014. 442 с.

12. Устав С.-Петербургского училища глухонемых. Правила приема на воспитание в Училище глухонемых и др. материалы. Санкт-Петербург: Училище глухонемых, 1867. 98 с.

13. Хитров А. А. Константин Карлович Грот – руководитель ведомства учреждений императрицы Марии и Попечительства о слепых // Гротовские чтения. Самара: «Офорт», 2016. С. 105-114.

14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 316. Оп. 1 Д. 1886.

15. ЦГИА СПб. Ф. 316. Оп. 1 Д. 1910.

16. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 17. Д. 1.

17. Черказьянова И. В. Петербургский воспитательный дом и возникновение немецкой колонии Фриденваль // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 3(39). С. 98-108. DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(3).98-108.

18. Шайдунов В. Н., Осипов Н. А., Кайряк А. А. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 3(31). С. 48-73. – DOI 10.46539/jfs.v8i3.532.

М. В. Поповичева, канд. истор. наук,
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

**ТАМБОВСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация. Конец XIX – начало XX в. в Российской империи характеризуется развитием в области создания и внедрения законодательства о преступлениях против несовершеннолетних, впервые в российских законах явственно прозвучали нормы о защите несовершеннолетних от родительского произвола, противонаравственного влияния взрослых, злоупотребления работодателями. Вовлечение широкого круга исторических источников по данному вопросу является актуальным. Целью статьи является всестороннее изучение тамбовских газет конца XIX – начала XX в. как исторического источника, раскрывающего проблемы толкования преступлений против интересов несовершеннолетних. В статье приводится сравнительный анализ дореволюционного законодательства и материалов периодики в указанный период, дается психологическая характеристика отношения общества конца XIX – начала XX в. к детям и преступлениям против них, представлена классификация преступлений против несовершеннолетних через информационные средства тамбовских дореволюционных газет.

Ключевые слова: дореволюционная периодическая печать, анализ исторического источника, преступления против интересов несовершеннолетних.

M. V. Popovicheva, Candidate of Historical Sciences,
Tambov State Technical University (Tambov)

**TAMBOV PERIODICAL PRESS
AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY
AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE STUDY
OF CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF MINORS**

Abstract. The end of the XIX – beginning of the XX centuries. The Russian Empire is characterized by the highest development in the field of creation and implementation of legislation on crimes against minors, for the first time in Russian laws, norms on the protection of minors from parental arbitrariness, the anti-moral influence of adults, and the abuse of employers were clearly voiced. The involvement of a wide range of historical sources on this issue is relevant. The purpose of the article is a comprehensive study of Tambov newspapers of the late

XIX – early XX centuries. as a historical source that reveals the problems of interpreting crimes against the interests of minors. The article provides a comparative analysis of pre-revolutionary legislation and periodical materials in the specified period, gives a psychological characteristic of the attitude of society in the late XIX – early XX centuries to children and crimes against them, presents a classification of crimes against minors by the Tambov media pre-revolutionary newspapers.

Keywords: pre-revolutionary periodicals, analysis of historical sources, crimes against the interests of minors.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних – объект повышенного внимания как государства, так и общества, ведь эта социальная группа не только относится к категории лиц с повышенной социальной уязвленностью, но и является той категорией, которую отождествляют с продолжением жизни, развитием народа, связывают с будущим страны. С учетом большой значимости, правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего является объектом изучения не только юридических наук, но и целого ряда социально-гуманитарных наук, в том числе и ювенальной истории. Для совершенствования действующей системы защиты несовершеннолетних, понимания современного уголовного законодательства, необходимо исследовать исторические источники, раскрывающие проблемы интерпретации преступлений против интересов несовершеннолетних.

История становления уголовного законодательства в дореволюционной России в области установления ответственности за преступления против несовершеннолетних изучена довольно полно (М. В. Чугунова, Г. А. Решетникова, Е. В. Кунц), так же вышли статьи, посвящённые конкретным видам преступлений против несовершеннолетних и имеющие региональный аспект, например, работы В. Б. Безгина и Д. П. Жеребчикова, но остается важным вовлечь в исследование более широкий круг источников.

Периодические издания в конце XIX в. – начале XX вв. в России являлись основным каналом распространения информации, а также мощным средством одновременно трансляции и формирования общественного мнения. Поэтому данный исторический источник помогает не только проанализировать виды и формы преступлений против несовершеннолетних, степень их распространённости, а также позволяет проследить настроения общественности, увидеть судьбы конкретных пострадавших детей, которые вплетаются в историческую повседневность.

В Тамбове, на конец XIX века выходило только два периодических издания: «Тамбовские губернские ведомости» (с 1838 г.) и «Тамбовские

епархиальные ведомости» (с 1861 г.). Но в связи с общественным подъемом, формированием многопартийности, развитием хозяйственной жизни, возросшими культурными потребностями населения в начале XX века происходит рост количества и разветвление направлений газет и журналов [2].

Основу источниковой базы исследования составили газеты губернского города: «Тамбовские губернские ведомости», «Тамбовский листок», «Тамбовский край», «Тамбовские отклики» и другие издания. Газеты являлись публичной трибуной оглашения судебных приговоров, освещения местных происшествий, придания гласности наиболее острым социальным вопросам, что говорит о большом спросе на данный вид информации. Пресса писала о новейших мировых тенденциях в отношении защиты детей (о прошедшем международном конгрессе по призрению детей в Брюсселе) [6, №1825, с.3], о движении дел в окружном суде Тамбова («дело об убийстве жены и дочери железно-дорожного жандарма и о поранении его самого и сына его 15-летним Парошиным») [6, №1814, с.4], публиковала полицейскую статистику («За февраль месяц (1914 г.) – 14 младенцев-подкидышей») [5, №114, с.3] и другую информацию.

Сведения о преступлениях против интересов несовершеннолетних располагались в различных разделах, так в «Тамбовских губернских ведомостях» в неофициальном отделе была колонка «Происшествия в городе», «Местная хроника», «По России», «По губернии», подобные разделы были и в других газетах. Если в разделах, которые освещали местные новости, помещали даже самые незначительные происшествия («взбесившаяся собака домовладельца Свирчевского укусила учеников второго Тамбовского духовного училища») [4, №19, с.4], то в разделе «По России», представленные преступления, носили «нередавой» характер. Например, в заметке «Зверь в юбке» рассказывалось о убийстве в Юзовке Екатеринославской губернии мачехой пасынка (8 лет) и падчерицы (6 лет). Имитируя нападение разбойников, женщина перерезала детям горло. Статья имела очень эмоциональную окраску, делался упор на мотив преступления – мачеха избавилась от ненавистных приемных детей [6, №1852, с. 3]. Отдельными статьями с крупными заголовками освещались резонансные события страны, так о деле Бейлиса писали все тамбовские газеты в 1913 году несколько месяцев подряд.

Исследовав российское законодательство конца XIX – начала XX века можно провести структурирование видов совершаемых преступлений против несовершеннолетних по различным основаниям, которые нашли отражение в тамбовской периодике. Например, в зависимости от субъекта

преступления данный вид преступлений можно разделить на три группы: преступления, совершаемые теми, кто осуществляет родительскую власть (мать, отец, опекуны), преступления, совершаемые лицами, имеющими определенную связь с несовершеннолетним (учитель, мастер) и преступления, совершенные другими лицами.

Особенно старалась тамбовская дореволюционная периодика привить общественности понимание недопустимости потворства злоупотреблению родительской властью над несовершеннолетними. Поднималась проблема вовлечения детей своими родителями в преступную деятельность, например, рассказывалось о том, что крестьянин с. Прибыток, бил своего сына, угрожал убийством если он не ограбит храм. Тот решился на преступление, его поймали, но по малости лет отдали на поруки деду, но отец не отстал от ребенка, по-прежнему заставлял его воровать [6, №1844, с. 4].

Если «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года», накладывает наказание только на родителей и опекунов детей, за вовлечение их в преступную деятельность, никак не привлекая к ответственности других, то материалы периодических изданий дают представление о разветвленности данной проблемы. Освещая преступления самих несовершеннолетних, указывались лица, которые этому способствовали, так при раскрытии краж дверных ручек в Тамбове, выяснилось, что совершили их четыре крестьянских мальчика, но организовал их продавец старья, он же снабдил их отвертками [4, №47, с. 2]. Или при краже 16-летним Фроловым железных цепей с памятника на Успенском кладбище, был выявлен заказчик – торговец Гарнцев, который был осужден как пособник на 3 месяца тюремного заключения [5, №94, с. 3].

Законодательство конца XIX – начала XX века устанавливало ответственность мастера при нарушении порядка управления подмастерьями и учениками [8, с. 536-539]. В частности, мастерам запрещалось спаивать учеников, однако в «Тамбовских губернских ведомостях» отмечалось, что по осени, когда у всех ремесленников начинаются работы по вечерам – «засидки», во время которых «взрослые мастеровые заставляют пить водку малолетних своих учеников по ремеслу, которые через это в течении времени также как учителя и сами гибнут и губят свои семейства» [4, №99, с. 2].

Следующее основание классификации преступлений против несовершеннолетних – объект преступления. Можно выделить преступления, посягающие на жизнь, здоровье и свободу несовершеннолетних, на имущественные права, преступления против морали и нравственности (развращение малолетних), преступления против несовершеннолетних, имеющие

государственный и общественный интерес (приобретение православных детей к другой вере, нарушение трудового законодательства в отношении малолетних, похищение детей с целью вовлечения в попрошайничество) [6, № 1867, с. 3].

Наиболее тяжким преступлением считалось убийство несовершеннолетнего его родственником. Отдельно в этой группе можно выделить детоубийство (убийство матерью своего новорожденного ребенка), и несмотря на то, что это не было событием исключительным [1] (в Тамбовской губернии было зарегистрировано 30 случаев за 1893 г.) [3, с.409-410] в прессе, этой проблеме не уделяли должного внимания. Зато с подробностями описывали случаи убийства или посягательства на убийства детей другими родственниками, что говорит о том, что в народе это воспринималось как антинравственное явление. Так, в селе Александровка Усманского уезда внук Ивана Костюнина с целью скрыть ограбление убил его жену и хотел убить дочь (2 года), нанеся ей тяжелые ранения. Ребенок выжил, и именно она указала на убийцу: «бил дядя Андрюша» [4, №21, с. 3].

Несмотря на обилие заметок в тамбовских газетах о кражах, грабежах, мошенничестве, нигде не указывалось, что объектом преступления выступает несовершеннолетний. Незначительно описывались и насильственные преступления, только в заметке «По России» рассказывалось о похищении девушки (15 лет), недалеко от Костромы, урядником Смирновым [6, №1868, с. 4].

Описывая преступления против несовершеннолетних, авторы статей, параллельно раскрывали социальные проблемы, как в масштабе России, так и местечковые особенности. Сложность экономической обстановки, трудности содержания семьи, боязнь нищеты толкали отцов на убийство своей семьи. В статье, где рассказывается, что крестьянин Курского уезда, когда понял, что ему грозит разорение, заманив жену и троих детей (8, 6 лет и 3 года) в лес, перерезал им горло, несмотря на сдержанный тон, просматривается некоторое понимание и даже оправдание мотивов [6, №1857, с. 3]. Актуальны были проблемы незаконнорождённых детей. С осуждением звучит, сообщение, что Савелий Вячин (Каменская волость) вымещает злобу на ребенке (бьёт), которого незаконно прижила его жена [7, №228, с. 3].

Проблема алкоголизма и пагубного его влияния на жизнь детей поднималась во всех тамбовских газетах неоднократно, однако в них же и отражалась реальная неразрешенность этого вопроса. Так, 21 апреля 1892 г. на улице Тамбова была обнаружена трехмесячная девочка, которую поместили в контору благотворительных заведений на воспитание, а 22 апреля

в полицейский участок явилась мать, которая указала, что была сильно пьяна и не помнит куда дела ребенка. Девочку вернули матери [4, №43, с. 4].

«Тамбовский край», освещая происшествие с реалистом в Шацке (на возвращавшегося с матерью и родственником домой на него напал хулиган, который угрожал ножом), отмечалось, что нападавшим был мещанин Пушкарской слободы, а она является неблагополучным районом. В статье было обращение к властям заняться этим рассадником преступности [6, №1855, с. 4].

Наибольшее освещение в тамбовских периодических изданиях получил такой вид преступления как оставление ребенка (подкидыши). В «Тамбовских губернских ведомостях» каждый случай старались описать как можно подробнее (место, время, обстоятельства – «брошены два младенца мужского пола в плетеной корзинке», какова дальнейшая судьба) [4, №4, с. 3]. В «Тамбовском листке» информация подавалась компактно: «в третью полицейскую часть был доставлен младенец мужского пола. Несколько дней отроду. Отправлен в приют для подкидышей» [7, №198, с. 4]. «Тамбовский край», в основном, предоставлял статистический материал (количество подкинутых). Самой разноплановой по данному вопросу была газета «Тамбовские отклики», здесь печатали и статистические данные, и судебные решения, и оценочные суждения.

О важности и масштабности вопроса, говорят неизменные сообщения в статьях о подкидышах, о том, что предпринимаются все меры по поиску виновных лиц. Найденных детей передавали в Тамбовское благотворительное заведение, в приют для подкидышей, а если была нужда, то и в детское отделение при губернской больнице, то есть проявляли заботу и внимание [4; 5; 6].

Так как 1513 статья Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года содержала оговорку, о том, что оставление ребенка наказывается, если его оставили «в таких местах, где нельзя было ожидать, что он будет найден другими» [8], старались оставить в людных местах, рядом с полицейской частью, или вовсе передать людям. Так, тамбовской мещанке Е. В. Толмачевой постучала в окно «женщина, прилично одетая», и вызвала ее на разговор, когда та вышла то женщины уже не было, а лежал младенец [4, №24, с. 2]. В таких случаях, если виновных находили, то их судили по статье 144 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по которой предусматривался арест до 3-х месяцев [9]. По факту, наказание было еще мягче, так городской судья 2 участка Тамбова вынес женщине, оставившей своего ребенка, наказание в виде двухнедельного ареста [5, №84, с. 2].

Как правило ребенка подкидывали сами матери, но описывались также случаи нарушения должностных обязанностей. Например, был

подкинут ребенок двумя крестьянками-служащими при Тамбовской губернской земской больнице, которые должны были отправить его в Москву, в воспитательный дом, за что получили 15 рублей, но «сочли более удобным подкинуть его в Тамбове» [4, №24, с. 2].

В газетных статьях при описании случаев, оставления ребенка, в отличии от полицейских сводок [1], указывались наиболее волнующие обществу подробности: был ли ребенок крещён, что чувствовал человек, который нашел ребенка, какова дальнейшая судьба ребенка. В статье «Муки матери» рассказывалось, что «осенью на паперть храма» в с. Рассказово, был подкинут ребенок, которого крестили и восприемником был Колчанов, который после получил анонимное письмо, в котором к нему обращались с просьбой не брать ребенка к себе, так как его мать вскоре найдется [5, №91, с. 3].

Преступления против интересов несовершеннолетних, также можно разделить на умышленные и неумышленные («привлекается к законной ответственности владелец аптекарских магазинов Сагалов, он отпустил Рубан-Коновал вместо детского сиропа – йоду», поэтому 14-дневный ребенок получил ожог губ, рта и горла) [6, №1878, с. 3]. Особенно ценно, что газеты описывали проступки, которые практически не фиксировали другие источники (бабушка напоила своих внучат (9 и 10 лет) и других домочадцев святой водой, которая хранилась в склянке от уксусной эссенции, что вызвало отравление) [4, №9, с. 2]. А то, что в статье отдельно подчеркивался возраст внучат, говорит о уже сложившемся в обществе особого отношения к детям.

В конце XIX – начале XX века происходило осмысление причин совершений преступлений против детей, как кстати и причин детской преступности, в газетах предлагались меры профилактики. Часто причиной преступлений против несовершеннолетних называли недостаток внимания со стороны взрослых. Автор статьи, которая повествует о том, что два малыша в Липецком уезде «подрались между собой, избив друг друга до смерти», прямо указывает, что всё это произошло по «недосмотру за малышами» и призывает повысить бдительность [6, №1799, с. 4]. Со страниц газет звучали предложения: «Во время перемены учащиеся Козловского училища» обычно направляются в городской сад, желательно чтобы в это время в саду был кто-то из лиц педагогического персонала» [6, №1800, с. 3].

Причиной преступлений называли также виктимное поведение жертв, например, драка несовершеннолетних из-за сетки для ловли птиц [6, №1820, с. 3], или конфликт при игре в карты, который завершился убийством [6, №1852, с. 4].

Периодические издания конца XIX – начала XX века позволяют передать сложившиеся общественные устои, четкую социальную градацию. Например, рассказывая о возвращении дочери (уже ученицы) «г-жи Л.», которую разыскивала полиция, как оказалось та сама спряталась в подвале собственного дома, читателю передавалась радость от этого события, облегчение. Отмечалось, что она доставила волнение и семье, и полиции [6, №1879, с. 3]. И уже более обыденно рассказывалось о пропаже 4-летнего ребенка прислуги Терентьевой [5, №112, с. 3].

Таким образом, тамбовские периодические издания являются ценным историческим источником по изучению преступлений против интересов несовершеннолетних, потому что выступают в роли организатора общественного мнения с одной стороны, с другой – его отражают. Вместе с тем при изучении этих материалов требуется содержательный критический анализ опубликованных сведений, а также сопоставление однородной информации с другими видами источников.

Список литературы и источников

1. Безгин В. Б. Инфантицид и криминальный аборт в сельской России: прошлое и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 196-229.
2. Видная О. Е. Специфика становления системы региональной печати в начале XX века (на примере Тамбовской губернии) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 796-805.
3. Памятная книжка Тамбовской губернии 1894 год. Тамбов: Издание Губернского статистического комитета. 1894. 501 с.
4. Тамбовские губернские ведомости. 1892.
5. Тамбовские отклики. 1914.
6. Тамбовский край. 1913.
7. Тамбовский листок. 1915.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Санкт-Петербург: Изд. Н. С. Таганцева, 1898. 775 с.
9. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. Санкт-Петербург: [б. и.], 1867. 208 с.

Д. А. Сафонов, д-р истор. наук, профессор,
Тамбовский государственный технический университет,
НИЛ «Коммуникационные аспекты
исторического и социально-экономического развития общества»

**«СВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ» В ПОКОЛЕНИИ
«РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА»***

Аннотация: В «поколенческой» истории особое место занимает изучение поколения «революционного перелома» – эпохи революции и гражданской войны. Автор высказывает мнение, что единым данное поколение стало считаться только со временем, когда революция и гражданская война стали определяющим фактором практически для всех живших в ту эпоху. Если же брать за основу общие идеи, представления, ценностные ориентиры, то внутри поколения «революционного перелома» можно выделить еще несколько – и одним из них было поколение, называемое автором поколением «сверстников революции», куда включаются родившиеся в начале XX в., точнее – в годы первой революции. Это было первое поколение, которое формировалось в новых социально-политических условиях. Де-факто эти дети родились при царском режиме, но формирование их как личностей в подростковом возрасте пришлось на время смены эпох.

Те, кто был постарше, испытали на себе реалии прежнего общества, эти – знали о прошлом уже только по рассказам; им не с чем было сравнивать. Традиционная среда воспитания и социализации была нарушена в условиях мировой войны и разрушены в годы гражданской. Необычность данного суб-поколения в том, что оно было выделено в отличие от иных коммунистической властью, намеренно формировавшей его как нечто особое. Курс был единым и централизованным, но реализация на местах зависела от многих местных факторов, субъективного и объективного характера. В качестве объекта взята Оренбургская губерния – юго-восточная окраина центральной России.

Ключевые слова: поколение революционного перелома, революция, гражданская война, воспитание, пионеры

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

D.A. Safonov, Dr. History. sciences, professor,
Tambov State Technical University,
Research Laboratory "Communication Aspects
historical and social and economic development of society"

**“PRESSIONERS OF THE REVOLUTION”
IN THE GENERATION “REVOLUTIONARY TURN”**

Abstract: In “generational” history, a special place is occupied by the study of the generation of the “revolutionary turning point” – the era of revolution and civil war. The author expresses the opinion that this generation began to be considered united only over time, when the revolution and civil war became the determining factor for almost everyone who lived in that era. If we take general ideas, ideas, and value guidelines as a basis, then within the generation of the “revolutionary turning point” we can distinguish several more – and one of them was the generation called by the author the generation of “peers of the revolution”, which includes those born at the beginning of the twentieth century, more precisely – during the years of the first revolution. This was the first generation that was formed in new socio-political conditions. De facto, these children were born under the tsarist regime, but their formation as individuals in adolescence occurred during the change of eras.

Those who were older experienced the realities of the previous society, these knew about the past only from stories; they had nothing to compare with. The traditional environment of education and socialization was disrupted during the World War and destroyed during the civil war. The unusualness of this sub-generation is that it was distinguished from others by the communist government, which deliberately formed it as something special. The course was unified and centralized, but local implementation depended on many local factors, subjective and objective. The Orenburg province, the southeastern outskirts of central Russia, was taken as the object.

Keywords: generation of revolutionary turning point, revolution, civil war, education, pioneers

Среди перспективных направлений изучения истории на настоящем этапе заслуживает внимания «поколенческая история» – история страны через историю поколений. В данном ключе и достаточно эффективно работает в Тамбове группа исследователей, объединенных грантом РФ «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века»; грант первоначально возглавлял профессор А. А. Слезин.

В принципе, когда речь идет о поколении, то подразумевается, что речь идет о людях в одних временных рамках, равных условиях, при доминировании определенных идей, но все же в разных условиях формирования

личности. Применительно к «поколению революционного перелома», как, впрочем, и любому иному, можно и должно говорить о внутренних возрастах внутри такового, своеобразных суб-поколениях (используем термин по аналогии с суб-культурами): фронтовики и не воевавшие, первые комсомольцы и т.п. Объединяет их одна эпоха – как метко подмечено исследователями, люди разных возрастов на исходе жизни объединяют себя и других в одно поколение, ориентируясь на доминирующий фактор, в итоге как бы нивелирующий иные возрастные и социальные различия.

Используемый нами термин «современники революции» – условен; речь не идет о родившихся в 1917-м, но в начале XX века. Год, который можно полагать условным рубежом, определить возможно; но также достаточно условно. Родившиеся даже на несколько лет раньше – те, кому в 1918 году было четырнадцать – рассказывали впоследствии о своем вступлении в комсомол. В Оренбурге, родившиеся в 1904 году в 1919 г. вступали именно в комсомол, а затем, через несколько месяцев, «как активные комсомольцы» – в партию [8, л.5, 23-24, 259]. Четырнадцать лет – был объявлен минимальным возрастом при организации союза в Оренбурге. В мемуарах упоминается о 12-13-летних, умолявших взять их в союз в качестве исключения. Немало детей и подростков было непосредственно в красных полках – на момент организации союза в Оренбурге линия фронта была под городом. Ребят до 10 лет включительно насильно удалили из полков; тех, кто постарше, перевели из партии в создаваемый союз молодежи. Стоит обратить внимание на решение VI съезда комсомола, определившего возраст пионеров 10-16 лет, иными словами – 1908-1914 гг. На наш взгляд, главный критерий все же – не год рождения, хотя мы полагаем возможным считать «сверстников» с 1907-1908 годов. Главный момент – перемены в ментальности и условиях социализации. Еще конкретнее: кто начал работать при старом режиме, и кто не начал; кто на себе испытал реальные трудности, и кто знал о них только по рассказам; те, кому было что с чем сравнивать, и те, кто получал единственную и искаженную версию прошлого. Итак, в нашем толковании «сверстники» – это пионеры первого десятилетия.

Историографическая традиция такова, что в советский период повествование о пионерии и пионерах весомо подкреплялось ссылками на мемуары старых комсомольцев и вожатых, находивших теплые слова для описания своей жизни и своей деятельности в 1920-х годах. Острые проблемы принято было обходить [2; 3]. На современном этапе пионерия рассматривается в общем русле детского движения XX в., как прекрасное начинание, задавленное, к сожалению, «авторитарной педагогикой советского

периода» [19, с. 134]. В зарубежной историографии в настоящее время больше внимания привлекает тема детства в России (с начала XX в. до 1930-х гг.) и влияние на детей революционных событий [21; 20; 23]. Пионеры как детская организация их не интересуют. По сути, западные авторы придерживаются видения ситуации, сформулированного еще в 1970 г. антропологом Маргарет Мид о конфликте поколений, когда более молодое поколение отказывается от ценностей и стандартов старшего поколения в пользу своих собственных убеждений, что в итоге и обеспечивает социальный прогресс и развитие [22]. Сходно Лиза Киршенбаум рассуждает о конфликте «отцов и детей» («fathers and sons») в Советской России, где дети выступают «агентами и благотворителями Революции» («as agents and benefactors of the Revolution»); что «режим зависел от своих детей» [21, р. 160], что «подростающее поколение играло центральную роль в большевистской картине процесса культурной трансформации» [21, р. 161]. Отсюда конфликт «отцов и детей» в 1920-х гг. был ожидаем.

О взглядах, представлениях, мироощущении пионеров 1920-х годов источников в нашем распоряжении крайне мало. Возможно, что к тому времени, когда стал создаваться основной массив личных источников о начальном периоде советской истории, а это преимущественно 1950-е годы, пребывание в пионерах стало практически нормой; что и чем занимались пионеры, знали все, почему и рассказывать что-то было особо нечего. Есть небольшое количество мемуаров первых вожатых, и еще меньшее число рассказов вожатых, бывших в свое время пионерами. Вполне объяснимо, что в повествованиях преобладают романтические и ностальгические нотки о прекрасной детской организации, охватывавшей все новое поколение страны Советов.

Поколение пионеров 1920-х годов был особым, и не только потому, что был первым, собственно, на нем формировалась методика работы с пионерами, определялись на будущее цели и задачи. Кроме того, социальные условия, в которых формировались пионеры 1920-х гг., были по-своему уникальны и неповторимы.

В 1920-е годы пионерия была безусловно классовой организацией, наряду с октябрятами и комсомолом. А. В. Луначарский писал о пионерах: «Здесь готовят новые кадры для РКСМ, как сам РКСМ является подготовительной школой к Коммунистической партии» [4, с.10.]. Сходно Е. Ярославский назвал их «последовательными возрастными организационными звеньями», итоговая задача которых «воспитание с самых детских возрастов будущей коммунистической смены» [18, с. 435]. С той только

разницей, что «если партия организует главным образом пролетариат, то база комсомольской организации шире, охватывает крестьянские слои, а база пионерской организации еще шире, она должна охватывать по возможности всех детей» [18, с. 438]. Если Н. К. Крупская еще рассуждала о высоких задачах «воспитания коллективистических истин» у пионеров [4, с.3.], то другие коммунистические вожди были более конкретны: А. Луначарский заявлял о важности отсутствия «разрыва» между поколениями: «подростки сплошными рядами идут за отцами, юные пионеры – за Комсомолом» [4, с. 11]; Г. Зиновьев ставил задачу – «мы должны овладеть грядущими поколениями рабоче-крестьянской молодежи [4, с. 32].

Методики были самые разные. Прежде всего, юные пионеры были помещены в абсолютно изолированное информационное пространство – иным детским организациям места просто не было. Скауты, существовавшие параллельно с пионерами в начале 1920-х, были фактически уничтожены в 1923 г. (аресты в Оренбурге в 1923 г.). Показательно, что они продолжали существовать в информационной среде, достаточно демонизированные. В 1925 г. в Оренбурге пионеры выпускали рукописный журнал «Исток юности» – в №1 борьба с уже несуществующими скаутами была сквозной темой номера. Так, «пьеса в 3-х действиях» «с показательным названием «Мы победим» начинается с ремарки: «Богато убрано зало. За столом сидит начальник и два скаута. За сценой слышится сигнал. На скамейке сидят мальчик и девочка; пионеры связаны». В итоге, конечно же, пионеры побеждали [5].

Много сил вкладывалось в создание привлекательного облика пионеров – от внешнего облика до отношения к ним старших. Пионервожатая 20-х годов Р. Жуковская вспоминала, как она руководила отрядом, созданным при профсоюзе металлистов – на средства завода пошили костюмы, галстуки, купили барабан, горн, знамя [10, л. 7.]. Пионеры выступали на партийных, профсоюзных, женских собраниях. Типовая картина – сообщение местной газеты «Советская степь»: «Зал горсовета заполнен детьми. Голые колени, засученные рукава, красные косынки и платочки. На эстраде – знамена отрядов юных пионеров, возле них почетный караул; ребятишки в одних коротеньких штанишках, загорелые, преисполненные сознанием своего достоинства. Мальчики щеголяют военной выправкой. Кучка комсомольцев, командированных на курсы инструкторов организаторов отрядов юных пионеров теряется в буйной, веселой толпе. То там, то здесь вспыхивают песни. Но везде строгая организованность, даже у бака с водой строгая очередь. Комсомольцы приветствуют вновь входящие отряды: «Да

здравствует наша смена...Ура...» Открывает собрание военком Интернационалом. Каждого оратора встречают и провожают дружными ритмическими аплодисментами. Обком РКСМ, бюро юных пионеров, Наркомпрос, старый дедушка-коммунист, рабочий Фадеев. И все – в одно: «Вы – наша смена. На нашу долю падает продолжать наше дело. Мы празднуем открытие этих курсов потому, что они дадут нам умелых и энергичных руководителей юных ленинцев. Не забывайте масс, откуда пришли вы сами. Организуясь и участь, организовывайте и учите других. Не забывайте, что вы, капли в море среди десятков тысяч киргизских детей, сдавленных остатками прошлого... Ширьте свои ряды. Вы – залог окончательной победы коммуны. На труд, на борьбу – будьте готовы!» [7].

Не звавшим и не помнившим в силу юного возраста «дореволюционного» прошлого активно внушалась искаженная картина страданий трудящихся. «Советская степь» в 1925 г. поместила статью Н. К. Крупской «Юные пионеры и работницы», где особо отмечалось: «Пусть работницы, много пережившие, расскажут юным пионерам о пережитом, как приходилось бороться с фабрикантами, как можно было чего-то добиться лишь путем упорной борьбы, как тяжело жилось рабочим и их семьям при царизме, как трудно было рабочему человеку пробиться к знанию в те времена; пусть они расскажут о войне, о своем участии в революции, о борьбе с белыми и т.д.» [6]. И последствия такого подхода: выступающий на открытии краевых курсов инструкторов юных пионеров юный пионер говорит: «*Мы были забиты при царизме, мы не могли даже учиться*» [7]. Сходно выступление на Илецкой уездной партийной конференции: «Вот от имени пионеров выступил с приветствием один карапуз: «Мы приветствуем наших отцов, *давших нам свободу*»» [13].

И наиболее ярко проявившаяся черта именно этого поколения детей – активное вовлечение их в борьбу с собственной семьей – «консервативной твердыней всех гнусностей старого режима», по словам Н. И. Бухарина, произнесенным XIII съезде партии [12, с. 478]. Это началось и ранее – первыми разрушителями были комсомольцы. Родители, «воспитанные при старом строе», «в духе смирения», определялись, как враги – мемуаристка цитировала письмо, направленное в ЦК комсомола оренбургским губоргбюро 14.2.1920 г., где говорилось: «есть зло, с которым приходится неустанно бороться – это родители» [17, с. 13]. На первом съезде Оренбургского РКСМ 10 марта 1920 г. докладчик от Шарлыкского района утверждал, что «крестьянская семья воспитывает в духе смирения, в темноте и невежестве» [9, л. 58.]. С учетом возраста

комсомольцев для них существовала возможность разрыва через уход из семьи. Применительно к пионерам – иначе: их использовали для идеологического воздействия на их же семьи – по словам того же Н. Бухарина, детская организация «своими, слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, т.е. ведет медленный подкоп» [12, с. 478.]

Сведем вместе рекомендации разных источников о том, что пионерам надлежало делать. Так Центральное бюро юных пионеров предлагало местным организациям принять самое длительное участие в подготовке проведения международного дня работницы – 8 марта: «Каждый пионер должен добиваться, чтобы его мать участвовала в этом году в дне работницы» – писала губернская газета [16]. «Пионер борется в семье за новые формы быта, за которые он ведет систематическую пропаганду словом и делом. ... Пионер борется дома за посещение родителями своего клуба, за чтение газеты, в дни революционных праздников вносит революционное настроение, украшает по-праздничному свой дом, а родителей тянет на вечер в клуб» (С.М. Ривес) [12, с. 478]. Вести культурно-просветительную работу: устройство спектаклей, культурных игр, участие в субботниках, кампаниях – «неделя помощи фронту», «неделя сухаря» [1]. Участие в «культурпоходе» – Р. Жуковская вспоминала: «Буквально все пионеры днем учились сами, а вечером ходили по домам рабочих-металлистов и обучали их грамоте» [10]. Среди «культурмейцев» выделялись ликвидаторы, воспитатели и связисты. Ликвидаторы – это те, кто обучал грамоте, воспитатели – проводившие общую агитационную работу, а связисты на ликпунктах проверяли явку учащихся к началу занятий – «и, если явились не все, то шли на дом, выясняли причину неявки; если таковая оказывалась неуважительной, то пионеры или сами побуждали нерадивых явиться на занятия, или шли к члену сельсовета данного квартала и с его помощью приводили их на ликпункты. ... И такой обход проводился регулярно, не взирая ни на какую погоду» [1]. В конце 1920-х гг. действовали культурмейцы – занимавшиеся распространением периодической печати. Участник событий вспоминал: «Ежедневно после уроков мы ходили из дома в дом и предлагали купить книгу» [11, л.6].

Следует обратить внимание на возможность командовать старшими. Традиционное уважение сходит на «нет». Журналист писал в 1925 г.: «Дети пионеры, несмотря на угрозы родителей, гордо заявляют: – Не выпишемся [из пионеров], *вы старики*, вам при царе вдалбливали старое повиновение попам, буржуям. *Вы свое отжили*. А наша жизнь впереди, мы должны учиться, чтобы быть хорошими коммунистами.... Однажды в школу

пришла мать пионера и говорит: ты выпишись, а то я тебя прогоню со двора. Ишь выдумал. Мальчик гордо отвечает: – Что хочешь делай, я не выпишусь. Я живу в советской стране и хочу быть советским, а тебе завтра умирать. Мать с угрозами ушла» [14].

Ребенок всегда воспитывался в традиционной системе ценностей семьи, веры, традиций. Разрушение традиционной системы семейного воспитания вызвала деформацию всего остального.

Особыми дети этого поколения были по причинам малолетства в самые переломные годы. От родившихся даже на пять лет раньше они отличались тем, что были слишком малы, чтобы видеть прежнее бытие – почему принимали на веру упрощенные рассказы об эксплуатации. Им не с чем было сравнивать, они были более внушаемы и более управляемы.

Они оказались наиболее податливыми на внушаемые им ценности и ориентиры – Павлики Морозовы, как явление, принадлежали именно к этой возрастной группе. В итоге мы имеем дело с двоякой проблемой: поколением детей, социализирующихся в условиях разрушения культурной, социальной, религиозно-нравственной и просто семейной традиции, и одновременно в условиях намеренного формирования иных ценностей и традиций.

Список литературы и источников

1. Александров А. Они были первыми пионерами: из истории пионерской организации села Шарлыка // Шарлыкская коммуна. 1957. 14 июня.
2. Гордин И. Г. Этапы пионерского пути: кн. для классных руководителей и пионервожатых. Москва: Просвещение, 1982. 192 с.
3. Гусев А. И. Год за годом: из летописи детского коммунистического движения СССР, 1917-1981 гг. Москва: Мол. гвардия, 1981. 207 с.; История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина: [учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2108 «История и педагогика» / В. А. Сулемов, Л. Н. Кононенко, Д. И. Полякова, В. В. Лебединский]; под ред. В. А. Сулемова. Москва: Просвещение, 1983. 367 с.
4. Детское коммунистическое движение. Сборник статей и речей: Крупской, Ярославского, Бухарина, Чаплина, Семашко и друг., постановления ЦК РКП и ЦК РЛКСМ / (Библиотека вожатого). Москва-Ленинград: Молодая гвардия, 1926. 141 с.
5. Исток юности (Оренбург). 1925. 1 марта.
6. Крупская Н. Юные пионеры и работницы // Советская степь. 1925. 8 марта.
7. О.Ч. Всегда готовы! (Открытие краевых курсов инструкторов юных пионеров) // Советская степь [Оренбург]. 1924. 6 июля.

8. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 518.
9. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 538.
10. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 539.
11. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 550.
12. Педагогическая энциклопедия / Под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. Т. 2. Москва: Работник просвещения, 1930. 317 с.
13. Полевой. С экскурсией пионеров // Советская степь [Оренбург]. 1925. 8 января.
14. Скиталец. Будем коммунистами // Советская степь [Оренбург]. 1925. 6 марта.
15. Смычка [Оренбург]. 1929. 4 декабря.
16. Советская степь. 1925. 15 февраля.
17. Юность комсомольская моя [Электронный ресурс]: монография / Д. А. Сафонов, Е. Ф. Томина, О. В. Ягудина, Л. Т. Жайбалиева. Оренбург: ОГУ, 2019. 259 с. http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/12577/1/114373_20191202.pdf
18. Ярославский Е. Коммунистический союз молодежи в строительстве советской и международной пролетарской культуры. Педагогическая энциклопедия / Под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. Т. 2. Москва: Работник просвещения, 1930. С. 435-438.
19. Яшина М. А., Худобородов А. Л. У истоков пионерской организации на Урале (к истории советской системы воспитания в 1920-30-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. №7. С. 130-135.
20. Kelly K. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. – London: Granta Books. 2005. 352 p.
21. Kirschenbaum L. A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932 / L. A. Kirschenbaum. New York; London: Routledge Falmer, 2001. 232 с.
22. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. – New York: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970. 113 с.
23. Turton, K. Children of the Revolution: Parents, Children, and the Revolutionary Struggle in Late Imperial Russia // The Journal of the History of Childhood and Youth, Volume 5, Number 1, Winter 2012. pp. 52-86.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ОТ ЗЕМСТВА К СОВЕТАМ

УДК 908 (470.326)

И. В. Двухжилова, канд. истор. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

СТОЛЫПИНСКОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В ОЦЕНКЕ ТАМБОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ЗЕМСКИХ ГЛАСНЫХ

Аннотация: Анализируются взгляды губернских земских гласных на решение аграрного вопроса и отношение к мероприятиям столыпинской реформы. Сделан вывод о неоднозначности позиций земских деятелей в отношении желательных и принятых мер.

Ключевые слова: тамбовское губернское земское собрание; столыпинская аграрная реформа, Н. Н. Чолокаев, Л. В. Дашкевич, Л. Д. Брюхатов.

I. V. Dvukhzhilova, Ph.D. ist. Sciences, Associate Professor,
Tambov State Technical University (Tambov)

STOLYPIN LAND DEVELOPMENT IN THE EVALUATION OF TAMBOV PROVINCIAL ZEMSTVO VOWELS

Abstract: The views of provincial zemstvo councilors on the solution of the agrarian question and their attitude to the measures of the Stolypin reform are analyzed. A conclusion is made about the ambiguity of the positions of zemstvo leaders regarding the desired and taken measures.

Keywords: Tambov provincial zemstvo assembly; Stolypin agrarian reform, N. N. Cholokaev, L. V. Dashkevich, L. D. Brukhatov.

Меры обеспечения «народного продовольствия», «предотвращение падежей скота, охрана хлебных посевов и других растений от вредителей» были обязательными делами, подлежащими ведению земских учреждений с самого начала их деятельности [21, Ст. 2]. Новые способы ведения сельского хозяйства, в том числе связанные техническим прогрессом, нашли отражение в Положении 1890 г. К «предметам ведомства земских учреждений», помимо прочего, добавились «попечение об устранении недостатка

продовольственных средств и оказание пособий нуждающемуся населению разрешенными законом способами», «воспособление зависящими от земства способами местному земледелию, <...> заботы об охране полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и животными» [11].

Эти аспекты деятельности земств, в том числе и чернозёмных губерний, становились предметом изучения многих исследователей. Так, С. А. Есиков, анализируя крестьянское хозяйство, отмечал большую роль земской агрономии в подъёме деревни: «Возраставшая многоукладность экономики, разный уровень производственной культуры хозяйств требовали различных технологий и форм обслуживания их специалистами. <...> На средства земств содержалась сеть сельскохозяйственных школ...» [8, с. 30]. Появление земской агрономии как комплекса мероприятий «по внедрению аграрно-научного знания в повседневную практику широких масс крестьянства» М. Д. Книга, А. Г. Геворгян и ряд других историков относят к 1870-м годам [13, с. 294; 3, с. 37 и др.]. В то же время М. Д. Книга отмечает, что «земская агрономия прошла путь от разовых мероприятий до целостной системы аграрного просвещения», сложившейся к концу XIX в. [13, с. 293].

Не смотря на определённые успехи земств в аграрном просвещении, устройстве и работе пунктов проката сельскохозяйственного инвентаря, бесплатной раздаче семян полезных культур крестьянам и других мероприятий [см., например: 10, с. 9-13, 16-19, 25, 30-33, 43-44 и далее], в целом социально-политическая ситуация в стране к концу XIX в. была тревожной. Целый комплекс проблем требовал мер реагирования, которые не всегда приводили к ожидаемым результатам. Центральным вопросом всё ещё оставался крестьянский. В пореформенное время в разы возросла численность крестьянского населения в Черноземье, а площадь наделных земель уменьшилась [8, с. 12]. Проблему аграрного перенаселения пытались решать и до Столыпина перемещением целых семей в восточные районы страны, но безуспешно.

Как отмечал Р. М. Житин, «уже к концу XIX в. аграрное перенаселение "съело" изначальный размер крестьянского надела Тамбовской губернии, актуализировав для общинников необходимость срочной прирезки земли за счёт частных владений» [9, с. 19]. Недовольство вызывала и арендная плата, слишком высокая, по мнению крестьян [9, с. 22-23; 1, с. 11-13]. События 1904–1907 гг. продемонстрировали не только антагонизм крестьянин–помещик, но и социальное расслоение самой деревни. В пожарах 1905 года горели усадьбы многих помещиков, в том числе и земских гласных, действующих и бывших, например, графа М. П. Толстого (Лебедянь), В. М. Петрово-Соловово (Тамбов) и др. [1, с. 12, 21]. В декабре 1905 г. «безработные шахтёры, прибыв в с. Черкино, Моршанского у., подстрекали крестьян разгромить имение князя Чолокаева и поделить между собою его землю» [1, с. 29]. В тот раз попытка успехом не увенчалась, а сам князь, будучи губернским предводителем дворянства, закончив

председательствовать в очередном земском собрании декабрьской сессии, находился в Тамбове.

Необходимость перемен осознавалась всеми социальными группами, но решение виделось по-разному. К сожалению, революционные настроения в тот момент преобладали. Показательно, что в мае 1905 г. в квартире председателя кирсановской уездной земской управы Л. В. Дашкевича состоялось собрание, на котором присутствовал и хозяин. Как следовало из документа, оказавшегося в распоряжении П. Н. Черменского, обсуждали, что «монарх мало заботится о благополучии государства, а потому надо скорее добиваться революции и новых реформ. Монархия приносит народу вред». Участниками собрания было собрано 150 рублей на «пропаганду реформы» [1, с. 11]. Другой известный в земских кругах дворянин Л. Д. Брюхатов, «тамбовский Робеспьер» по высказыванию В. Ф. Лауница [Цит. по: 17, с. 81], председательствовал на митинге железнодорожных рабочих, посвящённом Манифесту 17 октября 1905 г. Несколько сотен рабочих пришли к выводу о необходимости срочного созыва Учредительного собрания, за что председательствующий и несколько активных участников даже были арестованы [1, с. 20].

Примеров можно приводить много, но стоит согласиться с «экономической целесообразностью» столыпинской реформы [7, с. 70]. Крестьяне в эпоху революции 1905–1907 гг. предполагали, что решение всех их проблем заключается в справедливом перераспределении земли: вся или почти вся помещичья земля передаётся крестьянам. Однако ожидания крестьян и реальное содержание реформы вновь не совпали, что приводило к серьёзным социальным конфликтам [7, с. 71; 9; 16; 22].

А что же по этому поводу думали помещики? Частично мы можем найти ответ на этот вопрос в «Трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», издававшихся в 1903–1904 гг. Журналы заседаний тамбовского комитета, а также записки, доклады и мнения членов комитета, многие из которых были земскими гласными, составили 41-ый том [23]. Мы не найдём прямого высказывания отношения тамбовских земцев к столыпинскому землеустройству, но размышления некоторых из них накануне реформы нам известны, по крайней мере те, что были опубликованы.

Итак, многолетний глава тамбовского губернского земского собрания князь Н. Н. Чолокаев, резюмируя мнение своих коллег о необходимости сельскохозяйственного просвещения, в том числе и через сеть специализированных школ, справедливо заметил: «Чтобы всё это (*изменение системы полеводства, инструкторы, опытные поля – И. Д.*) могло принести пользу, нужно предварительно поднять материальное благосостояние крестьян <...> сначала нужно употребить все усилия, чтобы улучшить их материальное положение, а засим преподавать им способы увеличения дохода с их земли интенсивной культурой» [Там же, с. 27]. Разорению крестьян, по мнению князя, способствуют 4 причины: высокая пожароопасность

построек, семейные разделы, малоземелье, отсутствие в средней полосе России возможности для стороннего заработка для женщин и их ограниченность для мужчин. При этом проблема малоземелья вполне может быть решена путём интенсификации ведения хозяйства или переселением при государственных субсидиях мигрантов [Там же, с. 28, 30]. Переселение крестьян на общинных землях за пределы сёл, по сути на хутора, Чолокаев рассматривал как один из способов борьбы с пожарами путём снижения плотности строений.

Возможность дополнительного заработка могла быть решена развитием сельскохозяйственной промышленности, которое способствовало бы и повышению товарности аграрного производства. При этом Чолокаев отмечал, что для успешности предприятий частных землевладельцев необходимы: «дешёвый» кредит; введение ипотеки для доступности кредитования; удешевление сельскохозяйственных орудий и механизмов; снижение стоимости и быстрота перевозки сельскохозяйственных товаров; унификация железнодорожных тарифов; «изменение финансовой политики обогащения окраин за счёт центральных губерний России»; недорогое страхование от огня и «градобития»; открытие сельскохозяйственных училищ разного уровня [Там же, с. 31].

Уже упомянутый Л. Д. Брюхатов, в момент деятельности Комитета являвшийся членом губернской управы, среди проблем крестьян выделяет не только малоземелье, но и снижение плодородности наделов, недостаточность или отсутствие рабочего скота, плохой посевной материал и так далее [Там же, с. 33-34]. При этом обозначенные проблемы, по мнению Брюхатова, характерны не только для общины, но и для частных крестьянских владений. И причина здесь – рост численности населения и, соответственно, его плотность. Лев Дмитриевич пришёл к выводу, что «улучшение сельскохозяйственной техники и переход к более интенсивным формам земледелия с применением травосеяния вполне возможны при общинном земледелии <...> Технические улучшения, пожалуй, скорее осуществимы при общинном владении, чем при подворном участковом, так как требуют затрат, которые непосильны часто отдельным лицам, но доступны группе лиц или общине» [Там же, с. 40]. Достойную альтернативу общине, как объединению равно заинтересованных в результате труда людей, Брюхатов видел в товариществах, «элементах более предприимчивых и зажиточных» [Там же, с. 45]. Ещё одним способом поддержки общины и увеличения площади землевладения её членов было предложение предоставить крестьянскому банку право выдавать беспроцентные ссуды «при покупке земли целым обществом» [Там же, с. 58]. При этом переселение крестьян должно быть «правильно поставлено», то есть переселению в Сибирь и другие регионы подлежала «беднейшая часть населения» [Там же].

Губернский гласный от Елатомского уезда Н. А. Давыдов отметил малоземелье не только проблемой хлебопашества, но и затруднения развития, если не существования вообще, животноводства [Там же, с. 181]. Решение

проблемы малоземелья Давыдов предлагал в духе столыпинского землеустройства: «расселение, выселение, переселение, обмены угодий, предоставление в известных случаях казённых участков сельским обществам на льготных условиях» [Там же, с. 178]. А вот целесообразность существования общины ставилась им под сомнение, ведь «при существовании общины <...> никакие культурные приёмы невозможны на крестьянских землях». А единичные случаи хорошей агрокультуры на крестьянских полях Давыдов отнёс к явлениям случайным [Там же].

Ещё на одну проблему обратил внимание кирсановский земец С. М. Кишкин. В своей записке он писал: «При недостаточности земельных наделов крестьян введение сколько-нибудь рационального хозяйства невозможно. А при чересполосном владении наделными землями становится невозможно никакое хозяйство» [Там же, с. 212]. Для ликвидации этой проблемы предлагался обмен недвижимости с наименьшими формальностями и желательно без пошлин. Переселение безземельных крестьян по решению сельского схода, по мнению Кишкина, накладывало на общество обязательство заплатить по рыночно цене переселенцам за оставшиеся постройки, имущество [Там же, с. 225].

Известный за пределами Кирсановского уезда и Тамбовской губернии уже упоминавшийся Л. В. Дашкевич, не отрицая проблем сельского хозяйства, не видел их решения вне изменения структуры управления. Он отметил, что все предполагаемые улучшения возможно осуществить только силами земств, но земств реформированных [Там же, с. 226-228]. Неудивительно, что Дашкевич отрицательно относился и к самой реформе П. А. Столыпина, изложив своё мнение в нескольких печатных изданиях [см., например: 5].

Похожей точки зрения придерживался и козловский земец Н. С. Волконский, владелец одного из «образцовых» хозяйств губернии, в котором, помимо много прочего, имелось и опытное поле, подобное тем, что создавались земскими агрономами [12]. Он полагал, что без включения крестьян в систему правовых отношений невозможно решить проблемы села. Община как хранительница обычного права должна исчезнуть, потому что на смену обычаю приходит закон. А ликвидация малоземелья вполне осуществима за счёт «выселения части крестьян на казённые земли», а отнюдь «не путём нормировки арендной платы» [23, с. 243-244].

Коллега Волконского М. А. Кононов конкретизировал, что государственные земли следует сдавать в аренду «по установленным ценам только земледельцам для личной обработки» [Там же, с. 249]. Община же представлялась Михаилу Александровичу «главным, если не исключительным тормозом к расселению крестьян на полевые наделы и к улучшению земледелия» [Там же, с. 251].

Липецкий земец А. Д. Петров отмечал как отрицательные, так и положительные стороны общинного землепользования. При этом он считал переделы злом, снижающим заинтересованность крестьян в улучшении

качества земли, и, в то же время, «лучшим средством против обезземеливания отдельных домохозяев» [Там же, с. 306]. Переселение как одна из форм борьбы с малоземельем Петровым не отрицалась, но он считал, как Кишкин и другие земцы, необходимым привлечение общины к «расходам по выселению прироста их населения» [Там же, с. 311].

По тону, царившему в заседаниях темниковского комитета, отчётливо прослеживалось неудовольствие организацией обсуждения «нужд сельскохозяйственной промышленности» [Там же, с. 384-416]. Уездный предводитель дворянства Ю. А. Новосильцев, кадет, участник общеземских съездов и совещаний, выразил мнение, что комитеты в созданном правительством виде, могут выражать лишь «взгляды местной администрации». Новосильцев полагал: «Для того, чтобы вырабатываемые Правительством мероприятия были согласованы с действительными потребностями жизни, нужно чтобы к участию в работах <...> совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности были приглашены выборные от Губернских Земских Собраний <...> чтобы выборные были включены в состав <...> Сельскохозяйственного совета <...>» [Там же, с. 385].

Очевидно, что темниковским уездным собранием столыпинская реформа была принята с прохладцей. Более того, Новосильцев, как предводитель дворянства уезда, должен был создать землеустроительную комиссию, но не сделал этого, фактически вступив в открытую конфронтацию с губернатором Н. П. Муратовым. В своих мемуарах Муратов описывал свою встречу с Новосильцевым в 1907 г. [19, с. 134-139]. Приняв в свойственной себе манере неудовольство Новосильцева на свой счёт, Николай Павлович писал: «Тут Н[овосильцев] стал распространяться о значении местных людей для работы и вrede чиновников. Ничего не знающих и не понимающих, и способных только мешать и портить» [Там же, с. 136]. Итогом конфликтной ситуации стала отставка Ю. А. Новосильцева с должности предводителя, но земским гласным он ещё оставался какое-то время.

Впрочем, следует отметить, что у Новосильцева в среде темниковских земцев были и оппоненты, что и показало дальнейшее развитие событий, связанных не только со столыпинским землеустройством. Но это сюжет для отдельного исследования.

Мысль о неправильности «устранения» правительством земств от обсуждаемых вопросов была высказана и усманским комитетом. Практически слово в слово комитетам было отказано в выражении взглядов местного населения, «ибо состав их случаен и зависит от усмотрения лиц, их составляющих» [23, с. 420].

В целом заключение тамбовского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности провозгласило необходимость сельскохозяйственного обучения крестьян; улучшения и упрощения условий страхования от пожаров, природных неблагоприятных условий, страхования инвентаря и животных; борьбы с эрозией почв, заразных болезней скота и прочее. Что касается существования общины, то члены комитета не

отрицали её пользу для крестьян. В то же время высказались о целесообразности упрощения выхода крестьян «из общества» с целью либо их переселения, либо для создания «благоустроенной отдельной крестьянской собственности» при поддержке Крестьянского Банка [Там же, с. 20].

Комплекс мероприятий и, в особенности, Закон 9 ноября 1906 г., получившие название столыпинской аграрной реформы, предусматривал и активную деятельность земств, расширив их права и финансовые возможности [18, с. 66]. Но непосредственного участия именно в землеустройстве земства не принимали, потому что эти функции лежали на землеустроительных комиссиях, земских начальниках, в какой-то степени на общине [6, с. 241]. Земства же продолжили заниматься тем, в чём у них уже имелся опыт: организация агрономии и ветеринарии, продовольственная и пожарная безопасность и прочее [18, с. 66]. Однако бремя финансовых затрат на работы по разграничению наделов несли уездные земства. Например, на вознаграждение «понятых», которых приглашали для наблюдения при межевании земель [4, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 2-9, 11-16, 19].

Скептическое отношение земств к столыпинской реформе на начальном её этапе было характерно не только для Тамбовской губернии [18, с. 66]. Но постепенно во всех уездах были созданы землеустроительные комиссии. Началась работа и по аграрному просвещению. Как отмечалось, в 1911 году во всех уездах Тамбовской губернии были созданы земские сельскохозяйственные участки [20, с. 1]. Агрономы проводили как регулярные массовые чтения и беседы, так и индивидуальные консультации не только с крестьянами, но и с другими землевладельцами [20, с. 7; 8, с. 30-32]. В этот период на средства земства было открыто несколько сельскохозяйственных школ и поддерживалась деятельность открытых ранее, открывались и укомплектовывались пункты проката сельскохозяйственной техники. Историография этого вопроса весьма разнообразна [2; 3; 8; 14; 15].

Не смотря на усилия земств и видимый результат этих усилий, по большому счёту аграрные вопросы решены не были. По-прежнему существовала проблема малоземелья, низкая агрокультура, высокие налоги и, как следствие, недоимки. Крестьяне в массе своей оставались довольно инертной социальной группой. За 1906-1915 гг., по данным С. А. Есикова, только 24% крестьян-общинников укрепили землю в личную собственность. Площадь же общинных земель, отошедших выселенцам, составила всего 14% [8, с. 35].

В исторической науке утвердилось мнение, что мероприятия аграрной реформы прекратились со вступлением России в Первую мировую войну. Это действительно так. Однако сопротивление этим мероприятиям в относительно мирные годы со стороны практически всех социальных групп показывает недостаточность принятых мер, несоответствие ожиданий и реальности, отсутствие если не единого, то хоть сколько-нибудь унифицированного взгляда на выход из ситуации.

Итак, отношение тамбовских губернских земцев к аграрной реформе неоднозначно. Мероприятия реформы лишь частично совпали с некоторыми ожиданиями гласных, что привело к медленному включению земств в процесс реализации. Но и в своей деятельности гласные, а также земские агрономы, ветеринары, постоянно сталкивались с недоверием, сопротивлением, а иногда и открытым противостоянием с крестьянским населением губернии.

Список литературы и источников

1. 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губернии / Составлена П. Н. Черменским / под ред. П. Крошицкого. Тамбов: типография «Пролетарский светоч», 1925. 39 с.

2. Геворгян А. Г. Деятельность земств центрально-черноземных губерний по внедрению агрокультурных инноваций в деревне в годы столыпинской аграрной реформы // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Часть 1. С. 18-21.

3. Геворгян А. Г. Земская агрономическая деятельность в годы столыпинской аграрной реформы (на материалах Центрального Черноземья): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»]. Воронеж, 2019. 260 с.

4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 143. Оп. 1.

5. Дашкевич Л. В. Государственные избирательные законы; Сельский суд: Агр. переворот. – Москва: тип. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1909. [6], 144 с.; 22.

6. Емельянова Т. В. Деятельность губернских и уездных землеустроительных комиссий по осуществлению аграрной (столыпинской) реформы // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2017. № 46. С. 238-244.

7. Ершов Б. А., Чекменёва Т. Г., Прибытков А. А. Ход и итоги столыпинской аграрной реформы в России на примере Воронежской губернии // Agrarian History. 2023. №14. С. 69-77.

8. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 1998. 108 с.

9. Житин Р. М. Земельные ресурсы как фактор взаимоотношений помещиков и крестьян Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы XI (XXII) Всероссийской научной конференции, посвященной 385-летию Тамбова. Тамбов: ООО «ТПС», 2021. С. 18-23.

10. Журналы соединенных заседаний Тамбовской губернской земской управы и губернской земской сельскохозяйственной комиссии с приложениями. Тамбов: Губернская земская типография, 1894. II, 67 с.

11. Именной Высочайший указ, данный Сенату о введении в действие нового положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 года, июня 12. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/polozhenie_o_gubernskih_i_zemskih_1890?ysclid=lv9dwp60w1160713786

12. Канищев В. В. Волконские // Тамбовская энциклопедия / гл. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов: Изд-во Юлис, 2004. С. 102.

13. Книга М. Д. Земская агрономия: замысел и реализация // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 3 (38). С. 293-297.

14. Книга М. Д. Сельскохозяйственное просвещение в период столыпинской реформы: диалог власти и земства // Власть. 2011. №9. С. 130-132.

15. Книга М. Д. Сельскохозяйственное просвещение и изменения в воронежской деревне в период проведения столыпинской реформы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020. № 1. С. 109-115.

16. Кузьмин А. В. Столыпинская аграрная реформа в восприятии и оценке населения сельской провинции // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Материалы II Международной научно-практической конференции. Мичуринск: Изд-во ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ, 2015. С. 70-76.

17. Ловцов В. А. Сравнение подходов Н. П. Муратова и С. Д. Урусова к оценке чиновников Тамбовской губернии в начале XX века // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы XI (XXII) Всероссийской научной конференции, посвященной 385-летию Тамбова. Тамбов: ООО «ТПС», 2021. С. 77-83.

18. Милюкова Т. С. К вопросу о роли земств в проведении столыпинской аграрной реформы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2012. №4 (48). С. 65-68.

19. Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: ООО «ТПС», 2007. 436 с.

20. Отчет Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1911 г. об агрономической деятельности уездных земств Тамбовской губернии за 1911 г. Тамбов: Тамбовская земская типография, б.г. 45, 2 с.

21. Положение о губернских и уездных земских учреждениях, высочайше утверждённые 1 января 1864 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/gubuezdzemucher1864>

22. Токарев Н. В. «Пусть всех нас перестреляют...». Социальный конфликт эпохи столыпинского землеустройства // Родина. 2004. №1. С. 129-131.

23. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: В 58 т. Т. XLI. Тамбовская губерния. Санкт-Петербург: тип. «Народная польза», 1903. VIII, 471 с.

В. В. Красников, канд. истор. наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ИХ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация: в статье анализируется начальный период организации советской власти в Тамбовской губернии, а также проблемы, связанные с процессом складывания советской системы на низовом уровне – в волостных и уездных исполнительных комитетах.

Ключевые слова: большевики, власть, декрет, советы, исполнительный комитет

V. V. Krasnikov, candidate of historical sciences, associate professor
Tambov State Technical University (Tambov)

**ORGANIZATION OF SOVIET AUTHORITIES
IN TAMBOV GOVERNORATE AND PROBLEMS
OF EXERCISING THEIR POWERS
IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER**

Abstract: the article analyzes the initial period of the organization of Soviet power in the Tambov province, as well as the problems associated with the process of folding the Soviet system at the grassroots level - in volost and district executive committees.

Keywords: bolsheviks, power, decree, councils, executive committee

II Тамбовский губернский съезд советов, проходивший с 25 по 27 мая 1918 года, взял за основу конструирования власти проект от 17 мая 1918 года, разработанный большевиками. Основные положения проекта содержали следующие основные элементы:

1. Отдельное существование рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких советов не должно иметь место, поэтому рабочие, солдаты, крестьяне и батраки входят в один общий совет.
2. В пределах губернии существуют советы следующего типа: деревенские, общественные, волостные, уездные и городские. В Тамбове, где находится губернский центр уездный и городской советы образуют общий уездный совет.
3. Деревенские советы выбираются всеми трудящимися деревни, достигшими 18-летнего возраста, в составе 3-5 членов.

4. Сельские советы выбираются сходом всех трудящихся данного села в составе 3-5 членов.

5. Выборы должны быть равные, прямые и пропорциональные от всех левых партий.

6. Деревенский совет заменяет сельский сход выборных и сельское правление.

7. Общественный совет заменяет собой общественное правление и бывшего сельского старосту.

8. Члены волостного совета избираются общественным сходом по расчёту один на 100-200 избирателей.

9. Волостной совет избирает из своей среды исполнительный комитет из 5-7 лиц, которые ведают жизнью всей волости, руководствуясь указаниями уездного совета

10. Уездный съезд советов избирается волостными и городскими советами по одному на 1000 человек населения.

11. Городские советы уездных городов сливаются с уездными, образуя единый уездный совет.

12. Уездный съезд советов выбирает из своей среды исполнительный комитет из 15 лиц, которые ведают всеми отраслями жизни уездов, руководствуясь указаниями высших советов организации [1, л. 144].

Центральной властью в Тамбовской губернии являлся губисполком, выбранный на II губернском съезде советов в составе 18 большевиков и 7 левых эсеров. Однако распоряжение всеми отраслями жизни уездов, иногда воспринималось уездными исполнительными комитетами слишком буквально.

Так, например, 30 апреля 1918 года в закрытом заседании Кирсановский уездный исполнительный комитет постановил наложить на г. Кирсанов контрибуцию в три миллиона рублей. Во исполнение этого постановления в ночь на 19 мая 1918 года ко всем лицам, имеющим текущие счета в банках, явились красноармейцы и арестовали их. На следующий день, в 12 часов дня им объявили о контрибуции, наложенной на город, и предложили избрать раскладочную комиссию с целью её уплаты.

Судя по заявлению гражданина Кирсанова К. М. Сельцовского, работа раскладочной комиссии не привела к положительным результатам из-за чрезмерности суммы обложения и нежелания совета депутатов Кирсанова идти на какие-либо уступки [2, л. 45].

После этого Кирсановский уисполком прибег к арестам. В ночь на 26 мая 1918 года было арестовано 50 человек, через три дня ещё 10 человек.

Всех арестованных содержали в сыром подвале старой городской тюрьмы. По свидетельству того же Сельцовского, заключённые находились в тяжёлых условиях: со стен текла вода, для них запрещено было приносить одеяла, подушки и пищу. Несмотря на требование врачебно-санитарной комиссии, совет депутатов отказывался улучшить положение заключённых.

Однако после обращения к Тамбовскому губисполкому, как к высшей власти в губернии, с просьбой оградить жителей Кирсанова от дальнейших репрессий уисполкома, освободить заключённых и расследовать его неправомерные действия, в Кирсанов была отправлена телеграмма об отмене репрессий и докладе об её исполнении [2, л. 50].

Не сильно изменилась ситуация в сфере организации советской власти на местах и к началу 1919 года. Так в докладе по отчёту о деятельности губисполкома от 26 февраля 1919 года, председатель Тамбовского губисполкома М. Д. Чичканов сообщал, что основная задача губисполкома – это наблюдение за исполнением декретов и распоряжений центральной советской власти, а также контроль, налаживание и координирование работы органов уездных исполнительных комитетов. Было отмечено, что из представленных уисполкомами протоколов постановлений, после их рассмотрения губисполкомом было опротестовано более 450 [3, л. 3].

Главными причинами к принятию уисполкомами неправильных постановлений были: неправильное толкование декретов и распоряжений центральной власти; неправильное проведение налогообложения; вмешательство в жизнь и работу кооперативных и продовольственных организаций и учреждений, подведомственных только со стороны контроля над ними. Основной же причиной пробелов в работе на местах губисполком признал отсутствие связи и своевременной отправки на места руководящих указаний, что объяснялось неудовлетворительной работой инструкторов из-за недостаточного их штата при губисполкоме, а также их неподготовленностью к работе [3, л. 4].

Также наблюдались случаи недопустимого действия в уездах губернии некоторых исполкомов и позорного поведения их членов. Например, в Шацке, Усмани, Темникове, где имели место пьянство, мародёрство, насилия над женщинами и терроризирования местного населения [3, л. 5]. Констатировалась необходимость тесной связи волостных советов с уездными и губернским исполкомами, сёл с уездами, уездов с губернским центром, что понималось как «централизация власти».

В начале 1919 года с мест поступали сведения о том, что волостные и сельские советы часто вмешиваются в сферу прямых обязанностей

милиции, например, самостоятельно производят обыски и аресты. А заведующие отделами управления исполкомов вторгаются в область прав, принадлежащих начальникам милиции, назначают милиционеров самостоятельно, непосредственно дают им распоряжения по разным, зачастую малозначительным вопросам [4, л. 32].

К концу 1919 года задачи Тамбовского губисполкома почти не изменились. В докладе о его деятельности на V Тамбовском губернском съезде советов в ноябре 1919 года в приоритете по-прежнему оставались контроль, усиление и оживление работы уездных, волостных и сельских советов. В качестве принятых мер предполагалось проверить на местах соответствие своему назначению личного состава низовых советов, устранить беззакония, если таковые были обнаружены в процессе проверки их деятельности, обновить состав советов и избавиться от дискредитирующих советскую власть [4, л. 27]. Однако нормальная работа в данном направлении была недолгой, так как в мае 1919 года в Тамбов прибыл народный комиссар В. Н. Подбельский, командированный в качестве уполномоченного ВЦИК и ЦК партии для направления общей деятельности местных партийных и советских учреждений, в частности для проведения мобилизации на фронт, для чего им было образовано губернское мобилизационно-политическое бюро [4, л. 28].

Доклады В. Н. Подбельского в очередной раз констатировали недостатки в организации советской власти на местах. Отмечалось, что в деревне наблюдается засилье контрреволюционеров – кулаков, спекулянтов, бывших торговцев и полицейских, которые ведут агитацию против советской власти и тормозят проведение в жизнь её декретов. В заседании 17 июня 1919 года губисполком по этому поводу постановил положить конец работе деревенских контрреволюционеров путём изъятия наиболее злостных из них и зачисления в тыловое ополчение для общественно-необходимых работ, с содержанием в концентрационном лагере, который был открыт в Тамбове в июне 1919 года. В июле 1919 года деятельность губернского мобилизационно-политического бюро была закончена, после чего оно было ликвидировано.

В августе 1919 года работа по советскому строительству была остановлена в связи с прорывом в губернию казачьей конницы генерала Мамонтова и обстоятельств временной утраты Тамбова и Козлова. После завершения рейда и восстановления советской власти в губернии в Тамбове в октябре 1919 года во главе губисполкома стал командированный центром для усиления партийной и советской работы В. А. Антонов-Овсеенко.

В целом трудности организационного строительства советской власти будут иметь систематический характер. Из-за постоянных кадровых проблем и низкого уровня организации местной власти, большевики не смогут построить действенный аппарат советской власти как минимум первые несколько лет, после прихода к власти. Признавалось, что увольнять всех прежних служащих не эффективно, так как они могут принести пользу. Необходимо только не давать им ответственных постов и оставлять на службе в советских учреждениях.

В тоже время мы можем наблюдать попытки введения жёсткого контроля за советскими органами с различного рода уступками в отношении местного населения для установления лояльного отношения и создания предпосылок к дальнейшему укреплению своего влияния в деревне. Так называемые «повороты лицом к деревне» станут периодическими, даже спустя первое десятилетие советской власти.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19.
2. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30.
3. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 96.
4. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 102.

Т. А. Савинова, канд. эконом. наук,
Российский государственный архив экономики (Москва)

ТАМБОВСКАЯ ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА И ЕЕ ГЛАВА Н. Н. РОМАНОВ

Аннотация. В статье прослежена история развития земских статистических исследований крестьянского и частновладельческого хозяйства в Тамбовской губернии, деятельность статистического бюро по решению хозяйственных задач земства и по проведению продовольственной операции в период голода 1891-1892 гг., а также роль в этих процессах заведующего статистическим отделением Н. Н. Романова.

Ключевые слова: земская статистика, В. И. Орлов, крестьянское хозяйство, Тамбовская губерния, статистические сборники, оценка недвижимых имуществ, Н. Н. Романов.

T.A. Savinova, Candidate of Economic Sciences,
Russian State Archive of Economics (Moscow)

TAMBOV ZEMSTVO STATISTICS AND ITS HEAD N. N. ROMANOV

Abstract. The article examines the history of the development of zemstvo statistical studies of peasant and private farming in Tambov province, the activities of the statistical bureau to solve the economic problems of the zemstvo and to conduct food operations during the famine of 1891-1892 and the role of the head of the statistical department N.N. Romanov in these processes.

Keywords: zemstvo statistics, V.I. Orlov, peasant farming, Tambov province, statistical collections, valuation of real estate, N.N. Romanov.

Начало земской статистики в Тамбове было положено В. И. Орловым в 1880 году. К этому моменту он заведовал статистическим бюро Московского земства и являлся непререкаемым авторитетом не только в статистическом мире, но и среди земских деятелей, поэтому большинство европейских губерний стремились для своих исследований пригласить именно его. Почти все заведующие земскими статистическими бюро 1880-х гг. заняли свои места по его рекомендации, в том числе в 1881 г. и заведующий тамбовским бюро Николай Никанорович Романов.

Орлов вместе со своими помощниками К. А. Вернером, И. П. Боголеповым и С. П. Невежиным изучил крестьянское и частновладельческое хозяйство только Борисоглебского уезда, результаты которого были изложены в первом «Сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии. Борисоглебский уезд» [15]. В приложении к сборнику были помещены

24 очерка описания отдельных селений. Сам Орлов занимался исследованием крестьянского хозяйства, которое велось, как и в Московской губернии, в виде экспедиционного исследования, результаты его фиксировались в виде поселенной таблицы, содержащей показатели хозяйств крестьянских дворов. Орлов использовал не только поселенные списки дворов, но и подробные поселенные планы. В сборнике впервые приведен детальный расчет бюджета средней крестьянской семьи, который показал, что «доход крестьянской семьи на 85 % складывался из доходов от земледелия и скотоводства, а на 15 % от аренды и сторонних заработков и что $\frac{3}{4}$ всех семей уезда достаточно обеспечены наделом ...» [3, с. 76-78].

Раздел о частновладельческом хозяйстве уезда был составлен К. А. Вернером и содержал три главы: о природно-климатических характеристиках местности, о размерах землевладения и его сословном распределении, о способе ведения хозяйства. Третья глава была составлена по данным ответов землевладельцев на однородные бланки, разосланные губернской земской управой. Ответы были получены только от 1/5 части всех корреспондентов, но так как ими были многие крупные хозяева, то и сведения имелись о 43,5 % всех личных владений [3, с. 79-82].

Первый статистический сборник по своей полноте сведений, подробности изложения, методологии обработки и подачи полученных данных являлся образцом для дальнейшей работы статистиков в губернии.

Ему и должен был следовать приглашенный по рекомендации Орлова на место заведующего тамбовской статистикой Н. Н. Романов, о жизни и деятельности которого известно немного. Внешнюю канву тамбовского периода его деятельности можно проследить по «Предметному указателю материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г.» [4, с. 322-331], а внутреннее ее содержание отчасти поможет восполнить эпистолярный комплекс писем статистика – А. Ф. Фортунатову [10]. Он содержит 46 писем 1885-1914 гг. и представляет ценнейший источник для изучения нескольких направлений отечественной истории: местного самоуправления, региональной истории Тамбовского края, развития земской статистики в России вообще, и в Вятке и Тамбове, в частности.

Романов родился 23 февраля 1848 г. в семье протоиерея г. Нолинска Вятской губернии. После окончания духовного училища и Вятской духовной семинарии с отличным аттестатом, образование которой высоко ценил, считая, что «направление деятельности и писательская подготовка были даны ему семинарией» [10, л.68], он работал секретарем Нолинской уездной управы. Позднее статистик писал, что выбор его, как специалиста-статистика Вятской губернской управой объясняется тем, что его знали, «как способного, достаточно развитого, умеющего писать и знающего коротко земское дело секретаря Нолинской уездной управы (<...>). А я с своей стороны, рвался внутренне к какой-нибудь ученой (!) деятельности и потому с радостью пошел в статистики с некоторым материальным ущербом для себя (дали мне 1500 р. без всяких дополнительных)» [10, л.65 об.-66].

В феврале 1874 г. Романов вступил в должность заведующего вятской земской статистикой и от него, прежде всего, требовалось «выработать какую-нибудь сносную земскую раскладку (сами-то земцы, конечно, меньше меня понимали что-нибудь в этом)» [10, л. 66]. Предложенные Романовым критерии для оценки земель были приняты шестью уездными земствами. В течение четырех лет он проводил подворные обследования крестьянского хозяйства губернии, но на его записку о реорганизации земской статистики и увеличении состава бюро земство ответило отказом, что стало одной из причин переезда его в Тамбов [14, с. 128].

В 1881-1886 гг. под его руководством было описано крестьянское хозяйство 11 уездов Тамбовской губернии, в отличие от Орлова он считал необходимым сначала изучить крестьянское хозяйство и только потом хозяйства частных владельцев. Каждый том содержал четыре раздела: землевладение, земледелие и скотоводство, аренда и сдача земли крестьянами и местные земледельческие заработки, внеземледельческие промыслы крестьян. Приложения содержали подробные таблицы об экономическом положении каждой общины, материалы для оценки земель и карту уезда. Сборники содержали сведения о численном и национальном составе крестьян, однако основной упор делался на их экономическое положение и фискальные возможности, сравнение жизни крестьян в разных уездах и их обеспеченности своим наделом. В этом смысле многого ожидал Романов от сводного сборника по губернии, но, как он писал Фортунатову: «Прошлогоднее наше собрание отвергло не только необходимость, но и пользу общегубернской сводки данных по крестьянскому хозяйству» [10, л.3]. Все-таки он подготовил сборник по губернии, который был издан только в 1890 г. [17], приложением к нему стало описание отдельного села Каменка и одноименной волости.

В 1887 г. в губернии были начаты исследования частновладельческого хозяйства. Романов занимался только камеральными работами, а в разъездах были его помощники. Программа по описанию частных хозяйств Моршанского уезда была составлена Фортунатовым, он же начал и сами исследования, которые продолжил выпускник Петровской академии сельского хозяйства и лесоводства П. М. Дубровский. Он писал, что прием встречает в имениях «самый любезный и радушный», но в ущерб статистическому исследованию больше занимается агрономическими вопросами, а в большинстве хозяйств «за неимением записей при всем желании владельцев ничего не добываешь особенно нужного» [11, л. 44]. Романов считал, что в большом хозяйстве нужно пробыть недели, а не два дня, как другой его помощник А. С. Ленкевич в имении Б. Н. Чичерина. По его «голым» бланкам Романову чрезвычайно трудно дался сборник описания частных хозяйств Кирсановского уезда, на который ушло 8 месяцев. Чичерин же был недоволен указанной в сборнике якобы завышенной ценой земли, арендуемой у него крестьянами, и обвинил статистика в недобросовестности [10, л. 21-21об.]. Также были составлены сборники по описанию частных

хозяйств Лебедянского, Липецкого и Тамбовского уездов. Кроме сложностей, связанных с проведением работ на местах, при исследовании частных хозяйств возникали и другие, едва ли не более опасные. В пасхальные дни 1888 г. губернской управой был получен циркуляр МВД за подписью директора ЦСК Н. А. Тройницкого о том, что программа исследования частновладельческого хозяйства, предпринятого тамбовским бюро, содержит вопросы, представляющие крайнюю степень вмешательства в частные интересы: об аренде, о составе и стоимости построек, о мертвом и живом инвентаре, о размерах издержек в производстве, о чистом и валовом доходе. Вопросы эти, как считал ЦСК, не представляют статистического интереса. В конце концов, программа была отдана «на волю» губернатора А. А. Фредерикса, который оставил ее прежней [11, л. 9-12].

Не менее важным делом для статистики Романов считал сотрудничество с земством, ибо понимал, что от выполнения поручений земского собрания зависело не только ее материальное положение, но само существование. В 1889 году на статистику было выделено 8500 рублей, 6000 из них пошли на исследование частных хозяйств [10, л. 7 об.]. Романов для своих работ должен был довольствоваться помощью одного счетчика, тогда как по заданию земства ему приходилось каждые три года составлять статистический свод смет и раскладок губернского и уездных земств. Кроме этого, в 1889 г. был составлен статистический обзор расходов и доходов губернского земства по обществу призрению за 1866-1887 гг., свод расходов на открытие губернского собрания статистика особенно хвалил губернатор [11, л. 25 об.], и движение земельной собственности в губернии за 1866-1886 гг. По поручению управы Романовым были составлены сборники по исследованию отдельных сторон земского хозяйства: страхованию от огня, грунтовыми дорогам и др. Дружеские отношения связывали заведующего бюро с главой губернской управы Л. В. Вышеславцевым, занимавшим этот пост 20 лет и имевшим значительный авторитет [6, с. 29], и ее членом М. А. Кононовым. Несмотря на это, собрание посчитало возможным сократить в 1890 г. расходы на статистическое бюро до 7500 рублей.

Неурожай 1891-1892 гг. внес свои коррективы в планы земства и статистиков – статистические исследования были отложены. Финансовые ресурсы губернии находились в плачевном состоянии, «губернского сбора в недоимках более бюджета, около 400 тыс. рублей. Давно уже оперировали на счет запасного капитала, но он изъят» [10, л. 44]. Романов боялся, что в целях экономии будет закрыто статистическое бюро.

Уже в июне 1891 г. в некоторых уездах состоялись экстренные земские собрания, всех смущали предстоящий плохой урожай и громадные требования продовольственных ссуд. 3 июля состоялось экстренное губернское земское собрание, «сумма ссуд на продовольствие до нового года была исчислена до 2 мил. рублей, все свои капиталы в процентных бумагах губернская управа разменивала, просила у правительства 1,4 мил. рублей»

[10, л. 42 об.]. Члены управы посильно участвовали в продовольственной операции. М. А. Кононов ездил в Рязанскую и Курскую губернии, где покупал хлеб для Темниковского, Спасского и Моршанского уездов, проводил работы по заготовке, доставке и выдаче семян. Романов также был привлечен управой к продовольственной операции, так как канцелярия управы не справлялась, а он не мог отказать Вышеславцеву. В ноябре 1891 г. в виде статистического исследования произведенных хлебных операций земства им был сделан промежуточный отчет, благодаря которому все стало ясно и определено. По мнению Романова, такого отчета должны бояться все те, у кого есть желание попользоваться от расходуемых миллионов, «статистика не только ставит цифры в строгом порядке, но и сравнивает их. Это сравнение и выводит наружу все, что рассчитано было запутать и скрыть неправильным смешением цифр» [10, л.55-55об.]. Сводный отчет по всей продовольственной операции в Тамбовской губернии в 3-х томах был издан в 1892 г. и подписан всеми членами управы, но автором его был Романов. На итоговом земском собрании в декабре 1892 г., где присутствовал и В. И. Вернадский, статистик был награжден за него премией в 500 рублей.

Вопрос о продолжении статистических исследований в губернии также был решен положительно, управа предложила в 1893 г. возобновить изучение частных хозяйств. Последним XIX томом Романова с текстом описания частного хозяйства стал том, содержащий статистические данные обширного Тамбовского уезда. В ноябре 1893 г. он писал Фортунатову, что «больше всего налегает на составление текста по XIX тому. Великое количество часов всегда требует эта работа, а дает в результате очень немногое. Но Вы знаете уже, что я считаю своим долгом вести ее упорно, пока сижу в своей должности, иначе как же быть с собираемым по губернии статистическим материалом?» [10, л. 91-91 об.].

8 июня 1893 г. были Высочайше утверждены Правила об оценке недвижимых имуществ для обложения земским сбором, в соответствии с которыми все оценочные работы в губернии должны были проводиться оценочными комиссиями уездными и губернскими, расходы на них относились к числу обязательных земских расходов. Согласно Правилам была разработана и опубликована 7 июня 1894 г. Инструкция об оценке недвижимых имуществ, подлежащих обложению земскими сборами.

Многие земские статистики отнеслись к новому закону крайне негативно, опасаясь, что правительственный надзор за оценкой имущества окончательно погубит земскую статистику. Романов же был совершенно противоположного мнения, ибо он считал, что дела земства с новым Положением (1890 г.) обстоят хуже прежнего, в нем «больше прозябания, чем жизни», а ограничений вдоволь, и люди из земства бегут. Непрочные и далеко не новые земские бюро, по его мнению, должны быть учреждениями, подчиненными вновь созданному министерству земледелия. Еще в 1891 г. он писал Фортунатову, что это должны быть «бюро подобные нынешним земским и не дороже их, но с самостоятельной дирекцией (по выполнению

дела) и официальным положением служащих, с гарантией прочности существования. Можно даже отнести содержание этих бюро на земские сборы, включить в число обязательных земских расходов земства, они будут вести всю нынешнюю специальную земскую статистику» [10, л. 54-54 об.]. Новый закон об оценке в какой-то степени способствовал реализации этих мыслей. К тому же, оценкой земель и имущества он занимался с момента прихода в статистику. В соответствии с Инструкцией в состав оценочных комиссий, кроме чиновников коронной администрации, могут входить два члена по выбору от земских собраний, все их делопроизводство должно было вестись земством, ранее проведенные работы также могли быть использованы при определении ценности и доходности имущества, поэтому очень быстро оценочные работы во многих губерниях стали проводить те же земские статистические или вновь названные оценочно-статистические бюро, сочетая их с другими экономическими исследованиями. Романовым были составлены 11 сборников по оценке земель уездов по закону 8 июня 1893 г. и итоговый доклад по губернии, а также отредактированы два сборника по оценке городских недвижимых имуществ 13 городов губернии и составлено два сборника по доходности жилых домов и торгово-промышленных помещений всех городов. Последний сборник вышел в 1907 г.

За свою продолжительную деятельность на ниве отечественной статистики (25 лет) в 1900 г. Романов был удостоен большой золотой медали Императорского Вольного экономического общества. Он являлся действительным членом статистического отделения Московского юридического общества и подсекции статистики нескольких съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Труды Романова были востребованы, как для практической деятельности земства и не только для оценки имущества, составления смет и раскладок, но и для реорганизации страхового дела в губернии [16], ведения ее дорожного хозяйства [12; 13], так и для научных исследований отечественных авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов [1, с. 362-363, 366-367, 374-376; 3; 5, с.63-64; 7, с.20; 8; 9; 19, с.4-47].

Старость свою статистик мечтал провести в одном из южных городов. В начале 1910-х гг. он оставил службу в Тамбове и переехал в Севастополь, где жил уединенно, а его занятиями были чтение газет и переводы с немецкого. Один из них под редакцией Фортунатова был издан в 1913 г. [2]. Несколько раз летом он ездил в Тамбов и следил за земскими делами по газетам. В последнем письме от 28 февраля 1914 г. он сообщал Фортунатову, что «в губернском земском собрании из хорошо знакомых ему стариков, с которыми имел дело по службе, остался только князь Чолокаев (ему не менее 83 лет). А вообще тамбовцев я теперь гораздо больше знаю, чем вятчан. Вятка уже совсем мне стала чужая. Вот что значит долго жить на свете» [10, л. 101 об.]. К сожалению, точная дата смерти статистика неизвестна, но в своей речи на Всероссийском статистическом съезде

3 ноября 1922 г. Фортунатов говорил, что до него из Крыма дошли сведения о кончине Романова [18, с. 6].

Список литературы и источников

1. В. В. (В. П. Воронцов) Статистико-экономические труды земства // Вестник Европы. Внутреннее обозрение. 1885. №7. С. 353-389.
2. Гольц Т. А. Сельскохозяйственная таксация. Перевод с 3-го нем. издания Н. Н. Романова, зав. зем. статистикой в Тамбове / Под ред. проф. А. Ф. Фортунатова. Москва, 1913. VIII, 703 с.
3. Григорьев В. Н. Земско-статистические исследования по Тамбовской губернии // Русская мысль. 1884. №9. С. 61-82.
4. Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 1. Москва: ЦСУ, 1926. – [2], 338 с.
5. Григорьев В. Н. Программа для исследования переселенческого движения на местах выхода переселенцев // Русская мысль. 1884. №6. С. 62-76.
6. Двухжилова И. В. Председатели Тамбовской губернской земской управы (1866-1892 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. №2. С.28-30.
7. Есиков С. А., Канищев В. В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 16-24.
8. Есиков С. А. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861-1905 гг.): историко-правовое исследование. Санкт-Петербург, 2008. 189 с.
9. Иванюков И. И. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии (по данным земской статистики) // Русская мысль. 1887. №2. С.1-21. 2 паг.
10. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 377. Карт. 4. Д. 57.
11. ОР РГБ. Ф. 377. Карт. 2. Д. 65.
12. Романов Н. Н. Раскладка по уездам губернских дорожных капиталов, образованных на основании закона 1 июня 1895 года // Сборник правоведения и общественных знаний. 1897. №7. С. 233-245.
13. Романов Н. Грунтовые дороги Тамбовской губернии и их современное значение. Тамбов, 1897. XV, 296 с.
14. Савинова Т. А. Вятское земство и исследования статистика Н. Н. Романова // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 4. С. 118-130.
15. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Бороглебский уезд / Составители В. И. Орлов, К. А. Вернер, И. П. Боголепов и С. П. Небезин. Тамбов, 1880. IV, 482 с.

16. Сборник статистических сведений по Тамбовской губ. Т. XIII. Сельские пожары и взаимное земское страхование от огня / Составил Н. Романов. Тамбов, 1886. III, 830 с.

17. Сборник статистических сведений по Тамбовской губ. Т. XIV. Краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве во всей губернии / Составил Н. Романов. Тамбов, 1890. XI, 305 с.

18. Фортунатов А. Ф. К некрологии русских статистиков за 1919–1922 годы // Вестник статистики. 1922. №9-12. С. 5-12.

19. Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861-1917 гг. Тамбов, 1928. 101 с.

УДК 908 (470.326)

Ю. А. Белова, аспирант кафедры «История и философия»,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В настоящем исследовании поставлена цель выявить значение влияния благотворительных организаций на формирование социально-медицинских условий в Тамбовской губернии во второй половине XIX века. В статье представлен анализ отчетов благотворительных обществ, которые демонстрируют направления работы организаций, способы их финансирования, результаты деятельности, что позволяет проследить общую заинтересованность провинции в повышении уровня социальной защищенности граждан.

Ключевые слова: благотворительные организации, социально-медицинские условия, население провинции, уровень жизни.

Yu. A. Belova, graduate student, Department of History and Philosophy,
Tambov State Technical University
(Tambov)

THE ROLE OF CHARITABLE ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF SOCIO-MEDICAL CONDITIONS FOR UNPRO- TECTED CATEGORIES OF THE POPULATION IN THE TAMBOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. This study aims to identify the significance of the influence of charitable organizations on the formation of socio-medical conditions in the Tambov province in the second half of the 19th century. The article presents an analysis of the reports of charitable societies, which demonstrate the areas of

work of organizations, methods of financing them, and results of activities, which allows us to trace the general interest of the province in increasing the level of social security of citizens.

Keywords: charitable organizations, socio-medical conditions, provincial population, standard of living.

Социальные условия жизни населения провинциальных губерний Российской империи являются важным показателем для изучения общественной жизни, уровня благополучия населения. Социальное обеспечение включает в себя разнообразный перечень мероприятий, направленных в первую очередь на создание достойных условий жизни граждан. Понятие «общественное здравие», как один из наиболее определяющих факторов качества жизни населения, демонстрирует уровень социально-медицинской защищенности отдельных регионов, страны в целом.

Новый виток развития в данном направлении приходится на вторую половину XIX века, так как благодаря либеральным реформам Александра II 1860-ых годов, произошли значительные изменения в формировании и функционировании институтов социальной помощи на местах. Примером могут служить общества благотворительности (богадельни, богоугодные заведения, дома трудолюбия и т. п.). Лингвист С. И. Ожегов под богоугодными заведениями понимает специальные учреждения для бедняков: больницы, приюты, богадельни [5]. Полагаем, что это определения соответствует части объектов, поименованных в Строительном законодательстве Российской империи «общественными строениями», о правовой природе и составе которых ведутся дискуссии [7].

Интересно, что названные организации зачастую при богадельнях открывали лечебницы, что в свою очередь позволяло реализовывать ряд дополнительных мер по обеспечению жизни нуждающихся. Содержание медицинских учреждений в целом было частью деятельности органов местного самоуправления [4]. Существование и развитие организаций помощи гражданам отчасти определяли общий уровень жизни населения, так как налаженная работа благотворительных домов могла забрать на себя хоть и малую, но все же определенную степень ответственности за тех, кто в этом особо нуждался в силу жизненных обстоятельств. Актуальным представляется вопрос о влиянии данных организаций на показатели медицинского обеспечения граждан, а также о возможностях обществ в оказании этой помощи.

В процессе исследования необходимо выявить вклад благотворительных организаций в вопросы социально-медицинского обеспечения населения на примере Тамбовской губернии второй половины XIX века. Анализ

позволит осветить степень защищенности граждан провинциальной губернии, что в свою очередь является актуальным в настоящий момент времени, так как позволяет сформировать картину условий жизни населения, а также выявить факторы, оказывающие определяющее воздействие на перечисленные показатели.

Главными источниками исследования стали отчеты и рапорты о деятельности благотворительных организаций, которые направлялись полицмейстерами в Канцелярию Тамбовского губернатора [1, л. 8]. Отчеты канцелярии содержат подробную информацию, свидетельствующую об уровне социальной обеспеченности населения. Благодаря проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что работа по обеспечению качества жизни населения в Тамбовской губернии во второй половине XIX века велась в различных направлениях, однако, сталкивалась с рядом трудностей.

Значительное внимание в отчетах уделялось состоянию благотворительных обществ. В документах освещались вопросы, которые фиксировали состав попечителей, демографическую и социальную принадлежность нуждающихся, анализ доходов и расходов, особенности финансирования организации. Можно сделать вывод о том, что воспитанниками зачастую являлись дети-сироты, женщины, которые оказывались без места жительства, престарелые мужчины, а также нуждающиеся крестьяне. Специальные приюты также создавались и для больных людей. Подтверждением данного факта может служить рапорт Тамбовскому губернатору от Козловского полицмейстера. В рапорте зафиксирован отчет за 1897 год по содержанию Козловской Николаевской богадельни [3, л. 58-60]. В документе отмечено, что в больнице при данной организации располагался приют для больных с хроническими или неизлечимыми заболеваниями. Больница-приют была открыта 31 декабря 1895 года на основании указа Министерства внутренних дел от 12 июля 1895 года в доме специально для этого построенного на средства купцов: Мачехина Павла Михайловича и Гладышева Якова Алексеевича. Состав больных к 1 января 1897 года: 9 мужчин и 9 женщин, поступило в течение года 30 мужчин и 12 женщин, выбыло 8 мужчин и 4 женщины, умерло 17 мужчин и 8 женщин, а к 1 января 1898 г. состояло 14 мужчин и 9 женщин (Таблица 1).

Таблица 1. Отчет по содержанию Козловской Николаевской богадельни за 1897 год

	Было на начало года	Прибыло в течение года	Выбыло в течение года	Умерло в течение года
<i>мужчин</i>	9	30	8	17
<i>женщин</i>	9	12	4	8
ИТОГО	18	42	12	25

Таким образом, можно сделать вывод о том, что 20% мужчин и 19% женщин, состоявших на учете данной богадельни, выбыли в течение года по неизвестным причинам. В свою очередь 44% мужчин и 38% женщин умерли в самом учреждении. Показатели смертности в случае женщин превышают треть состава больных, а в случае мужчин практически близится к половине нуждающихся, которые находились на обеспечении.

Полагаем, что представленные данные в количественном отношении демонстрируют неэффективность работы медицинского учреждения на что, в свою очередь могли повлиять общее состояние медицины в регионе, уровень знаний медицинских работников, количество специальных лекарств и оборудования для лечения тех или иных заболеваний, санитария, а также уровень финансирования богадельни в целом, что может являться одним из показателей социальной незащищенности населения Тамбовской губернии. Вывод о низкой эффективности лечения в таких учреждениях подтверждается и общей статистикой смертности, приведенной в ряде исследований общероссийского характера, а также на региональном материале [6]. Количество прибывших в дом помощи за год свидетельствует о практической нужде в существовании такого рода организаций, а также о необходимости внимания со стороны государства на их эффективность в оказании помощи гражданам.

В большинстве своем дома помощи для перечисленных категорий граждан строились на средства местных жителей и самостоятельно формировали свои бюджеты для существования. В подтверждение этому можно привести сведения о перечне имущества, которое находилось в собственности больницы при богадельне: дом каменный одноэтажный с железной крышей, который был построен на деньги купцов, деревянный сарай и ледник (бревенчатый сруб с кровлей, служащий для хранения скоропортящихся продуктов в летнее время года), построенные по постановлению Совета от 30 августа 1896 года. Всего зафиксировано расходов 3660 руб.: продукты питания, дрова, медикаменты, жалованья, керосин, плата за ремонт и прочие расходы. В источнике представлен второй годичный отчет

общества: сумма пожертвования составила 100 рублей, 300 книг и журналов, капиталы обществ по балансу на 1 октября 1896 года всего 2726 руб. 18 коп, что являлось ниже предыдущих периодов. В докладе также выделяются пути поступления доходов – это членские взносы, пожертвования, проценты по ссудам и капиталов обществ, устроенный спектакль, который привнес 82 рубля 47 коп. чистой прибыли.

Таким образом, можно говорить о том, что благотворительное общество находило различные пути финансирования своей организации, однако, данных средств являлось недостаточно, что в значительной мере влияло и на качество социально-медицинского обеспечения, которое стремилась осуществить богадельня для нуждающихся.

Еще одним источником, который подтверждает заинтересованность благотворительных обществ в создании социально-медицинских условий для жизни своих воспитанников, является рапорт Моршанского полицмейстера Тамбовскому губернатору от ноября 1867 года [2, л. 3-34]. В рапорте содержится донесение, что проект на устройство в г. Моршанске лечебницы для проходящихся больными представлен обществом благотворителей: «когда будет утвержден протокол устава благотворительного общества, тогда оно может ходатайствовать особо на открытие лечебницы». Далее прилагается устав благотворительного общества. Цель общества доставление средств и улучшение нравственного и материального состояния бедных г. Моршанска. В качестве занятий общества представлены: доставление одежды, имущества; обеспечение воспитания детей; доставление медицинского пособия. Денежные взносы могут заменяться личным трудом медиков и учителей, а для усиления средств на содержание устраивать спектакли, концерты, собрания, литературные вечера, лотереи. Таким образом, можно сделать вывод о заинтересованности обществ в вопросах создания и развития социально-медицинских условий жизни граждан, которые не в силах самостоятельно осуществить данные мероприятия.

Анализ представленных источников выявил важные аспекты организации социальной жизни населения на местном уровне. Благотворительные общества, действующие в городах Тамбовской губернии, реализуя помощь нуждающимся категориям населения, демонстрируют свое понимание важности развития медицинского обеспечения в губернии, вопросы наличия лечебницы при домах-помощи, а также специальных организаций для больных хроническими или неизлечимыми заболеваниями, являлись частными в официальных обращениях к губернатору. Данный факт также свидетельствует о понимании важности работы над показателями

общественного здоровья, как определяющими во всестороннем развитии социальной сферы жизни общества. Ведение активной работы в направлениях социально-медицинского обеспечения во второй половине XIX века подтверждает и уровень осведомленности среди населения о необходимости работы в данном направлении, однако, в этом прослеживается и потребность в усилении государственной поддержки для налаживания механизмов более эффективной и качественной адресной помощи на местах. Таким образом, можно говорить о том, что одним из социальных явлений второй половине XIX века в Тамбовской губернии являлась работа специальных благотворительных обществ, которые были заинтересованы в развитии уровня и качества жизни нуждающихся групп граждан, и, несмотря на трудности финансирования все же имела свои плоды в рамках развития социально-медицинских условий региона.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1912.
2. ГАТО. Ф. 4. Оп.1. Д. 1915.
3. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4839.
4. Двухжилова И. В. Земство Тамбовской губернии: социальный состав и практическая деятельность (1865-1890 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4 изд. и доп. Москва: ИТИ Технологии, 2006. 938, [3] с.
6. Пирожкова И. Г., Красников В. В. Тамбов в Полном собрании законов Российской империи [Электронный ресурс]. Учебное пособие. Тамбов: Издательство ФГБОУ ВПО «ПГТУ», 2013. С. 111. <https://www.tstu.ru/book/elib1/exe/2013/pirojkov-1.exe>
7. Пирожкова И. Г. Урбанистика и строительное законодательство в истории Российской империи: монография. Москва: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 142 с.

П. С. Кабытов, д-р истор. наук, профессор,
Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева (Самара);

Е. П. Барина, д-р истор. наук, профессор,
Самарский национальный исследовательский университет
имени акад. С. П. Королева (Самара).

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ
«ГИГИЕНА ДЕТСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
И ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
(СЕРЕДИНА XVIII–НАЧАЛО XX ВВ.)»**

Аннотация: Состояние здоровья детей и подростков определяет основные тенденции развития демографической ситуации в стране и является показателем важнейших достижений власти и общества в социально-экономическом, научном и культурном плане. В рецензируемом сборнике документов и материалов содержится ценнейшая историческая информация о взглядах общественных деятелей и медицинского сообщества на профилактику болезней, о формах и методах врачебной практики, направленных на снижение заболеваемости, поддержание здоровья. Кроме того, представленные в этом издании материалы позволят осуществить реконструкцию повседневной жизни детей в дореволюционной России.

Ключевые слова: гигиена детства, Санкт-Петербургская губерния, сборник документов и материалов, медицина, девиации.

P. S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, Professor,
Samara National Research University
named after Acad. S. P. Korolev (Samara);

E. P. Barinova, Dr. of Historical Sciences, Professor,
Professor, Samara National Research University
named after Acad. S. P. Korolev (Samara)

**REVIEW FOR A COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS
"CHILD HIGIENA IN SAINT PETERSBURG
AND PETERSBURG GUBERNIA
(MID-18TH-BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)"**

Abstract: The state of health of children and adolescents determines the main trends in the development of the demographic situation in the country and is an indicator of the most important achievements of the authorities and society in socio-economic, scientific and cultural terms. The peer-reviewed collection of

documents and materials contains valuable historical information on the views of public figures and the medical community on disease prevention, on forms and methods of medical practice aimed at reducing morbidity and maintaining health. Besides, the materials presented in this edition will allow to reconstruct the daily life of children in pre-revolutionary Russia.

Keywords: hygiene of childhood, St. Petersburg province, collection of documents and materials, medicine, deviations.

Многообразие факторов, формирующих здоровье нации, преимущественно социальная обусловленность их определяют необходимость всестороннего, комплексного межведомственного подхода к коррекции и устранению основных факторов риска. Проблемы укрепления здоровья детей и молодежи на современном этапе развития Российской Федерации в силу своей сложности и динамичности еще далеки от разрешения. Эффективная работа по формированию здорового образа жизни российской нации предполагает разработку государственной программы, объединяющей усилия власти и общества по резкому снижению заболеваний и смертности детей.

В 2023 г. учеными Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина был опубликован сборник документов и материалов «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.)». Его составителями стали молодые исследователи, активно разрабатывающие эту проблему [3; 5–9], под руководством ответственного редактора сборника, д.и.н., профессора В. А. Веремко [1; 2]. Научная значимость опубликованных материалов состоит в том, что современные практикующие врачи и граждане России получили реальную возможность не только познакомиться с процессом становления и развития гигиенических знаний в дореволюционной России, но и использовать лучшие практики в этой области в своей врачебной деятельности. Проект был осуществлен при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 22-18-00421. Сборник включает 12 глав и содержит законодательные, делопроизводственные документы, данные статистики, материалы периодической печати, публицистику и эго-источники. В совокупности этот комплекс документальных источников содержит историческую информацию как об эволюции взглядов представителей научного сообщества на гигиену, так и на попытки распространения и внедрения в повседневную жизнь российского населения научных знаний, способствующих поддержанию здорового образа жизни. В «Предисловии», автором которого является О. А. Семенова раскрывается содержание понятия «гигиена», определяются хронологические рамки и объект исследования, в качестве которого

были взяты дети и подростки до 16 лет. Подобный выбор позволил составителям сборника комплексно представить различные сферы «гигиены детства»: личную гигиену, условия жизни детей дома и в учебно-воспитательных заведениях. Приведены материалы, в которых даны рекомендации о предупреждении болезней и девиаций, а также документы, характеризующие в целом детскую повседневность. В «Предисловии» говорится о структуре сборника, о классификации документов и материалов, которые позволяют проследить распространение медицинских знаний о гигиене, а также о том, как они внедрялись в жизнь различных слоев населения Российской империи [4, с. 5–19]. Одновременно читатель имеет реальную возможность оценить гигиенические условия окружающей детей среды, и представить их повседневные практики.

Как известно, ранее вопросы гигиены детства были представлены в народной предупредительной медицине и находили свое практическое применение не только в семье, но и в учебных заведениях. Начиная со второй половины XVIII в. идеи профилактической медицины, и, в частности, гигиены детей получают свое развитие в работах отечественных педиатров, так как они не только лечили детей, но и давали советы по уходу и воспитанию ребенка. В первую главу включены документы, в которых содержатся взгляды представителей российской науки на причины детской смертности. Отнюдь не случайно составители начинают публикацию документальных материалов с отрывка из работы выдающегося российского ученого М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа». Здесь же публикуются отрывки из произведений российских и зарубежных врачей последней трети XVIII–начала XX вв.: К. И. Грума, Н. М. Амбодика-Максимовича, С. Г. Зыбелина К. В. Гуфеланда, Н. П. Гундобина в которых были даны рекомендации для матерей по уходу за детьми [4, с. 26–38]. Ученые и общественные деятели отмечали необходимость борьбы с предрассудками населения, его невежеством в вопросах лечения детей, предлагали рекомендации по уходу за младенцами. Трансфер научных знаний в области гигиены детей протекал в условиях развития капиталистического производства, роста городов, трансформации традиционного образа жизни населения. Во второй половине XIX в. в пропаганду научных знаний в области гигиены включилась российская пресса. В газетах стали появляться публицистические статьи о гигиене. В статье санитарного врача М. И. Покровской акцентировалось внимание на значении школьной гигиены. Она призывала обратить внимание на детей, нуждающихся в социальной помощи, находящихся в воспитательных и сиротских домах [4, с. 39–41].

Во вторую главу вошли документы, посвященные личной гигиене – тела, питания и одежды. В ней находим рекомендации по содержанию в чистоте волос, глаз, ушей, зубов, ногтей ребенка, приему водных процедур для грудных детей, а также советы матерям по их питанию. Здесь же публикуются воспоминания о прикорме детей, режиме их питания, позволяющие оценить степень внимания населения к советам врачей. Документы, характеризующие гигиену одежды, включают визуальный ряд, позволяющий представить внешний вид детской одежды, белья и обуви. Впечатляет информация, которая приводится в рекомендациях и советах по выбору и использованию одежды и обуви.

Третья глава «Домашняя гигиена» содержит материалы о влиянии жилищных условий на сохранение здоровья детей. Приведены статистические данные, позволяющие реконструировать условия жизни детей и подростков в Петербурге в конце XIX в. Публицисты отмечали неудовлетворительное состояние детских комнат, скученность, необходимость дезинсекции. Транслируются и другие проблемы, негативно влияющие на детское здоровье. Значительный интерес представляют отрывки из воспоминаний, в которых есть сведения о режиме дня ребёнка, бытовых условий представителей различных слоев населения – от дворян до чернорабочих. Эго-источники дают яркую картину жилищных условий семьи рабочего в малопригодных для детей условиях, быте деревенских детей, а также содержат сведения о досуге детей различных социальных групп.

Новые материалы приведены в четвертой главе, которые характеризуют гигиенические условия детей раннего и дошкольного возраста в специально созданных для них заведениях – воспитательных домах, яслях и детских садах. Речь идет о документах Санкт-Петербургского Воспитательного дома. В сборнике опубликованы отрывки из журнала заседаний Опекунского совета, докладные записки, распоряжения, пищевые ведомости, данные нормирования одежды [4, с. 119–129]. Этот комплекс документов весьма важен при реконструкции особенностей содержания детей раннего возраста в этом учреждении. Городское учреждение «Капля молока» было предназначено для оказания помощи кормящим матерям из бедных рабочих кварталов Санкт-Петербурга. Его деятельность отражена в докладах, правилах молочной кухни и рецептах, предлагавшимися для кормления детей. Отметим, что эта организация также включилась в пропаганду научных знаний. Так врач А. Попова проводила беседы–консультации с матерями грудных детей по специально составленной программе [4, с. 135].

На рубеже XIX-XX вв. стала формироваться система общественного дошкольного воспитания. Городские и частные ясли, детские сады предназначались для различных групп населения. Но базовые гигиенические основы содержания в них детей были типичными. В сборнике присутствует каталог инвентаря летних сельских приютов-яслей, в котором представлен обширный список предметов, необходимый не только для содержания детей, но и для оказания им медицинской помощи и питания. Значительный интерес имеют документы, в которых зафиксирован контроль за распорядком дня малышей, а также строго контролируемые обязанности няни и надзирательницы.

Пятая глава посвящена гигиене в учебно-воспитательных учреждениях: школах и институтах. Развитие гигиенических знаний на рубеже XIX-XX вв. предусматривало внедрение системы их регулярного санитарного осмотра, который включал требования к зданию, гигиену преподавания и общего школьного режима, а также контроль за состоянием здоровья обучающихся. Эта система способствовала предупреждению заболеваний учащейся молодежи. Содержащиеся в этой главе документы включают нормативные требования к организации подобных учреждений, общие сведения об их санитарном состоянии, а также примеры, иллюстрирующие отдельные аспекты школьной гигиены. В них же находим историческую информацию об устройстве школьных зданий: их планировке, системе освещения, водоснабжения, канализации, вентиляции, поддержании чистоты в помещениях, мебели. Эти архивные документы, позволяют выявить и охарактеризовать различные по назначению школьные помещения: столовые, спальни, кухни, ванные. Здесь же опубликованы документы, в которых есть ценные сведения о режиме труда и отдыха учащихся. Речь идет о нормативных документах, таких как «Правила для учеников гимназий», воспоминания воспитанниц Смольного института благородных девиц и других учебно-воспитательных заведений, что позволяет сравнить распорядок дня и образ жизни учащихся детей различных социальных слоев. Особый интерес представляют данные о питании в учебно-воспитательных заведениях, о котором большинство обучающихся вспоминают как о скудном и невкусном. Интересно, что даже спустя много лет, воспитанницы Смольного института оценивали свое физическое состояние в те времена как «вечный холод и голод» [4, с. 185].

Отметим, что объем сохранившихся документов, позволяющих охарактеризовать разнообразие практик гигиенической жизни учащихся в различных учебно-воспитательных заведениях Санкт-Петербурга и губернии

настолько велик, что в данном издании приведены лишь отдельные, наиболее яркие примеры, иллюстрирующие их санитарное состояние, а также состояние лазаретов при них и меры, направленные на предупреждение различных заболеваний. Более подробно аспекты данной проблемы отражены в публикациях членов авторского коллектива – С. В. Зайцевой, О. А. Семеновой, И. В. Синовой [6–8].

В главу «Гигиена в медицинских учреждениях» включены документы, раскрывающие состояние детских больниц, а также способы борьбы с эпидемиями. Отметим, что эпидемиологическая обстановка в Санкт-Петербурге и губернии была неблагополучной, единых нормативно-правовых норм, регулирующих соблюдение санитарную обстановку, не существовало, что приводило к распространению заболеваний (холеры, оспы, скарлатины и др.) и высокой детской смертности. Документы свидетельствуют о том, что особое внимание уделялось вакцинации против оспы, бешенства, сифилиса. Вместе с тем нередко вместо медицинской помощи во время эпидемий и заболеваний применялись нестандартные народные и медицинские практики лечения детских болезней. Во второй трети XIX в. было создано несколько детских санаториев и дач для летнего отдыха. Документы подтверждают их социальную значимость: организация подобного вида отдыха для детей имела положительный эффект и способствовала их оздоровлению [4, с. 255-263].

В седьмую и девятую главы вошли документальные материалы о гигиене поведения ребенка в различных публичных местах – общественных столовых, банях, туалетах, детских площадках, а также в производственной сфере: ремесленных мастерских и на промышленных предприятиях. Составители сборника отмечают, что документов, свидетельствующих о соблюдении детьми правил гигиены в публичных местах, сохранилось не так много, что требует дальнейших изысканий в этой области.

Отдельная глава посвящена физическому воспитанию детей. В публикуемых документах представлены рекомендации по езде на велосипеде и организации детских подвижных игр. Однако наиболее популярным было проведение гимнастических занятий, о чем свидетельствуют программы, системы упражнений, справки о физическом воспитании и другие документы [4, с.292–309].

Позитивно оцениваем материалы, представленные в главе «Национально-конфессиональные особенности гигиены детства», которые, с одной стороны, несомненно, свидетельствуют о том, что традиции воспитания и ухода за детьми прямо зависели от народных обычаев и традиций

представителей многонационального региона. С другой стороны, так как Санкт–Петербург был столичным городом, эти различия проявлялись крайне редко.

Не обойдены вниманием составителей сборника документы, свидетельствующие о степени распространения отдельных девиаций (пьянство, проституция, преступность) среди детей и подростков. Завершает книгу глава, в которой приведены сведения о формах и методах распространения гигиенических знаний: устройстве выставок, разработке учебных курсов и преподавании гигиены в учебных заведениях.

Отметим также и то, что составители сборника опубликовали перечень использованных архивных фондов, опубликованных документов. В сборнике представлена и визуальная история: иллюстрации и фотографии существенно расширяют и дополняют представленный в этом издании нарративные источники. Завершает эту документальную публикацию библиографический список.

Несомненно, рецензируемый сборник документов и материалов является важным событием, поскольку позволит исследователям обратить внимание на сюжеты, связанные с историей развития медицины в целом и внедрения в повседневную жизнь населения гигиенических сведений. Научная значимость данного издания состоит также и в том, что его материалы придадут новый импульс изучению истории детства и повседневной истории.

Список литературы и источников

1. Веременко В. А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX–начале XX вв. // История повседневности. 2022. №3 (23). С.82–102.
2. Веременко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2022. №7-2. С.18-30.
3. Волгина Т. В. Детская гомеопатия в XIX в. в Российской империи – наука или заблуждение // Страна–наука–люди: к 300-летию Российской академии наук: материалы всероссийской научной конференции / отв. ред. В. А. Веременко. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С.90–95.
4. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX вв. / отв. ред. В. А. Веременко. Санкт-Петербург: Пропаганда, 2023. 432 с.
5. Жукова А. Е. Натуральная оспа в российской деревне на рубеже XIX–XX вв.: заботы матери по воспоминаниям Марии Скудре // Прошлое,

память, нарратив: гендерное измерение повседневности: материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Ч.2. Москва: ИЭА РАН, 2022. С. 196–199.

6. Зайцева С. В. Международные съезды по охране и попечению грудных детей в конце XIX–начале XXвв. // Клио. 2020. № 3(159). С. 36–42.

7. Семенова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XXв. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. №4(12). С. 72–81.

8. Синова И. В. «Все мы родом из детства далекого вышли...» (детская повседневность в женских мемуарах второй половины XIX – начале XX в. // История повседневности. 2021. №2(18). С.46–57.

9. Степанов С. В. История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царкосельская санатория для детей // История повседневности. 2022. №2(22). С.34–42.

А. Р. Конищев, научный сотрудник,
ОКУ «Государственный архив Курской области»
(Курск)

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕЛЕ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа фактического материала в рамках микроисторического подхода, рассматриваются культурно-просветительские преобразования советской власти в сельской местности, на примере с. Фентисово Щигровского уезда Курской губернии. В условиях отсутствия эго-материалов, доступная источниковая база не позволяет провести классическое микроисторическое исследование, в котором акцент ставится на индивидуальных особенностях жизни селян, что могло бы выявить их отношение к проводимой государственной политике. Тем не менее, используемые документы дают возможность реконструировать ход и особенности просветительской политики в конкретном населенном пункте, характеризующейся сложностью проведения ликбеза на первых его этапах, что связано с явным информационным отрывом губернских властей от положения дел на местах, а также с хозяйственно-практической ориентацией проводимых мероприятий. Кроме того, несмотря на многие недостатки, проводимые мероприятия в целом положительным образом сказались на культурном облике села.

Ключевые слова: микроистория, микроисторический подход; культурно-просветительская политика; ликвидация безграмотности; документы Волостного исполнительного комитета; село Фентисово; Щигровский уезд; Курска губерния.

A. R. Konishchev, researcher,
Public educational institution "State Archives of the Kursk Region"
(Kursk)

**RURAL EDUCATION POLICY
IN THE EARLY YEARS OF SOVIET AUTHORITY
IN THE CONTEXT OF A MICROHISTORICAL APPROACH**

Abstract. This article, based on an analysis of factual material within the framework of a microhistorical approach, examines the cultural and educational transformations of Soviet power in rural areas, using the example of the village. Fentisovo, Shchigrovsky district, Kursk province. In the absence of ego-materials, the available source base does not allow for a classic microhistorical study, in which the emphasis is placed on the individual characteristics of the lives of villagers, which could reveal their attitude to the ongoing government policy.

However, the documents used make it possible to reconstruct the course and features of educational policy in a particular locality, characterized by the complexity of conducting educational programs in its first stages, which is associated with the obvious information gap of the provincial authorities from the state of affairs on the ground, as well as with the economic and practical orientation of the conducted events. In addition, despite many shortcomings, the events carried out generally had a positive impact on the cultural appearance of the village.

Keywords: microhistory, microhistorical approach; cultural and educational policy; eradication of illiteracy; documents of the Volost Executive Committee; the village of Fentisovo; Shchigrovsky district; Kursk province.

Изучение различных аспектов жизни российского крестьянства всегда вызывало достаточный интерес у отечественных исследователей [1]. Сегодня в свете негативных процессов, связанных с закономерным разрушением поселенческой структуры и фактическим вымиранием российской деревни это также представляется достаточно актуальным. В настоящей работе мы используем микроисторический подход, являющийся относительно новым направлением в отечественной исторической науке и ориентированный, по выражению Дж. Леви, на изучение исторических событий в подробностях [19, с. 196]. В связи с этим считаем необходимым кратко охарактеризовать историографию данного направления.

Микроистория появляется в связи с превалированием макроисторического подхода в науке, сформированного трудами: К. Маркса [18], Ф. Энгельса [25], В. И. Ленина [17], А. Дж. Тойнби [22], О. Шпенглера [24]. Кроме того, существенную роль в укоренении данного подхода сыграли первые два поколения школы Анналов, провозгласившие курс на «тотальную историю», то есть на междисциплинарные исследования с целью создания глобальной истории. Однако именно у Э. Ле Руа Ладюри, представителя третьего поколения школы «Анналов», появляется работа – «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» [16], которая сейчас считается классической для микроистории. В ней автор, пытаясь понять картину мира средневекового человека прибегает к всестороннему рассмотрению как индивидуальных особенностей жителей деревни, так и внешних факторов: географии, экономики, верованиям, демографии. Однако именно «отцами» микроистории принято считать К. Гинзбурга, Дж. Леви и К. Пони. Наиболее известна работа «Сыр и черви» К. Гинзбурга, где историк на основе материалов инквизиционного процесса реконструировал жизнь и философские воззрения мельника Меноккио [11].

В отечественной науке период наибольшей популярности микроистории приходится на 1980-е – 1990-е гг. В 1996 г. начинает выходить альманах «Казус», в котором были собраны самые разные работы, касающиеся данного направления. М. А. Бойцов указал, что «казус» – это неожиданные или же ординарные случаи в истории, формирующие культурную уникальность времени [3]. Историография микроистории не ограничивается вышеперечисленными исследованиями, однако именно они оставили весомый след в оформлении указанного подхода. Тем не менее отметим, что микроистория так и не сформировала целостной методологической модели, и на сегодняшний день является достаточно разноплановым направлением [21, с. 308], в связи с чем ее стоит рассматривать скорее, как один из методов исторического познания.

Обозначим, что специфика источниковой базы настоящего исследования – материалы делопроизводства, и отсутствие источников личного происхождения, создают проблему реконструкции мыслей и культуры индивидов. В связи с чем большее внимание обращается на объективные факторы существования исследуемого объекта, поэтому считаем важным кратко охарактеризовать основные работы, связанные с культурно-просветительской политикой советской власти в 1920-е гг. Первые труды представлены статьями и выступлениями партийно-политических работников разного уровня [13, с. 4]. В 1930-х – 1950-х гг. активного изучения проблемы не велось, а во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. авторы в основном были сосредоточены на успехе культурного строительства [20, с. 5-6]. Только в середине 1980-х гг. появляются попытки критического осмысления просветительской политики советского государства на раннем этапе его жизни в работах В. А. Козлова, И. А. Головань, П. С. Кабытова, В. А. Козлова, Б. Г. Литвака [12; 14, с. 513–523]. В последние годы появилось большое количество исследований, затрагивающих проблемы крестьянской ментальности и построенных на анализе документальных свидетельств современников [20, с. 7].

Село Фентисово относилось к Щигровскому уезду Курской губернии и состояло из двух сельских обществ. Суммарное количество взрослого населения обоего пола на 1921 г. – 1 483 человека [6, л. 3]. Учитывая ограниченный формат исследования, а также доступную документальную базу, хронологический период был определен 1920–1922 гг. Основными источниками для нас служат материалы отдела народного образования Николаевского волостного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Как известно, главным аспектом культурно-просветительской работы советского государства в этот период стала реализация мероприятий по ликвидации безграмотности (ликбез). Однако на первых порах ликбез в волости проходил с явными торможениями из-за сложившейся военно-экономической нестабильности. Об этом свидетельствует переписка с уездным отделом народного образования (далее – уездОНО), который в январе 1920 г. просит «заставить» волостной отдел народного образования (далее – волОНО) немедленно приступить к ликбезу [5, л. 1]. Затем в том же месяце требует от Ревкома обратить внимание на дело народного просвещения, так как о ходе работы «не поступает никаких сведений» [5, л. 17]. Кроме того, в этом же документе обозначалась проблема, которая затем будет с трудом решаться местными органами управления – плохая материально-техническая оснащённость школ.

Для успешного проведения ликбеза были назначены ответственные исполнители – волинструкторы, из сообщений которому узнаем, что ситуация не изменилась, и в 1922 г. Губернский отдел народного образования «сыпался критикой», так как из поступавших докладов стало известно, что «дело идет плохо», ликбез-пункты не организовывались, и мер по разрешению ситуации не предпринималось [4, л. 6]. Тем не менее, волости давалась отсрочка, учитывавшая хозяйственные особенности сельской жизни: до осени из-за полевых работ занятия отменялись, однако рекомендовалось проводить работу в рамках организации воскресных школ и выпуска газеты [4, л. 6].

Скорее всего, рассматриваемые проблемы были связаны с явным информационным отрывом губернских властей от положения дел на местах, и требовавших безоговорочного исполнения директивных постановлений вышестоящих органов (СНК и ВЧК л/б). Кроме того, известно, что все хозяйственные расходы: отопление, освещение, ремонт – должно были обслуживаться из местного бюджета [4, л. 1], что также ложилось тяжким бременем на местных управленцев. В связи с этим многие из них то ли по халатности, то ли из-за общей загруженности уделяли просветительской работе недостаточное внимание: прямо отмечалось, что заведующие волОНО часто отвлекаются на другого рода работы в связи с чем «страдало ударное дело ликбеза» [7, л. 16].

Помимо волостных инструкторов назначался сельский уполномоченный. Такому лицу, ответственному за с. Фентисово [8, л. 9], вверялась совместная работа с преподавателями ликбеза по составлению именных списков неграмотного населения; отдельные списки составлялись по лицам,

подлежащим мобилизации. Минимум три раза в неделю перед началом каждого занятия, он должен был проводить проверку явки и предоставлять списки всех уклонившихся от занятий. Такие люди тут же причислялись к дезертирам. Уполномоченный входил в состав школьного совета и вместе с ним составлял расписание занятий. Кроме того, на него ложился мониторинг материального состояния школы, в том числе чистоты. Важным уточнением было то, что он не имел права вмешиваться в дело ведения занятий. Таким образом, уполномоченный становился проводником и координатором ликбеза на селе.

Что касается школьного образования, то в Фентисово в 1921 г. числилось 175 учеников обоего пола [10, л. 17], а в мае этого же года Курский губернский комитет выдал обязательное постановления к сведению всего населения [7, л. 8], в котором объявлялось, что в связи с проведением ликбеза и положением о всеобщем образовании, учебный 1920/21 год продолжится до 15 июля, а посещение школ является строго обязательным. За неаккуратное посещение на родителей накладывался штраф в размере до 5 тысяч рублей (так указано в источнике), или же они могли быть подвергнуты аресту сроком до семи суток. Наблюдение за исполнением осуществлял волисполком.

Подобные жесточайшие санкции как в рамках губернии, так и в волости вполне закономерны. В другом нашем исследовании, мы выясняли, что по результатам сельскохозяйственной переписи 1911 г. больше половины населения исследуемого населенного пункта были безграмотной [15]. Тем не менее отношение к подрастающему поколению оставалось весьма внимательным, в связи с этим интересен случай, связанный с ликвидацией вспышки кори. Власти учитывали низкий уровень санитарной и медицинской грамотности населения, поэтому попытались максимально доступно донести алгоритм действий, необходимых для поддержания безопасности жителей и учеников. Указывалось, что посещение школы в течение трех недель после болезни запрещается, также запрещалось посещение больных. Кроме того, жителям необходимо было отказаться от питья сырой воды и обрабатывать всю посуду кипятком [7, л. 4].

Уровень санитарной грамотности населения, действительно оставлял желать лучшего, так как еще в 1920 г. Уездная чрезвычайная комиссия в рамках «Недели крестьянина» организовывала обширную санитарно-просветительскую работу путем устройства лекций, чтений и бесед с привлечением медперсонала, и учителей волости [5, л. 19].

Возвращаясь к школьному образованию, отметим, что оно, как известно, становилось полностью светским, кроме того, на волость было дано распоряжение, согласно которому лица, не достигшие 18-летнего возраста, не могли быть допущены в заведения, где преподавались бы религиозные вероучения [7, л. 19]. Также интерес представляет практика использования учеников в агитационной работе. Например, в рамках празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, уездный ОНО оповещал школы о необходимости привлечения детей к организации праздника, которое должно было сопровождаться детскими манифестами, вечерами, состоявшими из их декламаций, а также «пений» [7, л. 21]. Надо сказать, что такого рода мероприятия вполне естественны для молодого государства с совершенно новым идеологическим фундаментом.

Важным фактором в культурном развитии села в изучаемый период стали избы-читальни. Согласно распоряжению уездполитпросвета, они должны были быть организованы во всех селах, и становились единственным просветительским центром, объединяя «культурные силы деревни» [7, л. 13]. В селах, где было до 5 тысяч жителей, создавались народные дома. Перечисленные заведения не были изобретениями советской власти, однако именно при ней они стали массовым явлением, ориентированным на ликбез и агитационную работу. Кроме того, в избе-читальне создавался информационный стол [9, л. 42 об.] с разъяснениями наиболее важных для жизни граждан вопросов:

1. сельского хозяйства и коллективной обработки земли;
2. агрономии: адрес показательных садов, адрес участкового агронома, адрес показательных полей, список популярных книг по агрономии;
3. материально-технического обеспечения: где можно достать с/х орудия, адрес прокатной станции, адрес профессионального училища и условия приема;
4. учета и распределения продуктов;
5. медицины и ветеринарии;
6. социального обеспечения: декреты и постановление по охране материнства и младенчества, обеспечение семей красноармейцев, адрес детдомов и др.;
7. административно-юридической помощи: адрес всех учреждений и ближайшего народного суда;
8. науки и искусства: каталог, адрес ближайших передвижных библиотек, адреса музеев, театров и время их функционирования;

9. партийно-советской жизни: адреса и состав ближайшей коммунистической ячейки, фамилии организаторов по работе в деревне и среди женщин, Конституция РСФСР и др.

Сохранился протокол собрания 2-го Фентисовского общества от 1921 г. [9, л. 28], на котором решался вопрос об «отводе избы читальни и назначении библиотекаря», избранного из собравшихся граждан. Порядок выдачи книг и пользование библиотек было изложено в постановлении Главполитпросвета от 1921 г. [9, л. 1], где для села устанавливались менее строгие правила нежели для города.

Так, в городе гражданину обязаны были выдать подписку, где указывался его точный адрес проживания, проверяемый библиотекарем по трудовой книжке или иным документам. Сельские жители освобождались от обязанностей брать подписку и должны были лишь записать свой адрес. В случае недобросовестного пользования или же невозврата книги в срок применялись санкции, так библиотекарь имел право обратиться в народный суд с обвинением в краже общенародного имущества. Недобросовестное обращения пользователя с литературой, по-видимому, было частым явлением: так в волостной отдел народного образования неоднократно поступали жалобы, что некоторые читатели приносят книги в непотребном виде, в связи с чем необходимо информировать о каждом таком случае и сообщать, какие меры были предприняты [9, л. 14].

Подобный особый контроль можно объяснить не только воспитательными мотивами и формированием культуры пользования библиотекой, но и ее достаточно высокой стоимостью печатных изданий. Известно, что Центропечать в 1921 г. отправила в Николаевскую волость 212 экземпляров библиотечной, политической, агитационной и другой литературы [9, л. 35]. Так, семь журналов стоили 450 рублей. Стоимость обычных книг несколько меньше: 66 штук стоили 643 рубля. Стоит сказать, что в основном направляемые произведения имели прикладную или агитационную направленность. Так, встречаются следующие названия [9, л. 45]: «Конституция свиней», «Хозяйство. Народная медицина и ветеринария», «Школьное воспитание пролетарских детей», «Террор буржуазии в Финляндии», «Что нужно сделать крестьянам, чтобы вывести хозяйство из разрушения» и т. п. Очевидно, что, несмотря на свой узконаправленный характер, такие произведения, как и вообще создание общедоступной библиотечной системы играли положительную роль в формировании культурного облика Фентисово. Таким образом, именно сложившиеся политико-экономические

условия и необходимость разрешения насущных хозяйственных проблем, определяли вектор проводимой культурно-просветительской политики.

В целом, стоит сказать, что культурное развитие села, как и его культурное пространство, жидилось на хозяйственных и политических потребностях молодого советского государства. Хотя ряд мероприятий на первых этапах в рамках ликбеза проходил с явным торможением, в последующем работа в данном направлении явно стабилизировалась, и все проведенные меры просто не могли отрицательно сказаться на культурном облике крестьянина. Стоит отметить, что специфика источников не дает нам представления об отношении селянина к проводимой политике, что помогло бы выяснить, входила ли крестьянская культура в конфронтацию с новой идеологической моделью в исследуемом населенном пункте. К сожалению, как отмечалось ранее, источников личного происхождения, которые могли бы содержать подобную информацию, не сохранилось. Подобная ситуация встречается и в других современных отечественных микроисторических исследованиях населенных пунктов [2; 23], что обусловлено отсутствием в архивах необходимых эго-материалов.

Список литературы и источников

1. Адамчик М. С. Российское село в исторической ретроспективе: традиции отечественной историографии и опыт реконструкции истории российского села в отечественной историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 3 (15). С. 70–80.
2. Адамчик М. С. Российское село во второй половине XVII – начале XX века в парадигме микроистории (на примере с. Унуевский Майдан): автореф. дис... канд. ист. наук. Саранск, 2012. 28 с.;
3. Бессмертный Ю. Л. Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. Москва: Российский гуманитарный университет (РГГУ), 1997. Вып. 1. С. 7–29.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 129.
5. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 50.
6. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 62.
7. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 77.
8. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 79.
9. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 80.
10. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1. Д. 82.
11. Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. Москва: РОССПЭН, 2000. 209 с.
12. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. Москва: Мысль. 1988. 237 с.

13. Канавина Н. А. Культурно-просветительные учреждения в годы НЭПа 1921–1927 гг. (по материалам Саратовской губернии): автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 4.

14. Козлов В. А., Головань И. А. Изменения в духовном облике народных масс итоги первого десятилетия // Великая Октябрьская социалистическая революция и становления советской культура 1917–1927 гг. Москва: Наука, 1985. С. 513–523.

15. Конищев А. Р. Жители села Фентисово Щигровского уезда Курской губернии: просопографический портрет по материалам сельскохозяйственной переписи 1911 г. // Люди и судьбы. XX век: материалы Всероссийской научной конференции. (Курск, 17 февраля, 2023 г.) / под ред. Э. А. Кудрявцева. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман». 2023. С. 35–42.

16. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2001. 541 с.

17. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Москва: Политиздат, 1977. 136 с.

18. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона. Москва: ЛИБРОКОМ, 2010. 158 с.

19. Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193–202.

20. Полянскова Л. Ю. Политика советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период НЭПа (на примере Самарской, Пензенской, Ульяновской губерний): автореф. дис... канд. ист. наук. Самара, 2009. 22 с.

21. Савельева И. М., Полетаев А. В. Микроистория и микроанализ // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев.; под ред. И. М. Савельевой. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2011. 702 с.

22. Тойнби А. Дж. Постижение истории: избранное / под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича. Москва: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.

23. Филев М. В. Повседневная жизнь переселенческого колхоза: опыт микроисторического исследования: автореф. дис... канд. ист. наук. Брянск, 2023. 31 с.

24. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на/Д.: Феникс, 1998. 637 с.

25. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва: Политиздат, 1989. 222 с.

А. А. Шитова, канд. истор. наук,
ЧПОУ «Северо-Кавказский финансово-энергетический техникум»,
ЧПОУ «Северо-Кавказский Многопрофильный Техникум»
(Ессентуки)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В СССР И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Статья, подготовленная на основе материалов и работ А. А. Слезина и его учеников, посвящена исследованию особенностей процессов формирования и развития комсомола в 1920-е и в 1950-1960-е годы. Автор анализирует негативные тенденции развития ВЛКСМ, связанные с влиянием на молодежную организацию партийно-государственного аппарата.

Ключевые слова: история, молодежь, комсомол, бюрократизация, негативные тенденции.

A. A. Shitova, Candidate of Historical Sciences,
North Caucasus Financial and Energy College,
North Caucasus Multidisciplinary Technical
School (Yessentuki)

THE FORMALIZATION OF YOUTH WORK IN THE USSR AND ITS CONSEQUENCES

Abstract: The article, prepared on the basis of materials and works by A. A. Slezin and his students, is devoted to the study of the peculiarities of the processes of formation and development of the Komsomol in the 1920s and in the 1950s and 1960s. The author analyzes the negative trends in the development of the Komsomol associated with the influence on the youth organization of the party-state apparatus.

Keywords: history, youth, Komsomol, bureaucratization, negative trends.

Процессы, происходящие в стране в настоящее время, изменения в духовной сфере отражают процессы формирования нового социального строя и новой культуры. Следует отметить, что новая культура и новый социальный строй будут во многом зависеть от того, поддержат ли поколения, идущие на смену нынешнему, сегодняшние новации, то есть от того, какую позицию займет молодежь. Очевидно, что обоснование методов и способов государственной политики в этой сфере актуально как никогда. Не менее

очевидно, что обращение к историческому опыту, позитивному или негативному, позволяет избежать ошибок, совершенных в прошлом.

Исследованиям именно в этой сфере, в сфере государственной молодежной политики, была посвящена научная деятельность А. А. Слезина.

Основные его работы затрагивают переломные эпохи в жизни нашего государства: это период формирования и первоначального развития комсомола и период относительной перестройки деятельности комсомола в послевоенное время, а точнее в 1950-ых гг.

В 1920-1930-ых гг. перед строящимся государством стояла проблема, как преобразовать социальную реальность и духовную культуру страны? Новая же система не могла возникнуть только из лозунгов и отрывочных представлений о «марксизме». Актуальной становилась потребность в формировании и распространении последовательной системы, причем такой, которая была бы доступна для человеческого материала данной эпохи.

Наиболее благодатной почвой и проводником основных социально-культурных преобразований стала молодежь. Именно поэтому с самого начала работа с молодежью была поставлена под плотный партийно-государственный контроль. Любые попытки вывести организованное молодежное движение из-под такого контроля или создать альтернативные движения пресекались [6, д. 1. л. 11, 14, 122; 7, д.3. л. 75, 86, 96, 97]. «Комсомол рассматривался... как орган, монопольно осуществляющий под руководством коммунистической партии молодёжную политику советского государства» [9, с. 68-71; 10, с. 75-78; 11, с. 249-255]. При этом лидеры советского государства рассматривали молодежь как субъект и объект политического контроля [8].

Активность молодежи широко использовалась для решения самых различных вопросов в 1920-1930-ых гг. Особое распространение получила «легкая кавалерия», данное движение советский историк В. К. Криворученко назвал «ярким примером включения всех групп молодежи, в том числе школьников, в политическую жизнь общества» [3]. По мнению В. К. Криворученко, «сфера деятельности отрядов и групп «легкой кавалерии» была широкой, неограниченной; главным в ней был политический и общественный контроль как в молодежной среде, так и в государстве [12, с. 7-8].

Однако, несмотря на то, что «лучшие отряды «легкой кавалерии» стали яркой формой организации инициативы и энергии молодежи, показали себя в качестве настойчивых и успешных воспитателей молодежи» [12, с. 191], «легкая кавалерия» не стала постоянно действующей структурой и после «возрождения» в середине 1930-х годов» [12, с. 193]. И причиной этого стала неготовность партийных и комсомольских чиновников

воспринимать это движение как инициативное и самостоятельное. Функционеры во власти видели в этом угрозу свое ведущей роли. В итоге, инициатива, направленная против бюрократии, стала бюрократической по содержанию, а «легкая кавалерия» приобрела черты огосударственной структуры [4, с. 156]. Доминирующей тенденцией в комсомольской работе становится организационный момент и принцип максимального количественного охвата [13] в сочетании с разрастанием бюрократических тенденций, которые в итоге захватили и молодежные структуры.

Аналогичные процессы наблюдались и в 1950-1960-ых гг. Начало оттепели, озаменованное критикой культа личности, который «способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, породил грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывания недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей» [5], в дальнейшем привело к тому, что «ругали мертвого, по существу вновь проявляя подхалимство и очковтирательство» [1, с. 73-79].

Энтузиастический подъем, связанный сначала с освоением целины, затем – с риторикой о построении коммунизма, был следствием мощного идеологического импульса, который был нацелен «главным образом на молодежь и открывал широкое поле для кампаний и проектов, призванных вписать молодых людей в зримую конструкцию нового коммунистического общества» [13, с. 282].

Масштабность задач вновь привела к господству количественного подхода к укреплению ВЛКСМ. Партийное ядро по-прежнему играло роль стабилизирующего элемента в комсомоле. Считалось: чем больше юношей и девушек будет состоять в комсомоле, тем весомее будет его вклад в коммунистическое строительство [2].

Рост союза рассматривался как средство воспитания молодежи. Отчасти это было верно, так как любой член ВЛКСМ получал социальные навыки, связанные с элементами самоуправления и с общественной деятельностью. В тоже время, казалось бы, реальные демократические начала, предполагаемые в комсомоле, оборачивались фикцией: решения принимались те, что уже были одобрены и приняты вышестоящими органами, а теперь были спущены вниз. Официозная атмосфера превращала деятельность по принятию решений в ритуал, что, естественно не способствовало энтузиазму, а напротив, вызывало у молодежи равнодушие к демократическим процедурам. «Комсомол все больше напоминал «двухэтажную» конструкцию, где

комсомольские работники и активисты играли роль штатных воспитателей, а остальные комсомольцы выполняли функции объекта воспитания» [2].

На этом фоне «моральная инженерия», сопутствовавшая всем официальным партийным документам, обращенным к молодежи, ослабляла своё воздействие и всё больше превращалась в морализаторство. А систематическое изучение партийных документов в средство пропаганды, которое зачастую не срабатывала.

Слабость воздействия объясняется тем, что методы и способы, практикуемые властью, практически не изменились. Понятно, что эффективность идеологической работы связана постоянством и регулярностью воздействия и контролем за таким воздействием. И в условиях неразвитых коммуникационных средств 1920-ых гг. все это могла обеспечить только массовая организация. И комсомол с необходимостью превратился в такую организацию в условиях общества с господствующей идеологией. Но не все средства, которые были эффективны в те годы, когда большая часть молодежи была малограмотна, могли работать в 1950-1960-ых гг.

В заключении приведем одно из высказываний А. А. Слезина, которое, как кажется, необходимо всегда помнить, работая с молодежью: «В советском обществе не был полностью реализован уникальный творческий потенциал молодого поколения. Исторический урок комсомольского движения «легкой кавалерии» состоит в том, что молодежные общественные объединения при правильной организации и самостоятельности могут быть полезными в решении злободневных проблем. Вместе с тем, успешно бороться с бюрократизмом и бесхозяйственностью могут лишь независимые общественные организации» [12, с. 192].

Список литературы и источников

1. Ванин В. А., Слезин А. А. Тенденция к романтизации в идейно-воспитательной работе комсомола в середине 1950-х годов // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1. С. 73-79. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=62075 (дата обращения: 27.03.2024).

2. Власова Т. А. Состав комсомольских организаций и стиль внутрисоюзной деятельности в 1960-е годы: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2018. 240 с.

3. Криворученко В. К. Политика как определяющий фактор в советской образовательной системе 1920-1930 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Krivoruchenko/> (дата обращения: 26.03.2024).

4. Криворученко В. К., Цветлюк Л. С. Молодежь. Комсомол. Общество: От Октябрьской революции до Отечественной войны. Москва: Ин-т непрерывного образования, 2012. 454 с.
5. О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.1-м. Оп.2.
7. РГАСПИ. Ф.1-м. Оп.3.
8. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 242 с.
9. Слезин А. А. Институализация комсомола как государственного органа: теоретическая основа // Политика и общество. 2008. № 4. С. 68-71.
10. Слезин А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. № 9. С. 75-78.
11. Слезин А. А. Этанатизация комсомола: этап второй // Вестник ТГТУ. 2009. Т. 15. №1. С. 249-255
12. Слезин А. А., Ипполитов В. А. «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-1930-х годов: монография. Москва: Триумф, 2022. 204 с.
13. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 282.
14. Шитова А. А. Комсомол в духовной сфере жизни советского общества 1921-1929 гг.: на материалах Северо-Кавказского края: дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2023. 205 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

УДК 94 (47) |18-19|

О. Л. Протасова, канд. истор. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов)

СИБИРЯК КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП (В ОЦЕНКЕ ИДЕОЛОГОВ ОБЛАСТНИЧЕСТВА И НЕОНАРОДНИЧЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.)

Аннотация. Рассматривается отношение к населению Сибири представителей сибирского областничества (автономистов) и неонароднических публицистов. Показано, что и те, и другие признавали фактическое появление особого этнокультурного типа – сибиряка, который сложился вследствие влияния местных естественных условий, а также многолетних контактов коренного населения Сибири и «пришлых» из европейской России – переселенцев, колонистов.

Ключевые слова: Сибирь, областничество, неонародничество, колония, метрополия, крестьянство

O. L. Protasova, candidate Hist.of Sciences, assistant professor
Tambov State Technical University
(Tambov)

SIBERIAN AS AN ETHNOCULTURAL TYPE (IN THE ASSESSMENT OF IDEOLOGISTS OF REGIONALISM AND NEO-POPULISM LATE XIX – BEGINNING XX CENTURIES)

Abstract. The attitude of representatives of Siberian regionalism (autonomists) and neo-populist publicists towards the population of Siberia is considered. It is shown that both of them recognized the actual emergence of a special ethnocultural type – the Siberian, which developed as a result of local natural conditions, as well as many years of contacts between the indigenous population of Siberia and “newcomers” from European Russia – settlers, colonists.

Keywords: Siberia, regionalism, neo-populism, colony, metropolis, peasantry

Во второй половине XIX в. среди народнически настроенной интеллигенции России стала последовательно набирать популярность сибирская тематика. Этому способствовало сразу несколько факторов.

Во-первых, процессы модернизации России настоятельно требовали освоения имеющихся в распоряжении государства необжитых территорий, разработки месторождений полезных ископаемых и драгоценных металлов, строительства промышленных объектов и налаживания системы коммуникаций. Сибирь была наиболее перспективной для хозяйственно-экономического развития страны территорией, нуждавшейся в людских ресурсах.

Во-вторых, ряд известных публицистов-народников, вернувшись из сибирской ссылки, спешил поделиться увиденным и пережитым с широкой общественностью. Это нашло выражение в произведениях художественного и мемуарного характера, охотно публикуемых редакциями журнальной периодики либо выходявших отдельными изданиями. Значительную известность получили такие авторы, как В. Г. Короленко, В. Г. Богораз-Тан, С. Н. Кривенко, А. И. Иванчин-Писарев, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович (Мельшин) и др.

В-третьих, после отмены крепостного права активизировался процесс переселенчества – перемещения сельского населения из многолюдных центральных губерний в малонаселённые окраинные районы, на свободные земли. Это движение, особенно массовое с 1880-х гг., было одним из видов миграции населения и основным средством внутренней колонизации. Адаптация переселенцев к местным условиям, включая налаживание взаимоотношений с сибирскими «аборигенами» (как инородцами, так и русского происхождения), была непростой и дискуссионной темой, также привлекавшей внимание заинтересованных.

Наконец, в-четвертых, наблюдался рост культурного уровня и гражданского самосознания сибирского населения, по крайней мере, заметной его части. Во второй половине XIX в. среди сибирской интеллигенции оформляется движение, которое вскоре получило название «сибирское областничество». Областники, также называемые автономистами, были возмущены пренебрежительным отношением метрополии к своей родной земле как к колонии, пригодной лишь для разграбления и каторжных работ. Зачинателями областного направления признаются историки и педагоги П. А. Словцов и А. П. Шапов, а наиболее видными идеологами стали ученые, публицисты и общественные деятели Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, А. В. Адрианов и др. Органическая идейная связь областников с умеренным (эволюционным)

народничеством прослеживалась в том, что и те, и другие долгое время отрицали существование в Сибири рыночных отношений и верили в возможность перехода к прогрессивному социальному строю с помощью общины, артельного производства, кооперации. Главным политическим требованием областников была федерализация России с введением широкой автономии для Сибири и предоставлением ее коренным народам национально-культурной автономии [7]. Одним из базовых пунктов областнической программы было требование развития образования и культуры. Еще в 1860-х гг. местной интеллигенцией был поднят вопрос о необходимости открытия в Сибири университета. Среди землячества обучавшихся в 1850–60-х гг. в столице студентов-сибиряков считалось само собой разумеющимся после окончания университетского курса вернуться в родные края, чтобы служить своей родине, работать на ней (патриотизм сибиряки понимали в первую очередь как патриотизм именно сибирский).

Своеобразным центром, объединившим народнических и сибирских авторов, стал журнал «Русское богатство». В период с 1880 по 1904 гг. на его страницах появилось порядка 140 статей, посвященных сибирской тематике; наибольшего внимания были удостоены вопросы: переселенческий (не менее 25 публикаций), ссылки (17), сельского хозяйства и общинной жизни (26), развития культуры и образования (22), «инородческий» (18), железнодорожного строительства и развития путей сообщения (11), промышленного развития (9), судебной и земской реформ (7) [6]. Среди отвергнутых материалов, не удовлетворивших редакцию своим качеством, преобладала та же тематика. Экспертами, визировавшими решение об опубликовании посвященных Сибири рукописей, были ведущие публицисты Н. К. Михайловский, А. И. Иванчин-Писарев, С. Н. Кривенко, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский и др., хорошо знакомые с Сибирью по месту либо своего взросления, либо отбывания ссылки. Примечательно, что тема Сибири стала особенно интересна авторам журнала с 1890-х гг., а вот ранее, в начале 1880-х, когда в редакцию издания входили сибиряки Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Н. И. Наумов, она еще не встречала большого отклика ни среди публицистов, ни среди читателей. Думается, это можно объяснить тем, что в первые пореформенные десятилетия общественность занимали реформаторские преобразования 1860–1870-х гг., которые охватили европейскую часть империи, «метрополию», а на Сибирь фактически не были распространены [6].

В общем, спектр вопросов, связанных с настоящим и будущим Сибири как части Российского государства и обсуждаемых областниками и их

идейными союзниками, был чрезвычайно широк. Однако мы выделим один из них, а именно – культурно-антропологический: кому предстояло бороться за права Сибири и ее населения. В работах указанных выше авторов, как правило, поднималась тема характера и ментальности сибиряков, их отличий от психологии жителей метрополии, что проявлялось не только в отношении к миру вокруг, но и в быту, в общинном и домашнем обиходе.

Старт изучению сибиряков как особого этнокультурного феномена дал А. П. Щапов. По его мнению, именно колонизация огромных пространств, а не суровые природно-климатические условия вызвали преобладание в нашей истории физического развития над интеллектуальным [3]. Сибиряков же Щапов находил «более корыстными и буржуазными, чем великорусский народ» [там же]. Ученик Щапова С. С. Шашков рассматривал Сибирь как колонизируемую окраину, ярчайшим признаком зависимого положения которой являлись крепостнические порядки, бедственное положение народов-аборигенов и «административное бесправие» региона в целом.

Много внимания сибирскому этнокультурному типу посвятил выдающийся исследователь Сибири, историк, географ, этнограф Н. М. Ядринцев в своем фундаментальном труде «Сибирь как колония» [9].

Противостояние местного (сибирского) и пришлого (российского) миров Ядринцев впервые ощутил, оказавшись в 1865 г. в омском остроге, где большинство «контингента» составляли местные крестьяне и бродяги – уроженцы «Расеи». Первые и вторые беспрестанно пикировались между собой, различия в их характерах и житейских установках сразу бросались в глаза любому наблюдателю. Бродяги – «чалдонофобы» (сибирских крестьян пришельцы называли «чалдонами», или «челдонами») высмеивали педантизм и домовитость сибиряков, смешанные с полным невежеством и отсутствием всякого интереса к духовной культуре. «Чалдоны», в свою очередь, насмеялись над бродягами, нищими и безнравственными, однако уверенными в полном своем преимуществе перед местным населением из-за того, что они выходцы не из таежной глуши, а из «цивилизованных» мест.

Обращался ученый в своих работах и к так называемому «областному типу» русской народности на Востоке, то есть, в современном нашем понимании, «сибирскому характеру», и связанной с ним проблеме взаимоотношений русского населения и аборигенов. Н.М. Ядринцев ратовал за скорейшее просвещение местных народов. По обретении ими гражданской зрелости (не раньше!) справедливо будет дать им возможность самостоятельно решать свою этнокультурную судьбу. Особую миссию Ядринцев возлагал на русское население Сибири: «Недаром в Сибирь пришла самая энергическая и

предприимчивая часть русских людей; недаром эти люди делали завоевания, открытия и почти три столетия работали по лесам и пустыням новой земли...» [цит. по: 8].

Ядринцев отмечал, что одной из отличительных черт характера сибиряков, включая русских, было отсутствие у них, так сказать, исторической памяти. Это отсутствие можно было объяснить географической удаленностью от событий, которые совершались на земле и с участием так называемых «ра-сейских» и давали последним основания для гордости и патриотизма. Русская общественная жизнь была настолько далека от сибиряка, что путешественников поражали здешнее равнодушие и безучастие ко всему, что происходило за Уральскими горами [9, с. 106]. Исследователь также констатировал свойственные русским сибирякам «грубость и диковатость», сближавшие их нравы с нравами инородцев, но при этом понимал, что данные черты – следствие суровой местной жизни, проводимой в борьбе с неприветливой природой, и в то же время находил в местном населении «проблески смелой любознательности и пытливого ума» [там же, с. 107]. Пришельцев, в том числе путешественников, сначала принимают с недоверчивой осторожностью, которая затем сменяется живым любопытством. Это относится не только к людям, но и ко всяким культурным «диковинам»: за первым недоумением следует желание непременно разобраться, что это такое и как оно действует [там же]. Ядринцев подчеркивает, что та самая «диковатость» сибиряков, которая бросалась в глаза в середине XIX в., ближе к концу столетия ощущается гораздо меньше, им на смену приходят «некоторая самоуверенность, гордость и сознание особенностей своего областного типа» [там же, с. 108]. В сибиряках много чувства внутреннего достоинства и свободы – гораздо больше, чем в выходцах из метрополии. Коренной сибиряк, как крестьянин, так и представитель городского среднего класса, «ведет себя непринужденно и развязно», так как «чувствует себя равноправным». Такой демократизм следует из отсутствия в Сибири, по выражению Ядринцева, «монополизирующего культурную жизнь сословия», каковым в метрополии было дворянство. Дворянское население Сибири (не считая администрации, многочисленной и рассеянной по просторам) было представлено в основном гонимыми, неполноправными – ссыльными, которые не могли претендовать в этих условиях на какую-то социальную гегемонию.

Яркие образы сибиряков, в характерах которых сочетались противоречивые – как очень хорошие, так и крайне отвратительные качества, встречаются на страницах автобиографического произведения П. Ф. Якубовича «В мире отверженных», посвященного каторге. Автор рассказывает, что

«челдоны» постоянно были объектами острот и насмешек, обычно злых: настолько «расейских» приводили в возмущение некоторые черты характера, отличавшие сибиряка в глазах представителя «метрополии», а именно – черствость, бездушная трезвость и эгоизм [10, с. 157]. Он приводит в пример рассказ некоего бродяги Дорожкина, арестованного в одном сибирском селении местными жителями. «Челдоны» накрепко связали его веревками, а затем, напившись водки, до полусмерти избили и бросили на полу. К арестанту подошел древний, седой как лунь, согбенный старик. В ответ на мольбы несчастного он принес воды, дал попить, а затем ударил его с размаху черпаком по голове. После этого крестьяне измазали арестованного с ног до головы дегтем, привязали к телеге и заставили бежать за ней весь неблизкий путь до города... «Ивану Николаевичу», по его словам, довелось выслушать немало рассказов о бессердечной, доходящей до сладострастия жестокости сибиряков. Он допускал в них известную долю правды. Практичность и трезвомыслие сибиряка, «полное отсутствие поэзии в его душе» [там же, с. 158], хитрость, лукавство, умение сдерживаться сразу бросались в глаза российскому человеку, подвластному чувствам, порывам и не слишком хорошо владеющему собой (последними качествами каторжные уроженцы «Расеи» как раз откровенно гордились). По оценке Якубовича, кое-что приближало сибиряка к западноевропейскому типу: отсутствие пиетета к традициям и предрассудкам, способность к восприятию нового, а главное, независимость и свободолюбие [там же]. Объяснялось это просто: сибирский крестьянин не знал крепостного права, никогда не страдал от малоземелья, а, следовательно, от нищеты и бесправия; поэтому в сибиряке не было «забитости и раболепия перед властями, какими так неприятно поражает коренная Русь» [там же], – заключает Якубович.

Писатель и врач, народник С. Я. Елпатьевский, хорошо знакомый с Сибирью по годам ссылки, также отмечал «прозаический нрав сибиряка», который проявлялся в безразличии к красоте, музыке, искусству, художественности, а также религии и благотворительности. Отсутствие семейных традиций, воспоминаний автор объясняет молодостью русско-сибирской «цивилизации». При этом сибиряки были рады своей удаленности от «начальства», ведь это поддерживало их ощущение независимости, «воли».

На сибирских просторах веками ассимилировались многочисленные народы империи. При этом «шла великая нивелировка, стирались взаимно острые углы – национальные, религиозные» [1], – отмечал народник. В результате создавалась особая атмосфера Сибири со своими оригинальными чертами: нравами, вкусами, обычаями, костюмами, элементами быта, языком:

«например, в Березовском краю и в Забайкалье приблизительно треть разговорного русского языка состоит из местных инородческих слов» [там же].

Брачными и внебрачными отношениями русские новоселы смешивались с сибирскими инородцами, шел тот же процесс ассимиляции, аккультурации, обмена верованиями, манерами жизни, бытом. Русские, когда хворали, звали сибирских шаманов, а тунгусы и остяки, выходя из тайги в русское село, шли в церковь ставить свечку Николае – кажется, единственному русскому Богу, которого они признавали. Так же по-новому складывался быт, изменялся русский облик, новые слова входили в русскую речь и иначе выговаривались слова. И Якубович, и Елпатьевский отмечали, что, изображая речь сибиряков, выходцы из «метрополии» всегда сюсюкали и шепелявили.

Если антропологический тип русско-сибирского населения непрерывно менялся из-за огромности просторов и многочисленности народов, которые перемешивались между собой, «общесибирский» характер, по наблюдению Елпатьевского, уже сложился. Автор определял его так: сибиряк менее сложен, чем русский, он гораздо цельнее. Он практичен, целеустремлен, абсолютно лишен мечтательности и не сердобобен [там же].

Творчество Н. И. Наумова в большинстве своем было посвящено жизни и быту пореформенного крестьянства, когда проблемы получения личной свободы сменились необходимостью борьбы с кулачеством, спекулянтами и произволом чиновников [4]. Наумов, как истинный народник, находил общину, «мир» единственной самостоятельной организацией, способной противостоять этим пагубным для крестьянина явлениям. Однако общинное землепользование в Сибири, по мнению Наумова, не получило достаточного развития, и Сибирь находилась поэтому в худшем положении, чем метрополия, где крестьянство хоть как-то было защищено традициями самоуправления. Ну, а коррумпированность чиновников и невежество крестьян – общие проблемы и Сибири как региона, и всей России. Государственную политику в отношении национальностей Наумов критиковал, не одобряя форсированной русификации коренных народов Сибири.

Г. Н. Потанин, как и его друг и соратник Н. М. Ядринцев, считал, что Сибирь и весь населяющий ее народ (состоящий из разных этносов) вполне смогут послужить связующим звеном между культурами Востока и Европы. Межэтнические браки – распространенное явление в Сибири – были, с точки зрения автономиста, прогрессивным процессом, обогащавшим все без исключения народы и их культуры. В отношении общественного прогресса Потанин придерживался убеждения, что для крестьянства Сибири (а именно крестьянство он полагал основной социальной силой будущего)

выгодно развитие промышленности, но при этом полезно и наличие крепких общинных связей, в том числе у инородцев (промысловой общины). Областник настаивал на необходимости «всякому племени» иметь «шансы на культурное возрождение и самоопределение» [2, с. 22-23]. Коллективная же форма собственности на землю, орудия и средства производства поможет формированию «высокой нравственности», которой пока у большинства представителей коренных сибирских народов нет [там же, с. 23], утверждал Потанин. Характеризуя черты, свойственные сибирскому обществу, Потанин отмечал, что оно «меркантильно», его не интересуют литературные эффекты, поскольку жизнь ему видится сплошными буднями без красивых эпизодов, и откликнется оно лишь на разговор о своих реальных нуждах [5, с. 4-6].

Из характеристик, даваемых сибирякам наблюдателями, можно вывести определенное сходство жителей Сибири с первыми американскими колонистами: им в равной степени свойственны смелость, предприимчивость, отсутствие социально-клановых, традиционных «тормозов», утилитаризм, быстрое освоение новых видов деятельности, самоуверенность в хорошем смысле этого слова. Данные черты в столь концентрированном виде крайне редко можно было встретить в массе населения европейской части России. Однако именно эти психолого-ментальные свойства выделялись сибирским патриотам залогом динамичного развития Сибири и в духовном, и особенно в материальном отношениях.

Список литературы и источников

1. Елпатьевский С. Я. В Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_1926_v_sibiri.shtml (дата обращения 24.02.2023)
2. Кулемзин В. М. Григорий Николаевич Потанин и этнографическое сибиреведение // Вестник Томского университета. История. 2011. № 2(14). С. 22-25.
3. Лучинский Г. Щапов Афанасий Прокофьевич [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philhist.spbu.ru/personalii/394-shchapov-afanasij-prokopevich.html> (дата обращения 13.03.2024)
4. Никиенко О. Г. Наумов Николай Иванович (1838-1901) // Земля Томская. Краеведческий портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/25/> (дата обращения 20.05.2023)
5. Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с. С. 4-6.

6. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Дисс... докт. ист. наук. Новосибирск, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geum.ru/next/art-37599.leaf-17.php> (дата обращения 16.03.2024)
7. Шиловский М. В. Областничество [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2282595 (дата обращения 13.03.2024)
8. Энциклопедия и новости Приангарья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/yadrincev_nikolay_mihaylovich (дата обращения 01.02.2024)
9. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Москва: Книга по требованию, 2021. 764 с.
10. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. В 2 т. Т. 1. Москва-Ленинград: Художественная литература, 1964. 416 с.

Н. И. Чаплыгина, канд. истор. наук, доцент,
Курский государственный университет (Курск)

КУЛЬТУРА ПРОШЛОГО И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Аннотация: в работе анализируется культурное наследие России и ее влияние на последующие модернизационные процессы в стране. Детальное изучение этого вопроса при сохранении его важности показывает, что он приобретает максимальную остроту в моменты модернизации, когда в обществе усиливается потребность переосмысления пройденного пути с целью корректировки курса. В этом ряду одно из первых мест занимает вопрос о культурном понимании предлагаемых изменений. Культура прошлого предполагается, в первую очередь, критическое изучение духовной среды социума. Она всегда динамична, в ней всегда есть место самоизменению и саморефлексии. Проводится параллель с западноевропейской культурой. Показывается единство сюжетных линий и принципиальные отличия от отечественной культуры. Подчеркивается необходимость поиска «срединной» культуры, которая могла бы преодолеть социокультурный раскол нашего общества. Особое внимание уделяется роли интеллигенции в данном процессе.

Ключевые слова: культура прошлого, модернизация, интеллигенция, духовная сфера, самоизменение, саморефлексия

N. I. Chaplygina, candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kursk State University (Kursk)

CULTURE OF THE PAST AND MODERNIZATION PROCESSES IN RUSSIA

Abstract: The work analyzes the cultural heritage of Russia and its influence on subsequent modernization processes in the country. A detailed study of this issue, while maintaining its importance, shows that it becomes most acute at moments of modernization, when the need to rethink the path traveled in order to correct the course increases in society. In this regard, one of the first places is occupied by the question of cultural understanding of the proposed changes. The culture of the past presupposes, first of all, a critical study of the spiritual environment of society. It is always dynamic, there is always room for self-change and self-reflection. A parallel is drawn with Western European culture. The unity of storylines and fundamental differences from domestic culture are shown. The need to find a “middle” culture that could overcome the sociocultural split of our society is emphasized. Particular attention is paid to the role of the intelligentsia in this process.

Keywords: culture of the past, modernization, intelligentsia, spiritual sphere, self-change, self-reflection

Исторический опыт модернизации в России имеет практическое значение для понимания современности. Изучая его, можно выстроить правильную стратегию и избежать повторения ошибок прошлого. Как правило, ранее в центре внимания ученых были вопросы, связанные с анализом экономических, политических и социальных проблем, а сфера культуры изучалась мало. На наш взгляд, культура также имеет особое значение. Детальное изучение проблем, связанных с культурой прошлого, всегда сохраняет свою значимость и возрастает, когда она становится наиболее острой в момент модернизации, когда необходимо пересмотреть пройденный путь, чтобы скорректировать курс развития общества. В этом ряду одно из первых мест занимает вопрос о культурном понимании предлагаемых изменений. Не только философским является вопрос, как общество воспринимает технологические, экономические и политические решения? Готово ли оно к ним? Вопросы культуры побуждают задуматься над тем, что объединяет нацию, позволяют сфокусировать внимание всего общества на проблеме самоидентификации в окружающем мире, над своим прошлым.

Культура прошлого предполагает, в первую очередь, критическое изучение духовной среды социума. Она всегда динамична, в ней всегда есть место самоизменению и саморефлексии. Беда России состоит в том, что на протяжении всей ее истории рефлексия, самосознание отставали от утилитарных задач, решаемых обществом. Это приводило не только к замедлению эволюционного самоизменения, но и к массовому появлению мифо-утопических представлений об окружающей действительности, путях развития общества, что в целом привело к дезорганизации и разрушительным последствиям в национальном масштабе.

В результате общество воспринимает начинающиеся модернизационные процессы как инородное явление, разрушающее уже освоенную культуру. Модернизация «представляется, по мнению А. Ахиезера, как самоудовлетворенность психического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т.д. Это состояние связано с привычными ритмами окружающего мира. Дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вызывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Это ощущение нарастающего хаоса может носить индивидуальный и массовый характер, охватить значительные группы людей. Оно может вызывать шок, растерянность, потерю способности своевременно принимать решения». [1, с. 66]

Причину этой ситуации автор видит в социокультурном расколе общества, на который обратил внимание еще Н. Бердяев. Он считал, что

противоречивость русской души определяется сложностью исторической судьбы, столкновением и конфронтацией в ней восточного и западного элементов. Не последнюю роль сыграл географический фактор, выражающийся в том, что именно на территории России сошлись Европа и Азия. По определению Л. И. Семенниковой, «при крутых поворотах исторические вихри сдвигали страну то ближе к Западу, то ближе к Востоку. Россия представляет собой как бы «дрейфующее» общество на перекрестке цивилизаций магнитных полей» [5, с.109]. Сплав двух цивилизаций порождает особую культуру. Ее невозможно понять без менталитета, а в широком смысле слова без культуры народа.

Так, на формирование менталитета славянского этноса оказала влияние скифская культура [4, с.45]. Скифы населяли степи Северного Причерноморья и активно взаимодействовали с праславянскими земледельческими племенами. В III веке н.э. скифами в качестве главного божества была воспринята от Ирана Мазда в религиозной оболочке манихейского учения. Для него характерно восприятие мира с помощью семантических, бинарных противоположностей. Например, добро–зло, истина–ложь, небо–земля, свет–тьма. Мифологический характер учения Мани способствовал популярности манихейской доктрины, и в первую очередь там, где еще была жива или господствовала архаичная мифологическая традиция [4, с. 103]. Несомненно, славяне заимствовали элементы этого учения, что заметно проявилось в реформе 980 г. Владимира, результате которой был создан пантеон языческих богов. В него вошли Перун, Макошь, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл. Последние четыре божества в той или иной мере связаны с иранской языковой стихией [3, с. 438]. Манихейство привлекало простым объяснением сложных общественных реалий. Люди, отошедшие от добра, могут приобщиться только ко злу, поэтому все проблемы возможно решить путём истребления носителей зла. Зло может принимать форму классов, сословий, отдельных групп, личностей, даже государственности в целом. Возможно, в этом кроется первооснова вековой вражды богатых и бедных? А в России тяга к уравниловке всегда была огромной. Таким образом, большевистские семена социальной розни упали на благодатную почву. И даже сейчас население подвержено гипнозу простых решений.

Влияние манихейства на славяно-русскую культуру прослеживается и в литературных произведениях и, особенно, в фольклоре, который имеет для нас особо важное значение, так как в нем преломляется представление народа о внешнем и внутреннем мире.

В устном народном творчестве всегда присутствует антитеза «Правда–Кривда», существует прямая противоположность добра и зла, а эмоции персонажей даны в черно-белом варианте: радость или скорбь и т.д. В литературе «Правда» и «Кривда» также ведут бескомпромиссную борьбу. «Правду» в принципе победить невозможно. На земле она может временно уступить «Кривде», однако, при этом она улетает на небо, где «Кривде» уже места нет. Борьба за Правду, по мнению А. И. Клибанова, «представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле» [2, с.9]. Не отсюда ли постоянный поиск Правды в России? Противопоставление Правды и Права? Совести и Закона?

Изначально дуализм в культуре был присущ всем народам. Но идея полярного синтеза торила себе дорогу сначала в элитарную культуру, а затем становилась достоянием широких слоев населения. Уже Аристотель видел оптимальное поведение где-то посередине, равно удаленной от обеих крайностей. В русской же литературе преобладал бинарный подход. Достаточно вспомнить названия лучших произведений XIX века: «Война и мир» Льва Толстого, «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского, «Горе от ума» Александра Грибоедова. Вопрос о преодолении крайностей в России был поднят только в конце XIX – начале XX в. Прежде всего это концепция всеединства В. Соловьева, идеи о срединной культуре Н. Бердяева. Однако этот поиск оказался не востребуемым. После Октябрьского восстания 1917 г. в России возобладал лишь один полюс.

Отсутствие традиций срединной культуры приводит к тому, что в массовом сознании россиян один полюс ассоциируется с идеалом, с которым человек хочет слиться, а другой рассматривается как чуждый. Сейчас началось формирование этой срединной культуры, и этот процесс продлится еще очень долго, в связи с тем, что социокультурный раскол общества не преодолен. В результате современная модернизация подавляется во многом из-за отсутствия поддержки со стороны общества.

Здесь, на наш взгляд, велика роль интеллигенции. Она как наиболее образованная часть российского общества всегда имела огромное моральное влияние на население. Она понимала, что от гражданской сплоченности зависит будущее страны. Опыт многих стран, например, Югославии, Грузии, Молдовы, Украины, а еще раньше – СССР, показывает, как много народы теряли из-за того, что их интеллектуальная элита оказалась по разные стороны барьера. Одновременно довольно просто было сломать социально-экономические системы стран, где гражданское единство сменилось конфронтацией. При этом история пока не знает примеров, когда такой

слом содействовал бы процветанию народов. Опыт Китая доказывает, что сплоченность и стабильность идут на пользу гражданам. Напротив, если по какой-то причине необходимо убрать ту или иную страну с мировой политической сцены, первое, что нужно сделать, – это каким-то образом подорвать сплочённость граждан. Гражданской сплоченности сейчас придается такое большое значение, что Евросоюз организовал масштабное исследование способов ее формирования и сохранения.

Главная функция интеллигенции в общественном разделении труда - духовное производство. Даже работающий в материальной сфере интеллигент все равно производит не материю, а идею: как лучше организовать производство, какое приспособление повысит производительность труда и т.д. Из этого совсем не следует, что в реальности производство будет организовано лучше, а производительность возрастет. Ведь идею могут не понять или испортить исполнители, она может оказаться ошибочной, может победить идея конкурента и пр. А что говорить о духовном производстве в тех сферах, продукция которых не поддается однозначной оценке? В той же политике, например. Специфика продукции интеллигента в том, что идея, во-первых, не является продуктом конечным, ей еще предстоит материализоваться, а во-вторых, интеллигент, выдав свою продукцию на-гора, в отличие от токаря еще не уверен, что она вообще будет востребована. Это особенно проявляется в общественно-политической сфере, где критерии относительны, конкуренция высока, а жизнь так и норовит состарить любую идею уже на стадии ее зарождения.

Влияние нашей интеллигенции на консолидацию гражданского общества неоднозначно. Во многом оно определялось историей появления самой интеллигенции в российской политической жизни. Она возникла как ответ на потребность общества в оппозиции государству. Социальное своеобразие России состояло в том, что все классы и группы прочными нитями были связаны с царизмом. Повседневная отечественная практика сложилась так, что для них источником материальных благ была монархия. Дворянство, крестьянство, купечество, духовенство, даже нарождающаяся буржуазия фактически могли создать свое благосостояние в преобладающих в России неблагоприятных хозяйственных условиях, лишь сотрудничая с государством. Конечно, необходимо было отказаться от любых политических амбиций. На протяжении всей истории России личное богатство проявлялось и рассматривалось как результат милости государя, как поощрение за правильные политические действия. Ситуация сложилась так, что покорностью, а не борьбой делалось у нас первоначальное накопление капитала. Лишь отказ от политической борьбы открывал путь к частному богатству. В итоге в отличие от западноевропейских государств,

политическая оппозиция в России не смогла сформироваться среди «групп интересов». Элита и крестьяне не была заинтересована в либеральных реформах, т.к. они вели к утрате привилегий для господствующих классов, и похоронили бы надежды крестьян на всероссийский «черный передел».

История России – это борьба «групп интересов» между собой, и никогда с государством. В результате стремление к переменам диктовалось не личными интересами какой-либо группы, а более просвещенными, дальновидными и благородными мотивами. Например, патриотизмом, справедливостью и чувством собственного достоинства. Борьба за материальные блага всегда ассоциировалась с подчинением государству. Отсюда борьба за гражданские свободы велась во имя абстрактных идеалов. На этой волне взошла звезда нашей интеллигенции. Главную цель она видела в борьбе с государством за достижение политических идеалов. В этой борьбе ее не могло остановить и угроза саморазрушения общества. Это поняли видные представители интеллигенции после революции 1905 года. Сборник «Вехи» стал их болью и публичным признанием своей неправоты. К сожалению, маховик революционных потрясений был запущен и остановился лишь после Октября 1917 года. Государство вновь окрепло, новый авторитарный режим не позволял особого свободомыслия.

В ходе либерализации советского общества в горбачевский период вновь традиция борьбы за абстрактные идеалы дала о себе знать. В ходе нее Советское государство так же было разрушено.

Сегодня приходит осознание пагубности такой борьбы и ответственности интеллигенции за свои действия. Сейчас идет активный поиск по созданию барьеров, которые не позволили бы вновь и вновь возрождаться в стране антидемократической системе. По мнению большинства специалистов, таким барьером могло бы стать гражданское общество. Противостоять возникшему хаосу, разнообразным духовным эпидемиям можно, по нашему мнению, лишь, мобилизовав все культурные ресурсы страны.

Список литературы и источников

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, 815с.
2. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Москва: Наука, 1997, 238с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия Т. 2. Москва: Олимп, 1997, 725с.
4. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1987, 320с.
5. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив: 1995, 608с.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

УДК 94 (470.313).084.8

А. Ф. Агарев, д-р истор. наук, профессор,
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань);
Т. В. Рындина, аспирант,
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье автор рассматривает патриотическое воспитание школьников в годы Великой Отечественной войны. В статье освещен вопрос общественной жизни в Рязанской области в военное время, приведен ущерб нанесенный временной фашистской оккупацией нескольких районов Рязанской области в ноябре 1941 г. Автор акцентирует внимание на патриотическом духе школьников и учителей в годы войны, о героизме школьников, готовности их встать на защиту Родины. Исследование основано на архивных документах и свидетельствах очевидцев тех страшных событий. Патриотическое воспитание важно, особенно в переломные моменты, сменилась его идеологическая концепция, выработанная еще в годы Гражданской войны. С началом Великой Отечественной войны основной упор стал делаться на героическом прошлом страны, ее героях изменилась и методика преподавания учебных предметов.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, школьное образование, Великая Отечественная война.

A. F. Agarev, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ryazan State University named after. S. A. Yesenina (Ryazan);

T. V. Ryndina, graduate student,
Ryazan State University named after. S. A. Yesenina (Ryazan)

**SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS
OF PATRIOTIC EDUCATION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE RYAZAN REGION**

Abstract: In the article, the author examines the patriotic education of schoolchildren during the Great Patriotic War. The article shows the issue of public life in the Ryazan region during wartime, citing the damage caused by the temporary fascist occupation of several districts of the Ryazan region in November 1941. The author focuses on the patriotic spirit of schoolchildren and teachers during the war, the heroism of schoolchildren, their readiness to defend Motherland. The research is based on archival documents and eyewitness accounts of those terrible events. Patriotic education is important, especially at turning points; its ideological concept, developed during the Civil War, has changed. With the beginning of the Great Patriotic War, the main emphasis began to be placed on the heroic past of the country, its heroes, and the methodology for teaching educational subjects changed.

Keywords: patriotism, patriotic education, school education, Great Patriotic War.

Для того, чтобы всесторонне оценить патриотические качества школьников, студенческой молодежи и их роль в деле защиты Отечества, а также выявить объективные закономерности, специфические особенности, определившие цели, задачи и содержание деятельности центральных и местных органов государственной власти по военно-патриотическому воспитанию школьников и студентов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., необходимо, на наш взгляд, проанализировать обстановку в регионе и условия жизни жителей в исследуемый период. Годы Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием для народа. Война охватила все стороны жизни, школьное образование не стало исключением. Значимость патриотического осознания еще более усиливается в переломные моменты. Теоретические основы патриотического воспитания были выработаны в годы Гражданской войны и первые годы после нее. Они базировались на четких классовых позициях, приверженности идеи мировой революции. В годы первых пятилеток в систему советского воспитания были внесены небольшие изменения, а именно, усилена идеологическая направленность. Однако, начало Великой Отечественной войны заставили внести

коррективы в намеченные планы. Война принесла с собой не только огромное количество жертв, но и также нанесла большой ущерб инфраструктуре страны. Так, Чрезвычайной комиссией был установлен ущерб, причиненный колхозам в 18 районах при эвакуации и в семи районах при оккупации немецко-фашистскими войсками в конце 1941 года. В Рязанской области на частично оккупированных территориях были уничтожены 5 школ, 37 разрушены. Фашистские захватчики разграбляли здания, жгли мебель и книги, били окна.

Особое внимание Рязанская Чрезвычайная комиссия уделила состоянию школ района. Так, здание Секиринской неполной средней школы, в которой обучалось 250 учащихся, было совершенно выведено из строя. В этом здании были поломаны потолки и полы, разбиты рамы и двери, повреждена крыша, расхищен инвентарь и оборудование. На восстановление здания требовалось 65 тыс. руб. [4, с. 230]

Наиболее сильно пострадали школы в Михайловском районе. Здесь были сожжены школьные библиотеки, учебные пособия, школьная мебель, помещения были превращены в хлев [1, л. 56]. Здание Печерно-Высельской основной школы Михайловского района, построенное в 1935-1936 гг., в 1941г. село было захвачено, немцы разграбили здание, но несмотря на это учителя продолжали работу за себя и за коллег, ушедших на фронт [5, с. 4]. Героическим примером может служить деятельность Помазовской Марии Алексеевны, преподавателя немецкого языка Николаевской средней школы, которая была оставлена на подпольную работу в Михайловском районе в январе 1942 г.

Другой пример. Центральное здание Октябрьской средней школы, где обучалось 450 учеников, было полностью выведено из строя. Была повреждена система парового отопления, поломаны двери, рамы, выбиты стекла, расхищен частично инвентарь, полностью расхищено оборудование учебных кабинетов и школьная библиотека. На восстановление школы требовалось 40 тыс. руб. [5, с. 231].

Новое здание Вослебовской школы, где обучалось 640 человек, выведено из строя. В окнах выбиты стекла, поломаны двери, повреждена крыша здания, частично расхищены парты и совершенно расхищены учебные кабинеты и библиотека. На восстановление данной школы требовалось 48 тыс. руб. [5, с. 231].

При временном отсутствии части школьных зданий, учебных кабинетов, учебников и тетрадей в большинстве неполных средних, средних

начальных школах района, нормальную работу учебных заведений восстановить было невозможно.

Многочисленные акты, составленные в городах и селах, тысячи живых свидетелей, испытавших гнет фашистских мародеров, грозно уличают их в многочисленных преступлениях. Например, немецкие солдаты грабили и тащили все у населения даже в малых селах. Грабили не только кур, овец, коров, но и белье, верхнюю одежду. Под угрозой расстрела отбирали все нужное для себя [2, л. 2].

Немецкие захватчики истребляли население оккупированных районов беспощадно. О чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков свидетельствуют такие, например факты из горьких воспоминаний колхозника Савина Гавриила Петровича (53 года): «23 ноября 1941 года немцы поселились во всех домах в том числе и моем. Моя семья ушла в Ново-Александрово, по дороге был убит сын Николай 13 лет, зарезана корова, взяты все вещи вплоть до вилок» [2, л. 3].

В Скопинский районе 25.11.1941 в доме у А. П. Моргуновой ее сын встретился с 3 друзьями, в планах у них было присоединение к партизанскому отряду. Неожиданно в дом ворвались немцы. У одного из мальчиков был найден пустой патрон. Немцы вывели их из дома и расстреляли. Один из мальчиков ворочался, увидев это, немцы ему распороли живот. Ребятам было по 18 лет [2, л. 7].

Следует отметить, что сформированный в предвоенный период патристический настрой советских граждан проявил себя с первых дней войны, когда тысячи рязанцев продолжали работать на предприятиях в тылу, молодежь продолжала обучение в техникумах и в пединституте, принимая самое активное участие в противостоянии врагу. Подтверждение этому – воспоминания участников тех событий, записанные их внуками и правнуками.

Преданные Родине советские учителя проявили примеры стойкости и мужества. Директор Катагощинской средней школы Захаровского района, тов. Доброхотов организовал из старших школьников отряд разведчиков, который получал ответственные поручения и хорошо их выполнял. Учащиеся комсомольцы и пионеры этой школы Иван Пашин и Владимир Кочетков ухаживали за ранеными красноармейцами и на лошадях отправили их в Рязань [1, л. 56].

Ученик Захаровской школы, Косоруков, отец, которого был раздавлен вражескими танками, активно вел разведывательную работу, помогая частям Красной Армии в борьбе с врагом. Такую же работу по разведке несли

ученики Малинищенской школы Иван Зенин (7 класс) и Иван Калянин, Федор Лазарев [1, л. 56].

Школьники старались активно помогать фронту, стремились на передовую, а те, кто был несовершеннолетним в годы войны, работали в тылу наравне со взрослыми. Двенадцатилетние девочки и мальчики трудились на торфяных болотах. Это был очень тяжелый труд, с которым приходилось справляться школьникам. Однако какой бы сложной не казалась тогда жизнь, ребята изо дня в день выполняли свою работу на благо нашей страны.

Приведем другой пример, Надежда Фроловна Тиханова 1929 года рождения, во время войны была подростком, наравне со взрослыми работала в колхозе. После окончания школы уехала в село Сушки Шелуховского (ныне Спасского) района работать в Доме Ребёнка, была водовозом, возила воду на лошади, а также санитаркой и помощницей по двору [5, с. 5].

Следует отметить, что сформированный в предвоенный период патриотический настрой советских граждан проявил себя с первых дней войны, когда тысячи рязанцев продолжали работать на предприятиях в тылу, молодежь продолжала обучение в техникумах и в пединституте, принимая самое активное участие в противостоянии врагу. Подтверждение этому – воспоминания участников тех событий, записанные их внуками и правнуками.

«Евгений Васильевич Избеков – участник Великой Отечественной войны, танкист и мой прадедушка. Евгений Васильевич родился 15 марта 1924 г. в селе Белоомут Луховицкого района Московской области. С началом войны и до ухода на фронт в 18 лет Евгений Васильевич работал на Рязанском патронном заводе. На тот момент он успел закончить 10 классов школы. Прадедушка рассказывал, что в условиях войны смены на заводе были по 12 и более часов, а общественный транспорт в городе не ходил. Поэтому им с товарищами приходилось ночевать на заводе, прямо на рабочем месте» [3, с. 102].

Приведенные факты красноречиво говорят о том, что жители оккупированных районов перенесли жесточайший террор врага. История прошлых войн не знала еще подобных злодеяний против мирного населения. Данное обстоятельство не могло не учитываться в определении форм и методов патриотического воспитания всех жителей Рязанской области и, особенно школьников. Обнародование результатов расследования злодеяний немецких оккупантов в сочетании с доведением до общественности примеров героического поведения советских граждан, в том числе, школьников, создавало условия для роста патриотических настроений среди населения.

В реальности столкнувшись с злодеяниями врага, жители области все свои усилия направили на достижение победы над ним.

Таковы были социально-экономические последствия вражеской оккупации. Зная их, можно понять, сколь грандиозны и ответственны были задачи патриотического воспитания молодого поколения, направленного на быстрое завершение войны и возрождение разоренной врагом земли.

Таким образом, начавшаяся Отечественная война коренным образом изменила условия жизни советских людей, как на оккупированных территориях, так и в тылу. Исключением не стала и Рязанская область, часть которой подверглась оккупации врага осенью 1941 года. Наряду с этим тыловые районы области столкнулись с трудностями эвакуации предприятий, организации госпиталей, перевода промышленности, сельского хозяйства и транспорта на военные рельсы. В этих условиях советская молодежь проявляла свои лучшие патриотические качества, активно участвовала в подготовке города к обороне, добровольно уходила на фронт. В изменившихся условиях изменились и подходы к патриотическому воспитанию молодежи. Оно стало носить более конкретный предметный характер, опираться на примеры героического поведения новых героев, на осуждение варварского характера действий фашистских оккупантов, проявившегося на территории нескольких районов области.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф-3232. Рязанский областной отдел народного образования областного исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 30.
2. ГАРО. Ф-540. Свидетельства о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков по Горловскому району. Оп. 1. Д. 1.
3. Незабываемые имена. Сборник исследовательских работ студентов / под ред. А. Ф. Агарева. Рязань: Издательский дом «Контраст», 2022.
4. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 457 с.
5. Школы и педагоги Михайловского района в годы Великой Отечественной войны. Михайлов, 2020.

М. А. Безнин, д-р истор. наук, профессор,
Вологодский государственный университет (Вологда);
Т. М. Димони, д-р истор. наук, доцент
Вологодский государственный университет (Вологда);
К. О. Димони, старший преподаватель кафедры отечественной
истории, Вологодский государственный университет (Вологда)

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ АВТОРЫ
О СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГГ.***

Аннотация: В статье анализируются монографии трех авторов, написавших популярные в англоязычных странах работы о России первой половины 1930-х гг. Это известные американские журналисты и исследователи У. Г. Чемберлин, Ю. Лайонс, а также британские социологи С. и Б. Вебб. Все книги (У. Чемберлин «Железный век», Ю. Лайонс «Командировка в Утопию», С. и Б. Вебб «Советский коммунизм: новая цивилизация?») подготовлены на основе личных впечатлений о пребывании в России и отличаются большим перечнем наблюдений за политической и повседневной жизнью жителей столицы и провинций. В статье сделан упор на анализ описания авторами трудовых отношений в СССР – особенностям привлечения к труду, стимулам, трудовых отношениях в промышленной и аграрной подсистемах общества. Работы американских авторов не издавались на русском языке, работа британцев Вебб была переведена и издана в СССР практически сразу после публикации книги в Великобритании.

Ключевые слова: трудовые отношения, советская Россия, У. Г. Чемберлин, Ю. Лайонс, С. и Б. Вебб

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00077, <https://rscf.ru/project/24-28-00077/>

M. A. Beznin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Vologda State University (Vologda)

T. M. Dimoni, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Vologda State University (Vologda)

K. O. Dimoni, senior lecturer at the Department of Russian History,
Vologda State University (Vologda)

**ENGLISH-SPEAKING AUTHORS
ON THE SPHERE OF LABOR RELATIONS IN SOVIET RUSSIA
IN THE FIRST HALF OF THE 1930S**

Abstract: The article analyzes the monographs of three authors who wrote popular works in English-speaking countries about Russia in the first half of the 1930s. These are well-known American journalists and researchers W.G. Chamberlin, Y. Lyons, as well as British sociologists S. and B. Webb. All the books (W. Chamberlin "The Iron Age", Y. Lyons "Business Trip to Utopia", S. and B. Webb "Soviet Communism: a New Civilization?") are prepared on the basis of personal impressions of their stay in Russia and differ in a large list of observations on the political and daily life of residents of the capital and provinces. The article focuses on the analysis of the authors' description of labor relations in the USSR – the peculiarities of labor attraction, incentives, labor relations in the industrial and agrarian subsystems of society. The works of American authors were not published in Russian, the work of the British Webb was translated and published in the USSR almost immediately after the publication of the book in the UK.

Keywords: labor relations, Soviet Russia, W. G. Chamberlin, E. Lyons, S. and B. Webb

В историографии уже довольно давно обращалось внимание на большой интерес англоязычного мира к СССР 1930-х гг. [5, 8] Особенно много произведений разного плана было создано журналистами и писателями из США и Великобритании, пристально наблюдавшими за «коммунистическим экспериментом». Их интерес был связан с глубоким кризисом экономической системы «классического» капитализма конца 1920-х гг. и высоким интересом к новой оригинальной социально-экономической системе, переживавшей становление в Советской России [2]. Однако на серьезный анализ происходящего может претендовать ограниченная часть работ 1930-х гг., так как основная часть публикаций являлась, скорее, путевыми дневниками (только с 1930 по 1939 г. в Великобритании вышло 64 путевых отчета о поездках в Россию) [4, с. 232]. В данной статье для анализа избраны три работы 1930-х гг., широко известные в западной историографии и

ставшие определенной основой для складывания мировых советологических школ. Данные работы были опубликованы в США (У. Чемберлин, Ю. Лайонс) и Великобритании (С. и Б. Вебб).

Уильям Генри Чемберлин – американский публицист и историк, работавший в Москве в 1922–1934 гг. корреспондентом бостонской газеты «Christian Science Monitor». Взгляды его, как он сам признавался позже, эволюционировали от коммунистических к прямо противоположным. У. Чемберлин издал несколько книг о России, в том числе о русской революции 1917 г., новой экономической политике и др. Нас будет интересовать его работа, изданная в 1934 г., «Железный век России» [10]. Книга посвящена начальному этапу индустриализации в советской России. В Советском Союзе она не издавалась, на русский язык не переводилась.

Супруги Сидней и Беатрис Вебб – известные британские экономисты и социологи, основатели Фабианского общества и Лондонской школы экономики – посетили СССР в 1932 г. Книга по итогам поездки «Советский коммунизм: новая цивилизация?» вышла на английском языке в 1935 г., была переведена на русский язык и вышла в СССР в 1937 г. [3] При создании книги Веббы пользовались не только личными впечатлениями и собранными в СССР документами, но и привлекли большое количество «справок и документов», доставленных им при содействии посла в Великобритании И.М. Майского [7]. Первый том книги С. и Б. Вебб был посвящен описанию советской общественно-политической системы, а второй – экономическим и идеологическим основам СССР в первой половине 1930-х гг.

Юджин Лайонс (при рождении Евгений Привин) – американский журналист, работал корреспондентом United Press в Москве в 1928–1934 гг. Первоначально Ю. Лайонс подчеркивал свои левые взгляды и длительный интерес к СССР. В своей книге «Командировка в Утопию» (Нью-Йорк, 1937) [11] он писал о своих взглядах до командировки в СССР: «Не колеблясь, я связал свою судьбу с коммунистами. Следующие пять лет я посвятил в основном советской деятельности. В течение года я редактировал первый популярный американский журнал о России «Советская Россия Пикториал», а затем в течение четырех лет, вплоть до отплытия в СССР, работал в советском информационном агентстве «ТАСС». Однако наблюдение за жизнью людей в Советском Союзе, информация, которую он получал из советских газет и в частных беседах, настроили его, в конце концов, довольно критично к советской государственной политической линии. Ю. Лайонс известен как иностранный корреспондент, первым взявший интервью у И. В. Сталина в 1930 г. К своим размышлениям о советском

устройстве Ю. Лайонс возвращался в ряде книг, изданных в более поздние годы. Книги Ю. Лайонса в СССР не издавались, на русский язык не переведены.

Выбранный круг англоязычных авторов объединяет близкое по временным рамкам нахождение в Советском Союзе (все они жили в Москве, но путешествовали по территории СССР на довольно длительные расстояния. Например, Ю. Лайонс – посетил Среднюю Азию, У. Чемберлин – Украину и Северный Кавказ). Кроме того, все они отличались левыми взглядами, первоначально симпатизировали советскому режиму, пытались понять его ресурсы для развития Западного мира. В этом плане все авторы проявили большую эрудицию и довольно подробно описали отдельные элементы экономической жизни, в частности, ряд моментов формирования системы эксплуатации труда в СССР.

Необходимо отметить, что вопрос о трудовых отношениях в СССР с конца 1920-х гг. в целом широко освещался в мировой печати в связи с проблемой демпинга цен на советские товары. В Великобритании и США работали специальные комиссии по изучению вопросов применения в СССР принудительного труда в лесной и других отраслях промышленности [6]. На фоне этой международной дискуссии англоязычные авторы уделяли сфере труда в СССР особое внимание.

Переходя к характеристике мнений англоязычных авторов, отметим, что практически все они определяют начало 1930-х гг. как новый этап в экономическом развитии советской России. Это связывается с концом «индивидуальных способов» труда и переходу к широкой системе государственной народнохозяйственной деятельности. Ю. Лайонс и У. Чемберлин описывали резкий контраст экономики России периода начала 1930-х гг. и конца НЭПа. Ю. Лайонс называл этот перелом «критическим этапом», а У. Чемберлин окрестил «железным веком». Оценивая этот термин Чемберлина, Лайонс писал: «Я не могу придумать более подходящего описания. Железо символизирует промышленное строительство и механизацию. Железо символизирует не меньшую беспощадность процесса, штыки, тюремные решетки, жесткую дисциплину и неумную силу, непреклонную и бесчувственную решимость тех, кто руководил этим периодом. Россия превратилась в горнило, в котором люди и металлы переплавлялись и переплавлялись в жестокой жаре, не обращая внимания на человеческий шлак» [11, р. 168].

Чемберлин и Лайонс описывают широкие дискуссии конца 1920-х гг. на верхнем этаже власти СССР по вопросам систем эксплуатации труда. В частности, они обращают внимание на, по сути дела, принятие сталинским

руководством «теории еретического коммуниста Преображенского о том, что крестьяне представляют собой колонию, которую должно эксплуатировать социалистическое государство», а также Н.И. Бухарина о том, «что происходящее в деревне равносильно «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Констатируя данное направление политико-экономического решения большевиков, Чемберлин, Лайонс и Веббы отмечали глубокую укорененность представлений о жестких действиях власти среди населения СССР. Буквально, Лайонс писал о «доверии народа, приученного тысячелетней историей принимать и уважать обнаженную власть, народа, не доверявшего демократическим гаджетам», о том, что «методы Сталина – хитрые, терпеливые, жестокие – были русскими по сравнению с распушенными идеалистическими идеями вестернизированных чуждых левых» [11, р. 174].

Как внимательные наблюдатели, иностранные авторы отмечали в начале 1930-х гг. коренной переворот в трудовых отношениях в советской России. Ю. Лайонс считал, что гранью новой социально-экономической системы стал 1931 г., точнее выступление И.В. Сталина на совещании, организованном при ЦК ВКП(б) 23 июня 1931 г. для представителей хозяйственных организаций, где были оглашены «шесть условий товарища Сталина». Напомним, что провозглашенные И. В. Сталиным положения в тот период касались введения оргнабора рабочих в промышленности, закрепления их на предприятиях («ликвидации текучести»), уничтожения «уровнировки» в оплате труда, ликвидации «обезлички» и т.д. [1]. Ю. Лайонс называет этот пакет мер «новой экономической политикой» Сталина, а суть изменений характеризует как «принятие тоталитарного принципа неограниченной эксплуатации работников ради безличной прибыли корпоративного государства-работодателя (в отличие от капиталистического принципа личной прибыли частной корпорации-работодателя)». Американские авторы довольно подробно описали изменения «рабочего законодательства» в России. Ю. Лайонс прокомментировал издание постановления 1932 г. [9] о том, что рабочие обязаны сдать администрации предприятия свой паспорт, а в случае «дисциплинарного» увольнения им делалась отметка в трудовой книжке, после которой в течение шести месяцев после увольнения не разрешался прием на работу, рабочий лишался пайка и служебного жилья (Ю. Лайонс называет такую отметку «черная метка»). У. Чемберлин обратил внимание на такой источник формирования рабочих кадров как оргнабор: «большой элемент рабочей силы фабрик, железных дорог и лесозаготовительных предприятий составляют крестьяне, прибывающие не как частные лица в поисках работы, а как наемные рабочие, присланные своим колхозом по

соглашению с руководством предприятия» [10, р. 109]. У. Чемберлин фиксирует также, что с начала 1930-х гг. многое из «рабочего законодательства» распространялось на представителей инженерной профессии. Например, существовало «полуконтрактное обязательство с государственной организацией, которая помогала ему в период обучения. Если бы он оставил свою работу ... его могли бы исключить из профсоюза и внести в черный список» [10, р. 48]. Еще одной особенностью формирования трудовых кадров Ю. Лайонс считает массовое вовлечение женщин в общественное производство: «Женщин приходилось отрывать от их домашних обязанностей или досуга и заставлять таскать бревна, управлять машинами, выполнять функции носильщиков и уборщиц улиц» [11, р. 370].

В отношении колхозного крестьянства конца 1920-х – начала 1930-х гг. Ю. Лайонс и У. Чемберлин единодушно отмечают лишение индивидуальной собственности, а также ограничение прав собственности колхозов: «Колхозу было отказано в праве владеть тракторами и другой техникой. Все было сосредоточено на машинно-тракторных станциях и сдавалось в аренду коллективу в обмен на 20-30% от общего объема урожая. Крестьянин был коллективным собственником в основном в том смысле, что наемный рабочий на государственной земле ... теоретически является совладельцем этой земли». Все это, как отмечали Ю. Лайонс и У. Чемберлин, колхозники характеризовали как «второе крепостное право» [11, р. 408].

Кроме указанных категорий работников, Ю. Лайонс и У. Чемберлин обращают внимание еще на несколько трудовых кластеров. Первый – это представители власти, как политических, так и хозяйственных структур. Ю. Лайонс довольно большое внимание в своей работе уделяет двум противоречивым трендам в характеристике данного слоя. С одной стороны – он описывает постепенное «возвышение» его позиций, прежде всего, в материальном плане (например, так он характеризует ликвидацию системы партмаксимума оплаты труда в начале 1930-х гг.), а с другой – постоянные ограничительные сигналы «сверху», ярче всего представленные в крупнейших судебных процессах («шахтинское дело», дело «Промпартии» и др.). На данных судебных процессах кратко останавливаются также С. и Б. Вебб [3, с. 27–34]. Второй кластер, характеризующийся особенно широко У. Чемберлином, составляли занятые «принудительным трудом». У. Чемберлин подробно описывает труд «кулаков (бывших зажиточных крестьян)» как «значительную часть общего труда, затрачиваемого на строительство новых заводов в Сибири и на Урале» [10, р.109]. Кроме труда спецпереселенцев, в качестве принудительного труда У. Чемберлин

практически впервые в историографии анализирует лагерный труд заключенных, широко применяемый, как он отмечает, с начала 1930-х гг. Говоря о масштабах применения принудительного труда Чемберлин обращается к показательным данным советской печати о том, что «в августе 1933 г. свыше 12 000 заключенных, занятых на строительстве канала, соединяющего Балтийское море с Белым, ... получили полную амнистию и еще более 59 000 человек получили сокращение срока заключения... в честь скорейшего завершения строительства канала» [10, р. 258]. По его мнению, данные цифры позволяли западному читателю оценить уровень применения принудительного труда в советской России.

С. и Б. Вебб выделяют еще одну трудовую нишу – индивидуальный труд. В нее авторы включают тех, кто занят «самостоятельной, индивидуальной» (не наемной) работой в сфере мелких услуг (портные, прачки и пр.), рабочих и колхозников в период их работы на приусадебных участках, а также работников промкооперации. Веббы отмечают, что данная сфера часто пользовалась большой поддержкой власти, например, выдавался кредит на покупку телят в индивидуальное подворье. Легко увидеть, что авторские трактовки Веббов во многом выстроены на поиске положительного опыта СССР, не случайно их книга была практически сразу же после издания в Британии переведена и издана на русском языке.

Большой интерес виден в работах британских и американских авторов при описании методов привлечения к труду. Супруги Вебб, которые большое внимание в своих работах всегда уделяли изучению мотивов поведения человека, отвели вопросам трудовой мотивации целый раздел во втором томе книги «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (глава IX «Вместо наживы»). По их мнению, в вопросах привлечения к труду играли роль две составляющие – материальный стимул и моральная мотивация. Говоря о материальном стимуле С. и Б. Вебб описали положительные, на их взгляд, моменты сдельной системы оплаты труда (в Америке в тот период она оценивалась как «потогонная», на что обращает внимание также Ю. Лайонс), установление тарифных ставок в советской промышленности и пр. Ю. Лайонс в работе «Командировка в Утопию» пишет о введении материальных стимулов в 1932 г. как о важнейшей экономической реформе Сталина: «Была введена сложная система премий, надбавок и других денежных вознаграждений за лучшую работу. Руководство ударными бригадами или увеличение темпов работы с самого начала стимулировалось ощутимыми привилегиями, но старательно прикрывалось претензиями на неразбавленный патриотизм; теперь большая часть претензий была

отброшена, и акцент более откровенно делался на материальном вознаграждении» [11, р. 413]. Отличие системы оплаты труда в колхозах от промышленной подсистемы описал У. Чемберлин, который характеризовал особую единицу – «трудодень», стоимость которой, в денежной и натуральной форме, вычислялась после того, как урожай был собран. При этом он обратил внимание на особенности совхозов, которые выплачивали своим работникам фиксированную заработную плату [10, р. 76-78].

Вторая составляющая привлечения к труду, на которой останавливаются супруги Вебб – морально-поощрительная. Среди разновидностей моральной мотивации они довольно подробно рассматривают «социальные» – социалистическое соревнование, ударничество, шефство и др.; «систему общественной благодарности» – награждение орденами, другие виды морального поощрения; «систему общественного порицания» – «черные доски», стенгазеты, товарищеские суды и пр. Веббы не делают конкретного вывода о советской системе привлечения к труду, однако в заключении пишут: «Большевистский эксперимент доказал в течение последнего десятилетия вне всякого сомнения, что ни стимулы, ни существование капиталистического класса в качестве руководителя промышленности не являются необходимым условием производства благ в колоссальных масштабах и его непрерывного увеличения. Подобный результат заслуживает подробного рассмотрения» [3, с. 253].

У. Чемберлин, определяя способы привлечения к труду, остановился на двух, по его мнению, главных составляющих. «Пропаганда и репрессии – это два двигателя советского режима. Только благодаря умелому, неустанному сочетанию этих двух мощных инструментов управления (а советская пропаганда не имеет себе равных по интенсивности, так же как советские репрессии не имеют себе равных по беспощадности) коммунистические лидеры смогли прочно удержаться в седле».

Работы англоязычных авторов 1930-х гг. являются ярким и многоплановым источником, характеризующим, среди прочего, стороны трудовых отношений в советской России. Авторы данных работ уловили важные грани формирования новой системы эксплуатации труда в начале 1930-х гг., охарактеризовали основные правовые формы трудовых отношений, выявили особенности трудовой мотивации властью трудовой деятельности.

Список литературы и источников

1. 6 исторических условий т. Сталина. – Москва: Типография «Объединенный печатник», 1932. – 6 с.

2. Безнин М. А., Димони Т. М., Гулин К. А. Экономический строй России 1950–1980-х годов. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. 250 с.
3. Вебб С. и Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. Т. 2. 590 с.
4. Кабанова И. В. Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 228–265.
5. Киянская О. И., Фельдман Д. М. Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: показания А. Н. Гарри // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 7 (28). С. 18-35.
6. Коротаев В. И., Клепиков Н. Н. Международная информационная дискредитация Северного края и ее преодоление в начале 1930-х гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2005. №. 1. С. 27-37.
7. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата: 1925 – 1945 гг. Москва: Международные отношения, 1987. 784 с.
8. Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь железный занавес. See USSR! Иностранцы туристы и призрак потемкинских деревень. Москва: Изд. дом Высш. школы экономики, 2018. 496 с.
9. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Положение о паспортах. 27 декабря 1932 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1932. № 358. 28 декабря.
11. Chamberlin W.G. Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown And Company, 1934. 400 p.
12. Lyons E. Assignment in Utopia. New York: Harcourt, Brace, 1937. 658 p.

Г. М. Дробжева, канд. филос. наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Аннотация: Статья посвящена истории подготовки и проведения Всесоюзной научной конференции «Этика, мировоззрение, нравственное воспитание», прошедшей в Тамбове 4-6 июня 1985 г. Показаны достижения тамбовской школы этиков, её вклад в развитие советской этической науки. Деятельность тамбовской школы этиков раскрыта в контексте развития этической науки в СССР.

Ключевые слова: философия, этика, история этики в СССР, ТГПИ, А. Л. Хайкин, конференции по этике, тамбовская школа этики

G. M. Drobzheva, Ph.D. Philosopher Sciences, Associate Professor,
Tambov State Technical University (Tambov)

THE HISTORY OF ONE ALL-UNION SCIENTIFIC CONFERENCE

Abstract: The article is devoted to the history of the preparation and holding of the All-Union Scientific Conference "Ethics, worldview, moral education", held in Tambov on June 4-6, 1985. The achievements of the Tambov school of ethics and its contribution to the development of Soviet ethical science are shown. The activities of the Tambov school of ethics are revealed in the context of the development of ethical science in the USSR.

Keywords: philosophy, ethics, history of ethics in the USSR, TSPI, A.L. Khaykin, conferences on ethics, Tambov school of ethics

В начале июня 1985 г. в Тамбове состоялась Всесоюзная научная конференция «Этика, мировоззрение, нравственное воспитание». Это событие вполне достойно внимания исследователей-краеведов: оно является заметной вехой не только в интеллектуальной истории Тамбовской области, но и в общественно-политической жизни. Конференция интересна и тем, что представляет собой вершину айсберга, «подводная» часть которого – достижения и традиции тамбовской школы этики.

Организаторами конференции выступили Институт философии Академии наук СССР и Тамбовский государственный педагогический институт. Место её проведения было выбрано далеко не случайно. Начиная с 70-х годов XX века именно тамбовская школа этики под руководством Александра Лазаревича Хайкина (1912–1977) по праву могла претендовать на роль одной из «законодательниц мод» в этической науке, переживавшей в то время сложный период модернизации. Импульс развития, полученный

философами-этиками (в основном преподавателями Тамбовского пединститута) благодаря деятельности профессора Хайкина, был необычайно мощным. Долгие годы после его ухода из жизни Тамбов среди учёных-обществоведов Советского Союза слыл одним из центров этических исследований, привлекая на свои конференции как маститых учёных, так и начинающих исследователей в области морали со всех концов страны. Тамбовская школа этики занимала достойное место в ряду ведущих этических школ СССР – московской, ленинградской, тюменской, уральской и горьковской.

Для того чтобы в полной мере оценить значимость и масштаб прошедшей в Тамбове с 4 по 6 июня 1985 года научной конференции «Этика, мировоззрение, нравственное воспитание», обратимся к её предыстории, той самой «подводной части», а также рассмотрим деятельность тамбовской школы этики в контексте развития этической советской науки в целом.

Научно-методологической основой исследований проблем нравственности в СССР служила марксистско-ленинская философия [3, с. 57]. Период развития советской этики с 1960-х по 1990-е гг. XX в. интересен тем, что именно в это время начался и постепенно закрепился переход от так называемой «моральной идеологии» к «моральной теории» [7, с. 179]. Механизм партийно-государственного управления процессом нравственного воспитания общества, характерный для 1930-х– 50-х гг., продолжал действовать, но формирующаяся в советской этике стратегия морального теоретизирования понемногу освобождалась из-под его тотального влияния.

В 1960-е – 70-е годы этика, считавшаяся в 1940-е годы неотъемлемой частью исторического материализма, наконец-то выделилась в самостоятельную науку. Это давало этическим исследованиям в СССР определённую независимость от идеологического диктата и приблизило её к общемировой традиции рассмотрения этики как отдельной мировоззренческой науки [1, с. 5]. К тому же в рамках этой изменившейся научной системы актуализировалось историко-этическое направление, очень популярное среди тамбовских этиков.

Началом морального теоретизирования можно считать развернувшуюся в 1961 г. дискуссию по проблеме разграничения понятий «мораль» и «этика». Её поводом послужила опубликованная в журнале «Философские науки» статья Л. М. Архангельского «Сущность этических категорий».

Эта, казалось бы, сугубо теоретическая дискуссия привела к важным практическим результатам. Моральные понятия и этические категории были признаны относящимися к различным типам сознания: ценностного

(морального) и этического (научного). Принцип научно-ценностного разграничения морали и этики способствовал дальнейшему укреплению теоретической автономии этической науки. Более того, благодаря этому впервые в отечественной нравственно-философской традиции наметился отход от нравоучительности, характерной для отечественной философии.

В 1970-е годы сменилась и парадигма общекультурного понимания морали: на смену её восприя как формы общественного сознания приходит признание морали как способа духовно-практического освоения мира. Это сказалось и на проблематике теоретических исследований. Так, с середины 1970-х на первый план выходят морально-практические и этико-прикладные исследования [6, с. 182]. Причиной послужила выдвинутая в 1976 г. на XXV съезде КПСС идея «активной жизненной позиции личности». Произошёл переход от абстрактной теории коммунистической морали (1950-е–60-е гг.) через исследование морали развитого социализма (середина 1970-х гг.) и нравственного мира советского человека (начало 1980-х гг.) к созданию систематической теории социалистической нравственности. С начала 1980-х гг. стал проявляться плюрализм идей в советской этической науке, хотя о восстановлении разорванных связей с религиозно-философской этической мыслью пока ещё и речи быть не могло.

В рамках советской этики указанного периода сложно выделить отдельные оригинальные и самостоятельные, значительные этические системы. Для неё, скорее, характерен был, за редкими исключениями, «коллективный подход», поиски в рамках традиционной марксистско-ленинской этики, что нашло отражение в излюбленном тогда жанре коллективных монографий. Существовало общее магистральное направление. В его рамках в ходе многочисленных дискуссий формировалось некое общее понимание нравственности, морали, этики как науки [3, с. 57]. Этический дискурс середины 1980-х годов был необычайно богат: он изобилует статьями разнообразнейшей этической тематики, монографиями, конференциями, «круглыми столами», дискуссиями в философских журналах. Стали активнее переводиться и издаваться произведения зарубежных этиков – классиков и современников.

Если экстраполировать общие тенденции развития советской этической научной мысли 1960-х–90-х гг. на деятельность тамбовской школы этики, то получим картину, в которой можно выявить как совпадения с «генеральной линией», так и некоторые отклонения от неё, специфические черты, ярко отражавшие процессы модернизации этических исследований. Заслуга развития тамбовской этической школы принадлежит не только

А. Л. Хайкину. Он смог собрать и воспитать не просто учеников, но соратников.

Благодаря усилиям Александра Лазаревича на руководимой им кафедре уже в 1960-е годы в Тамбове сложился сплочённый творческий коллектив. Вначале круг учёных, занимавшихся в Тамбовском государственном педагогическом институте разработкой проблем этики, был невелик. В него входили Г. Е. Борисов, П. И. Бокарев, Я. Н. Циколь, И. С. Логачёв. Затем в состав этической школы вошли такие известные тамбовские философы, как Н. М. Аверин, Г. А. Гонтарев, В. А. Каримов, Ю. М. Политова, В. Н. Окатов, М. И. Дробжев, Е. Г. Романов, Ю. Г. Сурков, Е. И. Харланов, И. Н. Комаров и др.

К достижениям хайкинской школы, ставшим очевидными к началу 1960-х годов, можно отнести следующие:

Смена устаревших методологических процедур более конструктивными подходами. Признание того, что на разработку этических учений помимо материалистической или идеалистической позиции мыслителя влияют разнообразные интеллектуальные и психологические факторы, отражающие особенности его личности.

Критика абсолютизации классового элемента в морали, внимание к её общечеловеческим компонентам [2, с. 379].

Важным показателем высокого уровня работы тамбовских исследователей является тот факт, что с 1970 г. их работы стали печататься в центральных изданиях [4, с. 274]. Знаменательно, что за период с 1965 по 1974 гг. из 6 прошедших в СССР межвузовских конференций, посвящённых проблемам этики, 3 прошли в Тамбове (и по одной – в Москве, Курске, Новосибирске). В 1967 г. на базе ТГПИ в Тамбове состоялась научная конференция по проблемам этики и нравственности, посвящённая 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Она была необычайно представительной по составу: в ней приняли участие философы-этики из 34 городов Союза. Московская делегация оказалась самой многочисленной (26 человек). В их числе в Тамбов прибыл почти в полном составе сектор этики Института философии АН СССР и учёные из МГУ. 11 представителей прислал Свердловск, 4 – Горький. Почти 100 авторов опубликовали статьи в сборнике материалов конференции [4, с. 271].

Насколько высок был уровень конференции, можно судить по её участникам. Среди них такие известные уже в то время исследователи в области этики, как специалист по моральному сознанию О. Г. Дробницкий, Ю. М. Смоленцев, изучавший диалектику взаимоотношений морального

долженствования и реальных нравов, А. А. Гусейнов, известный своими изысканиями в истории этики, занимавшийся проблемой происхождения нравственности, специалист по марксистской этике и биоэтике Л. В. Коновалова, Н.А. Головкин – исследователь проблемы моральной ответственности, О. П. Целикова, разрабатывавшая проблемы коммунистического воспитания, Р. В. Петропавловский, известный работами по диалектике прогресса и его проявлениях в нравственности, и др. Ставшие впоследствии известными этиками ленинградские участники В. П. Кобляков, Я. Г. Якубсон и В. Г. Иванов признавались, что прошли настоящее «этическое крещение в тамбовской купели» [4, с. 271]. Пожалуй, следует также отметить, что конференция 1967 г. послужила тамбовским аспирантам хорошим импульсом для защиты кандидатских диссертаций. Защитили вскоре докторские и сам А. Л. Хайкин, В. Г. Иванов, О. Г. Дробницкий, В. П. Кобляков, А. А. Гусейнов.

А в 1972 г. тамбовские учёные-этики организовали ещё одну конференцию, посвящённую исследованию ленинского этического наследия. На страницах сборника материалов по её итогам опубликованы статьи 120 авторов, 23 из которых – из Москвы, 24 – из Тамбова, 9 приехали из Свердловска, 8 – из Ленинграда, по 6 – из Тюмени и Горького [4, с. 272].

Сложно переоценить значение, которое имела для философов-этиков страны публикация в 1974 г. коллективной монографии «Развитие марксистско-ленинской этики в СССР», где была отражена история развития одного из ведущих направлений русской и советской этической мысли с 90-х гг. XIX и до середины 70-х гг. XX в. Приложение к ней – «Опыт библиографии советской литературы на русском языке 1917–1967 гг.» – содержало описание 2296 работ, что оказало неоценимую помощь учёным страны [4, с. 274]. Издание до сих пор не утратило своего значения, оставаясь своего рода уникальным библиографическим справочником по этике. Новых попыток создания такого масштаба библиографических трудов по этике с тех пор ещё не предпринималось [1, с. 6].

Республиканский сборник «Насущные проблемы этики» под редакцией А. Л. Хайкина и с его программной статьёй «О критерии оценки этических учений» вышел в Тамбове в 1976 г. [7, с. 4-12]. Это был последний прижизненный сборник под редакцией лидера тамбовской этической школы. В 1977 г. не стало А. Л. Хайкина, но тамбовская школа достойно продолжила начатое им дело. На следующий год вышла книга «Насущные проблемы этики (вопросы онтологии и гносеологии морали)». Ещё один коллективный труд в традициях тамбовской этической школы –

«Проблемы истории и теории этики» – был издан в 1980 г. Совместными усилиями сотрудников кафедры философии и научного коммунизма ТГПИ разрабатывались проблемы идейно-нравственного воспитания. В 1981 и 1984 гг. увидели свет два сборника статей по этой проблематике. В следующем, 1985 году был подготовлен и вышел в печать сборник «Проблемы идейно-нравственного воспитания трудящихся в период строительства социализма в СССР (1924–1936 гг.)». Начало 1985 г. ознаменовалось выходом в издательстве «Наука» книги «Очерки этической мысли в России конца XIX-начала XX века», куда вошли две статьи Н. М. Аверина – «Развитие марксистской этики В. И. Лениным» и «Этические воззрения Л. И. Аксельрод», а также статья М. И. Дробжева «Этические идеи эсеров» [4, с. 275]. В 1986 г. коллектив кафедры философии ТГПИ приступил к подготовке сборника статей «Проблемы идейно-нравственного воспитания советского народа в годы Великой Отечественной войны», который вышел в 1987 г. [4, с. 274]. Темпы и качество работы тамбовских учёных-этиков впечатляют! Неудивительно, что именно Тамбов, имевший солидный опыт проведения представительных конференций по проблемам этики, летом 1985 г. привлёк на научную конференцию весь цвет советского философского сообщества. В Тамбов для участия в конференции прибыли посланцы этической науки 55 городов СССР из пяти союзных республик [5, с. 21].

Всесоюзная научная конференция «Этика, мировоззрение, нравственное воспитание» начала свою работу 4 июня 1985 г. Пленарное заседание открыл, как это и полагалось в то время, секретарь Тамбовского обкома КПСС Л. М. Щербаков. Он подчеркнул важность и актуальность разработки теоретических и практических проблем морали и нравственного воспитания в условиях совершенствования развитого социализма [5, с. 1].

Какие проблемы поднимали участники конференции? На пленарном заседании прозвучали 5 докладов. В выступлении профессора Л. П. Бугеой – заведующей отделом «Философские проблемы общественного сознания» Института философии АН СССР – были подняты вопросы взаимосвязи морали и мировоззрения. Л. П. Бугеой отметила сложность процесса формирования духовного мира личности, говорила о необходимости тонкого подхода к человеку, к тому, что она назвала «кружевом человеческой души». Она коснулась также проблемы формирования нравственного идеала у молодых людей и предложила исследовать степень осуществления идеала коммунизма в современных условиях, отмечая при этом не только наши достижения, но и не скрывая существующих проблем и пока ещё не решённых задач [5, с. 1-2].

Затем к трибуне вышел уже хорошо знакомый тамбовской философской аудитории заведующий кафедрой этики и эстетики Ленинградского университета имени А. А. Жданова профессор В. Г. Иванов. Его доклад был посвящён значению и роли нравственных убеждений в сознании и поведении личности. С докладом «Глобальные проблемы морали сегодня» выступил старший научный сотрудник Института философии АН СССР Р. П. Петропавловский. Он показал, что глобализация многих проблем, волнующих человечество, требует поиска нового подхода к их решению. Н. А. Головкина – старший научный сотрудник Института философии АН СССР – продолжила эту тему, высказав идею о том, что глобальная проблема войны и мира должна стать самостоятельным объектом исследования этики.

В докладе проректора по науке ТГПИ М. И. Дробжева был представлен, по существу, отчёт от лица тамбовских этиков о своей работе перед представителями этической общественности Советского Союза. М. И. Дробжев назвал ключевые проблемы, исследованием которых занимались преподаватели педагогического института: история марксистско-ленинской этики, теория нравственного воспитания, в методологическом плане – исследование этической проблематики и др.

После пленарного заседания началась работа секций. Их было 4:

1. Общие проблемы этики;
2. Проблемы нравственно-воспитательной деятельности в условиях совершенствования развитого социализма;
3. Актуальные вопросы историко-этических и историко-моральных исследований;
4. Идеологическая борьба и этика [4, с. 275].

Объём статьи не позволяет провести обзор работы всех секций, поэтому остановимся на кратком освещении докладов, сделанных на самой многочисленной (40 участников) секции общих проблем. Вопросы, обсуждавшиеся на ней почти 40 лет назад, и по сей день представляют большой интерес. Конечно, что-то из обсуждаемых вопросов безнадежно устарело либо кажется наивным и упрощённым, конъюнктурным, но в целом содержание выступлений показывает богатейшую палитру мнений и подходов к проблемам этики в середине 80-х годов прошлого века.

В центре обсуждения оказались вопросы сущности, структуры и функций морали, что особенно ярко отразилось в выступлениях Г. Н. Гумницкого из Иваново, А. И. Фортковой из Киева, И. Н. Комарова из Минска. Прозвучали на секции и выступления о сущности этики и её отношении к

морали (Е. Л. Иголь из Иваново, Л. М. Масимов из Горького). Попытки раскрыть сущность морали сквозь призму структурно-функциональных связей были предприняты А. П. Вардомацким из Минска, Н. М. Мухортовым из Воронежа [5, с. 5-7].

Поднимались вопросы о факторах «перевода» морального сознания в практику (Н. А. Соловых из Новосибирска), о диалектике цели и средства в области нравственности (В. А. Блюмкин из Курска), об абсолютном в морали (Ю. М. Смоленцев из Москвы). В. Н. Шердаков (Москва), рассуждая о нравственных поступках, совершённых по долгу или склонности, предположил, что при коммунизме личность достигнет цельности и преодолет противоречия между сущностью и существованием [5, с. 7-8].

И. Э. Бекешкина (Киев) высказала надежду на то, что зрелый социализм будет способствовать переходу от нравственности по традиции («так поступают все», «так надо») к нравственности, опосредованной собственной рефлексией и выбором. Были затронуты также проблемы диахронного подхода к изучению развития личности (А.П. Донченко из Новгорода), иллюзорности в нравственном сознании (О. П. Зубец из Москвы). С особым интересом аудитория восприняла доклад московского философа Р. Я. Левиты. Она сделала вывод о том, что автоматизация повышает требования к работникам аппарата, занятым сбором и обработки информации, актуализирует такие их качества, как ответственность, правдивость. Но, с другой стороны, повышается опасность ослабления морального действия принимаемых решений. Ведь решения готовятся средствами вычислительной техники и воспринимаются работниками как морально-нейтральные. О нравственных идеалах зрелого мировоззрения рассуждали Г. М. Мереминский (Москва) и Я. Г. Якубсон (Ленинград) [5, с. 8-9].

Инфраструктуре морали были посвящены выступления московских учёных М. Я. Ковальзона и О. О. Козьминой [5, с. 9-10]. Далее просто перечислим проблемы, которые также обсуждались на заседании секции: функционально-прикладная направленность морали, важность экологического воспитания как нравственной проблемы, нравственное значение социалистического принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», различие правовой и моральной оценки насилия, ведение нового этического понятия «линия поведения», девиантное поведение и проблемы мотивации поведения [5, с. 10-12].

20 участников конференции выступили на заседаниях второй секции. Учёные из Уфы, Казани, Свердловска, Москвы, Тамбова, Мичуринска, Кисинёва, Белгорода, Баку, Владимира, Ленинграда, Харькова, Ростова-на-

Дону, Киева, Тобольска, Горького и Гомеля в своих выступлениях, обсуждая вопросы морального воспитания, нередко выходили за их рамки – в сферу общих проблем этики. Они делились результатами этико-социологических исследований, опытом введения новых методологических подходов к изучению нравственно-воспитательной деятельности, предлагали оригинальные трактовки воспитания и самовоспитания, освещали различные факторы нравственного формирования человека [5, с. 12-15].

На третьей секции были подняты проблемы становления историко-этической науки (О. П. Целикова из Москвы, В. П. Шкоринов из Зернограда, Н. М. Аверина, В. А. Каримова и Ю. М. Политова из Тамбова). Этическое наследие отечественной культуры освещалось в выступлениях Е. Г. Романова и А. И. Юдина из Тамбова, Л. Б. Степанчиковой и И. Ю. Добродеева из Москвы, саранских учёных Р. И. Александровой и Е. А. Учаевой, В. Ю. Жямайтиса из Вильнюса, Е. А. Овчинникова из Ленинграда. Историко-этическое исследование генезиса отдельных этических проблем было представлено в выступлениях О. Ю. Самоходской и С. Н. Кочерова из Москвы, ленинградских учёных С. М. Илющенко и Н. А. Антипина, Е. Х. Харланова и Ю. Г. Суркова из Тамбова [5, с. 15-18].

Четвёртая секция, посвящённая проблемам идеологической борьбы, была не столь многочисленной. 9 участников акцентировали внимание на критике «современной буржуазной этики и морали» (В. С. Пазенок из Киева, Е. Л. Дубко и Н. Н. Куликова из Москвы, Д. С. Шимановский из Ровно, Г. А. Гонтарев из Тамбова, ленинградцы О. В. Журавлёв, Ю. В. Малышев и И. Б. Градинар). Развенчанию культа насилия и аморализма было посвящено выступление М. И. Дробжева – проректора по научной работе Тамбовского пединститута, одного из непосредственных организаторов конференции [5, с. 18-20].

Состоявшийся на секциях обмен мнениями выявил широту исследовательского поиска и разнообразие подходов в этике того периода. Участники конференции получили уникальную возможность ознакомиться с разнообразными точками зрения на коренные вопросы этики. Оценить их обоснованность и степень научной продуктивности. Конференция обнажила и явные негативные стороны положения на этическом «фронте»: разбросанность тематики исследований и рассредоточенность научных сил, попытки превратить в дискуссионные уже решённые проблемы, отход от устоявшейся научной терминологии и др. В этом плане прошедшая в Тамбове летом 1985 г. научная конференция ещё раз убедила её участников в пользе и эффективности коллективного, масштабного обсуждения насущных вопросов науки о

нравственности, стимулируя их к дальнейшему росту этических исследований как в крупных научных центрах, так и на периферии [5, с. 21].

В отличие от многих конференций, на которых после обсуждения заявленных в программе вопросов все разъезжались без подведения итогов, эта конференция выработала и приняла рекомендации. В множительной лаборатории ТГПИ их напечатали. Министерство народного образования РСФСР направило эти рекомендации во все пединституты России.

В рекомендациях, принятых на конференции, говорилось о том, что проблемы морали и нравственности приобретают всё большее значение. Это обязывает советских учёных-этиков повышать свой научный уровень, методологическую выдержанность решений, приблизить их к вопросам жизни. Подчёркивалось, что особую актуальность приобретает призыв к объединению всего человечества ради сохранения жизни на Земле. Были указаны и проблемы самой науки этики, требующие решения, в первую очередь – недостаточность отражения в научно-теоретических исследованиях практики нравственных отношений при социализме. Главная задача виделась в активизации разработки проблемы идейно-нравственного воспитания трудящихся, изучения опыта, накопленного партийными организациями, государственными учреждениями, профсоюзом и комсомолом в формировании высоких нравственных качеств советского человека [4, с. 277-279].

В письме, направленном в Министерство народного образования РСФСР профессором О. П. Целиковой, председателем оргкомитета, была дана высокая оценка конференции в Тамбове. На имя М. И. Дробжева пришло письмо из Института философии АН СССР, в котором ему лично была выражена благодарность за прекрасную работу по подготовке и проведению конференции [4, с. 280].

Подходящая к концу конференция по традиции должна была завершиться прощальным банкетом. Организаторы правдами и неправдами добыли необходимы средства, закупили индийский чай, бразильский кофе, разные напитки, деликатесы. Но из обкома КПСС пришла строжайшая директива: на банкете не должно быть ни капли водки, коньяка и вин! В стране тогда активно проходила антиалкогольная кампания. Перед организаторами встала дилемма: с одной стороны – законы и традиции. с другой – политика партии...

М. И. Дробжев попросил в Институте культуры выделить для мероприятия двух баянистов и двух культмассовиков. Те не подвели и сделали своё дело талантливо. Некоторым участникам конференции так понравилась организация банкета, что они не только выразили благодарность

организаторам, но и взяли себе на заметку, как надо поступать в подобных случаях. Понятно, что никакие даже самые строгие организаторы не в состоянии противостоять законам и традициям: те, кто хотели выпить, делали это в своих комнатах, а за столом только закусывали. Но пьяных не было, зато весёлыми были все! [4, с. 278].

Не секрет, что именно в неформальной обстановке и даются истинные оценки тому или иному прошедшему мероприятию. Конечно, как правило, на банкетах хвалят организаторов из вежливости, преувеличивая хорошее и замалчивая недостатки. Но всё же в оценках, данных участниками конференции её организаторам, отразилось и реальное положение дел. Нередко стихийность оценок и выдаёт их глубину. Так у одного из участников конференции на этом «безалкогольном банкете» родились стихотворные строки, которые нет нужды комментировать:

Тамбовская казначейша...
или: незабываемые дни на Цне

Тамбов на карте генеральной –
Опорный пункт добра... и зла –
Источник мысли гениальной,
Откуда этика пошла!
Когда мы помоложе были,
Тамбов прекрасный посетили,
А нынче всяк, кому не лень,
Уж ездят в Минск или Тюмень,
Но мчатся вновь в Тамбов милейший
С своей концепцией новейшей
Коллективист и гуманист.
Трудом тамбовской казначейши
Здесь обеспечен нам «Турист»!
Оставлены Москва, Волхонка,
Урал, сибирская сторонка...
Здесь этиков собрался полк!
Товарищ им – тамбовский волк!!!
Какая смесь одежд и лиц,
Профессий, должностей и званий,
Мужчин, хорошеньких девиц,
Здравших нос иль павших ниц!
А тезисы... одних названий!

Здесь Иванов, блистая золотом,
Нас убедил, что вредно пить,
Пообещавши трезвым быть,
Не выражаться русским матом.
Но Петропавловский, как крепость,
На страже истины стоит:
В глобальном плане, как нелепость,
Отказ от питья клеймит!
Ведь всем известно, даже мне,
Что ищут истину в вине!!!
Здесь цельность Целиковой ценят
(Цена ей высока на Цне),
И Головки, что не изменит
Трудом о мире и войне.
Здесь Блюмкин – полемист опасный
Определения даёт,
Как будто паутину ткёт.
Гумницкий – жрец науки страстный
Мораль логично, но напрасно,
Нам в чистом виде подаёт.
И Якубсон с улыбкой ясной
Так сладко о добре поёт.
А сколько счастья (и какого!)
Звучит в работах Шердакова!
И как чудесно в них слита
С добром и мыслью красота!!! [4, с. 279-280].

А в конце 1980-х годов на конференции по этике в Подмоскowie один из её участников, по-видимому, не раз до этого побывавший в Тамбове, написал очень знаменательные строки:

Бакштановский просит слова
И бросает в залу зов:
Все мы вышли из Тамбова,
Гей, назад, вперёд, в Тамбов! [5, с. 22]

Список литературы и источников

1. Аверин Н. М. А. Л. Хайкин и историко-этические исследования в СССР в 60-х – 70-х годах // Вестник ТГУ, Тамбов, 1997. С. 3-8.

2. Аверин Н. М. А. Л. Хайкин как историк этической мысли // Вестник ТГУ, Тамбов, 2013. Выпуск 7 (123). С. 378-381.
3. Бондаренко Л. И., Перов В. Ю. Теоретическая этика в СССР (1960-е–1980-е гг.) // Дискурсы этики. Альманах. Санкт-Петербург, 2012. С. 54-82.
4. Дробжев М. И. Жизнь есть деятельность. О времени и о себе. Тамбов, 2018. 383 с .
5. Мировоззрение и проблемы этики (к итогам Всесоюзной конференции). Машинопись. Подписано: Борисов Г. Е – зав. кафедрой научного коммунизма Тамбовского пединститута, кандидат философских наук, Дробжев М. И. – проректор по научной работе Тамбовского пединститута, кандидат философских наук, доцент, Политова Ю. М. – зав. кафедрой марксистско-ленинской философии Тамбовского пединститута, кандидат философских наук, доцент. 27 с. // Из личного архива М. И. Дробжева.
6. Назаров В. Н. Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990) // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 179-197.
7. Насущные проблемы этики. Республиканский сборник / Под ред. А. Л. Хайкина. Тамбов, 1976. 159 с.

Р. В. Коровин, аспирант,
Юго-Западный государственный университет (Курск)

УЧАСТИЕ МОЛОДЫХ КУРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЕ (1930-1940-е годы)

Аннотация: на основе архивных документов и материалов периодической печати рассмотрено участие молодых курских железнодорожников в подготовке боевых резервов для Красной армии.

Ключевые слова: подготовка боевых резервов, оборонные значки, оборонная работа, аэроклуб, «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник».

R. V. Korovin, graduate student
Southwest State University (Kursk)

PARTICIPATION OF YOUNG KURSK RAILWAY WORKERS IN MASS DEFENSE WORK (1930S-1940S)

Abstract: on the basis of archival documents and periodical materials, the participation of young Kursk railway workers in the training of combat reserves for the Red Army is considered.

Keywords: training of combat reserves, defense badges, defense work, aero club, "Voroshilovsky shooter", "Voroshilovsky horseman".

Обращение к опыту работы государственных органов, партийных структур и общественных молодежных организаций по подготовке в предвоенный период военно-обученных резервов для Красной Армии имеет особое научное и практическое значение. Это позволяет выявить перспективные формы и методы оборонно-спортивной деятельности для использования заинтересованными институтами гражданского общества, занимающимися патриотическим воспитанием будущих защитников Родины в современных условиях.

Как подчеркивал доктор исторических наук, профессор А. А. Слезин, всеобъемлющий опыт деятельности комсомола должен использоваться «в качестве важного компонента созидательной деятельности молодежных организаций на современном этапе. Речь, безусловно, идет об изучении опыта комсомола не только положительного, но и негативного... Причём, мы считаем, что имеющиеся негативные моменты в деятельности комсомола тех лет не изменяют сущности достигнутого значительного положительного опыта» [33, с. 5].

Но исследования региональных историков [24, с. 63-74; 23, 1] о подготовке курской молодежи к защите Отечества не содержат обобщения положительного опыта, накопленного в этом вопросе молодежью железнодорожного транспорта Курской области.

Основным направлением деятельности первичных комсомольских организаций Курского железнодорожного узла, составлявшей более 50% Кировской районной организации ВЛКСМ, и комитета комсомола Курского техникума паровозного хозяйства (КТПХ), относящегося к структуре Дзержинского РК ВЛКСМ г. Курска, явилось тесное взаимодействие первичных организаций комсомола со структурами добровольных оборонных обществ, занимавшимися вопросами начальной военной подготовки населения. Ведущими среди них были: Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР (Осоавиахим), аэроклубы, первичные организации Российского Красного Креста (РОКК), а также добровольные спортивные общества (ДСО).

Первичные организации Осоавиахима, создаваемые на предприятиях транспорта, в железнодорожных техникумах и школах, прилагали большие усилия к активизации военной подготовки молодежи. В них молодые люди приобретали военные знания, готовились к сдаче нормативов на оборонные значки («Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник», ПВХО I-II ст., ГСО I-II ст.). Первичные организации Осоавиахима стимулировали создание стрелковых, санитарных и военных кружков. Оборонная работа продвигалась, главным образом, через кружки военных знаний (КВЗ). В них, чаще всего, занималась молодежь допризывного возраста.

В апреле 1928 г. пленум Центрального Совета Осоавиахима поставил задачу: дать каждому осоавиахимовцу военные знания в объеме подготовки рядового бойца Красной Армии [25]. Главными причинами, которые тогда тормозили работу первичных оборонных организаций, стало отсутствие необходимых финансовых средств и ослабление учебно-материальной базы [1, с. 51].

В декабре 1929 г. на VI Пленуме ЦК ВЛКСМ после обсуждения вопроса «О задачах военной работы комсомола», было признано неудовлетворительным состояние военной работы в организациях комсомола. В резолюции Пленума указывалось, что «1) не выполнено постановление ЦК об обязательном военном обучении членов Союза, не имеющих военной подготовки... 2) работа комсомола в Осоавиахиме находится в крайне неудовлетворительном состоянии: он не является организующим центром работы Осоавиахима...» [31, с. 61-78]. Решения VI (Декабрьского) 1929 г.

Пленума ЦК ВЛКСМ, X съезда комсомола (16 – 26 января 1931 г.) способствовали активизации совместной оборонно-массовой работы комсомольских и Осоавиахимовских организаций. Так, на 1 января 1940 г. в Курской области уже действовала 4431 первичная организация Осоавиахима, объединившая 131 787 человек [6, л. 78].

О трудностях в реализации оборонно-массовой работы в середине 1930-х годов можно судить на примере работы Кировской районной организации ВЛКСМ г. Курска, в составе которой объединялось более 50% молодых рабочих Курского железнодорожного узла. На II Кировской районной партийной конференции (август 1937 г.) отмечалось, что райком комсомола (секретарь – В. Г. Быков) не уделял достаточного внимания вопросам реализации оборонно-массовой работы среди молодежи района. Так, из 1410 членов, состоявших в первичных организациях Осоавиахима в районе, только 187 были комсомольцами. Аппарат районного транспортного совета Осоавиахима не был укомплектован достаточным числом квалифицированных работников.

В период с августа 1936 по август 1937 гг. только 198 комсомольцев получили значки «Ворошиловский стрелок». 247 человек подтвердили право на обладание значков ПВХО I и II ступени, а на значки «Юного парашютиста» – лишь 25 человек [18, л. 66].

В январе 1939 г., выступая на III Кировской районной комсомольской конференции (25 – 29 января 1939 г.), секретарь райкома А. М. Лишева указала на значительные успехи, достигнутые молодежью района в оборонно-массовой работе.

В Кировском районе первичные организации Осоавиахима насчитывали 1308 человек [14, л. 23]. Было организовано 16 кружков по изучению военного дела. В кружках школы ФЗУ, отделений движения и паровозного хозяйства, Северного паровозного депо, железнодорожных школ № 39 и № 42 занималось более 350 комсомольцев. 295 человек сдали нормы на значки «Ворошиловский стрелок» I-II ступеней. Из числа молодежи ФЗУ, Северного паровозного депо и школы № 39 было подготовлено 27 пилотов-отличников [26, с. 89].

На IV Кировской районной партийной конференции (17-19 февраля 1939 г.) секретарь райкома партии Г. М. Дурнев отметил, что из 13 тысяч работников Курского железнодорожного узла насчитывалось 3645 членов Осоавиахима, из них – 393 члена ВКП(б) и 369 – комсомольцев. Нормативы на значки «Ворошиловский стрелок» I-II ст. успешно выполнили 361 человек, а на значок ПВХО I-II ст. – 1221 человек [19, л. 33-34]. Подчеркивалось,

что в коллективах станции Курск и вагонного участка насчитывалось по 88 значкистов, а 6-го отделения движения – 51 человек, в 7-й дистанции пути – 60 человек [19, л. 35, 36].

Выполняя постановление VIII Пленума ЦК ВЛКСМ (1939 г.) «Об оборонной и физкультурной работе» [32, с. 587, 589-592], комитет комсомола Северного паровозного депо Курск (секретарь – Д. А. Писклов) значительно усилил роль молодежи депо в оборонно-массовой работе. В каждом цехе были организованы стрелковые кружки. Среди комсомольцев и молодежи депо было 104 человека, носивших оборонные значки («Ворошиловский стрелок» – 62, ГСО – 43 и ПВХО – 56). Активизировалась работа с призывной молодежью (в августе 1939 г. из депо было направлено в ряды РККА 26 человек) [19, с. 107-108; 15, л. 19-20].

На основании Закона «Об обязательной военной службе» (1925 г.) вместо высшей допризывной подготовки, которая была введена в техникумах осенью 1926 г., с сентября 1930 г. внедрялась система вневоисковой подготовки. Качественно новый этап военной подготовки студентов средних специальных учебных заведений приобретал важное значение в накоплении резерва командных кадров в предвоенные годы [1, л. 66].

Одним из показателей патриотического настроения и гражданской зрелости стал процесс направления молодежи в военные училища. Так, в сентябре 1936 г. из железнодорожного техникума были отчислены 8 студентов в связи с поступлением в военные школы [28, л. 2]. В сентябре – октябре 1937 г., после поступления в военные училища, заявления об отчислении подали еще 12 студентов техникума [28, л. 40, 46-46-об].

19 марта 1939 г. комитет комсомола КТПХ (секретарь комитета – С. Ф. Червонев) после окончания техникума рекомендовал направить на службу в Военно-Морской флот 15 своих выпускников [9, л. 22-22-об].

Многие из бывших студентов КТПХ отважно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Например, М. З. Мишин закончил службу в звании капитана II ранга, кавалером шести боевых орденов. Член ВЛКСМ, командир взвода 272-го корпусного артиллерийского полка (КАП) лейтенант П. Ф. Суворов пропал без вести в ноябре 1941 г. [34, л. 11; 35, л. 115].

Гордость у современной молодежи Курской области вызывает боевой путь Героев Советского Союза С. А. Гуляева и И. Е. Плеханова. 1 сентября 1934 г. они были зачислены на первый курс Курского тягового эксплуатационного техникума [27, л. 40-об-41]. По путевке Курского горкома

комсомола в августе 1936 г. И. Е. Плеханов был направлен в Качинскую военную авиационную школу. Он успешно ее окончил в 1938 году [20, с. 229].

В 1940 г. Ейское военно-морское авиационное училище с отличием окончил С. А. Гуляев [20, с. 80-81]. Командир звена 158-го истребительного авиаполка войск ПВО страны, старший лейтенант И. Е. Плеханов к августу 1942 г. совершил 244 боевых вылета. В 34 воздушных боях он сбил 13 вражеских самолетов [36, л. 263]. 28 января 1943 г. капитану И. Е. Плеханову было присвоено звание Героя Советского Союза [21, с. 95].

Командир эскадрильи 46-го штурмового авиационного полка ВВС Северного флота С. А. Гуляев совершил к июню 1944 г. 15 боевых вылетов, лично потопив 3 транспорта, 2 сторожевых катера и самоходную баржу противника [38, л. 10-14]. 22 июля 1944 г. капитану С. А. Гуляеву было присвоено звание Героя Советского Союза [20, с. 80-83].

В феврале 2023 г. на здании Курского железнодорожного техникума были установлены мемориальные доски в память о Героях Советского Союза генерал-полковнике С. А. Гуляеве и полковнике И. Е. Плеханове.

Учащиеся Курского техникума паровозного хозяйства активно участвовали во многих городских и областных военно-физкультурных и стрелковых соревнованиях. В 1936 г. они заняли второе место в летней областной спартакиаде студентов вузов и техникумов [11, л. 56, 76-77]. Молодые курские железнодорожники активно участвовали и в военно-технических соревнованиях, посвященных XX-летию Красной Армии (1938 г.) и ВЛКСМ (октябрь 1938 г.) [26, с. 279-280].

19 марта 1939 г. на заседании комитета комсомола КТПХ обсуждалось состояние оборонно-массовой работы среди студентов. В техникуме действовало два кружка инструкторов ПВХО и кружок по изучению устройства станкового пулемета. 75 студентов успешно сдали нормативы значка «Ворошиловский стрелок». В 1938-1939 гг. было подготовлено 20 ворошиловских пулеметчиков, 18 – значкистов ПВХО, 25 – значкистов ГСО [9, л. 21].

13 апреля 1940 г. на заседании комитета ВЛКСМ техникума паровозного хозяйства подчеркивалось, что в технической игре допризывной молодежи участвовало до 100 студентов. Был проведен военизированный поход комсомольцев, соревнования по использованию средств химической защиты [10, л. 40-об, 47]. Была организована массовая сдача нормативов на получение оборонных значков.

5 ноября 1940 г. в докладе на отчетно-выборном комсомольском собрании КТПХ секретарь комитета комсомола Н. М. Бобрышов отметил,

что военно-физкультурная работа поставлена на должный уровень. В техникуме действовали военно-физкультурные кружки «Ворошиловских стрелков» и «Ворошиловских всадников», пулеметчиков, гранатометчиков, секция штыкового боя. Первичная организация Осоавиахима за четыре месяца 1940 г. увеличилась со 100 до 220 человек. В ее составе было 154 значкиста ПВХО I-II ст., ГСО I ст. – 59 человек. Было подготовлено 14 Ворошиловских всадников [17, л. 49]. После окончания техникума все хорошо подготовленные студенты направлялись в ряды Красной Армии.

Комсомольцы Е. В. Богатырев, М. В. Здоровцев, И. Ф. Звягинцев, Д. Е. Прядко, В. К. Киселев, И. В. Мезенцев являлись обладателями 4-5 оборонных значков. За активную работу председатель секции «Осоавиахима» техникума студент М. М. Апухтин был отмечен значком «Активист Осоавиахима» [10, л. 69-об].

В 1940 г. за активную оборонно-массовую работу Курскому техникуму паровозного хозяйства первому в области был вручен коллективный значок «Готов к противовоздушной и химической обороне» (ПВХО) [8, л. 44]. За активное участие в оборонно-массовой работе в 1938 г. коллектив железнодорожной школы № 42 на ст. Курск был занесен на Доску Почета ЦК ВЛКСМ [14, л. 20].

6 марта 1941 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ подвело итоги лыжного комсомольского кросса, проведенного в феврале 1941 г. в честь XXII годовщины РККА. В нем участвовали 65 тысяч комсомольцев области [12, л. 156-157, 195]. В составе команды Дзержинского района г. Курска в комсомольском кроссе участвовало более 40 студентов железнодорожного техникума. Многие из них добились отличных спортивных результатов.

21 января 1931 г. на IX съезде комсомола было принято решение о шефстве над Военно-Воздушным флотом страны. Широко стал известен лозунг «Все комсомольцы – на самолет!» Курский обком комсомола установил связь с авиационными частями, расположенными в Липецке и Воронеже. Воины подшефной летной части, совершая лыжный агитпоход по маршруту Воронеж – Курск – Воронеж, при встрече с молодежью Курского железнодорожного узла рассказали о своей боевой учебе [26; 1, с. 3].

19 декабря 1934 г. в Курске был организован аэроклуб, здесь же действовала одна из первых в стране планерная станция. В 1936 г. аэроклубом было подготовлено 9 пилотов планеров и 49 парашютистов [26, с. 5]. В их числе были комсомольцы-железнодорожники Т. П. Кравченко – пионервожатая железнодорожной школы № 42, П. В. Бирюков, М. А. Бутова [2, л. 350-350-об; 3, л. 230].

17 декабря 1936 г. в соответствии с заданиями по подготовке летчиков без отрыва от производства на учебу в Курский аэроклуб были направлены 80 комсомольцев и молодежи города Курска. Студенты Курского техникума паровозного хозяйства А. Г. Анциферов, Н. Т. Ласков, А. П. Псарёв проявляли интерес к обучению в летной и парашютной секциях аэроклуба. Учеба в аэроклубе не способствовала их обучению в техникуме. В 1939 г. из КТПХ были отчислены А. Г. Анциферов и А. П. Псарёв, поступившие в военные авиационные школы [29, л. 85, 113]. Младший лейтенант А. Г. Анциферов погиб в 1943 г. в воздушном бою над территорией Ленинградской области [22, с. 47]. В 1939 г. выпускники летной секции Курского аэроклуба, молодые железнодорожники Калинин, Власов, Барков, Недуев, Алфёров были направлены для учебы в Качинскую авиационную школу [14, л. 23].

2 декабря 1936 г. был принят в ряды ВЛКСМ слесарь паровозного депо Курск-Северное, стахановец М. П. Ренца [13, л. 18]. Райком комсомола направил его в Курский аэроклуб, а позднее – на курсы летчиков [7, л. 46]. В 1939 г. он окончил Одесскую военную авиационную школу. Командир авиаэскадрильи 30-го гвардейского истребительного авиаполка М. П. Ренц сбил в 56 воздушных боях 23 вражеских самолета [37, л. 117-119]. 15 мая 1946 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза [20, с. 99].

20 марта 1939 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ рекомендовало слесаря-инструментальщика вагонно-ремонтного пункта ст. Курск комсомольца Е. А. Бочарова к службе на Балтийский флот [16, л. 42]. 26 марта 1945 г. старшина I статьи, моторист торпедного катера Е. А. Бочаров, награжденный орденом Красной Звезды, погиб при освобождении порта Паланга [26, с. 257].

В предвоенные годы важную работу по совершенствованию оборонно-массовой работы проводили первичные организации общества Красного Креста (РОКК). В апреле 1939 г. на предприятиях железнодорожного транспорта Курской области насчитывалось 114 первичных организаций РОКК [4, л. 4]. Подготовка кадров на курсах Красного Креста проводилась по программе ВСУ РККА как с отрывом от производства, так и без него [5, л. 8].

Активное участие в работе РОКК принимали молодые медицинские работники поликлиники Курского железнодорожного узла. За два года ими было подготовлено более 150 сандружинниц из числа рабочей молодежи и учащихся железнодорожных школ. В начале 1941 г. в Курском паровозном техникуме был введен курс военно-санитарного дела (руководитель-преподаватель Т. А. Свистун) [30, л. 96].

Отметим, что в 1930-е – начале 1940-х гг. в Курской области происходило интенсивное развитие системы допризывного обучения молодежи. Повышение уровня военных знаний молодежи в предвоенный период преследовало две цели: подготовку молодежи для последующего комплектования РККА на случай войны и общую подготовку населения к обороне.

Важной особенностью оборонного движения было участие в нем молодежных общественных организаций, в том числе молодых курских железнодорожников. К началу Великой Отечественной войны, благодаря четко налаженной системе военной подготовки молодежи, страна получила значительный стратегический резерв, который имел базовые военные знания и активно использовался в критические моменты войны.

Список литературы и источников

1. Бабаскин О. П. Реализация государственной политики в сфере начальной военной подготовки молодежи в учебных заведениях Курского региона (1917-1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 260 с.

2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22.

3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115.

4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1461.

5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1466.

6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2783.

7. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 137.

8. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 194.

9. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1а. Д. 397.

10. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1а. Д. 400.

11. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 22.

12. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 68.

13. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 2.

14. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29.

15. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 30.

16. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 33.

17. ГАОПИКО. Ф. П-2119. Оп. 1а. Д. 1.

18. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 37.

19. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 98.

20. Звезды славы боевой / Под научной ред. И. Г. Гришкова. Курск: Курскинформпечать, 1995. 463 с.

21. Золотые звезды курян / Под ред. Р. В. Старовойта. Курск: ООО «Планета», 2019. 280 с.

22. Книга памяти. Т. 1. Курск: Курскинформпечать, 1993. 431 с.

23. Кублова С. А. Деятельность государственных, партийных органов и общественных организаций Курского края по подготовке военно-

обученных резервов для Красной Армии в 1921 – первой половине 1941 гг. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Курск, 2012. 24 с.

24. Кублова С. А. Подготовка военно-обученных резервов для Красной Армии в предвоенный период в рядах Осоавиахима на территории Курской области (1940 – июнь 1941 г.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. №6. С. 63-74.

25. На страже (орган ЦС ОАХ). 1928. 10 апреля.

26. Настоящий патриот ценит свое Отечество... Культурно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодежи Курской области (1934-1965 годы). Сб. документов. Курск: б/и, 2014. 355 с.

27. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск) (ОА МЖД). Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 2.

28. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 4.

29. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 6.

30. ОА МЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 10.

31. Постановление и резолюции VI Декабрьского 1929 г. Пленума ЦК ВЛКСМ. Москва, 1930. С. 61-78.

32. Товарищ комсомол. Документы съездов, конференции и ЦК ВЛКСМ. 1918-1968. Том I: 1918-1941. Москва: Молодая гвардия, 1969. 608 с.

33. Феномен комсомола: середина 1950-х – первая половина 1960-х гг. / Под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017. 232 с.

34. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 220.

35. ЦА МО РФ Ф. 33. Оп. 11458. Д. 482.

36. ЦА МО РФ Ф. 33. Оп. 793756. Д. 37.

37. ЦА МО РФ Ф. 33. Оп. 793756. Д. 40.

38. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 492.

Е. А. Ушакова, ведущий архивист
отдела использования документов и информатизации,
Государственный архив социально-политической
истории Тамбовской области (Тамбов)

**АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(по документам Государственного архива
социально-политической истории Тамбовской области)**

Аннотация: В статье рассматриваются проявления антисоветских настроений в Тамбовской губернии, их причины. В качестве источников использованы документы фондов ТОГБУ «ГАСПИТО»: Тамбовского губкома, Кирсановского и Козловского укомов ВКП(б).

Ключевые слова: коммунизм, антисоветские партии, политика, Тамбовская губерния, крестьяне.

E. A. Ushakova, leading archivist
document use department and informatization
TOGBU "GASPITO" (Tambov)

**ANTI-SOVIET VIEWS IN THE TAMBOV PROVINCE
IN MIDDLE 20S OF THE XX CENTURY
(according to documents from the State Archive socio-political history of
the Tambov region)**

Abstract: The article considers the manifestations of anti-soviet views in the Tambov province and their causes. Documents from the TOGBU "GASPITO" were used as sources of research: documents of Tambov Provincial Committee, Kirsanovsky and Kozlovsky District Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).

Keywords: communism, anti-soviet parties, politics, Tambov province, peasants.

По данным информационных сводок, в 1924 г. на территории Тамбовской губернии не было выявлено активной деятельности антисоветских партий. По словам самих коммунистов, серьезную опасность представляли левые партии: партия социалистов-революционеров, партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов, меньшевики, анархисты. Все вышеперечисленные партии, кроме анархистов, в предыдущие годы подверглись разгрому. По сведениям Тамбовского губкома РКП(б) от

30 июня 1924 г., настроение партийцев не было направлено в сторону борьбы с советской властью [4, л. 31].

Из 103-х членов партии социалистов-революционеров – 16 легализовались и присоединились к решениям Всероссийского съезда бывших рядовых членов партии эсеров, проходившего в марте 1923 г. в Москве; 12 – вышли из партии, порвав с ней связь, и 75 остались в партии, не опубликовав выхода. У коммунистов проводилась плановая работа по их окончательному разгрому.

Левых эсеров насчитывалось 57 человек, но большинство из них заявило, что после убийства посла Германской империи Вильгельма фон Мирбаха 6 июля 1918 г., они не считают себя членами партии. 4 левых эсера опубликовали выход, 3 легализовались.

Меньшевики заявляли на допросах, что поскольку их организация распущена в 1918 году, они не проводят работу и считают, что РСДРП не существует. Из общего числа 69 подучетных меньшевиков – 28 разорвали связь с партией, официально заявив о своем выходе, а 41 не проявляли политической активности.

Анархистов – 16 человек, среди них отмечены только разговоры, но активных действий не обнаружено.

На сокращение числа членов антисоветских политических партий сильное влияние оказали проводимые коммунистами репрессивные операции. Большинство антисоветских партий за время революции и гражданской войны «устарели, омерцанились, стали бездеятельны и занимаются перемыванием косточек и осторожной (из-за угла) критикой мероприятий со-власти» [там же, л. 31].

Симпатии к оппозиционным партиям со стороны рабочих и крестьян не проявлялось, а вот зажиточное крестьянство и городские торговцы, по данным январской информационной сводки, выражали антисоветским партиям сочувствие, но активных действий тоже не вели [3, л. 19].

Что касается существовавшего ранее в Тамбовской губернии, так называемого политического бандитизма, можно отметить, что он потерял свою политическую окраску и переродился в уголовный. В губернии оставались мелкие вооруженные группы, нападавшие на проезжающих с целью грабежа, увода лошадей [там же, л. 19].

Взгляды интеллигенции и беспартийных учащихся были направлены на дискуссию среди членов РКП(б). В рядах скрытой оппозиции начали ходить слухи о начале разложения партии. Эти слухи подкрепляло появление в коммунистической партии левой оппозиции, в широком смысле

представлявшей собой внутривнутрипартийную тенденцию, сторонников которой объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка демократизации внутривнутрипартийного режима.

Внутрипартийные противоречия встречались не только в высшем эшелоне власти, но и на местах. В июне 1924 г. Тамбовский губком РКП(б) направил циркулярное письмо уездным комитетам партии об очищении РКП(б) от чуждых элементов [1, л. 7]. Толчком к созданию этого циркуляра послужили установленные факты, что некоторые члены РКП(б), будучи приговоренными судебными органами и органами ВЧК за проступки к тому или иному наказанию, оставались членами партии. А в некоторых случаях приговоренные продолжали занимать ответственные посты, хотя сразу после обвинительного приговора их должны были исключить из рядов РКП(б). Причиной такой путаницы стало отсутствие налаженной связи между судебными органами и партийными комитетами. Судебные органы не сообщали о приговоре, вынесенном члену РКП(б), в партийный комитет. Соответственно, обвиняемый продолжал быть членом партии и оставался на прежней должности. Среди предъявленных обвинений часто встречаются крупные растраты. Эти факты подрывали авторитет РКП(б) в глазах не только партийных, но и беспартийных граждан Тамбовской губернии.

В отчете Моршанского уездного комитета ВКП(б) за период с декабря 1925 г. по май 1926 г. о работе антисоветских групп политические партии не упоминаются, но отмечены антисоветские элементы: «антисоветским элементом является кулачество, торгаши, зажиточные вообще, остающиеся непримиримыми по отношению к соввласти» [6, л. 38].

Отношение антисоветских групп к коммунистической партии показала проходившая в 1926 г. на территории Тамбовской губернии перевыборная кампания. Для проведения перевыборной кампании в пределах Тамбовского уезда, были высланы специальные уполномоченные Тамбовского уизбиркома из состава ответственных товарищей исполнительного комитета и Тамбовского уездного комитета ВКП(б) [5, л. 77].

Уполномоченные Тамбовского уизбиркома отмечали пассивность избирателей при проведении выборной кампании. В большей степени были пассивны беднейшие слои населения. Причины разные, например: отсутствие одежды и обуви, поэтому бедняки Рассказовской волости высказывались за то, чтобы перевыборы проводились в летнее время. Некоторые граждане не посещали предвыборные собрания, объясняя это тем, что «нам там делать нечего, все равно по-нашему не будет» [там же]. Были случаи, когда перевыборам препятствовали местные работники. Например, в Федоровской

волости, «председатель сельского совета не хотел, чтобы избиратели собрались полностью, боясь, что его не выберут, в то же время тряся за свою погрешность – растрату 300 рублей, за что он отдан под суд» [там же, л. 77 об.]. Активных группировок со стороны кулацкой и зажиточной части крестьянства «не наблюдалось, хотя враждебность и была в отдельных случаях, но она кулаками и зажиточным крестьянством проводилась через средняцкий и бедняцкий слои, путем подпойки, что имело место в ряде волостей» [там же, л. 77 об.]. Подпаивали средние и беднейшие слои крестьянства с разными целями: кто-то устраивал подпойки, чтобы провести в Советы желательные кандидатуры. Наряду с этим были подпойки со стороны бывших членов сельских советов и волисполкомов, которые за разные преступные действия были исключены из партии. Подпаивали с целью влияния на массы при выдвижении и голосовании за кандидатуры, поддерживаемые зажиточными крестьянами, антисоветскими элементами и бывшими партийными работниками, исключенными из коммунистической партии.

Наблюдались случаи отдельных неофициальных собраний зажиточных крестьян, так называемых «горлопанов», которые ставили задачей провести в Совет своих сторонников. Показателен случай в Саюкинской волости, село Столовое, где группа зажиточных крестьян предъявила ультиматум следующего содержания: «если их кандидатуры не будут проводиться в Советы, то они отказываются от выборов и уходят с собрания» [там же, л. 78].

Избирались в Советы в большей степени крестьяне-средняки, так называемые «хозяйственники». Необходимо отметить в отдельных волостях единодушное голосование за выдвигаемые кандидатуры – членов коммунистической партии.

Но были и исключения. Например, в Лысогорской волости кандидатуры, выдвигаемые коммунистической партией, не были избраны. Это происходило за счет агитации отдельных личностей, целью которых был подрыв авторитета коммунистов, в том числе путем выступлений и выкриков во время обсуждения кандидатур, в результате чего кандидатуры членов ВКП(б) получали меньшее количество голосов. Оппозиция называла коммунистов «чужими», особенно после случаев растрат, совершенных партийными работниками в Лысогорской волости, и таким образом подрывавшим авторитет партии и местной комсомольской организации.

Подводя итог переизборной кампании, можно отметить, что враждебные по отношению к советской власти выступления исходили в большинстве своем со стороны зажиточного слоя крестьянства, от бывших работников волисполкомов, исключенных из партии, и части служащего

элемента. Выступления не всегда касались только лишь политической стороны дела, интерес представляло и экономическое положение СССР.

Случались и другие, в определенном смысле курьезные, происшествия, характеризующие отношение крестьян к партийным работникам. Так в июне 1924 г. один инструктор РКП(б) в 12 часов дня возвращался из с. Вячки, куда выезжал по кооперативным вопросам. Наиболее красочно эту ситуацию иллюстрирует доклад самого потерпевшего: «Проезжая через пригородную деревню Шиновку, был встречен двумя молодыми женщинами, которые держали в своих руках полные ведра воды сомнительной чистоты, и потом умышенно вылитых на головы мне и товарищу коммунару из Вячкинской коммуны, при общем хохоте детей. После принятия холодно-грязной ванны я соскочил с тележки и направился к одному дому, где стояли отбежавшие после обливания женщины и несколько мужчин, детишек и вообще человек 15-20 публики, чтобы узнать, в чем дело. При моем приближении публика моментально разбежалась, осталось лишь 3 женщины, хозяйки домиков, напротив которых это происходило. Я спросил: «В чем дело, что случилось и за что мы получили ванну?» Женщины ответили: «Не знаем». «А [кто] эти, что проводили обряд?» Женщины не хотели назвать их имена. В конечном итоге получилось, что я прибыл в райсельскосоюз весь мокрый, в грязи, с промокшими моими анкетами обследования сельскохозяйственных объединений и другими документами.

Дома меня информируют, что это крестьянское искусственное орошение, то есть вызов дождя... Как бы ни были велики затеи при вызове дождя, окачивание холодно-грязной водой проезжающих, тем более не в глухой деревушке, а почти в городе, я думаю: в этом отношении агитация мало сумеет помочь, а самое лучшее, по-моему, пресечь данное дикарство можно только путем преследования таковых и соответствующего административного наказания» [2, л. 97, 97 об.].

Сегодня сложно определить, что стало причиной данного поступка крестьян: отношение к партийным работникам и Советской власти или действительно суеверия. Тем не менее, этот поступок показал отношение к представителям коммунистической партии со стороны крестьян, живущих по соседству с городом.

Итак, на основании документов Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области об антисоветских настроениях в Тамбовской губернии, о проведении перевыборной кампании 1926 года, можно сделать вывод, что остатки оппозиционных партий в середине 20-х годов XX века продолжали существовать, но активно себя не проявляли.

После подавления крестьянского восстания («антоновщины») количество эсеров, меньшевиков, анархистов в Тамбовской губернии значительно уменьшилось в связи с репрессивными мерами советской власти.

Во время перевыборной кампании встречались недовольства коммунистической партией со стороны избирателей. В ряде случаев это было связано с тем, что отдельные коммунисты на местах совершали растраты и проступки, дискредитирующие ВКП(б). Зажиточное население и бывшие коммунисты в ряде случаев преследовали личные интересы, старались оказать воздействие на граждан, не имеющих четкой политической позиции.

Список литературы и источников

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-834. (Козловский уком ВКП(б) 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 439.

2. ГАСПИТО. Ф. П-837. (Кирсановский уком ВКП(б). 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 1060.

3. ГАСПИТО. Ф. П-840. (Тамбовский губком ВКП(б). 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 2560.

4. ГАСПИТО. Ф. П-840. (Тамбовский губком ВКП(б). 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 2564.

5. ГАСПИТО. Ф. П-840. (Тамбовский губком ВКП(б). 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 3141.

6. ГАСПИТО. Ф. П-840. (Тамбовский губком ВКП(б). 1918-1928 гг.). Оп. 1. Д. 3226.

Н. О. Щупленков, канд. истор. наук,
Ставропольский государственный педагогический институт,
филиал в г. Ессентуки (Ессентуки);

О. В. Щупленков, канд. истор. наук,
Ставропольский государственный педагогический институт,
филиал в г. Ессентуки (Ессентуки)

**ПРАВА ЖЕНЩИН И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 1918–1953 ГГ.
В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация. Основной исследовательский вопрос статьи заключается в определении роли женщины при проведении политических и правовых реформ Советской власти в период с 1918 по 1953 года.

Ключевые слова: женотдел; женщина; идеология; права; пропаганда; Советская власть.

N.O. Shchuplenkov, Candidate of Historical Sciences,
Stavropol State Pedagogical Institute,
branch in Yessentuki (Essentuki);

O.V. Shchuplenkov, Candidate of Historical Sciences,
Stavropol State Pedagogical Institute,
branch in Yessentuki (Essentuki)

**WOMEN'S RIGHTS AND THEIR SITUATION
IN THE SOVIET PERIOD 1918–1953
IN WESTERN HISTORIOGRAPHY**

Abstract. The main research issue of the article is to determine the role of women in the political and legal reforms of the Soviet government in the period from 1918 to 1953.

Keywords: Women's Department; woman; ideology; rights; propaganda; Soviet power.

Проблема, представленная в статье, состоит в рассмотрении оценки зарубежных исследователей, как изменения в статусе женщины повлияли на ее роль в жизни советского общества. Статус советской женщины в общественном и правовом пространстве позволял совмещать общественную и трудовую функции. Для достижения этой цели Советское правительство активно поощряло женщин-работниц, ставших трактористками, ткачихами или сварщицами, внесших значительный вклад в развитие советского общества.

Данное исследование основано на первичных электронных архивных документах, научной литературе и материалах ведущей периодической печати того периода, таких как статьи пропагандистского содержания газет «Правда» и «Известия», плакаты, посвященные женщинам, воевавшим на фронте, или работавшим в тылу. В этих материалах важное место отводится пропаганде женского труда и роли женщин в годы войны. В исследовании также рассматриваются и анализируются различные правовые документы, в том числе советское законодательство.

Исходя из основного исследовательского вопроса, в статье был использован метод контент-анализа количественных исследований. В ходе исследования были проанализированы различные первичные и вторичные источники, посвященные положению женщин в Советском Союзе, которые позволили определить реальную причину либерализации законодательства СССР, установления равенства между мужчинами и женщинами и предоставления женщинам новых ролей. Критический метод помог нам выявить и проанализировать результаты советской гендерной политики, определить факторы, лежащие в основе этой политики, и реальные результаты, которые она принесла женщинам. Временные рамки исследования – 1918–1953 годы. После прихода большевиков к власти эмансипация женщин в СССР шла более или менее успешно, потому что именно в это время женщинам был предоставлен ряд прав и свобод. Однако после смерти В. И. Ленина и прихода И. В. Сталина к власти советская гендерная политика радикально изменилась. По мнению ряда зарубежных исследователей, произошла радикальная трансформация взглядов Советского правительства на права женщин, начавшаяся с ленинского радикально-либерального видения свободы личности, отмены семейной жизни и института брака и завершившаяся после принятия новой Конституции СССР 1936 года государственной политикой, направленной на укрепление и сохранение института семьи, которая требовала от женщин нести «двойное бремя» [8].

За последние несколько лет значительно возрос интерес к изучению прав женщин и их положения в советский период, поэтому изучение советского прошлого в контексте политической и культурной памяти стало актуальным. Хотя подчеркивалась важность вклада женщин и поощрял их занятость, на самом деле она ограничивалась доступом женщин к саморазвитию и препятствовал росту их интеллектуального потенциала. Ряд западных научных исследований активно изучали реальное положение женщин в Советском Союзе. Например, К. Б. Уша подчеркивает: «Расширение политических прав и возможностей женщин в Советском Союзе и России на

основе коммунистической идеологии и реализации социалистических принципов демонстрирует реальное положение советских женщин» [17]. Исследователь отмечает, что, несмотря на принятые меры по политическому расширению прав и возможностей женщин, политическое представительство женщин было постоянно низким и что, несмотря на высокий уровень занятости и высокий процент образованных людей среди советских женщин, СССР не удалось изменить культуру доминирования мужчин и устранить неравенство между женщинами и мужчинами. По ее мнению, была выбрана стратегия, направленная на ущемление право женщин национальным интересам, когда необходимость способствовать росту населения стала особенно острой после начала войны между СССР и нацистской Германией. М. Хаттон при изучении женщин-лидеров того периода подробно рассматривает образ их жизни и карьеры, взлетах и падениях, почестях и преследованиях при советской власти [10]. По мнению автора, революция мало что сделала для ликвидации существующей патриархальной культуры. В начале большевистского государства разводы и аборт стали легче получить; однако эффективный контроль над рождаемостью был ограничен, и концепция сексуальной свободы в действительности означала большую сексуальную свободу для мужчин, чем для женщин. Трансформация, необходимая для истинного равенства, была отодвинута на второй план политической программой, созданной коммунистическими лидерами, такими как Ленин, Троцкий и Сталин. Автор пытается доказать, что конечный результат политики, проводимой советским правительством, был негативным для политического и социального положения женщин, несмотря на все открывавшиеся перед ними возможности.

В ранний сталинский период в Советском Союзе действовал Женотдел – организация, защищавшая женщин от дискриминации на рабочем месте. Женотдел, женская секция Коммунистической партии, был создан для обеспечения равных прав и возможностей женщин [16]. В то же время число женщин с высшим образованием значительно возросло, поскольку образование стало более доступным для женщин. В 1935 году впечатляющие 38% советских женщин были зачислены в высшие учебные заведения по сравнению с 13,6% в Германии в 1935 году и 25,7% в Англии двумя годами ранее [14].

Свобода, по сравнению с часто упоминаемым и обсуждаемым равенством, является гораздо более сложным понятием в силу своей общности и абстрактности. Очевидно, что Сталин и его соратники не отрицали необходимости женской эмансипации, хотя и не признавали трудностей, с

которыми сталкивались женщины. Хотя публичные заявления Сталина по женским вопросам на первый взгляд были позитивными и привлекательными, вопрос о том, соответствовали ли его действия его принципам, оставался предметом споров.

Вторая мировая война стоила Советскому Союзу огромного количества жизней, уничтожив целое поколение сильных молодых мужчин, что привело к серьезному дисбалансу мужского и женского населения. Грандиозная индустриализация сделала нехватку рабочей силы очевидной. Советское правительство принимало меры по содействию полному участию женщин в экономике: советские пятилетки увеличивали число женщин в тяжелой промышленности. Советское законодательство предоставляло женщинам равные права и равную оплату труда [2]. Женщины принимали активное участие в военных действиях, участвовали в агропромышленном комплексе и играли активную роль в процессе восстановления послевоенной советской экономики. В 1943 году женщины составляли 57% несельскохозяйственной рабочей силы, в 1945 году – более 80% рабочей силы в колхозах [6]. Но, в конце концов, именно война с фашистской Германией имела далеко идущие экономические последствия: СССР решил мобилизовать все возможные ресурсы для победы в войне, и женщинам пришлось выполнять тяжелый физический труд вместо мужчин.

Великая Отечественная война привела к большим потерям мужчин как рабочей силы, марксистская доктрина гендерного равенства оказалась чрезвычайно эффективным инструментом советской политики. Государство требовало, чтобы женщины работали в черной металлургии: к 1944 году женщины составляли 40% рабочей силы, что на 15% больше, чем в 1939 году. Женщины составляли 30–40% рабочей силы на нефтепромыслах, а на некоторых шахтах, как с гордостью сообщала советская газета «Правда», женщины составляли большинство шахтеров. Женщины стали сварщиками, строителями, грузчиками и уборщиками [4]. Сегодня нет никаких сомнений в том, что советская экономика не была бы мужественной без труда женщин. Тот факт, что к 1959 году женщин было на 20 миллионов больше, чем мужчин, свидетельствовал о тяжелых потерях войны. Женщины составляли половину рабочей силы и были вовлечены в наиболее сложные и ответственные виды деятельности. Например, к 1954 году половину работников машиностроения и электротехники составляли женщины. Женщины составляли 64% машинистов, 70% операторов башенных кранов и 42% машинистов локомотивов [15].

В послевоенном Советском Союзе большинство женщин все еще занимались физическим трудом. Женщины, в основном неквалифицированные, выполняли часть ручного труда в колхозах и совхозах, особенно менее привлекательные сельскохозяйственные работы. Например, в период с 1947 по 1959 год женщины составляли более 90% птицеводов, пастухов и работников молочной промышленности, в то время как доля женщин среди промышленных и административных работников составляла лишь 21%. В общественном транспорте 57% водителей метро, трамваев и троллейбусов составляли женщины [8, р. 174–177].

Женщины также играют важную роль в системе образования. Они составляют большинство учителей начальных и средних школ, в то время как доля женщин в академических кругах значительно ниже. К концу 1956 года женщины-профессора, доценты и заведующие кафедрами составляли 41%, доля женщин среди руководителей институтов, деканов и других высоких академических должностей составляла всего 15%. В целом меньшая доля руководящих должностей, занимаемых женщинами, была очень заметна [15].

В Советском Союзе у женщин была двойная задача. Они должны были работать наравне с мужчинами на фабриках и в полях, а вернувшись домой, проводить по несколько часов в день в бесконечных очередях в магазины. «Женщины должны были готовить и убирать, потому что советские мужчины (чтобы сохранить свою мужественность) отказывались делиться домашними обязанностями» [11]. В новой советской культуре гендерное равенство и уважение к женщинам разваливались на части; поэтому повседневная жизнь и существующая реальность Советского Союза оставались оторванными от коммунистической идеологии.

Ясно, что большевистские лидеры изначально имели в виду другие идеи. В своей речи, произнесенной на IV Московской городской конференции беспартийных работниц 23 сентября 1919 года, Ленин говорил: «Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина» [3]. Тем не менее женщины оставались в подчиненном положении и до, и после смерти Ленина. Действительно, в каком-то смысле положение многих женщин, возможно, даже ухудшилось, поскольку большинство женщин взяли на себя «двойное бремя», выполняя как домашнюю, так и общественную работу. 1930-е годы ознаменовались мощной волной индустриализации в СССР. В 1930 году партия развернула

крупную кампанию по привлечению женщин к трудовой деятельности: в четыре раза больше женщин пошло работать в промышленность, чем в 1929 году. В период с 1929 по 1935 год почти четыре миллиона женщин получили оплачиваемую работу, из них 1,7 миллиона – в промышленности. К 1935 году они составляли 42% промышленной рабочей силы. Государственные плановики бюрократически реорганизовали разделение труда между полами в различных отраслях деятельности, следуя заранее установленным нормам [9].

В 1920-е годы коммунистические активисты, как мужчины, так и женщины, выступали за равенство полов во всех сферах общественной и частной жизни. Получив статус наемного работника, женщины получают реальную экономическую независимость от своих мужей и семей. Таким образом, отношения между полами перестали бы быть отношениями подчинения и превратились бы в отношения, основанные на любви и взаимном уважении. Брачный контракт, институционализировавший экономическое неравенство, больше не понадобится. Мужчины и женщины будут жить в «свободном союзе» и смогут расстаться, когда захотят. У них больше не будет никаких домашних обязанностей или экономических функций, поэтому понятие семьи со временем «исчезнет». В традициях марксистов большевики разработали ряд концепций женской эмансипации. Соответственно, «новая жизнь при социализме должна была преобразовать отношения между полами, в частности дать возможность женщинам полноценно участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами» [1].

Таким образом, одной из главных задач большевистской революции был перевод семейных дел из частной сферы в общественную, «освобождение» женщин от семейного труда. Для этого, прежде всего, необходимо освободить женщин от домашних обязанностей, передав их в общественную сферу. Коллективные прачечные, детские сады и коммунальные кухни, где женщины работали за зарплату, должны были взять на себя те задачи, которые ранее выполнялись ими дома без какого-либо вознаграждения. Вот что писала народный комиссар благосостояния А. Коллонтай: «вместо того чтобы трудящаяся женщина боролась со стиркой и проводила последние свободные часы на кухне за приготовлением обеда и ужина, коммунистическое общество организует общественные рестораны и коммунальные кухни» [1].

Гражданский кодекс 1918 года отменил религиозные браки и потребовал проведения гражданских церемоний для того, чтобы получить юридический статус супружеской пары. Незаконнорожденным детям

предоставлялись те же права, что и законнорожденным [13]. Развод, немислимый в царской России, можно было легко получить по совместному заявлению супругов. Однако оказалось, что менталитет изменить не так легко, как законодательство. Действительно, радикализм 1920-х годов против семейных и гендерных отношений часто преувеличивался. Ленин и другие члены партии считали семью, прежде всего, ключевой социально-экономической ячейкой. Советские ученые считали, что в то время, когда государство не располагало достаточными ресурсами для обеспечения благосостояния своих граждан, семья должна была играть важную роль в этой области. Более того, к концу 1920-х годов отношение населения и даже коммунистических активистов к женскому вопросу изменилось. Население выражало своеобразную усталость на фоне различных социальных экспериментов, в том числе затрагивавших семью и частную жизнь отдельных людей. Различные формы распада семьи воспринимались большинством населения как социальное зло и моральный хаос. Нестабильность профсоюзов осложняла жизнь женщин. Все большее число женщин призывают к ужесточению законов, защищающих браки.

Общественные дебаты о дискриминации женщин прекратились после 1933 года. Во всяком случае, после 1934 года не осталось ни одной организации, которая была бы заинтересована в изучении проблем, с которыми сталкиваются женщины на рабочем месте. В том же году был распущен «Комитет по улучшению условий жизни и труда работающих женщин» [12, р. 5–6]. 1930-е годы также ознаменовались поворотным моментом в семейной политике. В результате падения рождаемости и медленного роста населения Советское государство ввело политику, направленную на поощрение людей к рождению детей. В языке политических лидеров и юристов появилось новое понятие – «крепкая социалистическая семья», представленная как базовая ячейка, необходимая для строительства социализма и характеризующаяся стабильным браком, высокой рождаемостью и укреплением родительского авторитета. «Новые советские женщины» потеряли свои права на собственное тело из-за своей роли матерей или потенциальных матерей. Был нарушен феминистский принцип свободы в 1936 году, когда аборт был запрещен, а развод стал более трудным и дорогостоящим. Советская женщина была «матерью и гражданкой», неся ответственность за рождение и воспитание следующего поколения граждан, и в то же время являясь частью рабочей силы. На помощь матерям были направлены различные меры, например, ужесточение взыскания алиментов на содержание детей и увеличение пособий многодетным семьям. Укрепление семьи

рассматривалось как шаг к нормальной жизни после неизбежного шока первых послереволюционных лет.

После того как лишены советские женщины ряда основных прав, не прекращалось использование массивной пропаганды для создания и продвижения желаемого образа женщины. Поэтому была разработана политика поощрения многодетных семей, и в 1944 году Президиум Верховного Совета СССР учредил почетное звание и орден «Мать-героиня». Почетное звание «Мать-героиня» присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей [5]. Анализируя положение женщин в советское время, российские социологи выделяют 1930-е годы как период заключения «основного контракта между полами в советском обществе», который они характеризуют как контракт «работающей матери», обязанной одновременно взять на себя полный рабочий день, воспитание детей и организацию повседневной жизни. Принимая во внимание тот факт, что жилищные условия и обеспеченность товарами не улучшались, рост числа рождений означал в то же время увеличение трудностей повседневной жизни для женщин. Следовательно, несмотря на риск, которому подвергаются как женщины, так и врачи, нарушая закон, число подпольных абортвов возросло [12].

Пронаталистская и просемейная пропаганда 1930-х годов способствовала формированию образа женщины как строительницы социализма. Советские лидеры восхваляли женщин в публичных выступлениях и в прессе за их чувство самопожертвования и сопротивления. В официальных речах они представлялись как столпы семьи. Рабочие и сельские женщины сталкивались с особыми трудностями в решении повседневных проблем. Время, потраченное на преодоление этих трудностей, не позволяло им активно участвовать в общественных организациях или партийной деятельности. Таким образом, доля женщин в комсомоле, составлявшая в 1935 году 34%, более чем вдвое превышала число женщин в партии, поскольку комсомольцами были в основном молодые и незамужние женщины [6].

Объективация женщин очевидна в официальных речах и письмах советских руководителей. Они выражали заботу о развитии женщин, в реальной жизни женщины становились полноправными членами общества, реализовавшими свои права в повседневной жизни. По данным переписи населения 1913 года, 83% женщин в России не умели даже читать и писать. «Из оставшихся женщин почти все принадлежали к высшему классу, и вполне вероятно, что большинство из них были сосланы во время революции. Соответственно, сразу после революции доля грамотных женщин упала примерно до 5%» [10]. Советская власть внедряла идею гендерного

равенства, истинной целью которой было привлечь как можно больше женщин к обязательному труду вне семьи, то есть использовать женский труд и энергию. Внеэкономическое принуждение заключалось в формировании идеологии физического и экономического равенства.

В Советском Союзе Коммунистическая партия играла незаменимую ведущую роль, поскольку была основой реальной политической властью. Хотя около 20% кандидатов от Коммунистической партии составляли женщины, высшие посты в партии по-прежнему занимали мужчины [8, р. 213]. Такая ситуация объяснялась несколькими факторами. Очевидно, что отношение мужского превосходства сохранялось по мере того, как мужчины получали больше образования и подготовки и занимали лучшие должности. Объяснение того, что женщины не тратят всю свою энергию на работу и в основном заняты заботой о семье, на самом деле является не более чем простой попыткой оправдать дискриминационное обращение, которое приводило к тому, что женщины в основном задействованы были в средних и низших звеньях власти.

Многие женщины активно участвовали в местных и региональных мероприятиях. Женщины были более политически активны вблизи дома из-за того, что конфликт между экономическими, семейными и политическими ролями был наименее вероятен в этом пространстве, и поэтому близость к дому давала женщинам возможность для некоторой политической активности. Например, женщины составляли 49% депутатов сельских, городских, районных и областных советов, в то время как их представительство на уровне союзной республики снизилось до 35%, а в Верховном Совете – всего 32% [6].

Интересно отметить, что женщины составляли треть секретарей первичной организации партии и только 4% городских и районных секретарей партии. Выше этого уровня женщины практически отсутствовали в партийной элите [7]. Хотя доля женщин в Коммунистической партии с годами выросла, женщины по-прежнему недопредставлены на руководящих должностях в партии. Для тех женщин, которые вошли в партийную и правительственную элиту, их карьера, как правило, отличалась от карьеры их коллег-мужчин. В то время как люди в региональной элите отбирались и назначались из-за пределов региона, позже они уже были успешно назначены на различные посты в одном и том же бюро. Женщины представляли местных жителей и не переводились снизу вверх, поэтому их профессионального роста и продвижения на руководящие должности не происходило. Более того, назначение женщин часто носило символический характер.

Вся сложность и противоречивость культурного проекта женской эмансипации выявилась в процессе расширения участия женщин в принятии политических решений, и особенно в ходе деятельности так называемых женотделов. Женотдел был женской секцией КПСС, которая оказалась единственным механизмом политической деятельности женщин с 1919 до начала 1930-х годов. Женотдел был создан для повышения политической осведомленности женщин и поощрения их участия в общественной жизни. Женотдел, стремившийся защитить женщин и их интересы, впоследствии неоднократно подвергался нападкам большевистских властей. Хотя какое-то время эта организация была независима от партии, вскоре она была упразднена. Одна из руководителей женотдела А. Коллонтай заявила: «здесь, в Москве, еженедельно проходят собрания женщин-делегаток от крупных заводов. Но женщин поощряют посещать все политические собрания и работать вместе с мужчинами и наравне с ними» [10, р. 36]. Отмена Женотдела была основана на идее, что женщине пора продвигаться вперед не как женщине, а как работнице, как развитому и полноценному члену общества. Женотдел был не единственной «жертвой» властей, так как к тому времени ряд женских организаций прекратил свое существование. Единственной уцелевшей женской организацией был «Комитет Советских женщин» (преемник Антифашистского Комитета советских женщин), который в основном занимался борьбой с нацистами за рубежом. Свое решение об упразднении женотдела Сталин обосновывал тем, что «женский вопрос» уже решен, дискриминации женщин больше нет, а значит, нет и необходимости в женских отделах. Однако после упразднения в 1929 году «Женских отделов» под эгидой профсоюзов была создана «специальная комиссия по делам женщин на местном и региональном уровнях». Точно так же на заводах и фермах создавались так называемые «женские советы», связанные с местными партийными комитетами, задачей которых была мобилизация женщин по волнующим их вопросам. Хотя эти организации не были независимыми женскими организациями, в то время они предлагали женщинам некоторые ограниченные институциональные каналы для обсуждения женских проблем и продвижения своих интересов.

Список литературы и источников

1. Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. Москва-Петроград: Коммунист. 1918. 24 с.
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936

г.) // Сайт «Конституция РФ». – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

3. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе. Москва: Политиздат, 1978. С. 97–103.

4. Правда. 1919. № 213.

5. «Президиум верховного совета СССР принял первый указ «О присвоении многодетным матерям почетного звания “мать-героиня”» // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/history/619668>

6. Buckley M. Women in the Soviet Union // *Feminist Review*. 1981. № 8. Pp. 79–106.

7. Darbaidze E. Niparishvili T. The Status of Women in the Soviet Union // *Journal of Geography, Politics and Society*. 2023. №13 (1). Pp.1–10.

8. Dodge N. Women in the Soviet Economy: Their Role in Economic, Scientific, and Technical Development. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966. 331 p.

9. Goldman W., Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin’s Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 294 p.

10. Hutton M. Resilient Russian Women in the 1920s & 1930s. Lincoln, 2015. 434 p.

11. Liu C.M., Stalin’s New Soviet Woman // *Sociology Mind*. 2019. № 9. Pp. 247–257.

12. Mespoulet M. Women in Soviet society: Cahiers du CEFRES N 30, Le communisme à partir des sociétés – Communism from the viewpoint of societies // Cahiers du CEFRES, Centre Français de Recherche en Sciences Sociales (CEFRES), 2006. Pp.7.

13. Original Family Law of the RSFSR // Seventeen Moments in Soviet History. URL: <https://soviethistory.msu.edu/1917-2/the-new-woman/the-new-woman-texts/code-of-laws-concerning-the-civil-registration-of-deaths-births-and-marriages/>

14. Racioppi L. O’Sullivan K. Organizing Women before and after the Fall: Women’s Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia. *Signs*, 1995. № 20 (4). Pp. 818–850.

15. Schuster A. Women’s Role in the Soviet Union: Ideology and Reality // *The Russian Review*. 1971. № 30 (3). Pp. 260–267.

16. Stites R. Zhenotdel: Bolshevism and Russian Women, 1917–1930 // *Russian History*. 1976. № 3. Pp. 174–193.

17. Usha K.B. Political Empowerment of Women in Soviet Union and Russia: Ideology and Implementation // *International Studies*. 2005. № 42 (2). Pp. 141–165.

Содержание

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Безгин В. Б.</i> Молодежь российского села в аграрном движении первой четверти XX века	3
<i>Бредихин В. Е.; Якимов К. А.</i> Научное наследие А. А. Слезина (1964-2023): очерк ювенальной историографии	9
<i>Кондрашин В. В.</i> Сергей Альбертович Есиков – историк русской деревни	28
<i>Муравьева И. И.</i> Путь в науку А. А. Слезина и об опыте сотрудничества ГАСПИТО с кафедрой «История и философия» ТГТУ	50
АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX В.)	
<i>Долгих А. Н.</i> Проблема подготовленности отмены крепостного права в России в первой половине XIX века	60
<i>Кайряк А. А.</i> Немецкие колонии и вопрос землевладения во второй половине XVIII – первой половине XIX в.	67
<i>Канищев В. В.; Мизис Ю. А.</i> Новейшие исследования по аграрной истории Тамбовского региона XVII-XIX вв.	75
<i>Самохин К. В.</i> Социально-экономические и ментальные процессы в Тамбовской губернии периода Первой мировой войны в научном наследии С. А. Есикова	84
<i>Фролов С. А.</i> Становление системы ипотечного кредитования земли Крестьянским банком в пореформенной России в конце XIX века (на примере Тамбовского отделения)	92
<i>Шайдуров В. Н.</i> Немецкие колонии и «Великие реформы» (на примере Санкт-Петербургской губернии)	99
<i>Щербакова И. К.</i> Крестьянский мир накануне первой русской революции: стаби- лизация политического режима или необходимость трансформа- ции российской деревни?	104

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

<i>Косенков И. А.</i> Создание и становление колхозов Рассказовского района Тамбовской области в 1928–1939 гг.	110
<i>Кротова Т. А.</i> Крестьянство и власть: 1930-е годы	119
<i>Николашин В. П.</i> Тамбовская деревня после антоновского восстания: ключевые мероприятия и способы её «умиротворения»	123
<i>Никулин В. В.</i> Продналог или продразверстка. К проблеме социально- экономических условий проведения продналоговой кампании 1921–1922 гг.	129
<i>Овчинникова Н. А.</i> Материалы личных фондов Государственного архива Вологодской области о молочном животноводстве XX в.	136
<i>Петришина И. Д.</i> Хуторское крестьянское хозяйство в условиях системной транс- формации 1917–1922 гг.	144
<i>Рубан Н. Б.</i> Первая сельскохозяйственная коммуна из Америки как экспери- мент образцового ведения хозяйства	150
<i>Саблин В. А.</i> Технологии производства вологодского масла в 1930-е годы: рождение знаменитого бренда	156

ЮВЕНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Вязинкин А. Ю.</i> Проблема «поколенческого разрыва» в советской деревне 1920-х годов в работах А. А. Слезина	162
<i>Дик А. А., Фролова Т. Е.</i> Создание нового журнала для христианской молодежи русского зарубежья 1920-1930-х годов, выработка концепции . .	167
<i>Мишков Р. А.</i> Инклюзивное образование детей немецких ремесленников Санкт-Петербурга в 1860-х –1870-х гг. на примере Императорского училища глухонемых Ведомства учреждений императрицы Марии	176

<i>Поповичева М. В.</i> Тамбовская периодическая печать в конце XIX – начале XX века как исторический источник по изучению преступлений против интересов несовершеннолетних	185
<i>Сафонов Д. А.</i> «Сверстники революции» в поколении «революционного перелома»	193

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ОТ ЗЕМСТВА К СОВЕТАМ

<i>Двухжилова И. В.</i> Столыпинское землеустройство в оценке тамбовских губернских земских гласных	202
<i>Красников В. В.</i> Организация органов советской власти в Тамбовской губернии и проблемы реализации их властных полномочий в первые годы советской власти	211
<i>Савинова Т. А.</i> Тамбовская земская статистика и её глава Н. Н. Романов	216

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Белова Ю. А.</i> Роль благотворительных организаций в формировании социально-медицинских условий для незащищенных категорий населения в Тамбовской губернии во второй половине XIX века	224
<i>Кабытов П. С.; Баринова Е. П.</i> Рецензия на сборник документов и материалов «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.)»	230
<i>Коницев А. Р.</i> Просветительская политика на селе в первые годы советской власти в контексте микроисторического подхода	238
<i>Шитова А. А.</i> Формализация работы с молодежью в СССР и ее последствия	247

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

<i>Протасова О. Л.</i> Сибиряк как этнокультурный тип (в оценке идеологов областничества и неонародничества конца XIX – начала XX в.)	252
<i>Чаплыгина Н. И.</i> Культура прошлого и модернизационные процессы в России	261

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

<i>Агарев А. Ф.; Рындина Т. В.</i> Социально-экономические условия патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны в Рязанской области	267
<i>Безнин М. А.; Димони Т. М.; Димони К. О.</i> Англоязычные авторы о сфере трудовых отношений в советской России первой половины 1930-х гг.	273
<i>Дробжева Г. М.</i> История одной Всесоюзной научной конференции	282
<i>Коровин Р. В.</i> Участие молодых курских железнодорожников в оборонно-массовой работе (1930-1940-е годы)	295
<i>Ушакова Е. А.</i> Антисоветские настроения в Тамбовской губернии в середине 20-х годов XX века (по документам Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области)	304
<i>Щупленков Н. О.; Щупленков О. В.</i> Права женщин и их положение в советский период 1918–1953 гг. в западной историографии	310

Научное издание

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ РОССИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–XX века

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
памяти профессоров ТГТУ С. А. Есикова и А. А. Слезина

Макетирование И. В. Двухжиловой
Дизайн обложки О. И. Слезиной

ISBN 978-5-8265-2782-5

Подписано в печать 13.06.2024.
Дата выхода в свет 26.08.2024.
Формат 60 × 84 / 16. 18,8 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. (1-й з-д 40) Заказ № 15

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, к. 14.
Телефон (4752) 63-81-08.
E-mail: izdatelstvo@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО
«ТГТУ» 392008, г. Тамбов, ул. Мичуринская,
д. 112А
E-mail: tipo_tstu68@mail.ru